Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 47

МАТЕРИАЛЫ
научно-музейных чтений
в Государственном Пушкинском Заповеднике
(2008 год)

2008

Замеченные опечатки		
Стр., строка	*Напечатано*	*Следует читать*
с. 224 3-я сверху	Ротер I для Вальтера Копмана	Ротер I после Вальтера Копмана
с. 224 8-10-я сверху	принадлежащее Вальтеру Копману-мастеру или владельцу мастерской	принадлежащее Леонарду Ротеру альдерману
с. 224 19-я сверху	В 4-м томе на странице	Во 2-м томе на странице
с. 225 3,4-я сверху	мастер или мастерская Вальтера Копмана (?). Альдерман Леонард Ротер	мастер и альдерман Леонард Ротер

Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ
Федеральное государственное учреждение культуры
«Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское» (Пушкинский Заповедник)»

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 47

МАТЕРИАЛЫ

XI Февральских научно-музейных чтений
памяти С.С. Гейченко
(к 105-й годовщине со дня рождения)
«Наука в музее: традиции, инновации, перспективы»

и Михайловских Пушкинских чтений
к 184-й годовщине приезда А.С. Пушкина
в северную ссылку
и 250-летию со дня рождения
Арины Родионовны Яковлевой
«Наперсница волшебной старины»

Сельцо Михайловское – Псков
2008

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1
М 341

Серия основана в 1996 году.

Материалы XI Февральских научно-музейных чтений памяти
М 341 С.С. Гейченко (к 105-й годовщине со дня рождения) «Наука в музее: традиции, инновации, перспективы» и Михайловских Пушкинских чтений к 184-й годовщине приезда А.С. Пушкина в северную ссылку и 250-летию со дня рождения Арины Родионовны Яковлевой «Наперсница волшебной старины»: [Сб. ст.]. – Сельцо Михайловское; Псков, 2008. – 248 с. – (Серия «Михайловская пушкиниана»; вып. 47).

ISBN 978-5-94542-236-0

В очередной выпуск «Михайловской пушкинианы» включены доклады и сообщения, сделанные участниками научно-музейных чтений в Государственном Пушкинском Заповеднике в 2008 году. Также в сборник вошли отдельные статьи сотрудников заповедника «Михайловское», подготовленные по итогам их научных изысканий.

ББК 83.3 (2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-94542-236-0
(ГП ПО «Псковская областная типография»)

© Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», 2008
© Оформление. ГППО «Псковская областная типография», 2008

Настоящий выпуск «Михайловской пушкинианы» представляет заинтересованному читателю материалы двух традиционных и притом очень разных музейных конференций. В первом разделе сборника собраны доклады XI Февральских музейных чтений памяти С.С. Гейченко (к 105-й годовщине со дня рождения) «Наука в музее: традиции, инновации, перспективы» и стенограмма «круглого стола» «Музей и наука», прошедшего в рамках этих чтений. Февральские чтения, посвящённые памяти легендарного директора Пушкинского Заповедника Семёна Степановича Гейченко (1903–1993), ставят своими задачами обобщение музейного опыта, выявление перспективных направлений научной и музейно-практической деятельности, обмен опытом с коллегами из других литературных музеев, наконец, привлечение внимания самых широких слоев общества к такому феномену, как музей.

Выбор темы Февральских чтений 2008 года был обусловлен тем, что проблема существования науки в музее в последнее время встаёт перед музейщиками с особенной остротой. Всё чаще, вызывая тревогу, звучат мнения, что научная деятельность для музея не является приоритетной, что музеи должны постепенно трансформироваться в культурно-досуговые учреждения. С другой стороны, нельзя не заметить, что за последние десятилетия возрос авторитет музея как исторического источника и всё больше людей приходят сюда, чтобы узнать, «как всё это было на самом деле» не из книг, не по картинкам, а на основе конкретных экспонатов и музейных реконструкций. Наконец, социально-экономические перемены в обществе, ощутимый процесс глобализации приводят к тому, что и в таком консервативном, по сути, учреждении, как музей, всё наще звучат слова «менеджмент», «маркетинг», «интерактивная экспозиция», «музейная педагогика». Вопросы о том, новые ли это научные дисциплины или актуальные музейные технологии и какова судьба науки в современном музее, и были предложены участникам чтений. В их обсуждении приняли участие представители Министерства культуры Российской Федерации и Общественного фонда по содействию развитию культуры и искусства, директора, заместители директоров и заведующие отделами различных музеев, преподаватели санкт-петербургских вузов, представляющие кафедры, ориентированные на подготовку историков-регионоведов и музейных практиков, а также учёные, ведущие сотрудники научно-исследовательских институтов, чья деятельность находится в прямой связи с решением музейных научных задач. Отметим, что в формате музейной конференции это был первый разговор на столь важную в современных условиях тему.

Традиционно, уже более полувека, в августе музей проводит Михайловские Пушкинские чтения, приуроченные к дате приезда поэта в северную ссылку. Выбор названия для нынешних чтений – «Наперсница волшебной старины» – объясняется тем, что в этом году исполнилось 250 лет со дня рождения (и 180 лет со дня смерти) няни поэта, Арины Родионовны (1758–1828), а также 190 лет со дня смерти бабушки Пушкина, Марии Алексеевны Ганнибал (1745–1818). Известно, сколь важную роль в формировании личности Пушкина и его судьбе сыграли две эти женщины, их черты мы различаем в подвижном образе пушкинской музы. Однако разговор при этом не сводится к вопросам только пушкинской биографии, хотя она и служит отправной его точкой. И сочетание слов «Пушкин и няня» продолжает действовать силой примера удивительных и трогательных человеческих отношений. Словом, тема, заявленная в названии чтений, несмотря на кажущуюся простоту и изученность, по-прежнему вызывает интерес.

На Михайловских чтениях речь всегда шла главным образом о пушкинском творчестве, о преломлении жизни в гранях магического кристалла искусства. Нынче мы говорим также и о наследовании великому поэту, о традициях семейного воспитания, шире – о преемственности как факте культуры и факторе развития человека и общества. В настоящий сборник вошли статьи учёных из Москвы, Петербурга, Подмосковья, Воронежа, Пскова, Великих Лук, Казахстана. Здесь же представлены обширные мемуары Натальи Григорьевны Жиркевич-Подлесских, как раз и являющей собой живой пример хранителя и продолжателя старинных семейных традиций, ценность которых в нашем Отечестве вновь становится чрезвычайно актуальной.

В третьем разделе сборника помещены исследования сотрудников Пушкинского Заповедника, служащие своеобразным подтверждением и правомочности, и необходимости научного направления деятельности музея.

Ирина Парчевская,
начальник отдела организации научной и экспозиционной работы

I. Материалы XI Февральских научно-музейных чтений памяти С.С. Гейченко (к 105-й годовщине со дня рождения) «Наука в музее: традиции, инновации, перспективы»

Тамара Гудима

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И МУЗЕЙНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В наше сложное время, когда определяющим фактором развития являются изменения, а не стабильность, в любой серьёзной научной дискуссии важно договориться о категориальном аппарате, основном содержании понятий, которыми мы будем оперировать в разговоре. Сегодня многие понятия употребляются в столь разных значениях, что понять друг друга становится практически невозможным.

Так, есть два понятия: «наука в музеях» и «наука о музеях». Первое включает в себя совокупность исследований в самых различных областях знаний: исторических, археологических, филологических, лингвистических, экологических и других. Это ярко проявляется в программах научных конференций, которые проводят в музеях. Как правило, в них участвуют представители самых разных наук. Так, в музее-заповеднике «Изборск» в конференции по теме «Изборск и его округа» (2002 год) участвовали археологи, историки, этнографы, фольклористы, географы, лингвисты, ботаники, экологи.

Когда же речь идёт о «науке о музеях», предметом исследования является состояние, динамика развития и перспективы такого феномена культурной жизни, каким является музей, и в этом значении наука о музеях – неотъемлемая часть культурологического знания, тесно связанная с развитием культурологии как науки.

Вопрос о содержании и месте культурологии в системе наук относится сегодня к числу остро обсуждаемых. В последнее время дискуссии снова обострились, в том числе и по вопросу места культурологии в системе образования.

С тех пор как известный американский философ Лесли Уайт первым провозгласил необходимость выделения культурологии в специальную научную дисциплину, прошло почти два века. Эта позиция находила своих последователей, получала всё новые и новые аргументы в свою защиту.

Самые убедительные аргументы следующие:

• Есть много наук о культуре, о её формах, накоплен большой объём знаний. Культурология же определяет *смысл* культуры, её роль в общественной жизни.

• Культурология даёт интерпретацию взаимоотношения человека и природы.

• Культурология определяет культуру как *целостность*. Это теория культуры, для которой отдельные науки о культуре (в том числе музеелогия, музееведение, музеезнание) являются кладовыми знаний, часто взаимоисключающих и противоречивых.

• Культурология изучает культуру как сложный системный объект. Её цель – выявление и изучение закономерностей: соотношение общего и особенного, традиций и новаторства, устойчивости и изменчивости и так далее.

• Культурология выполняет мировоззренческую функцию, то есть формирует и предлагает ценностные ориентиры. Именно этой своей частью культурология как наука тесно связана с человеком, отвечая на самые актуальные для человека вопросы: кто я? зачем я? как я связан с миром и другими людьми? в чём счастье? – и так далее.

В современных условиях все эти вопросы приобретают особый смысл в силу того, что сейчас социальный цикл (жизнь человека) не вмещается в границы одного культурного цикла, как это было раньше. Воспринимая культурные традиции от своих родителей, дедов и бабушек, люди почти неизмененными передавали их своим детям и даже внукам. Сейчас человек в рамках одной жизни переживает несколько культурных этапов (от перьевой ручки с чернильницей до персонального компьютера).

Возникла опасность утраты представления о собственной культурной идентичности. Противодействовать этому способна культурология.

Исходя из сказанного, определим культурологию как систему научного знания, стремящуюся осмыслить мир культуры как единое целое, проясняющее смысл человеческого бытия и историческое предназначение человека.

Зачем представителям наук о различных направлениях и формах культуры обращаться к культурологии, где протекают линии взаимодействия?

Прежде всего, культурология предлагает всем наукам о культуре разработанный категориальный аппарат, то есть ответ на вопросы: что есть культура? каково строение культуры? какие функции выполняет культура? каковы законы её развития? – и так далее. Культурология сформулировала смысл понятий: цивилизация, культурный прогресс, кризис культуры, традиционная, народная, массовая, элитарная культура и многих других. Сейчас разработанный категориальный аппарат культурологии включает более 60 понятий, их можно разделить (по классификации доктора философских наук А.И. Шендрика) на четыре группы:

I. Культура как особый социальный феномен, как целостная система.
II. Своеобразие культурных феноменов.
III. Динамика культуры.
IV. Отношение культуры к другим составляющим объективной реальности.

Но не только для представителей наук об отдельных направлениях и видах культуры важно обращение к культурологии, не менее необходимо для самой культурологии обращение к знаниям этих наук, в том числе к науке о музеях.

Музейное дело в мире и нашей стране развивается интенсивно: появляются новые формы и виды музеев, более многофункциональной становится их деятельность, принципиально меняется качество кадров, иной становится роль музеев в жизни общества. Все эти процессы находят отражение в науке о музеях.

Часто бывая в разных музеях нашей страны, не устаю удивляться их многообразию. В городе Тотьма Вологодской области с населением порядка десяти тысяч человек – 18 разных музеев, объединённых в единую организацию. Создатели всех музеев – люди, живущие в этом городе и округе. Один из самых интересных и трогательных музеев – музей морских династий. Тотьма расположена далеко от морей, но этот город воспитал знаменитые династии корабелов, бороздивших моря и океаны. И жители города гордятся этим, собирая и экспонируя материалы о судьбах и плаваниях своих земляков.

В России более 130 музеев-заповедников, которые по содержанию своей деятельности давно вышли за функциональное определение музея в законе «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» и в других документах. Реально они стали основой жизни и развития целых регионов. Есть музеи государственные, общественные, корпоративные, частные. Многообразие музейных организаций снова поставило в повестку дня вопросы: что такое музей? как его определить? каковы его основные функции?

В ответе на эти вопросы свою роль должна сыграть наука.

Есть достаточно оснований считать, что в последние годы значение науки о музеях и науки, существующей и развивающейся в музеях, возросло. К ней

проявляется интерес, и одно из подтверждений этого – авторитет и значимость музейных научных конференций.

Особая ценность музея в том, что он является едва ли не единственным местом, где можно соприкоснуться с *подлинным* миром ушедшей реальности, а потому только он защищает от опасности жить среди репродукций и телепередач. Именно научные исследования музейных работников создают необходимую источниковую базу для всех других научных исследований. Первый уровень, фиксирующий результаты музейных исследований, – музейная документация, каталоги. Музейные исследования не заканчиваются на этом, но в дальнейшем изучении того или другого объекта заметно проявляется специфика подхода историка, филолога, с одной стороны, и музейного работника, с другой. Для музейного работника важно определить место объекта в экспозиции, его выразительные возможности с учётом специфики музейного восприятия.

Специфика музейных исследований проявляется в их содержании, в определении результатов. И вместе с тем, при всей ценности полученных конкретных результатов исследования памятников эпохи, подлинников, документов, эти результаты могут приобрести настоящую научную ценность только в соединении с научной концепцией эпохи, времени, процесса.

В ходе перестройки (90-е годы XX века) получили широкое распространение тенденции, утверждавшие, что концептуальной базы развития общества нет, что она оказалась ложной и развалилась. Такие позиции оказали разрушительное влияние на качество музейных экспозиций, особенно в краеведческих и исторических музеях. Упреки были адресованы, прежде всего, историкам, которые оказались не в состоянии предложить научную концепцию истории, а без неё музейные экспозиции стали строиться как совокупность источников и предметов того или другого времени с явным акцентом на документы, ранее неизвестные и желательно сенсационные. Снова повторилась типичная ошибка прошлых лет: односторонность показа, стремление стереть память о «нежелательных» личностях и событиях.

Только в единстве музейных исследований с наукой – залог создания достойной музейной экспозиции, подготовка которой предполагает непредвзятый анализ источников, выявления существенных, определяющих тенденций, взаимосвязь источников друг с другом, то есть всё, что в целом и означает научное воссоздание прошлого.

Елена Лелина, Роман Соколов

МУЗЕЙНЫЙ ПРЕДМЕТ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ КАФЕДРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В июне 2002 года на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета под руководством доктора исторических наук, профессора Ю.В. Кривошеева была создана новая кафедра – исторического регионоведения[1]. В 2007 году кафедра отметила своё пятилетие.

Несмотря на скромную юбилейную дату, профессорско-преподавательский состав кафедры подготовился к подведению определённых итогов и анализу накопленного опыта, его позитивных и негативных результатов. Весомым событием не только в жизни кафедры, но и всего научного исторического сообщества можно назвать проведение Первого Всероссийского съезда историков-регионоведов, который проходил в Санкт-Петербургском государственном университете с 11 по 13 октября 2007 года. Съезд собрал делегатов из различных регионов Российской Федерации. Его работа проходила в режиме восьми секций; в их числе были и те, которые рассматривали вопросы развития современных региональных музеев и экскурсионного дела[2].

Разработка нового «регионального» направления в системе профессиональной подготовки историков на историческом факультете Санкт-Петербургского государственного университета всецело отвечает духу нашего времени. Сегодняшняя Россия – страна регионов, и каждый из них нуждается в изучении – по-настоящему комплексном и всестороннем. В свете потребностей современной отечественной науки, а также динамики политических и экономических процессов, происходящих в Российской Федерации, очевидно: назрела острая необходимость в обновлении кадровой политики. Постепенное внедрение реги-

[1] См.: *Кривошеев Ю.В.* Кафедра исторического регионоведения в Санкт-Петербургском государственном университете: начало и перспективы // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2004. С. 204.

[2] Первый Всероссийский съезд историков-регионоведов. 11–13 октября 2007 года. Программа. СПб., 2007. С. 38–41.

ональной составляющей в вузовскую систему обучения можно назвать первым шагом, предпринятым в этом направлении[1].

Санкт-Петербургский университет является основателем регионоведческого изучения России в рамках отечественной исторической науки в целом[2]. Именно здесь в первые десятилетия XX века знаменитый университетский профессор И. М. Гревс разрабатывал теоретические основы регионально-краеведческого движения, проводил занятия со студентами на основе образовательных экскурсий[3]. В 1930-е годы в Петрограде и Москве успешно работали экскурсионные институты научно-исследовательской направленности[4]. С именем Н.П. Анциферова, ученика И.М. Гревса и тоже петербургского университета, связано последующее развитие отечественного регионоведения. Н.П. Анциферова можно назвать основоположником историко-культурного градоведения[5].

Расцвет краеведения в 1920-е и его закат в 1930-х годах были сопряжены с общими политическими и идеологическими тенденциями в стране. Они привели к тому, что столь важное направление в исторической науке на многие годы было исключено из изучения и преподавания.

Открытие кафедры исторического регионоведения в Санкт-Петербургском государственном университете стало не только знаковым событием сегодняшнего дня, но и фактом восстановления исторической справедливости, научных традиций. Кафедра является выпускающей и уже с первого курса предполагает

---

[1] Например, в Москве в 1996–1997 годах на базе Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета были созданы кафедра региональной истории и краеведения во главе с кандидатом исторических наук В.Ф. Козловым и общеуниверситетский научно-учебный центр исторического краеведения и москвоведения – под руководством академика РАО С.О. Шмидта (*см.: Шмидт С.О.* История, современное состояние и перспективы развития краеведения // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития / Отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2004. С. 18). В Нижегородском государственном университете имени Н.И. Лобачевского кафедра регионоведения, руководимая доктором исторических наук, профессором А.А. Корниловым, создана в 2001 году. Правда, на этой кафедре, в отличие от родственных кафедр в Москве и Санкт-Петербурге, больший акцент при подготовке специалистов-регионоведов приходится на направление «внешнего», зарубежного регионоведения (*см.: Корнилов А.А.* Проблемы и перспективы развития регионоведения в Нижегородском государственном университете // Регионоведение: теория и практика. Н. Новгород, 2007. С. 3, 4).

[2] *Кривошеев Ю.В.* Историки Петербурга в русском краеведении (Г.К. Лукомский, И.М. Гревс, Н.П. Анциферов) // Университетские Петербургские чтения. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб., 2004. С. 618–625.

[3] *Смирнова А.Г.* Роль И.М. Гревса в разработке экскурсионной методики // Петербургские исследования. СПб., 2006. С. 148–163.

[4] *Кривошеев Ю.В.* Историки Петербурга... С. 620.

[5] См.: *Кривошеев Ю.В.* «Весь Петербург мне казался лишь оправой драгоценного камня. Этот камень был Университет». Н.П. Анциферов // Знаменитые университанты: очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета. Т. II. СПб., 2003.

специализацию студентов по двум направлениям: *историческое регионоведение* и *историко-культурный туризм*.

Практически с первого года обучения студенты кафедры знакомятся с такими понятиями, как *музейное образовательное пространство, музейный предмет, вещественный источник*. В этом отношении важнейшую роль в учебном процессе играют исторические музеи Санкт-Петербурга, и прежде всего Музей истории Санкт-Петербургского университета[1]. Ознакомление с экспозиционным фондом музея является обязательным для каждого студента-первокурсника в рамках учебного курса «Введение в специальность». На этих занятиях внимание студентов концентрируется на музейных предметах, размещённых в экспозиции, вырабатываются первые навыки их оценки и анализа как вещественных исторических источников. Студенты определяют аттрактивность, репрезентативность, ассоциативность и информативность музейного предмета. В большей степени студента-историка должна заинтересовать последняя из предложенных оценочных категорий – информативность. В связи с этим кафедра согласна с определением, что научная ценность музейного предмета зависит от его способности служить источником информации по той или иной профильной научной дисциплине и связана со свойством информативности[2]. Историческая ценность предмета определяется отпечатками среды бытования, его «участием» в исторических событиях и процессах[3]. Это позволяет рассматривать музейный предмет как исторический источник и подвергать соответствующему анализу.

Концепция такого подхода в его различных учебно-методических модификациях принципиально присутствует в условиях большинства практических занятий студентов.

Практическому изучению ряда дисциплин и их практической реализации в учебных программах кафедры уделяется пристальное внимание. К таким дисциплинам можно отнести, например: введение в изучение историко-культурного туризма, историю отечественного и мирового туризма, географию отечественного и мирового туризма, основы деловых отношений, методику составления экскурсионно-туристических маршрутов, экскурсионный практикум и основы экскурсионного дела, основы деятельности туристических агентств, психолого-педагогические основы туристической деятельности, экономику туризма, правовые основы туристической деятельности, менеджмент туризма, курс «Информационные технологии и реклама в туризме».

---

[1] *Тихонов И.Л.* 1) Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2005; 2) Музей истории Санкт-Петербургского университета: прошлое и настоящее // Университетские музеи: прошлое, настоящее, будущее. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 300-летию со дня рождения первого ректора университета Г.Ф. Миллера и 60-летию Музея истории СПбГУ. Санкт-Петербург, 17–19 окт. 2005 г. СПб., 2005. С. 98–111.

[2] Основы музееведения / Отв. ред. Э.А. Шулепов. М., 2005. С. 47.

[3] Там же.

Студенты кафедры имеют возможность апробировать полученные знания и навыки во время учебных практик. После первого курса они выезжают на археологическую практику, где соприкасаются с потенциальным музейным предметом в виде извлеченного из земли артефакта. На протяжении нескольких полевых сезонов кафедра организовывала данный вид практики в Хвойнинском районе Новгородской области при помощи и содействии профессионального археолога Н.И. Петрова. Особенно важно, что при этом студенты каждый раз имели возможность ознакомиться с *полным* комплексом археологического исследования, от выбора конкретного места для раскопа и его разметки до подготовки этикетажа находок уже в городских условиях. Подчеркнём, что проведение практики всегда сопровождается чтением лекций (иногда прямо в поле), главной тематикой которых является методика раскопок, правильные и безопасные приёмы работы. Научная ценность археологической находки – будущего музейного предмета – во многом определяется именно научным уровнем проведения раскопок, и студенты убеждаются в этой очевидной для специалистов истине на конкретных примерах. Тем самым удаётся достичь главного: *научить* студентов, а не использовать их лишь как рабочую силу.

Второкурсники зимой проходят архивную практику, знакомясь с организацией хранения и научной обработки массива документального архивного фонда, а летом они участвуют в полевой этнографической практике, которую кафедра в разные годы проводила в Усть-Ижоре, в Краснохолмском районе Тверской области, в Калужской области – на базе Национального парка «Угра». Общаясь с информантами, студенты иногда получают в дар предметы быта, которые могут представлять научную ценность и в перспективе стать музейными экспонатами. Однако и здесь важно надлежащим образом зафиксировать соответствующие данные о происхождении вещи, её владельце и так далее. На помощь опять же приходят регулярные теоретические занятия, сочетание которых с практической деятельностью оказывается чрезвычайно эффективным.

Заканчивая разговор о полевых практиках, необходимо упомянуть о предложенной Н.И. Петровым новой методике их проведения, которую начали внедрять на кафедре в 2007 году. Речь идёт о *комплексном* изучении определённой локальной территории. То есть в одной местности одновременно проводятся археологические и этнографические исследования, главной целью которых является как можно более полное знакомство с историей данного села, деревни и так далее. Таким образом, собранный этнографический материал дополняет данные, полученные при изучении археологического материала.

После зимней сессии студенты третьего курса отрабатывают музейную практику. Несомненная ценность этой практики для формирования профессиональных навыков будущего историка-регионоведа заключается в том, что студентов небольшими группами направляют в малые музеи Санкт-Петербурга. В условиях таких музеев, испытывающих вечный дефицит в грамотных специалистах, они имеют возможность принять участие в реальной серьёзной работе,

объективно оценить фонд музея, историческую значимость его музейных предметов и их экспозиционные возможности...

Профессорско-преподавательский состав кафедры рассматривает современный музей с позиций аккумуляции исторической памяти. Музей регионального уровня в этом ключе представляется своеобразным научно-исследовательским центром региона[1]. В Санкт-Петербурге таким музеем является Государственный музей истории Санкт-Петербурга. Разветвлённая сеть так называемых «малых» музеев, отражающих историю отдельной улицы, дома, квартиры, предприятия, школы, вуза и так далее, органично вписывается в концепцию изучения истории Санкт-Петербурга и Ленинградской области[2].

В настоящее время в активе кафедры насчитывается 14 музеев, с которыми имеются договорные соглашения на основе творческого сотрудничества. К ним относятся музеи государственного значения (например, Государственный музей истории Санкт-Петербурга, Литературно-мемориальный музей Ф.М. Достоевского, Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда), музеи муниципального уровня (например, Музей истории города Павловска), ведомственные музеи (например, Музей «Мир воды Санкт-Петербурга», созданный Федеральным государственным унитарным предприятием «Водоканал Санкт-Петербурга», или Заводской музей пивоварения ООО «Комбинат имени Степана Разина»). Кафедра плодотворно сотрудничает с народным музеем «А музы не молчали» при Санкт-Петербургской средней школе № 235 имени Д.Д. Шостаковича (его экспозиция рассказывает о культурной жизни Ленинграда в годы Великой Отечественной войны; музей существует с марта 1968 года, его фонд насчитывает более 20 тысяч подлинников), с частным музеем петербуржца В.В. Инчика «Комната блокадной артистки» (в музейной коллекции – мебель, одежда, письма, документы, театральные афиши 1941–1945 годов).

С особым вниманием относится кафедра к возможности сотрудничать с музеями, расположенными в отдалённых от Санкт-Петербурга регионах.

---

[1] *Мартынов А.И.* Краеведческий музей как научный центр региона // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л.И. Скрипкина. М., 2001. С. 109–117; *Кишкин И.В.* Провинциальный музей как социальный институт на рубеже веков // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX–XXI веков. С. 106–108; *Мастеница Е.Н.* Регионалистика и проблемы содержания экспозиций провинциальных музеев // Современная историография и проблемы содержания исторических экспозиций музеев. М., 2002. С. 52–58; *Алексеева С.В.* Краеведческие музеи российской провинции: наблюдения и размышления // Проблемы исторического регионоведения / Отв. ред. Ю.В. Кривошеев. СПб., 2005. С. 344–364.

[2] Учреждённый в 2007 году журнал «Музеи Петербурга» с позиций высокого профессионализма знакомит читателей с действующими «малыми» музеями города и одновременно является справочно-информационным источником (Музеи Петербурга. № 01. Декабрь 2007; № 01 /2/. Январь 2008).

В 2006/2007 учебном году впервые была предпринята попытка связаться с двумя из них: с Музейно-культурным центром города Нягань, расположенном в Западной Сибири, в западной части Ханты-Мансийского автономного округа, и с Туапсинским историко-краеведческим музеем имени Н.Г. Полетаева в черноморском городе Туапсе. Студенты третьего курса специализации «историко-культурный туризм» В. Поликарпова и С. Косилов проходили в этих музеях музейную практику. Естественно, выбор музеев был определён тем, что названные студенты являются выходцами из этих мест. Первое сотрудничество с музеями отдалённых регионов дало определённые положительные результаты, однако на сегодняшний день руководство кафедры и её сотрудники не считают нужным и правильным определять абсолютно всех приезжих студентов на музейную практику по месту их проживания. Во время практики за студентами должен осуществляться ненавязчивый, но постоянный контроль со стороны преподавателя, отвечающего за её успешное завершение. Кроме того, на практику студент должен выйти определённым образом подготовленным. Тогда он станет помощником, а не «обузой» для музея и его сотрудников. В течение предшествующего практике семестра студенты прослушивают лекционный курс, связанный с основами музееведения, знакомятся с музейными терминами и понятиями, посещают музейные экспозиции, изучают музейные предметы. По договоренности с музеями, готовыми принять студентов на практику, они предварительно выполняют небольшие музейные задания, которые помогут впоследствии со знанием дела войти в рабочий процесс.

Во время музейной практики студенты кафедры принимают участие в работе с посетителями, в создании экспозиций, обработке фондов, написании научных справок и прочей работе. Опыт показал, что музейные работники вполне удовлетворены их деятельностью и готовы к дальнейшему сотрудничеству с кафедрой.

Студенческая практика не предполагает материального вознаграждения, однако она даёт сторонам возможность присмотреться друг к другу, и уже были случаи, когда бывших практикантов привлекали к серьёзной работе в музее в свободное от занятий время на договорной основе.

Год от года авторитет кафедры в музейной среде Санкт-Петербурга укрепляется. Уже были случаи, когда к кафедре обращались руководители небольших музеев, подбирающих штат молодых способных сотрудников. Они заинтересованно рассматривают не только кандидатуры недавних первых выпускников, но и студентов вечернего отделения.

Летняя сессия для студентов третьего курса завершается экскурсионной практикой, которая проходит преимущественно на площадках крупных музеев Санкт-Петербурга. Это обусловлено тем, что через такие музеи в летний период проходит большой поток посетителей и они действительно нуждаются в активно работающих практикантах. Чтобы экскурсионная практика оказалась действенной, каждый студент готовит определённую экскурсию в течение учеб-

ного года, под консультационным наблюдением преподавателя кафедры и методиста, назначенного просветительским отделом принимающего практикантов музея[1]. Методика подготовки экскурсии включает в себя следующие этапы:

- работа со специальной литературой по теме экскурсии;
- подробное ознакомление с методической разработкой экскурсии и с экскурсионным маршрутом;
- изучение и анализ музейных предметов, входящих в экскурсионный показ;
- посещение специальных методических экскурсионных семинаров;
- написание текста экскурсии;
- фрагментарное апробирование экскурсии на группе, состоящей из однокурсников;
- проведение нескольких пробных экскурсий;
- проведение контрольной экскурсии «на допуск».

В 2005 году в помощь готовящимся к экскурсионной практике студентам на кафедре было выпущено учебно-методическое пособие «Основы экскурсионного дела»[2].

В настоящее время (февраль 2008 года. – ***Ред.***) две группы студентов готовят к экскурсионной практике одну из обзорных экскурсий по Петропавловской крепости и экскурсию по Центральному военно-морскому музею.

Экскурсионная практика помогает студенту приобретать навыки работы с музейной аудиторией, ориентироваться в информационно-образовательном пространстве музея. А в целом погружение в рабочую среду музея помогает кафедре в воспитании патриотических основ в характере и мировоззрении будущего историка-регионоведа, в формировании в нём глубинных понятий исторической культуры и исторической памяти.

---

[1] Преподаватель кафедры, отвечающий за музейную и экскурсионную практику студентов, в течение учебного года ведёт для студентов 3-го курса учебные дисциплины «Экскурсионный практикум» и «Основы экскурсионного дела».

[2] *Лелина Е.И.* Основы экскурсионного дела. СПб., 2005.

Татьяна Степанова

ПЛАН НАУЧНОЙ РАБОТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА АН НА 1941 ГОД

Под руководством Семёна Степановича Гейченко мне довелось работать 17 лет, впоследствии я изучала его письма, записи его выступлений на научных совещаниях, научные статьи, поэтому возьму на себя смелость утверждать, что перед директором не стоял вопрос: «Нужно ли заниматься наукой в музеях?». И даже если бы такой вопрос встал, полагаю, ответом Семёна Степановича было бы: «Нужно!»

С первых лет директорства Семёна Степановича научная работа, которая в основном носила локальный характер, была одним из приоритетных направлений деятельности. В первые послевоенные годы в музее начали комплектовать и научный архив. К сожалению, довоенный архив не сохранился: от него осталось буквально несколько документов.

Попытка проанализировать научно-музейную деятельность Пушкинского Заповедника в предвоенные годы по документам научного архива и материалам документального фонда 20–30-х годов, к сожалению, успехом не увенчалась: тот материал, которым располагает музей, не даёт возможности осуществить подобный анализ. Однако в научном архиве «Михайловского» хранится любопытный документ – «План научной работы Государственного Пушкинского Заповедника АН на 1941 год», который позволяет в какой-то степени понять положение дел в музее в послеюбилейные предвоенные годы. Особый интерес также представляет приложенная к «Плану...» объяснительная записка к смете расходов по Пушкинскому Заповеднику Академии Наук на 1941 год. В этих документах нашли отражение многие стороны деятельности Заповедника.

Итак, прошли юбилейные торжества 1937 года. Началась работа во вновь открытом музее. И, как это нередко бывает после юбилеев, сотрудники Заповедника столкнулись с суровой действительностью: недостаточное финансирование, неукомплектованность кадрами... В 1940 году в штате Заповедника было всего 20 человек, в том числе – только два научных сотрудника.

В исследуемый период Пушкинский Заповедник находился в ведении Пушкинского Дома Академии Наук (с 1933 по 1953 год), и Институт Литературы (ИЛИ) для оказания помощи в научной и экскурсионной работе посылал в командировки своих сотрудников. Но этого было явно недостаточно. Ситуация, кроме того, осложнялась частой сменой директоров Заповедника и заведующих музеем: с 1935 по 1941 год сменились шесть директоров.

Документ выполнен на половинках листов бланков. Текст рукописный, расположен на обеих сторонах (7 листов, 14 заполненных страниц). Бумага пожелтевшая, с фоксингами, чернила фиолетовые. Судя по тому, что в документе много исправлений и нет утвердительной подписи, это черновой вариант «Плана...». Но как раз это обстоятельство и позволяет более полно представить состояние работы в музее. Некоторые правки в данном тексте, а также орфография оригинала сохранены.

«ПЛАН НАУЧНОЙ РАБОТЫ ГОС. ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА АН НА 1941 ГОД.

Основными задачами научной работы Пушкинского Заповедника Академии Наук СССР являются:

Собирание всех материальных ценностей, связанных с пребыванием Пушкина в Михайловском и тщательное наблюдение за ними.

Изучение Михайловского и его окрестностей в их связи с жизнью и творчеством Пушкина.

Популяризация, пропаганда среди широких масс трудящихся творчества Пушкина и русской литературы вообще.

I. Научно-исследовательская работа.

1. Составить опись архива б. Воронической церкви и изучить его. Произвести осмотр Архивов – б. Святогорского монастыря Псковской консистории и др. в Новгороде; б. Вревской церкви в Острове; Литературного Музея, Пушкинского Музея, Центр. Межевого Архива в Москве; Архивов [ИЛИ и др. – слово зачёркнуто] в Ленинграде, Пскове, Опочке, Новоржеве и др.

Приобрести копии важнейших архивных документов для архива Заповедника.

2. Провести в июне-августе мес. собирание фольклора в районе Заповедника (совместно с фольклорной комиссией АН) и приступить к изучению собранного материала.

3. Разработать силами сотрудников Заповедника следующие темы: Пушкин в фольклоре; Природа Михайловского и Онегинский пейзаж; Юбилеи 1899 и 1937 г.г. в Михайловском; Природа Пушкинского Михайловского; Посетители Михайловского.

Все научные работы сотрудников Заповедника обсудить на специальных научных собраниях. (Обсуждение научных работ сотрудников на научных совещаниях практиковалось и Гейченко. – **Т.С.**)

4. Произвести сравнительное изучение планов Заповедника с 1770-х г.г. по 1940 г. с целью точного выяснения характера местности Пушкинского Михайловского и степени ее изменения.

II. Научно-издательская работа.

1. Подготовить к 1 сентября 1941 г. книгу о заповеднике в связи с его двадцатилетием (силами сотрудников Заповедника или ИЛИ).

2. Подготовить и обеспечить изданием путеводитель по Заповеднику.

3. Выпустить 2 листовки-путеводителя – «Домик няни» и «Музей в Михайловском».

4. Обеспечить музей Заповедника необходимым количеством фото-репродукций для продажи экскурсантам (отдельных открыток и комплектов).

5. Подготовить для опубликования в «Пушкинском Временнике» [статьи – слово зачёркнуто] *сообщения: Пушкинский Заповедник в 1941 году, Архивные данные о Пушкинском Михайловском, Пушкин в газете «Пушкинский колхозник» и указанные выше работы сотрудников заповедника, обеспечить регулярное печатание материалов о Пушкине и Михайловском в областной и районной печати.*

III. Научно-музейная и реставрационная работа.

Музей.

1. Произвести [частичное – слово зачёркнуто] *изменение экспозиции за счет увеличения локального материала.*

Приобрести и заказать ряд новых музейных экспонатов.

2. Приступить к организации филиалов музея в Святогорском монастыре (темы – Дуэль и смерть Пушкина, История края) и в б. Воронической церкви, добившись ее передачи Заповеднику (темы – Пушкин и Тригорское, Исторические памятники в окрестностях Михайловского и творчество Пушкина).

3. Организовать выставку – Пушкин в Михайловском – в новом помещении вокзала ст. Тригорская.

4. Подготовить ряд тематических альбомов. Примерные темы: История Михайловского, Пушкин в Михайловском в 1817–1819 г.г., Ссылка Пушкина в Михайловское, Пушкин и обитатели Тригорского, Переписка Пушкина 1824-26 г.г., Пушкин и декабристы, Пушкин под тайным надзором, Пушкин в Михайловском после 1826 года, Дуэль и смерть Пушкина.

5. Детально разработать экскурсию (в нескольких вариантах) по музею и усадьбе в Михайловском.

6. Вести систематический учёт посетителей музея.

Архив.

1. Составить опись архива б. Воронической церкви.

2. Продолжить систематический подбор всех архивных материалов, относящихся к Михайловскому и Пушкину Михайловского периода.

3. [Начать – слово зачёркнуто] *Продолжить систематический подбор всех изобразительных материалов, относящихся к Михайловскому и Пушкину ми-*

хайловского периода (картины, портреты, гравюры, фото, кино, детское творчество и др.). Вести фототеку. Составить систематический каталог всех имеющихся печатных изобразительных материалов с помощью Пушкинского кабинета ИЛИ. (То, что слово *начать* было зачёркнуто и заменено на *продолжить*, указывает на то, что работа эта, вероятно, велась неудовлетворительно. – **Т.С.**)

4. Приобрести набор граммофонных пластинок на пушкинские темы и систематически пополнять его.

5. Продолжить приобретение различных мемориальных ценностей, связанных с Михайловским и Пушкиным михайловского периода. С этой целью произвести обследования ближайших к заповеднику деревень и б. имений.

6. Закончить оборудование фото-лаборатории.

Библиотека.

1. [*Привести в порядок* – слова зачёркнуты] *Составить систематический каталог).* (Тут также уместен предыдущий комментарий. – **Т.С.**)

2. Обеспечить нормальное пополнение библиотеки новыми книгами через библиотеку Ак. Наук, библиотеку ИЛИ, местные торгующие организации.

[*Приобрести книг на... рублей.* – Предложение зачёркнуто].

3. Обеспечить снабжение библиотеки подписными изданиями.

4. Выделить и систематически пополнять литературу о Михайловском и Пушкине михайловского периода.

5. Имеющуюся картотеку – библиографию «Пушкин и Михайловское» довести до 1940 года (с помощью Пушкинского кабинета ИЛИ).

6. Систематизировать газетные вырезки и регулярно продолжить эту работу.

7. Переплести книг на сумму 500 руб.

IV. Работа по научной пропаганде.

1. 6 июня (день рождения Пушкина), 18 февраля (день похорон Пушкина) и 24 августа (день приезда Пушкина в михайловскую ссылку) – провести специальные вечера и др. мероприятия по специальным плана. (Как видим, традиция отмечать эти памятные даты существует и поныне. – **Т.С.**)

2. В Рай. Доме культуры, в колхозах, школах и на предприятиях района провести 20 лекций и литературных вечеров.

3. Организовать Пушкинскую Выставку-передвижку для обслуживания колхозов.

4. Провести 10 бесплатных экскурсий по Заповеднику для колхозников.

5. К 100-летию со дня смерти Лермонтова организовать Выставку в помещении музея и лит. вечер в Рай. Доме культуры.

6. Регулярно проводить работу с учительством района (лит-методич. консультации, лекции, показат. уроки и пр.). Привлечь к этой работе научных сотрудников ИЛИ АН.

7. Организовать Пушкинский семинар для учащихся старших классов. Организовать для них Кружок Друзей Заповедника.

Охватить 100% учащихся старших классов экскурсиями в Музей Заповедник.

Принять участие в работе лит. кружка при рай. газете.

8. Вести систематическую работу на тур. базе в д. Вороничи.

9. Систематически освещать работу Заповедника в центральной, областной и районной газете. Написать не менее 6-и статей, посвящённых Пушкину и Заповеднику.

10. Поддерживать постоянную связь с Пушкинским обществом, Л. О. Союза Сов. Писателей (Ленинградское отделение Союза советских писателей. – ***Т.С.***), *Театром Драмы им. Пушкина.*

11. [*Наладить* – слово зачёркнуто] *вести систематический учет всех проводимых мероприятий.*

В конце страницы дата: *21 янв.1941 г.*

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА К СМЕТЕ РАСХОДОВ ПО ПУШКИНСКОМУ ЗАПОВЕДНИКУ АК. НАУК НА 1941 ГОД.

Представляемая на утверждение Смета превышает установленные контрольные цифры. Это вызвано значительным расширением плана работ Заповедника в 1941 году. Работа Заповедника в 1938 и 1939 году была явно недостаточной, не удовлетворяющей предъявленным к нему, как к учреждению большого культ. и научного значения, требований. Это отмечено особенно при обследовании комиссией Института Литературы Ак. Наук. Необходимо также иметь в виду, что в 1941 году Заповедник перестаёт быть пограничной зоной и должен будет обслужить дополнительно десятки трудящихся. (До Великой Отечественной войны Пушкинский Заповедник находился в пограничной зоне, что затрудняло свободное передвижение по этой территории и въезд осуществлялся по специальным пропускам. – ***Т.С.***)

1. По штатам.

Утверждаемый из года в год штатный контингент Заповедника является явно недостаточным.

Необходимость проведения в 1941 г. ряда срочных работ вызывает острую необходимость его увеличения.

По сравнению с 1940 годом предусматривается увеличение штата на 8 единиц (28 вместо 20).

Научный и научно-технический персонал остаётся прежний. Адм.-хоз. персонал увеличивается на 1 единицу – комендант-кладовщик. Должность коменданта крайне необходима, т.к. Заповедник имеет 36 зданий, часть которых представляет собою огромную мемориальную ценность и нуждается

в повседневном тщательном наблюдении. Коменданту поручается исполнение обязанностей кладовщика. Младший обслуживающий персонал увеличивается на 7 единиц.

1. Лесник для охраны исторического Петровского парка, непосредственно связанного с жизнью и творчеством Пушкина. Парк находится в 2 ½ км от центра Заповедника и ввиду отсутствия охраны в течение ряда лет пришёл в катастрофическое состояние. Если оставить его без охраны хотя бы на один год, восстановить его будет уже невозможно и огромная мемориальность памятника погибнет. Без наличия охраны бесполезно производить какие-либо реставрационные работы.

2. Старший рабочий ввиду большого объёма своей работы и разнообразия её не может совмещать в условиях Заповедника обязанности кладовщика и должен быть утверждён как самостоятельная единица.

3. При наличии ряда служебных зданий (музей, библиотека, архив и пр.), где необходима ежедневная уборка и [в некоторых имеется – слова зачёркнуты] и топка 14 печей должность истопника-уборщицы является необходимой.

4. Музей Заповедника состоит из 5-и комнат и, обладающий экспонатами огромной мемориальной ценности, до сих пор не имеет должного надзора [т.к. по штатному расписанию 1940 г. был – слова зачёркнуты] не имеется также и кассира, необходимого при большой посещаемости музея (в летние месяцы 1 ½ – 2 тыс. человек). Должность надсмотрщика-кассира музея крайне необходима.

5. Большое лесное и парковое хозяйство Заповедника, составляющее 300 га и находящееся сейчас в запущенном состоянии, остро нуждается в постоянных квалифицированных рабочих минимум двоих (помимо временной сезонной рабочей силы, предусмотренной по п. 25, ст. 7). Постоянные рабочие необходимы для своевременной вырубки больных деревьев, предупреждающей от заражения остальной лес, прочистки молодняка. Ввиду недостатка в рабочей силе в 1940 г. приходилось пользоваться трудом подростков, что отражалось на качестве лесных и парковых работ.

6. Имея свой конный транспорт, Заповедник не имеет ни одного штатного рабочего-возчика и вынужден постоянно пользоваться временной рабочей силой, что сильно отражается на состоянии лошадей и качестве выполняемой работы. Проектируемые два штатных рабочих смогут обеспечить выполнение основных необходимых работ (перевозка материалов, подвозка дров, водоснабжение и др.).

7. Для текущего ремонта мемориальных ценностей Заповедник должен иметь постоянного столяра, каковой и запроектирован на 1941 год.

Руководствуясь схемой окладов для научного и научно-технического персонала в учреждениях Академии Наук СССР, мы предусматриваем на 1941 г. некоторое увеличение окладов научным и научно-техническим работникам

Заповедника. При этом обращаем внимание на особо трудные условия работы в Заповеднике и низкие существующие ныне оклады.

В отношении административно-хозяйственного персонала и МОП схем для руководства при установлении окладов мы не имеем. Проектируемые оклады основаны на ставках, существующих в местных учреждениях и организациях, и являются минимальными.

2. По внештатной зарплате.

Проектируемое увеличение ассигнований на внештатную зарплату по научной работе вызвано значительным расширением плана научных работ на 1941 год, как в части исследовательской, так и в части научной пропаганды. Поднять научную работу Заповедника на должную высоту (в течение последних 3-х лет она находилась в неудовлетворительном состоянии, что отмечено комиссией ИЛИ АН) силами 2-х штатных научных сотрудников невозможно, и совершенно необходимо привлечение внештатных сотрудников. В 1941 году предполагается проведение таких большой научной важности работ, как собирание фольклора Пушкинских мест, подготовка путеводителя по Заповеднику, изучение архивов, проведение реэкспозиции музея, организация выставок, библиографические работы и пр.

3. По материалам (ст. 2).

Ассигнования на материалы определяются в соответствии с планом работ на 1941 год в 2.500 р.

4. По прочим затратам на научную работу (ст. 3).

Предусмотренное сметой увеличение ассигнований по данной статье вызвано значительным расширением работы по научной пропаганде.

5. По топливу.

Проектируя на 1940 год расходы по топливу в сумме 2.900 р., мы исходим из того, что распиловка и колка дров будет проводиться штатными рабочими, и не включили в связи с этим часть расходов. Но так как требуемое количество штатных единиц не было удовлетворено, смета на топливо оказалась заниженной.

Проектируя потребность в топливе на 1941 год, мы исходим из наличия топок по норме, установленной Калининским облтопом в среднем по 7 куб. м дров на топку (До войны Пушкиногорский район находился в составе Калининской области. – **Т.С.**) *В таких же важных объектах, как музей, архив, библиотека и пр., исходим из фактической потребности, в результате чего норма на топку в среднем несколько выше 7 куб. м.*

6. По оборудованию и инвентарю.

Запланированные расходы по оборудованию и инвентарю в сумме 26.600 р. считаем необходимым и минимальным.

Музей, архив, библиотека Заповедника в течение последних лет не пополнялись новыми материалами. За это время обнаружены ценные мемориальные вещи, архивы и пр., связанные с жизнью А.С. Пушкина в Михайловском, создан ряд новых картин советских художников на пушкинские темы (карт. «Пушкин и няня» Непринцева и др.), а также вышел ряд остро необходимых книг. Без указанных материалов не может вестись успешная научная работа, не может быть проведена намеченная по плану резкспозиция музея в Михайловском и организация филиала музея в здании б. Святогорского монастыря.

Противопожарное и хозяйственное оборудование намечено к приобретению в 1941 году самое минимальное и необходимое (см. перечень).

Большая сумма – 6.775 рублей падает на приобретение средств гужтранспорта. Это вызвано тем, что в предыдущие годы существенного пополнения и обновления гужтранспорта не производилось и по заключению вет. врача 3 старые рабочие лошади должны быть выбракованы и заменены.

Поскольку все работы по заповеднику выполняются исключительно своим транспортом, считаем намеченные расходы необходимыми. В противном случае может быть поставлено под угрозу выполнение всех необходимых неотложных работ.

По спецодежде и обмундированию запроектированная сумма соответствует нормам, утверждённым Президиумом Академии Наук по фактическому наличию персонала.

Для нас этот документ представляет интерес не только из-за содержащейся в нём информации, но ещё и потому, что через пять месяцев после его написания все планы, мечты и надежды людей были перечёркнуты войной. Но мы видим, что многое из намеченного до войны впоследствии удалось воплотить в жизнь Семёну Степановичу Гейченко.

Константин Жучков

НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ НА ПРИМЕРЕ КОЛЛЕКЦИИ ВИМ В СОСТАВЕ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА

Научно-исследовательская работа современного музея осуществляется по двум направлениям. Во-первых, это изучение собственно практики музейного дела и, во-вторых, это изучение музейных предметов как источников с целью получения нового знания, его сохранения и функционирования в обществе. Второе направление научной деятельности музея не просто связано с отраслевой наукой, но и непосредственно предоставляет ей научные знания для обобщения. В наиболее распространённом виде музей предоставляет свои музейные предметы и коллекции в качестве источников для научно-исследовательской работы научных и учебных учреждений.

Изучение музейных предметов может быть использовано в основном для пополнения эмпирических знаний по той или иной научной проблеме и является способом первоначального накопления научных знаний. Исследователь, работающий в музее, должен самостоятельно выбирать и компоновать музейные предметы для своей научной практики, так же как и посетитель архива и библиотеки. В этом смысле он от них не отличается. Редкие музейные предметы могут быть использованы в качестве источников для научных обобщений. Среди них, в первую очередь, – единичные рукописи и печатные издания, представляющие самостоятельную ценность для исследования по той или иной научной теме. Естественно поэтому, что музей, наряду с архивом и научной библиотекой, также является учреждением воспроизводства научных знаний.

Между тем особенности музейного комплектования, хранения и экспонирования позволяют не только расширить возможности научной работы, но и придают ей особый смысл. Специфика музейного комплектования, когда музейные предметы подбираются целенаправленно, в соответствии с профилем музея или его подразделения, позволяет образовывать музейные коллекции из музейных предметов, «связанных общностью одного или нескольких признаков и представляющих научный... интерес как единое целое»[1]. В этом определении музейной коллекции отсутствует важный оттенок дефиниции, а именно то, что, в отличие от музейного предмета, музейная коллекция позволяет исследователю извлекать из неё не только эмпирические, но и, что намного важнее, обобщающие научные знания.

[1] *Тельчаров А.Д.* Основы музейного дела. М., 2005. С. 116.

Этот недостаток в определении исходит из противоречия, имманентно присутствующего в свойстве музейной коллекции. Как объект музейной деятельности, музейная коллекция представляет ценность именно как «совокупность культурных ценностей, которые приобретают *свойства музейного предмета*, только будучи соединёнными вместе»[1]. Как объект научной деятельности, музейная коллекция должна иметь свойство не музейного предмета, а именно совокупности музейных предметов, то есть совокупности источников. Иными словами, в музейном смысле коллекция является совокупностью взаимозависимых единиц, составляющих «единый» музейный предмет; в научном смысле музейная коллекция является собранием самостоятельных научных единиц, которые по отдельности позволяют производить эмпирические, а в составе коллекции – обобщающие научные знания.

Это противоречие, присутствующее в качестве музейной коллекции, и придаёт тот особый смысл её научному изучению. Этот особый смысл усугубляет значимость научной работы с коллекцией и проявляется в особой ответственности исследования коллекции, когда необходимостью такого исследования служит не формализированное пополнение наших знаний, а нечто другое, что присутствует изначально в коллекции как музейном предмете, являющемся одновременно «источником, экспонатом и памятником»[2]. Взаимопроникновение и взаимообогащение этих свойств в музейной коллекции неминуемо приводят к проявлению в научной значимости коллекции новых неожиданных качеств и, следовательно, обогащению её научного потенциала, который синтезируется теперь на более высоком уровне.

Поскольку книжная коллекция в составе музея должна выполнять двоякую роль – как субъекта музейной коммуникации и как источника новых знаний, – постольку на музей «падает» вся тяжесть работы по её культурному осмыслению и, с этой целью, её научному изучению. Это культурное осмысление – не только и не столько констатация некоей культурной значимости, а определение места в культурном контексте прошлого и современности и, самое важное, раскрытие коммуникативной полноты коллекции, «снятие» коммуникативного «покрова», «раскрытие тайны» общения коллекции со зрителем – не может быть осуществлено без научного изучения коллекции силами и средствами самого музея.

Неважно, экспонируется коллекция целиком или частью в данный момент или скрыта от посторонних взглядов «в хранении». Перефразируя слова К. Клаузевица, мы утверждаем, что каждая коллекция стремится к тому, чтобы быть «показанной». Любая коллекция тяготеет к своему культурному обнажению, к своему культурному аутодафе, к своему «последнему» и главному культурному акту. Мы убеждены в том, что это постэкзистенциальное проявление музейной коллекции, эвентуально реализованное в музейной коммуникации, и

[1] Российская культура в законодательных и нормативных актах. Музейное дело и охрана памятников. 1991–1996. М., 1998. С. 190. Курсив наш.

[2] *Дукельский В.Ю.* Музейный предмет // Музейная энциклопедия. Т. 1. М., 2001. С. 405.

является главной и последней целью её экзисцирования. То есть это и есть смысл её существования.

Примером такого экзисцирования может служить коллекция Военно-исторического музея, находящаяся в составе фондов Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Книги, собранные в составе коллекции, часто разрозненные издания, представляют собой, каждая в отдельности, эпизодический научный интерес в качестве, прежде всего, историографических пособий. Вместе с тем совокупность книг коллекции, являющихся собранием сочинений на одну тему и, в отличие от библиотеки или архива, существующих физически как единое целое, то есть находящихся вместе топографически, представляет собой редкое, если не сказать уникальное, явление. Компактность коллекции, состоящей из нескольких сотен томов в двух-трёх книжных шкафах, придаёт ей особенную – как научную, так и визуальную – проницаемость, заставляющую резонировать научное влечение к ней с трепетом учащённого дыхания.

Помимо общей научной значимости, поставленные на одной полке прижизненные издания Фекьера, Фолара, Санта-Круза, Гибера, Мениль-Дюрана, Нуайе, Ронья, Марбо создают особый феномен причастности к духовной пульсации французской мысли классической эпохи. Закончив своё земное существование в виде историй, трактатов, пособий, наставлений и регламентов, книги словно бы перешли в другое измерение. Собранные в одном месте, они стали теперь не просто немыми свидетелями человеческого бытования, а частью самого Логоса, приоткрывающей тайную завесу его неисповедимых путей. Коллекция теперь стала эманацией Божественного замысла, и сама эманирует зрителю его едва приоткрытую тайну.

Приобщение к этой тайне, то есть организация коммуникации, эманации, истечения культурного содержания коллекции на зрителя, есть целиком задача музея. Управление этой задачей может быть основано только на её изучении силами самого музея. Это научное изучение коллекции является её трансформацией в новой культурной роли и организовывает культурное истечение её потенциала в исторически временном виде, преобразующем вечную ценность присутствующего в коллекции человеческого и божественного опыта в злободневно оформленном виде. Музей научно оперирует коллекцией с целью дать ей возможность проявить заложенные в ней смыслы, каждый из которых актуален в определённый исторический момент. Можно сказать, что научная работа музея, в отличие от библиотеки или архива, сама является не следствием человеческого любопытства, именуемого научным творчеством, а имманентной частью всевышнего промысла.

Без сомнения, культурный потенциал коллекции проявляется независимо от внимания к ней музейного исследователя. Культурный смысл коллекции самодостаточен и без его препарирования научными исследованиями. Но в каждый исторический момент этот злободневный смысл может плодотворно излиться на зрителя только при научно направленном его выявлении. Ведь и высший замысел человеческой истории воплощается всё-таки людьми...

Валентина Булдакова

НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНОМ МУЗЕЕ

Муниципальный краеведческий музей в Бежаницах, бóльшую часть своего существования работавший на общественных началах, традиционно представлял историю края. В 2004–2005 годах наступил новый период музейного строительства, и музей получил новое название, новое направление работы – историко-культурное наследие дворянского рода Философовых – и новое место расположения – бывшее имение дворян Философовых в деревне Усадище.

В это время была разработана концепция Историко-культурного центра Философовых. Мы рассматриваем её как программу, обеспечивающую реализацию плана музеефикации дома Философовых в Усадище. Подчинение всей деятельности ИКЦ Философовых этой задаче повлекло за собой новое развитие научно-исследовательской деятельности, экспозиционной и фондовой работы. В соответствие с новыми задачами была приведена и структура музея: в штат ИКЦ была введена новая единица – заместитель директора по научно-исследовательской деятельности (такого в Бежаницах никогда не было!). Родилась традиция проведения научных конференций как средства освоения историко-культурного наследия дворянского рода Философовых. Началось восстановление дворянского гнезда Философовых в Усадище.

Решать такие задачи без привлечения усилий научного сообщества невозможно. Наиболее тесные научные связи удалось установить с Институтом русской литературы (Пушкинский Дом, Санкт-Петербург). Именно оттуда мы получили в фонд музея несколько ценных для нас документов (фотографий). И, конечно, Бежаницы с надеждой смотрят на своего ближайшего могучего соседа – Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское».

На первые же научные чтения в музей собрались блестящие «философоведы»: учёные из Москвы, Санкт-Петербурга, Пскова, из других регионов России; целая «команда» музейщиков представляла Пушкинские Горы; из Канады приехал профессор, специалист по Серебряному веку русской литературы и хранитель зарубежного архива Философовых Джон Стюарт Дюррант.

Программа чтений предусматривала работу учёных по следующим темам:

- Государственная, общественная и культурная деятельность Философовых в России XI–XVIII веков.
- Государственная, общественная и культурная деятельность Философовых в XIX–XX веках.

• Философовы и русское искусство. Усадьба «Богдановское» в истории русской культуры.

• Деятельность Д.В. Философова; журнал «Мир искусства», русское декадентство, С.П. Дягилев; религиозно-философские искания Д.В. Философова.

• Философовы в эмиграции: собиратели и хранители русского искусства.

• Творчество Д.В. Философова и его роль в развитии литературы русского зарубежья, общественно-политическая деятельность.

Доклады были посвящены как отдельным представителям рода Философовых и их окружению, так и вкладу Философовых в русскую и мировую историю и культуру. Разумеется, полностью раскрыть такую широкую тему в рамках одной конференции невозможно – слишком глубок и разносторонен феномен Философовых. Поэтому за первыми чтениями последовали вторые – в 2005 году и третьи – в августе 2007 года. На Вторые Философовские чтения своего представителя с докладом «Роль и значение В.Д. Философова в военно-судебной реформе в России второй половины XIX века» делегировала военная прокуратура Ленинградского военного округа.

Философовские чтения отличаются непарадной, неофициальной атмосферой вдумчивой работы свободно собравшихся людей. При небольшом количестве участников (15–25 человек) доклады не просто читают – их обсуждают, иногда выступления становятся предметом полемики, дополняются в процессе обсуждения[1].

Исследовательский энтузиазм философоведов был вознаграждён выходом в свет двух научных сборников. В настоящее время готовится к изданию третий сборник материалов конференции. Следует непременно отметить, что проведение Философовских чтений и издание книг осуществляется на средства бюджета Бежаницкого района и средства областного Комитета по культуре и туризму.

Дворянская усадьба «Богдановское», расположенная в Новоржевском уезде Псковской губернии, была одним из культурных центров России с пушкинских времен и впоследствии, в конце XIX века. Это земля Дмитрия Владимировича Философова, известного декадента, третьего участника знаменитого «литературного триумвирата» – товарища известнейших писателей Серебряного века Дмитрия Сергеевича Мережковского и Зинаиды Николаевны Гиппиус.

После революции имена и дела Философовых были преданы забвению и жили в виде легенд и исторических рассказов. Период восстановления исторической справедливости наступил только в 90-е годы XX века. Усилиями участников Философовских чтений и Бежаницкого районного сообщества уже возвращены из небытия имена представителей дворянского рода Философовых, с X века служивших России на различных государственных должностях. Среди них

[1] О хронике чтений см. публикации доктора филологических наук Т.Г. Ивановой (ИРЛИ РАН) в журнале «Русская литература» №№ 1 и 4, 2005 год.

Усадьба Философовых в деревне Усадище, ныне Историко-культурный центр Философовых

имена отпрысков «бежаницкой ветви» дворянского рода: Дмитрия Николаевича Философова (1789–1863) – собирателя и хранителя произведений искусства, Михаила Михайловича Философова (1731–1811) – дипломата и военного губернатора Псковской губернии, Владимира Дмитриевича Философова (1820–1894) – первого Главного военного прокурора России, Дмитрия Владимировича Философова (1872–1940), Дмитрия Александровича Философова (1862–1907) – министра торговли и промышленности Российской империи начала XIX века, Марка Дмитриевича Философова (1892–1938) – учёного секретаря Эрмитажа, Владимира Владимировича Философова (1857–1929) – почётного попечителя села Михайловское, Анны Павловны Философовой (урождённой Дягилевой) (1837–1912) – родоначальницы женского движения в России…

Дом Философовых в Богдановском, в котором бывал и А.С. Пушкин, сгорел ещё при жизни хозяина, и на его месте А.П. Философова в 70-е годы XIX века построила другой дом. На бежаницкой земле, помимо усадьбы Философовых, немало мест, хранящих память о первом поэте России.

Дом Философовых в деревне Усадище, в котором бывали Григорий Александрович и Варвара Алексеевна Пушкины, пощадило время. То, что в его стенах размещались детский дом, школа (в довоенное и послевоенное время), немецкий гарнизон (во время Великой Отечественной войны), школьный интернат, дом отдыха, другие учреждения, конечно, оставило свой след, однако основа здания с нарушенной старинной планировкой сохранилась до нашего времени.

Последних владельцев имения – Марию Алексеевну Философову и её детей – выселили из Усадища в середине 20-х годов XX века, о чём свидетельствуют документы Государственного архива Псковской области. Владельцы Богдановского эмигрировали из России, сейчас мы узнаём об их судьбах. Жизнь оставшихся в России Философовых трагична, и многие факты их биографий пока нам неведомы. В числе немногих известных нам потомков Философовых, проживающих сегодня в России, – Татьяна Георгиевна Философова и её семья (отец, дети) в Москве, семья Драке в Санкт-Петербурге.

Возрождение дворянского гнезда Философовых началось с восстановления руинированного парадного крыльца дома. Сегодня эти работы ещё продолжаются. И нам крайне необходимы схема планировки, зарисовки философовской усадьбы в Усадище.

Естественно, что к моменту создания музея в доме в Усадище мемориев не было. Чудом сохранилось несколько мемориальных вещей из имения Богдановское: музей получил их от жителей деревни – разумеется, в состоянии, фактически не пригодном для экспонирования. В силу различных обстоятельств вещи Философовых «уехали» в эмиграцию вместе с хозяевами, «разошлись» по местным жителям, по уездному городу Новоржеву и далее, оказались в архивах и музейных хранилищах Москвы, Санкт-Петербурга.

В содружестве философоведов родилась идея создания общественного фонда «Восстановление усадьбы Философовых», и возможно, в ближайшее время идея эта обретёт реальные формы.

Сегодня перед Историко-культурным центром Философовых стоят огромные проблемы, связанные с музеефикацией дома в Усадище. Бежаницам также необходима помощь со стороны учёных – историков, литературоведов, специалистов в области генеалогии, исследователей искусства. От культурного сообщества России мы ждём помощи и в поиске подлинных вещей Философовых и предметов эпохи XIX – начала XX века.

Мы надеемся, что в будущей музейной экспозиции будет отражена и линия, объединяющая Богдановское, Усадище и Михайловское: это и семейные связи Философовых и Пушкиных, и бежаницкие мотивы в творчестве А.С. Пушкина.

И конечно, в дни следующих чтений, намеченных на август 2009 года, гостеприимная бежаницкая земля будет рада принять поклонников культурного наследия Философовых – и тех, кто уже приобщился к работе наших конференций, и новых их участников.

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ «КРУГЛОГО СТОЛА» «МУЗЕЙ И НАУКА» в рамках XI февральских научно-музейных чтений памяти С.С. Гейченко «Наука в музее: традиции, инновации, перспективы»

Председательствует **Тамара Михайловна Гудима**, *доктор философских наук, советник министра культуры Российской Федерации (Москва).*

Гудима Т.М.:

Коллеги, позвольте мне зачитать текст письма главного редактора журнала «Музей» Е.Б. Медведевой.

«В этом году запланирован номер журнала, посвящённый теме: «Жива ли наука в музее». К сожалению, для кого-то она является ещё дискуссионной. Мне очень бы хотелось получить для публикации наиболее интересные выступления с вашей конференции. Ответьте мне, представляется ли это возможным. С уважением, доцент кафедры музейного дела АПРИКТ Е. Медведева, главный редактор журнала «Музей».

Мне бы очень хотелось, чтобы вы отозвались на просьбу этого журнала. АПРИКТ – это своего рода кафедра повышения квалификации, поэтому я каждого из вас прошу: если есть возможность и желание, напишите в этот журнал. Я уверена, что для вас найдут место на его страницах. Что же касается этих чтений, то я думаю, что музей, его научный отдел, отправит в адрес журнала итоги и материалы нашей конференции в том виде, в каком удобно.

Наша встреча сейчас называется «круглый стол». Заседания такого типа имеют свою методику, и методику хорошую: они, как правило, бывают дискуссионными, и, поэтому мы все будем иметь возможность высказать позиции, обменяться мнениями, которые ещё не прозвучали на конференции и которые вы бы хотели озвучить. Мне передали, что несколько участников наших чтений планировали выступать на «круглом столе», и, как я понимаю, с этих выступлений мы и начнём разговор. Я думаю, что в рамках нашего «круглого стола», в отличие от «строгой» части нашей конференции, мы предоставим друг другу возможность уточнить, задать вопросы, возразить, если есть такая необходимость. То есть

очень бы хотелось такой «не строго отчётной», а скорее полилогической формы обсуждения нашей темы. Тема у нас совершенно определённая – это «Музей и наука» (я не называю длинное и полное название конференции). И именно по этой теме я бы просила выступать во время нашего «круглого стола».

Предваряя разговор, хочу выделить несколько позиций – просто в попытке немного обобщить то, что уже прозвучало. В ходе нашей двухдневной конференции, я думаю, мы должны сделать вывод, который дальше обсуждать и дискутировать уже не будем. Этот вывод звучит следующим образом: музейное дело развиваться без науки не может. Наука в музеях – это совершенно обязательный и естественный процесс, который должен развиваться, который имеет свои проблемы и перспективы. И это мы с вами не обсуждаем: здесь, как было понятно по ходу нашей конференции, все мы единомышленники.

Теперь второе, что мне кажется очень важным и что также следует из прозвучавших сообщений и докладов. Начну с того, что озвучу просьбу директора этого музея – Георгия Николаевича Василевича. Он сказал, что когда в «Михайловском» готовили это мероприятие, эту встречу, то одним из практических итогов чтений предполагали усиление контактов между институтами и музеями, между научными и музейными работниками. Но в ходе обсуждения явно наметилась ещё одна линия необходимых контактов – необходимость взаимодействия между местными музеями, которые не имеют собственной научной базы, и крупными музеями, в которых есть и научные отделы, и научные работники. Были очень интересные и предложения, и выступления. Мне бы хотелось, чтобы те, кто будет выступать сейчас, эту тему также продолжили, потому что призыв кажется актуальным. И вообще, было бы прекрасно, если бы в итоге нашего разговора музей-заповедник А.С. Пушкина и другие музеи, здесь представленные, а также другие институты и научные организации конкретно договорились о будущих контактах и будущих связях. Это тоже могло бы быть одним из итогов нашей работы.

Кроме того, в выступлениях были обозначены, но, может быть, не получили должного развития и другие проблемные темы: выступающие называли проблемы – острые проблемы, – но потом переходили на опыт, на личные находки и как-то в остроту самой проблемы никто не пытался углубляться. И я надеюсь, что это произойдёт в рамках нашего «круглого стола».

В порядке подтверждения актуальности такого направления нашей дискуссии, нашего обсуждения я хотела бы назвать только одну проблему. В последние два десятилетия и наука, и музеи – особенно те, кто связан с науками обществоведческими, социологическими, культурологическими и в целом с гуманитарным знанием, – столкнулись с ярко выраженным процессом пересмотра фундаментальных понятий. Особенно наглядно это проявилось в истории, хотя и не только в истории. У нас стали говорить – и не без оснований, – что прежде существующие, общепринятые, концептуальные основы понимания и трактовки истории нуждаются в существенных изменениях. В нашей стране кон-

цептуальной основой для исторических наук – вы это прекрасно знаете – была марксистско-ленинская теория, которая подверглась резкой критике, и поэтому сейчас ряд концептуальных решений находится в стадии пересмотра. Всё это нашло своё непосредственное отражение в музейных экспозициях, причём на качество музейных экспозиций этот пересмотр повлиял в большей степени отрицательно, нежели положительно. Все чаще и чаще, особенно в исторических и краеведческих музеях, мы стали сталкиваться с коллекциями и с экспозициями, которые словно хотели бы убежать от концепций, с коллекциями и экспозициями, которые предлагают некий набор документов, набор объектов музейного показа и не претендуют на какие-либо обобщения, какие-то выводы. Появился и ещё один подход – тоже, наверное, понятный: стремление показать то, что раньше по разным причинам (в том числе и субъективным) не показывали. Также в особую цену поднялись факты и документы сенсационные. А поскольку исторических и краеведческих музеев у нас больше, чем любых других, то музейные экспозиции приобрели характер случайного или, скажем, одновременного показа собраний коллекций без каких-либо обобщений и выводов.

Это очень сложная проблема. Причём, повторю, так или иначе она коснулась практически всех музеев. Совсем недавно в Ульяновске я смотрела новую музейную экспозицию, которая называется «Литература. XX век». Авторы этой экспозиции постарались преодолеть односторонность подхода, то есть постарались доказать, что литература существовала всегда. В XX веке она была необыкновенно интересна и разнообразна. Но в ней были и Гиппиус, и Маяковский, и Шолохов, и Фурманов, и Булгаков... Я представляю, как трудно было авторам этой музейной экспозиции составлять этот ряд, производить этот подбор. Там пока не всё получилось, но само стремление преодолеть недостаточность концептуальности явно проявляется в экспозиции. Я думаю, что с такими трудными решениями сейчас сталкиваются многие музеи. И нет другого пути разрешения этой проблемы, как усиление взаимодействия науки и музейных изысканий.

И, наверное, это одна из тем наших контактов – контактов обязательных. Сегодня даже на начальном этапе создания экспозиции не обойтись без серьёзного научного фундамента – время такое! И, значит, мы даже на этом этапе не всегда можем обойтись собственными силами. Возможно, что это ставит какую-то особую практическую задачу – тему научной теоретической подготовки на данном этапе. Ведь ни один, даже самый ценный, музейный предмет не может быть вырван ни из времени, ни из эпохи, ни из ситуации, в которой он появился, бытовал и так далее. Вы, музейные работники, это прекрасно понимаете.

Есть и ещё ряд содержательных проблем, но я не буду затягивать вступление. Только последнее: я уже говорила, что́ мне, как представителю Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, хотелось бы отразить в документе, который я для себя определяю как аналитическую записку по итогам данных музейных чтений. Исходя из тезиса, что наука в музеях сегодня необходима более, чем когда-нибудь, и что формы этого взаимодействия надо

развивать, и что конференция внесла свой вклад в решение этих проблем, я буду писать эту аналитическую записку с явно выраженной прагматической целью: мне бы хотелось в этом документе дать и ряд практических предложений. В первую очередь, для тех, кто сегодня определяет культурную политику (а что касается министерства, то его главной функциональной задачей, как гласит Положение о министерстве, и является определение культурной политики нашего государства). Я обращаюсь к вам за помощью и заранее благодарна за практические советы и рекомендации, которые могли бы быть итогом нашей встречи. Итак, я приглашаю вас к продолжению разговора и, как обозначено в предварительном списке выступающих на «круглом столе», я предоставляю слово Ларисе Георгиевне Агамалян. Да, здесь темы не обозначены, я попрошу вас самих называть их.

Агамалян Л. Г., *заведующая Литературным музеем ИРЛИ (Пушкинский Дом) Российской Академии наук (Санкт-Петербург):*

В своём выступлении я бы хотела остановиться на нескольких моментах, которые, как мне представляется, совершенно однозначно указывают на то, что наука в музее есть и без науки музея быть не может. Музейная экспозиция начинается с научной концепции. И, конечно же, выработка научной концепции, как уже совершенно справедливо заметила Тамара Михайловна, не может состояться без изучения того материала, который уже наработан. Музей не возникает на ровном месте. Для того чтобы он возник, необходимы определённые предпосылки, нужен факт в истории, нужен какой-то мощный посыл, который указывает на то, что музей может состояться. Причём профиль музея часто меняется. Вот здесь сегодня речь шла о «Рождествено», который начался как краеведческий музей. Потом в результате каких-то конъюнктурных соображений он превратился в музей-усадьбу Набокова, и сейчас, в результате органических совершенно естественных изменений, опять возвращается к краеведению в более широком, конечно же, смысле этого слова: когда «Рождествено» притягивает к себе окрестные усадьбы и возникает музей, который рассказывает обо всех окрестных усадьбах. Здесь можно найти разные точки соприкосновения. Это и генеалогические, всяческие родственные связи, это особенности края... Может быть несколько разных объектов, может быть несколько разных направлений в работе этого музея. Но это изменение его профиля происходит совершенно естественным образом. И те музейные нужды, те проблемы, которые были сегодня озвучены, силами музея в нынешнем составе – один научный сотрудник! – решены быть не могут.

Но «Рождествено» входит как филиал – и это прописано в документах – в состав некого учреждения, государственного учреждение культуры: музейного агентства. Это музейное агентство в своё время родилось на костях другого объединения, другого учреждения – гораздо более работоспособного, с моей точки зрения, и по своей структуре гораздо более сильного. Оно называлось

«Объединение музеев Ленинградской области». В этом объединении были (тогда, когда я ещё тоже в нём работала в качестве сотрудника «Приютина») все необходимые любому музею отделы. Поэтому в филиалах можно было держать небольшое количество народа, но объединение в виде центральной дирекции имело и реставрационный отдел, и научный отдел, и экспозиционный отдел, и закупочную комиссию с мощным бюджетом по закупке, и кураторов для каждого музея.

Каждый филиал: Подпорожье, Волхов, Тихвин, Приютино, Рождествено, Выборг, Ивангород и так далее – имел своего куратора в Ленинграде. И это значительно облегчало жизнь непосредственно музеям. Конечно, «Подпорожью» трудно производить необходимую науку прямо в Подпорожье – в Подпорожье даже ездить тяжело. То же самое касалось и других музеев, входивших в объединение. Лучше всего жили те, кто находился ближе всего к Питеру, сложнее всего было тем, кто был удалён. Но куратор отвечал за научную основу экспозиции, куратор осуществлял связь с научными учреждениями Санкт-Петербурга, с крупными музеями, которые могли помочь настолько и помогали настолько, насколько тесно куратор был с ними связан.

Личные контакты? Безусловно. Но ещё и служебная обязанность, которая была прописана у каждого куратора в должностных обязанностях. Конечно, кураторы тоже были разные, но они взаимодействовали между собой. Когда делали музей Римского-Корсакова в Тихвине и нужно было комплектовать фонды, то, для того чтобы сделать интерьер, куратор из музея Римского-Корсакова обратился в Приютино с просьбой помочь приобрести те и иные экспонаты, причём вещи дворянского интерьера, достаточно дорогие, какие в то время сложно было найти без таких вот личных контактов. Таких контактов у работников тихвинского музея не было, и у их куратора не было, но они были у «Приютино». И дирекция эту работу вписала в план «Приютино». Нам выставили список с просьбой укомплектовать музей Римского-Корсакова такими-то вещами: диванами красного дерева, фортепиано первой половины XIX века... Мы, помню, тогда этим были страшно возмущены, нам казалось, что мы не должны этого делать! И почему, если мы это можем сделать, этого не может сделать сотрудник тихвинского музея?.. Но на самом деле это был единственный выход, поскольку у нас уже были налажены связи с коллекционерами, мы знали, где можно взять те или иные вещи. И мы сделали и, безусловно, помогли...

Да, это была сложная структура, и не во всем она была совершенна, но самое главное в ней было: в ней было здоровое начало, которое позволяло маленьким музеям не чувствовать себя изолированными и заброшенными, подняться над поселковым уровнем. А ещё – чувствовать себя независимо по отношению к местным властям (формально они и так от них не зависели, но тем не менее мы все прекрасно знаем, что местный начальник всё равно может оказывать определённое влияние на жизнь музея, даже если музей ему не подчиняется...). Вот это, к сожалению, то, что погибло в огне перестройки, и

это, с моей точки зрения, может быть в каком-то качестве возрождено. Потому что агентство, в том виде, в каком оно сейчас существует, этой функции не выполняет, оно от неё устранилось. Оно контролирует, оно учитывает, оно занимается всевозможными ревизиями, распределением и, безусловно, новыми музейными технологиями. Когда это было впервые озвучено, я спросила: «А кто будет заниматься старыми музейными технологиями?» О старых музейных технологиях вообще как-то забыли, они ушли, они стали неактуальны. Появились новые спекулятивные направления, новые темы, которые ничем не поддерживаются, а всё то, что было наработано, вся эта научная толща, которая составляла фундамент и основу работы музеев, – она как-то рассосалась...

Вот это, с моей точки зрения, то, что не худо бы было возродить. В те годы, как известно, была установка на разрушение крупных объединений. Я не знаю, как сейчас обстоит дело в этом отношении, но, может быть, имеет смысл эти объединения – хотя бы в научном направлении – возродить?

Гудима Т.М.:

Чтобы не возвращаться потом к этой теме, давайте мы её обсудим. Лариса Георгиевна высказалась совершенно определённо: раньше было лучше – и доказала почему: как было, что потеряли, что приобрели. Я хочу сделать только одно уточнение: мы живём в совершенно определённом правовом поле, и это правовое поле сегодня таково, что все местные музеи по своей подчинённости «главным начальником» имеют муниципалитет. Так должно быть по 131-му закону, а ещё точнее – по 199-му. Единственный правовой документ, который может вывести муниципальный музей из-под контроля местных органов власти, – соглашение о передаче полномочий между областным руководством и представителями местной власти. Это реальное законодательство на сегодняшний день. Какую организационную форму можно найти в этих условиях? Я вижу логику в том, что вы предлагаете. Но нам не найти на каждый муниципальный музей научного консультанта – даже научного консультанта... Поэтому, может, у кого-то есть опыт или, может быть, предложения? Каким образом вы бы предложили выстроить линии взаимодействия между муниципальными музеями и научными объединениями, научными центрами больших музеев, городов и так далее?

И второе: научные базы будущих или сегодняшних экспозиций для каждого музея достаточно специфичны, и вряд ли есть такая научная база, которая подойдёт для всех музеев. Тогда где выход? Где взять кадры, где найти источники, как тут быть? Мне бы очень хотелось, чтобы вы высказались и по этой теме.

Агамалян Л.Г.:

Я хотела сказать, что, безусловно, каждый музей непохож на любой другой, и, когда я говорила о кураторах, я говорила именно о специалистах. В «Объединение...» приходили люди из университетов, иногда уже с научной

степенью, часто это были специалисты, которые непосредственно занимались разработкой научной концепции данного конкретного музея.

Гудима Т.М.:
Этот специалист, куратор, закреплялся за музеем этим общим органом, объединением?

Агамалян Л.Г.:
Да.

Терюков Александр Иванович, *кандидат исторических наук, заведующий отделом этнографии восточных славян и народов Европейской России Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург):*

Опыт Ленинградской области и советского времени, когда существовало «Объединение музеев Ленинградской области», действительно, очень полезен. Мне приходилось сталкиваться с этим учреждением именно в качестве научного консультанта: дирекция этого объединения приглашала наших сотрудников принимать участие в обсуждении концепции развития тех или иных музеев, концепции создания экспозиций. Но эта структура была сломана, её заменило агентство, которое и должно было этим же и заниматься. Однако оно к этой работе даже не приступило, и фактически все маленькие и большие музеи Ленинградской области, в конечном итоге, остались наедине со своими проблемами. И если раньше по всем финансовым и кадровым вопросам они могли выступать перед облисполкомом и управлением культуры Ленинградской области единым фронтом, то, оказавшись в качестве субъекта права, они потеряли эту свою главную силу. С ними, с каждым музеем по отдельности, расправлялись очень быстро и спокойно. Каждому как бы оставили свой маленький кусочек дела, но они намного больше стали зависеть от власти, чем раньше. Агентство живет само по себе, музеи живут сами по себе. И это привело к нынешнему кризису, из которого, как мне кажется, только-только некоторые музеи Ленинградской области сейчас пытаются выбраться.

И теперь даже тот научный потенциал, который был в различных музеях, в высших учебных заведениях города, – он оказался невостребованным. Конечно, маленькому музею очень сложно найти квалифицированного научного сотрудника. Это проблема, и каждый музей находит здесь свой путь и решает её по-своему. И поэтому помощь, какие-то контакты для решения этой проблемы, – без них не обойтись, они должны быть.

Но есть ещё один вопрос. К сожалению, сегодня Министерство культуры фактически выведено из практической работы. Практическая работа передана агентствам, и то же самое музейное агентство сегодня ведёт прямую линию на вытеснение научной работы из музеев, как вы знаете. Тот новый регламент, ко-

торый разрабатывается музейным агентством в области культуры, фактически исключает научную деятельность из всех музеев. Крупные федеральные музеи, конечно, будут, как говорится, стоять до последнего и отстаивать своё право на науку: у них есть опыт, есть авторитет, есть история, и они смогут до какой-то степени этой негативной тенденции противостоять. А малые?..

Мы можем спорить о концепциях и о терминологии – это важно. Но сегодня, мне кажется, в первую голову, как рекомендация участников нашего круглого стола, должна прозвучать мысль о крайне негативном воздействии музейного агентства на все музеи. О пагубности ситуации, когда в приказном порядке, под давлением научные подразделения в музеях расформировывают, что зачастую приводит к уходу специалистов, которые имели опыт проведения исследований в этих, пускай и небольших, музеях.

Мудров Юрий Витальевич, *президент Санкт-Петербургского общественного фонда по содействию развитию культуры и искусства (Санкт-Петербург):*

Если бы вот эту тему – «Наука в музее не нужна» – предложить для «Культурной революции» с Михаилом Швыдким... И вообще мне было бы интересно послушать не только тех, кто за науку, но и тех, кто против науки: очень интересно узнать, «откуда растут ноги» и почему во властных культурных структурах наука сегодня вызывает не просто отрицание, а просто ненависть и желание её вычеркнуть, причём в таком необсуждаемом порядке...

Но темой моего высказывания будет существующее международное музейное право. Есть международные документы, которые указывают на необходимость научной работы в музее. Сейчас из уставов федеральных музеев при перерегистрации и согласовании штатных расписаний слова «наука», «по научной» и тому подобные просто вычёркивают. И я хотел бы обратить ваше внимание на понятие «музей» в международных правовых актах и на то, какие в этих документах существуют указания на необходимость такого аспекта деятельности музея, как наука или научная работа.

Правоведы и юристы к международным правовым актам относят, из имеющих касательство к интересующему нас вопросу, уставы международного совета музеев ИКОМ. Это документы ЮНЕСКО, они международные, неправительственные, но тем не менее на международном уровне они являются правовыми актами. Существует также как международный правовой документ рекомендация ЮНЕСКО, принятая в Париже 14 декабря 1960 года. Она называется «Рекомендация, касающаяся наиболее эффективных мер обеспечения общедоступности музеев», и в ней содержатся прямые указания на научную деятельность как абсолютно необходимую часть музейной работы. 24 ноября 2001 года принят документ, который называется «Модельный закон о Государственных музеях-заповедниках». Принят он на 18-м пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, постановление № 18–11.

Итак, коротенько об уставах ИКОМ – всего их было семь редакций. Первая редакция относится ко времени, когда возник ИКОМ, а возник он сразу после Второй мировой войны, потому что было очень важно сохранить культурное наследие, сохранить музеи. Так вот, лишь первый устав ИКОМа, который был принят в 1946 году, не содержит прямого указания на научную деятельность. Все шесть остальных такие указания содержат. Все уставы Международного совета музеев содержат следующие формулировки (это, так сказать, основная их часть): музей – любое постоянное учреждение, управляемое во всеобщих интересах, в целях сохранения, изучения и расширения различными способами... группы объектов и экспонатов культурной ценности, и так далее... То есть второе ключевое слово – «изучение». 1960 год, рекомендация ЮНЕСКО: «музей – любое постоянное учреждение, служащее в общих интересах для хранения, изучения и демонстрации..» – и так далее. 1961 год, устав ИКОМ: «музей – любое постоянное учреждение, которое хранит и выставляет для целей изучения, образования и удовлетворения духовных потребностей коллекции объектов культурной или научной значимости...» – и так далее. Устав, редакция 1974 года: «музей – постоянное некоммерческое учреждение, призванное служить обществу, способствовать его развитию, доступное мировой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием...». 1989 год: «музей – постоянное некоммерческое учреждение, призванное служить обществу и способствовать его развитию, доступное мировой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием...» 1995 год: «музей – постоянное некоммерческое учреждение, призванное служить обществу и способствовать его развитию, доступное мировой публике, занимающееся приобретением, хранением, исследованием...» – и далее: «в целях изучения...» То есть в этом документе даже дважды: и «исследование», и «изучение». 2001 год: исследование, изучение. И 2001 год, «Модельный закон о Государственных музеях-заповедниках»: «Государственный музей-заповедник – учреждение культуры, созданное собственником в установленном законодательством порядке, для обеспечения сохранности, восстановления, изучения и публичного представления целостных историко-культурных и природных комплексов, материальных и духовных ценностей в их исторической, культурной и природной среде, в научно-исследовательских, культурно-просветительских и туристско-экскурсионных целях». То есть международные законодательные акты – абсолютно все – прописывают, что среди главных целей, задач и так далее: исследование и изучение. А «Модельный закон...», который подписан и представителями российского парламента, просто определяет: цель – научно-исследовательская.

Гудима Т.М.:

Спасибо за информацию. Мне, правда, думается, что когда написано слово «изучение», то не очень легко доказать, что это синоним слова «наука». Изучение – термин достаточно многозначный и может существовать без науч-

ной деятельности, а как изучение, например, в образовательном процессе. Что касается исследования, то это термин научной категории, поэтому, когда появился термин «исследование», я думаю, что это действительно знак того, что международные документы отразили новое, более уважительное отношение к научной деятельности музеев.

Купина Юлия Аркадьевна, *кандидат исторических наук, заместитель директора Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (Санкт-Петербург):*

Безусловная научная составляющая предполагается не только в словах «изучение» и «исследование», но даже в таком слове, как «сохранение», ибо кодекс музейной этики ИКОМ предполагает, что всё сохранение должно соответствовать исторической действительности, объективной реальности или результатам исследований и должно вестись на современном уровне. И я бы добавила, что нельзя сводить научную составляющую музейной работы только к концепциям экспозиций. Научная составляющая в работе музеев начинается с формирования фондов, содержания фондов, с построения всей работы.

И опять же, как бы «подхватив мячик» от Юрия Витальевича, я бы хотела попытаться ответить на вопрос, откуда идёт желание изгнать науку из музеев. Дело в том, что научный процесс чрезвычайно сложен, он требует своей методики и особых подходов к организации. Содержать науку в музее чрезвычайно сложно и очень затратно, причём затратно не только по финансовым ресурсам, но и организационно. И здесь, конечно, уже дело в особенностях каждого конкретного музея. Мы, может, такие счастливчики: в российской культурной традиции логотипом Российской академии наук является здание Кунсткамеры, здание музея. Это тоже надо учитывать – специфику российской культурной традиции.

Мне кажется, что вопрос «как?» – как организовать, как построить в нашем правовом поле, в нашей сложной финансовой ситуации научную работу в музее – является самым сложным для каждого: слишком велика индивидуальная составляющая! Роль личности в музее – личности посетителя, личности собирателя и личности исследователя – возрастает чрезвычайно. Все концепции, которые мы представляем на экспозициях, уже не те общеидеологические концепции, которые были раньше, и они не безличны: сегодня мы указываем авторов концепций, и эту личностную составляющую потерять ни в коем случае нельзя...

И я бы хотела сказать вот ещё о чём: сейчас, как эксперт ЮНЕСКО, я занимаюсь Средней Азией и побывала во многих музеях в этом регионе. Очень тяжёлая ситуация у наших коллег, чрезвычайно тяжёлая, но я хочу подчеркнуть, что не просто выжили, но даже находятся в настоящее время в достаточно хорошем состоянии музеи системы Академии наук. Наука позволяет музеям выживать и развиваться даже в условиях войны – гражданской войны. И эти

музеи не просто привлекают туристов – становятся сосредоточием, своего рода интеллектуальными оазисами в воюющей стране. Поэтому главный вопрос – как сохранить науку в музеях и как её развивать. Это вопрос, на самом деле, – вопрос развития музеев сегодня.

И, конечно, очень сложно, я думаю, возвращаться, например, к той схеме музейного агентства в Ленинградской области, но, безусловно, необходима организационная поддержка государства. Музей не может пользоваться только собственными ресурсами, ему всегда нужны ресурсы внешние. И наука здесь не исключение. Даже такие крупные центры, как Академия наук, как наш музей, пользуются услугами внешних специалистов. Нам не хватает, да и ни одному музею никогда не хватит собственных научных сотрудников. И, может быть, если сложно сразу изобрести или сделать в правовом поле эту организационную схему, нужно идти путем проектов. Главное, что, мне кажется, должно обеспечить здесь государство: музеи должны находиться в очень плотном информационном поле. Выпадение региональных, местных музеев из информационного поля не позволяет им искать себе партнёров.

Мудров Ю.В.:

Понятно, почему музейщики хотят отстоять науку в музее, абсолютно понятно. Но я не могу понять, что – есть вообще указ, закон, инструкция, которая требует истребить науку в музее? Чем, каким документом руководствуются те, ну, скажем, «истребители» во властных структурах?

Купина Ю.А.:

Это не документ. Это, на мой взгляд, деньги. Такая же ситуация в Академии наук: нам очень сложно финансировать музей. Мы не получаем ни копейки на музей, мы зарабатываем сами. То есть, возвращаясь к вопросу: деньги диктуют схему финансирования штатов и так далее...

Мудров Ю.В.:

Нет, музей тоже может заработать деньги, но директору указывают во властных структурах, и он вынужден подчиниться и вычеркнуть. Музей может заработать на науку, хотя бы частично. Где объяснение того, почему наука уничтожается?

Кривошеев Юрий Владимирович, *доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения СПбГУ (Санкт-Петербург):*

Я, находясь в вашем сообществе, могу признаться, что являюсь дилетантом музейного дела, но дилетантом, сочувствующим музеям и музейному делу большой частью своей сознательной жизни. В некотором смысле могу поэтому и со стороны посмотреть, а в каком-то смысле – и изнутри тоже, поскольку наш

исторический факультет СПбГУ достаточно плотно занимается музееведением, или, как ещё сейчас принято говорить, музеологией.

Я, собственно говоря, с печального хочу начать – как дилетант. Я знал и знаю о печальном, даже где-то о трагическом, положении музеев. Мне даже известны случаи, когда музеи, извините за такую лексику, вышвыривали из здания неизвестно куда. Наверное, каждый знает такие примеры. Но, честно говоря, я не задумывался о том, что сегодня можно говорить (а судя по тому, что прозвучало с трибуны, в кулуарах и за этим «круглым столом», – так оно и есть) о системном кризисе, музейном системном кризисе. В моём представлении это самое страшное, что может иметь место. Дай Бог, чтобы мы преувеличивали. Мы все здесь люди заинтересованные, поэтому – вдруг мы преувеличиваем?

Я работник вуза и интересуюсь делами, связанными, в том числе, и с музеями и музейной подготовкой. В моём представлении, число вузов, где так или иначе открываются новые специальности, те или иные специализации, или, как сейчас модно, бакалавриат и магистратура, растёт, как снежный вал. И получается какой-то неестественный дисбаланс между кризисом музейной системы, с одной стороны, и тем, что вузовская подготовка специалистов нарастает и нарастает, с другой стороны. Видимо, если так будет и дальше, то неизвестно, чем будущие музейные специалисты будут заниматься, потому что музеи, наверное, просто будут исчезать, и лишь какие-то обломки музеев будут оставаться, или наоборот, гранды, какие-то мегаполисные музеи... Наверное, здесь этот вопрос тоже можно поставить, и, как мне кажется, усиленная подготовка музейных работников вузами тоже должна стать своеобразным аргументом в обсуждении вопроса о том, что наука в музеях должна быть, что она самим музеям, в конечном итоге, необходима.

Но, начав таким трагическим образом это своё маленькое выступление, хочу всё-таки закончить чуть по-иному. Не всё вроде бы так и плохо, с другой стороны. Два маленьких примера. Мы усиленно занимаемся музейной подготовкой специалистов-регионоведов и специалистов по историко-культурному туризму. Есть такая специализация тоже. И это имеет некоторый резонанс. Вот, например, не так давно к нам обратились представители небольшого городка Выкса, что в Нижегородской области, – я до ноября прошлого года и не знал, что такой городок есть. Так вот, оказывается, они задумали создать целый музейный комплекс и думают, как этот музейный комплекс сделать: то ли на основе промышленных объектов – очень интересных у них, то ли, с другой стороны, – у них там великолепный, правда, почти разрушенный, гигантский монастырь есть в этом городке. И просят подсказать, помочь, может быть, и непосредственно принять участие... И второй пример: совсем в другой стороне, на севере Карельского перешейка, в Выборгском районе Ленинградской области, есть городок Святогорск, который до недавнего времени был закрытым (то есть пограничная зона там была, и свободный въезд в город был запрещён). А сейчас это открытый город, но вот открытость всё и напортила. Там существует ог-

ромный целлюлозно-бумажный комбинат, и как только Святогорск открыли как для россиян, так и для иностранных предпринимателей, этот комбинат, естественно, купили. Но там был музей – с очень неплохой для советского времени, по крайней мере с индивидуальной, экспозицией. Музей выбросили. И опять я возвращаюсь к разговору о муниципальной власти. У власти в Святогорске стоят люди, которые понимают, что не только предпринимательством, не только экономикой нужно заниматься, но и каким-то образом культуру поддерживать. И – курьёзный очень пример: для этого музея нашли здание, которое ещё недавно являлось баптистерием – до того, как баптистская община прекратила своё существование. И теперь это здание отдают под музей, причем муниципальные власти берутся это здание либо отремонтировать, либо реконструировать. Но самое интересное, что музей, который выбросили из комбината, сейчас пока базируется в детском садике. То есть есть ещё люди, подвижники, которые пытаются что-то удержать...

Гудима Т.М.:

Ответьте, пожалуйста, на такой вопрос. Вы готовите специалистов-музейщиков или историков-регионоведов. Предусмотрено ли в учебных курсах – и если да, то в какой мере и в каких формах – обучение методике научных исследований? Иными словами, студенту дают какие-то навыки собственно науки, научных изысканий? Хотя бы на элементарном уровне?

Кривошеев Ю.В.:

Здесь всё достаточно просто. Многие присутствующие здесь коллеги, которые заканчивали исторические факультеты, скажут о том, что исторический факультет всегда давал и даёт, прежде всего, фундаментальное научное образование. На кафедре исторического регионоведения существует две специализации: историческое регионоведение и историко-культурный туризм. Но если мы посмотрим учебный план, то увидим, что, конечно же, фундаментальному образованию, фундаментальным наукам там отводится большее место. Даже при том, что историко-культурный туризм несколько прикладное направление, но тем не менее мы стараемся дать студентам хорошее базовое образование.

Лелина Елена Ивановна, *старший преподаватель кафедры исторического регионоведения СПбГУ, член творческого союза музейных работников Санкт-Петербурга и Ленинградской области (Санкт-Петербург):*

Мне кажется, что о положении дел на нашей кафедре я немного рассказала в основном своём докладе. Мои студенты сейчас пошли на музейную практику, где они получают хорошую подготовку. Более того, это уже третий курс, и они уже имеют определённый навык научно-исследовательской работы, поэтому их можно использовать не просто как некую рабочую силу. И я распределяю их по малым музеям – для того, чтобы они оказались именно там, где могут быть

необходимы и полезны. Потом студенты часто продолжают поддерживать связи с этим музеем и порой даже – уже по окончании университета – поступают туда на работу, и их там используют как специалистов, способных на научные исследования.

И коль скоро мы – кафедра исторического регионоведения, естественно, мы все в целом и я в частности – как музейный человек с большим стажем – очень радеем за провинциальный музей, за малый музей, за музей, который рассказывает об истории малой родины. Можно поспорить с Юрием Витальевичем: он сказал, что любой музей должен уметь зарабатывать на себя. Да, наш столичный заработает. А музей провинциальный – не заработает.

Поделюсь скромным опытом: я несколько лет назад работала с образовательными органами и музейными структурами крошечного города Торопца. Совершенно случайно они на меня вышли. Мы заключили договор, и я регулярно, в течение нескольких лет, ездила к ним, к их учителям. Я им читала методику (это совсем не означает, что я лучше знала краеведение города Торопца). Они изумительные люди, изумительные энтузиасты. Но есть беда у провинциального краеведа: он методически не может собрать и не готов методически грамотно составить программу, с которой мог бы выйти на того же школьника или на того же посетителя музея.

Так вышло, что я полюбила этот город, и у нас получилась программа, причём самое интересное, что нашлись талантливые, великолепные её исполнители, и эта программа (краеведческая, на базе музея и на базе – там две школы всего лишь – этих двух школ) благополучно продолжается без меня. Что, в принципе, и следовало доказать.

Поэтому мне кажется, что каждый малый музей должен иметь статью расхода на то, чтобы пригласить специалиста. А мы с вами должны составить базу данных таких специалистов, куда провинциальный музей мог бы выйти и выбрать: или научное учреждение, или учебное, или, может быть, это будут даже отдельные специалисты. И дальше всё это, мне кажется, уже сможет работать – мой скромный опыт меня к этой мысли привёл....

Пахоменкова Марина Михайловна, *заведующая историко-краеведческим музеем (Новоржев):*

Я представляю маленький краеведческий музей соседнего города Новоржева. Вы, наверное, знаете о печальном нашем событии: 4 января у нас был пожар, поэтому я не смогла подготовить выступление, но сказала, что выступлю на «круглом столе», потому что для моего музея тема нынешних чтений – очень злободневна.

Я пришла в музей 20 лет назад и поступила заочно в Ленинградский институт культуры – тогда ещё не было музееведческого факультета, и я все работы делала, конечно, на музейной основе, работая только с музеем. И однажды ко мне пришёл посетитель, молодой человек, и сказал: «Всё это, конечно, инте-

ресно, Марина Михайловна, но что же ещё делали, чем жили местные жители, кроме ярмарок, частушек и ремесла?» И мне стало стыдно: я не смогла ответить на этот вопрос. Я сказала: «Приходите через год». Я обратилась в учебные заведения, в пединститут, к специалистам в наш головной музей (мы филиал Псковского музея-заповедника), но мне не смогли помочь – музейные специалисты были очень узкой специализации... И я взялась изучать всё это сама – не будучи человеком науки и не историком тем более.

В результате на данный момент у меня несколько исследований. Одно из них посмотрел Евгений Викторович Анисимов[1], которого все петербуржцы знают, и сказал: «Мариночка, это готовая кандидатская». Но диссертация – для меня не цель. Мне интересно далее изучать историю данной местности. Есть замечательные картотеки, которым умиляются здешние сотрудники: купечество, мещанство, дворянство... Сейчас я делаю энциклопедию деревень Пусторжевской земли Новоржевского уезда в том числе, и эта работа подойдёт к концу в этом году, – так, по крайней мере я надеялась до вот этой страшной истории, которая произошла у нас 4 января.

К чему я веду этот долгий разговор? Дело в том, что по 131-му закону нас должны передать в ведение муниципальных органов, и это страшно. На данный момент для нашего музея это – трагедия, потому что жизнь любого краеведческого музея зависит только от субъективных взглядов руководителя данного поселения. И все многочисленные документы по работе муниципальных учреждений, которые сейчас существуют, не имеют обязательного характера, а имеют рекомендательный характер, то есть исполнять то, что в них прописано, не обязательно.

И хорошо, что я располагаю материалом, который собрала за эти годы и который буду перерабатывать, пока буду работать и жить в музее. Но что же делать другим музеям, когда там не будет научного сотрудника, как, например, предполагается в моём музее? Мой музей передадут в структуру местного руководства, и уже сказано, что там останутся только директор и один технический работник.

Мы сейчас считали, сколько должен специальностей иметь работник провинциального музея. Когда я, в силу обстоятельств, работаю одна, я должна знать 11 профессий. И каждая из них предполагает огромное количество инструкций и законов к немедленному исполнению. И когда мы приходим за помощью, за консультацией в какое-либо учреждение, как вот, например, у меня получилось, а там не оказывается человека, который может помочь, подсказать, то что же делать дальше? Выходить на гранты? Но это тоже нужно уметь. Да, на сегодня у меня вышло получить грант или премию «Единой России» – я стала лауреатом конкурса социальных проектов. Но это случай, а что же будет системного? И что

[1] Анисимов Евгений Викторович (1947) – российский историк, доктор исторических наук, профессор, специалист по политической истории России XVII—XVIII веков, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. (***Прим. ред.***)

будет, когда глава районной администрации будет утверждать мою концепцию? Он инженер-механик, но у него есть юридическое право утверждать музейную концепцию – вот в чём и состоит трагедия...

Мудров Ю.В.:

Можно задать вопрос? Тамара Михайловна, вы владеете материалом и ситуацией. В законе замечательном этом слово «музей» прописано?

Гудима Т.М.:

Для организаций музейного и не только музейного дела складывается новая ситуация. Принципиальной политической позицией государства является линия на разграничение полномочий между органами власти, и для того чтобы эту политику осуществить, приняты все принципиально необходимые законы. Есть точное определение: Федерация занимается вот этим, области и республики занимаются этим, местное самоуправление занимается тем. Я беру только нашу сферу – сферу культуры. Реальная ситуация в культуре сейчас такая: доля федеральных учреждений культуры (я имею в виду и музеи, и всё остальное) – 0,4% всего, что имеет Россия; доля областных, республиканских учреждений – 4,5%. Остальные 95% учреждений культуры – в том числе музеи – находятся в ведении местного самоуправления. Это реальная ситуация.

Сложность положения состоит ещё и в том, что с разграничением полномочий произошло разграничение бюджетов. И направление каких-либо средств из федерального бюджета на областной объект, на областную или тем более на местную программу – это такая редкость!.. Есть пока несколько механизмов: гранты, премии, конкурсы, какие-то другие разово объявленные программы. Уважаемые друзья, вот та реальная ситуация, в которой мы сегодня должны искать рациональные решения, рациональные выводы.

Я особенно внимательно слушаю ваши ответы на вопрос о том, где выход и как в этих условиях действовать. Это очень важно, чтобы мы обрисовывали ситуацию, которая сложилась сегодня. Да, учредителем муниципальных музеев сегодня является муниципальная власть. Да, они будут утверждать ваши уставы, ваши проекты, и они будут отвечать за финансирование, за существование этого музея.

Когда вышел 131-й закон, то все полномочия местных органов власти в области культуры там были заключены в два предложения: первое предложение – о библиотечном обслуживании и второе – о создании условий для отдыха. Больше никаких полномочий по культуре у местных органов власти не было. После этого была полугодовая борьба – крайне резкая, на самом верху, и в декабре 2006 года вышел 199-й закон, который поправил 131-й, и местные органы власти в сфере культуры сейчас имеют самые большие полномочия. Сейчас там и музей, сейчас там и памятники, и библиотечное обслуживание. Вывод: в каждом из местных органов власти обязательно должны быть специалисты,

занимающиеся культурой. Если не отдел, то, по крайней мере, два работника, потому что иначе эти полномочия не выполнить.

Закон только недавно начал действовать, опыт только копится, и каждая крупица его сейчас необыкновенно ценна для каждого из нас.

Мы продолжим этот разговор, я просто хочу, чтобы все собравшиеся здесь верно понимали современную ситуацию. Вот тут прозвучало: может быть, действительно, единственный выход – это создание на уровне области или на уровне большого города какого-то центра научной консультации для музеев? Может быть, действительно, выход в том, что среди обязательных статей расхода должна быть статья для оплаты научных консультаций? Может быть, выход в том – и я не случайно задала такой вопрос, – чтобы при подготовке специалиста определённого профиля включать в учебный план изучение методики научного поиска? Мы все через это прошли в институтах: писали первые свои научные работы, но, как котята, не знали, как литературу найти, что такое библиография... Так, может быть, студента, который потом пойдёт работать в музей (и я бы добавила, пойдёт работать в библиотеку) кто-то уже на уровне профессиональной подготовки этому научит? И этот студент, приходя в музей, будет прекрасно понимать, что музей не может обойтись без науки, но эту науку именно он, молодой специалист, должен с собой принести в той части, которая касается его предмета. Может быть, в этом выход? И тогда мы напишем категорическую просьбу, рекомендацию всем вузам, которые готовят специалистов для музеев, – обязательно вести эту подготовку...

Мы бы чрезвычайно нужное для всей страны дело совершили, если бы какие-то наши мысли, рекомендации смогли сегодня сформулировать и передать. Это, действительно, освоение новой обстановки, в которой сегодня все музеи работают, причём осмысление её через главную проблему – «наука и музей».

Андреев Андрей Эльфович, *начальник службы по охране памятников и историко-культурных территорий Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы)*:

Если позволите, коротко о наших проблемах и предложениях. Музей-заповедник – это феноменальное явление. Наша экскурсия выходит за стены выставочного зала. Объектами приобретения, изучения, хранения у нас являются и природные объекты, и ландшафтные образования, в том числе – культурный ландшафт. И наибольшие наши трудности начинаются на стыке действий, производимых Министерством культуры и Министерством природных ресурсов Российской Федерации. С Тамарой Михайловной мы были в Кенозерском национальном парке, там поднимали эти вопросы, и эти вопросы я хотел бы поднять ещё раз.

Да, действительно, у нас в стране существует научное учреждение, которое занимается проблемами музеев-заповедников. Это Институт культурного и при-

родного наследия. Да, мы в какой-то степени защищены законодательно, потому что Пушкинский Заповедник, вы знаете, включён в государственный свод объектов особо ценного наследия – культурного и природного. То есть эти объекты равнозначны, и, очевидно, равнозначными должны быть для хранителей музеев, для научной части музеев рукопись Пушкина и озеро Маленец, Савкина Горка и Святогорский Свято-Успенский собор.

Но там, где начинается природная зона, и там, где начинается зона культурного ландшафта, мы сталкиваемся с катастрофическим непониманием – как по ряду положений устава, который нам был спущен, так и по вопросам финансирования. Речь идёт не об изучении исторического природопользования землями, которые при Пушкине пахались, – речь идёт о том, что для восстановления этого природопользования мы сейчас не можем купить семян или удобрений.

Очевидно, здесь можно пойти путем разовых акций. Классический пример разовой акции: наша служба в своё время инициировала создание проекта очистки озера Кучане. На проект пошли деньги из Минприроды. Они прошли, и мы сейчас мучаемся с экспертизой, потому что Министерство культуры под этот проект денег не даст. И, когда встанет вопрос об исполнении (мы сейчас нашли деньги, провели госэкспертизу бесплатно, сейчас пробиваем финансирование на выполнение работ), разрешит ли нам Министерство культуры контролировать эти работы? Выделит ли какие-то средства на научный контроль этих работ, на то, чтобы пригласить специалиста? Предсказать невозможно.

И как нам соединить для музеев-заповедников деньги, которые идут по линии двух министерств – на любые цели, и в том числе, в первую очередь, на научные? Делить музей по функциональным зонам на природные объекты, создавать национальный парк и выделять рядом с ним цель музеев, очевидно, нецелесообразно, потому что мы утратим хорошее, получим худшее.

Решение проблемы – в расширении правового поля: нам нужен закон о музеях-заповедниках. Если его не будет, то фактически ландшафт как природный объект, равно и остальные природные объекты, не будут защищены ни в процессе хранения, ни в процессе изучения. Нам, безусловно, нужны уставные возможности работать с другими структурами, не входящими, может быть, в культурологическое научное сообщество, потому что без привлечения специалистов народного хозяйства, без привлечения специалистов-природников, без проведения научных исследований в сфере народного хозяйства и природопользования музей-заповедник существовать не сможет.

Гудима Т.М.:
Спасибо!

Агамалян Л.Г.:
Можно два слова? Совершенно верно поставлен вопрос. И это касается

не только природного ландшафта. Это касается и архитектурного памятника, который восстанавливают либо в соответствии с представлениями инженера-механика, возглавляющего муниципалитет, либо в соответствии с историческими документами и с результатами исследований, когда исследуется каждый сантиметр, когда исследуются слои, когда выявляется достоверность росписи, лепки и так далее. И это тоже – наука в музее, без которой музей, собственно, и не музей уже, а что-то иное.

Мудров Ю.В.:

О законе о музеях-заповедниках. Скажите, пожалуйста, на Межпарламентской сессии СНГ принимали модельный закон, там как раз были подняты вопросы научно-исследовательской деятельности, основных задач – этот документ как-то действует? Работает?

Гудима Т.М.:

Закон, принятый Межпарламентской ассамблеей, называется «модельным». Это значит, государством он может быть использован как образец. Он не является документом обязательного выполнения.

Разговор о музеях-заповедниках и единстве природного и культурного наследия – самостоятельный, очень интересный разговор, вплотную связанный с темой «Наука в музее», но всё-таки он лежит несколько в иной плоскости. Эта тема требует сама по себе большого углубления. Но я бы хотела – может быть, в порядке ответа на поставленные вопросы – сказать, что есть два решения.

Первое решение – то, что выражено в подготовленном варианте закона. На сегодняшний день обстановка изменилась таким образом, что новый Комитет по культуре Государственной думы и новый председатель этого комитета готовы этот закон, который раньше всё откладывали, рассматривать. Документ разработан, почти со всеми согласован. В нём прописан особый статус музея-заповедника. И, конечно, главная проблема в этом законе – защита территорий музея-заповедника. Самая острая и самая больная тема.

Но вместе с тем если обратиться к мировому опыту, то почти во всех странах с высоким уровнем развития организационные структуры, которые занимаются культурным и природным наследием, являются едиными структурами. И эти вопросы решаются в комплексе – культурное и природное наследие.

Письмо по итогам конференции, о которой вы напомнили, сравнительно недавно направлено президенту. Письмо с просьбой рассмотреть вопрос о том, что особо ценные территории, которые являются и природным, и культурным наследием и которые мы обязаны сохранить и завещать будущим поколениям, должны находиться под особым патронажем государства. И под особой ответственностью государства. Америка в своё время распродала всё в частные руки, а потом, чтобы создать систему национальных парков, за дикие деньги выкупала у частников эти земли, чтобы объявить национальным достоянием и создать

необходимый для каждой территории запас особого богатства – и природного, и культурного. Нам, чтобы не потерять это богатство, меры надо принимать уже сейчас. Письмо подписано большими учёными, руководителями. Я надеюсь, что, видимо, уже после выборов, но тем не менее ответ на это письмо будет дан. И мы, честно говоря, ждём реакции на это письмо, ждём принципиального решения проблемы.

Если обсуждение темы мы продолжать не будем – она, повторю, чрезвычайно важная, но просто немножко другая, – тогда давайте обратимся к продолжению разговора по нашей главной теме – «Музей и наука».

Белецкий Сергей Васильевич, *доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург):*

Я заявлен в программе нашей конференции как ведущий научный сотрудник Института истории материальной культуры, но сейчас я буду говорить не как сотрудник Академии наук, а как профессор кафедры музееведения Санкт-Петербургского университета культуры и искусств. Я не музейщик-практик, хотя в музее работал, работал в Эрмитаже, и мне приходилось принимать участие в подготовке экспозиций и в подготовке экскурсий, но практический опыт у меня в этой области не очень велик. Так что я не решусь здесь давать музейщикам какие-то рекомендации, но мне хотелось бы сказать несколько слов о подготовке специалистов-музейщиков.

У музея, в моем представлении, есть четыре функции: собрать, сохранить, изучить и показать. Я бы расставил эту квадригу в следующем порядке. В первую очередь, музейщик обязан сохранить то, что ему передали его предшественники, и передать это своим преемникам. Только музейщик-профессионал способен грамотно проделать эту процедуру: принять, сохранить и передать, и этот процесс хранения, на самом деле, архивсесторонний, он – подчеркну! – по силам только профессионалу-музейщику.

Второе, что, в моём представлении, должен музейщик, – это показать. Только профессионал способен показать те богатства, которые находятся в фондах музея. Но может случиться так, что в маленьком музее нет специалиста-экспозиционера. Это вполне возможно, это случается довольно часто, очень часто. И, для того чтобы создать грамотную экспозицию, любой музей, в том числе и маленький, должен иметь средства для привлечения консультанта. Привлекать консультантов при создании экспозиции не гнушаются даже крупнейшие музеи мира, такие как Эрмитаж. Я хорошо помню, как готовили выставку «Сокровища Трои», и в подготовке этой выставки заняты были, наверное, половина всех специалистов Питера.

Третье по значимости – это собрать. Только музейщик-профессионал знает, где лакуны в музейном собрании. Но вполне возможно, что в маленьком музее может не оказаться специалиста, который способен пополнять фонд (как пра-

вило, в больших музеях эти специалисты всё-таки есть). Никто не мешает приглашать такого специалиста со стороны из более крупного музея, но для этого маленький музей опять же должен располагать соответствующими средствами. Кроме того, мы все знаем, что даже в крупных музеях фондообразователи часто бывают внештатными. Возьмите все археологические экспедиции, которые передают свои коллекции в музеи: практически фондообразователями являются не музейные работники, а те, кто передаёт. Музейный работник принимает эту коллекцию как некое целое. То есть и здесь (и даже очень часто) возникает необходимость привлекать специалистов со стороны.

И, наконец, четвёртое: изучить. То, о чём мы, собственно, и говорим. В моём представлении, для любого музея «изучить» – это всё-таки «в-четвёртых». Хотя реально – стоп, я договорю! – хотя реально, несмотря на то что это «в-четвёртых», но это оказывается самым главным. Потому что, не зная, что он хранит, музейщик не способен ни создать экспозицию, ни пополнить фонды, ни даже сохранить то, что уже есть: музейщик, хранитель должен знать, к какому специалисту-реставратору обратиться, чтобы вещь не погибла, к каким специалистам-консультантам обратиться, чтобы атрибутировать вещь. Меня поразил пример, который в своем сообщении привёл Терюков: пример датировки вещи по изображённому на ней кораблю. Это изящно сделано, это то самое, чем обязан владеть музейщик! Это и есть музейная наука.

Мудров Ю.В.:
А научная каталогизация?

Белецкий С.В.:
Мы все знаем, в чём разница между каталогом выставки и научным каталогом. Так вот, музейщик обязан сделать идеальный выставочный каталог. Если он не способен сделать идеальный научный каталог, он должен иметь возможность пригласить специалиста со стороны. Такая возможность должна быть у любого музея.

И сейчас скажу как человек, который готовит студентов. Тамара Михайловна, вы справедливо спросили: а учат ли студентов научной работе? Так вот, я ответственно говорю, что научной работе студента учит его научный руководитель. Специально научной работе вузы не учат. Преподаватели вузов показывают, как заниматься наукой. Если у студента, у будущего специалиста, есть вкус к науке, то он будет учиться сам. И любой преподаватель видит студента, у которого, что называется, глаза горят, и работает с ним особо... А вкус к науке есть далеко не у всех.

Я помню, когда я учился, у нас читал спецкурс Лев Самойлович Клинов. Я знаю, что равноценного курса не было нигде. Методика кабинетной археологии, методика кабинетной науки. То есть нас учили методике доказательства, методике опровержения и так далее – и я не знаю, есть ли сейчас хоть один вуз, в котором этому учат. И не потому, что не хотят, а потому, что некому учить. Нет

в вузах, да и не только в вузах, специалистов такого класса, которые способны научить науке. Науке, на мой взгляд, научить нельзя, ей можно только научиться. И это обучение науке идёт один на один, между учителем и учеником. Учить курс, поток, группу этому невозможно. Всё, что может сделать педагог, в том числе и тот, кто готовит будущих музейных работников, – это демонстрировать на своих занятиях путь исследования: «как я сам исследую... вот вам набор памятников, как из них извлечь информацию?..»

И ещё два слова. Мудров задал хороший вопрос: в чём причина наезда – извините за такое грубое слово – на музеи? И тут же прозвучал ответ: деньги. Да, конечно деньги, но я думаю, что есть и ещё одно обстоятельство. В моём представлении музеи, и особенно научные работники в музеях, всегда были в своём роде олицетворением внутренней свободы человека. Исследователь всегда внутренне свободен и наименее зависим от власть имущих. Потому что учёный (я не имею в виду котов учёных), исследователь, он, как правило, самодостаточен, и он, как правило, – думающий человек. И причина того, что сейчас происходит, того, что мы все видим, в моём представлении, не только в деньгах. Мне лично всё это напоминает то, что творилось в конце 20-х годов, когда начинался разгром краеведения: это была ликвидация последних малюсеньких островков внутренней свободы, уничтожение наиболее думающей части общества. А как к этому готовили широкие массы... Тут я всегда привожу один и тот же пример: всеми нами любимую детскую книгу «Бронзовая птица» Рыбакова. Вспомните, как там показано, какие мерзавцы эти краеведы и как они хотят возродить старое общество, как хотят вернуть к власти капиталистов. Благодарю вас.

Кривошеев Ю.В.:

Ремарку можно? Мне представляется, что Сергей Васильевич спутал два понятия: высококлассный специалист (или хотя бы просто классный специалист) и учёный. Он говорил об учёных, и естественно, что это штучная продукция, а что касается высококлассных специалистов, то любой вуз должен их готовить, иначе грош ему цена.

Белецкий С.В.:

Позвольте ответную ремарку. Дело в том, я свято убеждён в том, что не бывает науки и научной работы первого и второго сорта. Дело не в штучности подготовки, а дело в обучении методике работы. Обучить научной работе можно только того, у кого есть к этому вкус. Остальная же группа обучающихся должна понимать, что без научной работы деятельность в музее невозможна, и этого уже будет достаточно. Научить науке можно только в варианте производства штучного товара.

Воронкова Елена Владимировна, *заместитель директора по научной работе Государственного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Изборск» (Псковская область):*

Кто бы спорил, что обучать нужно тех, кто имеет вкус к науке. Но дело в том,

что, как правило, музейные сотрудники – это своего рода каста, здесь редко задерживаются случайные люди. Хотя проблема в подготовке кадров всё-таки имеется...

И, продолжая наши кулуарные разговоры, я бы затронула вот какую тему. Ни для кого не секрет, что система повышения квалификации музейных сотрудников на сегодняшний момент оставляет желать лучшего. Есть разные пути решения этой проблемы. Один из них – то, что делают коллеги по линии ЮНЕСКО, при поддержке государства. Они – я тоже позволю себе вольный глагол – мониторят территорию, выявляют проблему и принимают решение по конкретной, определённой территории. Но это, повторю, делается по линии ЮНЕСКО, наша же государственная система повышения квалификации (не подготовки студентов, новых сотрудников, а именно переподготовки кадров, повышения квалификации работающих специалистов) на сегодняшний момент практически разрушена. Вот одно из предложений: на уровне государственных структур формировать экспертные группы, которые могли бы исследовать конкретную территорию, изучить потребности этой конкретной территории и принять решение по области, по какому-то отдельному муниципалитету, потому что внутри одной области, ввиду многопрофильности наших музеев, могут быть разные проблемы. Это первое, что мне бы хотелось озвучить.

Вторая проблема, о которой бы мне хотелось сейчас сказать, – это финансирование музейных проектов. Это больной, очень больной для всех музейщиков вопрос. Дело в том, что государственная поддержка определённых видов музейной деятельности существует в виде грантов: это программа «Культура России», некоторые другие программы. Но малые музеи не конкурентоспособны в борьбе за эту грантовую поддержку. И моё предложение состоит вот в чём: должен существовать какой-то подраздел, какая-то целевая программа поддержки именно малых музеев. Собственно, государственные программы должны подразделяться на целевые группы: для крупных музеев, для муниципальных музеев, для музеев регионального подчинения – чтобы конкурентная борьба внутри этих групп была на равных.

Другая сторона вопроса: грантодатели, как правило, поддерживают так называемые инновационные проекты. А инновационные проекты никак не могут быть оторваны от проектов базовых, от основных задач музея-заповедника – они вырастают на них. То есть нужно же как-то поддерживать и традиционную деятельность в музеях.

И ещё один больной вопрос. Статьи государственной поддержки очень специфичны. Зачастую мы сталкиваемся с ситуацией, когда насущные проблемы музеев – финансовые, материальные – не решаются. Это, например, приобретение фондового оборудования. Обеспечение фондовой сохранности коллекций – одна из наших основных задач. Почему я адресую эти вопросы именно к государству? Потому что мы все, вплоть до самых малых муниципальных музеев, выполняем государственный заказ, сохраняем государственный фонд Российс-

кой Федерации. На муниципальном уровне, на региональном уровне, на уровне губернатора и районных властей, где должны теперь принимать решения по нашим проблемам, эти самые проблемы кажутся не актуальными. И поэтому в программу поддержки музея целесообразно включать статьи на приобретение оборудования для фондов, статьи на пресловутую компьютеризацию, потому что сейчас без электронных каталогов мы не можем решить даже насущные проблемы, не можем уже справиться с обработкой фондовых коллекций и обеспечить их доступность населению, в то время как востребованность фондовых коллекций исследователями возрастает с каждым днём. Я думаю, что коллеги подтвердят мою правоту: растёт спрос, причем растёт в самых разных целевых группах – от школьников, которые работают с собственными школьными музеями, до серьёзных исследователей. Нельзя ни в коем случае отбрасывать и человека «с улицы», который пришёл, чтобы «приобщиться» к культуре.

И только действительно научный подход поможет преодолеть тенденцию, я бы сказала, «культурного гамбургера». Ведь огромное количество людей приходят сейчас в музей не за высоким, а чтобы съесть этот культурный гамбургер – простите уж за такую пищевую аналогию. А нас сейчас превращают в культурно-досуговые учреждения. В этом бы не было большого зла, потому что через все органы чувств происходит приобщение к культуре, но мы, кажется, перегнули палку. Большие фестивали, большие мероприятия – это прекрасно, но только в том случае, если и они максимально привязаны к реальности. И это требует очень большой, очень серьёзной научной работы. Спасибо.

Белецкий С.В.:

Два слова можно? Дело в том, что Изборский музей – это уникальный музей, фактически единственный в России почти на 90 процентов археологический музей с огромными фондами. Перед ними проблема реставрации, например, куда более остро стоит, чем для большинства других.

Мудров Ю.В.:

Позвольте мне здесь ремарку, связанную с тем замечанием, что государство, имея государственный музейный фонд, вопросы о его содержании во всех, кроме федеральных музеев, спустило на муниципалитеты, на областной уровень и так далее. Но это же какой муниципалитет сможет хотя бы сто экспонатов содержать?

Медникова Татьяна Викторовна, *ученый секретарь Псковского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника (Псков):*

Я хочу сказать о главном, чем должен заниматься музей: это фондовая, научно-фондовая работа. Главным направлением работы музея является формирование и сохранение коллекций. Наш музей – один из старейших если не в России, то на Северо-Западе точно. Ему уже более 130 лет. И коллекции музея в настоящий момент насчитывают почти 500 000 единиц фондового хранения.

Чем должна заниматься наука в музее? Изучением своих коллекций, прежде всего. Мы выделяем три направления в нашей деятельности: научно-фондовое, научно-исследовательское и научно-просветительское. На второе место мы ставим, конечно, научно-исследовательскую деятельность, потому что прежде чем представить в экспозиции и показать посетителю вещи, мы должны их изучить. Иначе экскурсовод не может полно давать материал.

Поэтому я считаю, что полнота научной работы в таком музее, как наш – где все фонды разделены по видам материалов, – напрямую связана со степенью изученности фондовой коллекции. Всем известно, что мы храним блестящее собрание древнерусской живописи, собрание русской живописи XVIII–XX веков. У нас, как и в Изборском музее, огромная археологическая коллекция, что составляет предмет нашей гордости. И надо сказать, конечно, что для науки в нашем музее огромное поле деятельности.

И ещё я считаю, что высшим пилотажем музейной работы, конечным результатом научной деятельности в музее, конечно, является каталогизация, создание каталогов музейных коллекций, которые могут помочь и академической науке, потому что, каталогизируя, мы вводим в научный оборот тот материал, который храним. Это моё глубокое убеждение, убеждение моих коллег, которые меня сюда делегировали, фондовиков.

Ведь самая большая проблема в музее на текущий момент – это проблема сохранности фондовых коллекций. То, за что нас ругают, за что, можно сказать, нас бьют сейчас. И это проблема, с которой мы сами справиться не можем. Здесь нужна государственная поддержка, а мы – музей регионального подчинения; наши учредители – Комитет по культуре и туризму администрации Псковской области. Нам нужны хранительские помещения, которые отвечали бы современным требованиям. И, конечно, проблемы сохранности напрямую связаны с проблемами реставрации, потому что, если мы глобально не возьмемся за поддержание, консервацию тех вещей, которые мы храним, мы можем очень скоро потерять многое. У нас прекрасное собрание рукописей, редких книг, документов, которые в своё время были очень высоко оценены Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым: он был частым гостем в нашем древлехранилище. Так вот, 80 процентов из того, что мы там сейчас храним, нуждается в реставрации. Представляете себе, что это бумажный, условно можно назвать, фонд, который требует, естественно, и особых условий хранения...

В заключение скажу, что я – консерватор, я – за традиционные формы работы в музее, то есть за то, на чём наш музей строится. Наш музей создавался как общественный музей членами сначала Археологической комиссии, потом Псковского археологического общества. В городе было мощное краеведческое движение. И об «исследованиях памятников псковской старины» краеведы говорили уже в 1880 году, когда учреждали устав ПАО. Поэтому для нас всё это аксиомы: исследования никто у нас не отбирал. Спасибо за внимание.

Гудима Т.М.
Скажите, пожалуйста, в связи с этим: в коллективе музея сколько человек?

Медникова Т.В.:
У нас объединение, в котором 303 сотрудника по штатному расписанию, в головном музее – 170.

Гудима Т.М.:
Вы очень убедительно говорили, что в вашем музее есть наука. Наука особая, музейная: это и собрание фондов, и сохранение фондов, и научная реставрация; и везде без слова «научная» работы не может быть. Да, очень убедительно и очень точно. Но какова качественная профессиональная характеристика основного состава музея, то есть какие специалисты, что за специалисты? Уровень их научной квалификации, подготовки? Вот, скажем, научная реставрация. Сам музей, сам коллектив, в какой мере кадрово обеспечен для решения этой задачи?

Медникова Т.В.:
Отдел научной реставрации у нас, конечно, нуждается в специалистах-реставраторах. У нас два человека занимаются темперной живописью, один человек – масляной... Очень нуждаемся в реставраторах по бумаге. Конечно, я могу сказать, и это не секрет, что мы испытываем кадровый голод, нам не хватает специалистов по всем направлениям работ. Но я глубоко убеждена в том, что вообще музейный специалист формируется в процессе работы в музее и никакое учебное заведение не способно дать готового специалиста. Причём должно пройти, как минимум, лет пять... Я работаю в музее тридцать лет, и мне кажется, что только пять лет назад я поняла, что такое музей. К этому надо идти, идти, идти.

Пахоменкова М.М.:
Хотела бы добавить по поводу специалистов. Я уже говорила, что почти год на данный момент работаю одна. Ставка есть. Ко мне пришёл ребёнок (я по-другому не могу назвать эту девочку из культурно-просветительного училища, а педагог вообще ко мне не пойдёт, потому что зарплата маленькая)... Вы не забывайте, что готовите своих специалистов «в никуда». Они не придут в музей – настолько малы ставки. У меня 14-й разряд, 30-процентная надбавка за стаж, и я получаю со всеми надбавками четыре тысячи рублей. Может на начальную ставку прийти студент, которого вы так тщательно готовите в университете? И будет работать? Нет. Мне очень понравилось, как сказал вчера президент, что «он раб на галерах был восемь лет». Вот и мы... Только не знаю, получил ли он удовольствие от этой службы на галерах? Я, например, получаю, отработав в музее уже двадцать лет. И я считаю, что меня неправильно называть музейным

работником, потому что никакой работник за эти слёзные деньги работать не будет...

Смех. Аплодисменты.

Мудров Ю.В.:
А сколько младший научный сотрудник получает?

Пахоменкова М.М.:
Две тысячи.

Агамалян Л.Г.:
Реплику можно? Я хочу напомнить, что основной корпус музейных работников, которые сейчас работают в музеях Российской Федерации, никакого специального образования не получал.

Воронкова Е.В.:
Это к вопросу о повышении квалификации.

Ешина Татьяна Сергеевна, *начальник службы творческих программ и массовых мероприятий Пушкинского Заповедника (Пушкинские Горы):*

На фоне такого грустного обсуждения зарплат я бы хотела очень коротко поделиться с вами положительным опытом и немножко поговорить о двух направлениях музейной работы – изучение и показ – на примере нашего последнего проекта, который мы осуществляем с октября 2007 года. Во время проведения в Заповеднике «Дня лицея» мы подружились с федеральным управлением «Почта России».

Так мы нашли новый выход для наших новых научных тем. Причём к работе над этим проектом мы пошли по нескольким направлениям. Мы привлекли как «Почту России», так и управление образования и в том числе профессиональное образование, бывшие профтехучилища, которые сейчас называются лицеями. Вместе с «Почтой России» мы по-новому посмотрели на наши архивы и фонды, на письма, которые мы храним и которые у нас являются основой экспозиции. Где, как не в нашем Заповеднике, возрождать эпистолярный жанр на примере пушкинских произведений.

И сейчас мы вместе с «Почтой России» создаём уголки письма в наших усадьбах. Создаём вместе с ними экспозиции, которые рассказывают о культуре письма – как детям школьного возраста, так и студентам. Данный проект позволил сотрудникам музея по-новому подойти к планированию своих научных работ. Они смогли по-новому посмотреть на то, что на протяжении многих лет хранилось в Заповеднике, что, хотя, казалось бы, и изучено, но и дальше может изучаться.

Мне кажется, что, обсуждая тему «Наука и музей», мы не должны забывать ещё и о востребованности тех научных работ, которыми мы занимаемся. Спасибо.

Черкасова Ольга Анатольевна, *заведующая музеем-усадьбой Н.К. Рериха «Извара» (Ленинградская область):*

Я бы хотела затронуть несколько вопросов, потому что много из того, что коллегами было высказано, естественно, требует отклика.

Начну со статусов областных музеев. Я уже девятнадцать лет работаю в музеях Ленинградской области и не идеализировала бы прежнюю систему объединения музеев, хотя она в своё время была создана по объективным причинам и помогла многим музеям в процессе их становления, собирания каких-то элементарных коллекций. Но любое явление, эволюционируя, проходит определённые фазы. Поэтому на том этапе, когда эта система себя изжила, когда назрел кризис, объединение приняло новую форму – форму агентства. Тогда, как вы помните, решались определённые проблемы, речь шла об объединении более демократичном. Многих не устраивало, что музеи (тогда их было более двадцати) должны были всю свою выручку привозить в центр, отдавать не глядя, потом писать какие-то заявки, по которым нам деньги то выделяли, то не выделяли, кому-то больше, кому-то меньше, то есть явно шла некая дискриминация. Потом это стало развиваться в ещё более мрачном варианте... Когда началась эта своего рода революция в нашем ленинградском музейном сообществе, речь шла о том, что музеи будут более самостоятельны, что мы сможем 90 процентов своих доходов тратить на развитие и так далее. Но среди этого всего был уже тогда очень серьёзный момент, о котором сегодня уже говорили: перед нами уже тогда встала страшная угроза передачи всех нас в муниципалитеты.

Вот это действительно страшный суд для всех музеев! В нашем Волосовском районе долгие годы существует – фактически еле теплится – краеведческий музей, где один работник на полставки, то есть можно представить, что это за музей и какие у него перспективы.

Поэтому и было создано агентство, при организации которого, конечно, было заявлено, что подход к музеям будет дифференцированный и если какие-то музеи, прежде всего усадьбы, музеи-заповедники, хотят – то будут юридическими лицами, другие, более мелкие музеи, пусть объединяются и так далее. Но эта гибкая система так и не была по каким-то причинам оживлена.

Конечно, вопрос назрел, потому что существуют прекрасные усадьбы, удивительные памятники. Я думаю, что слишком богата Ленинградская область, что мы можем не глядя объединить в одно – тридцать музеев. Хоть один из здесь присутствующих возьмётся управлять тридцатью музеями сразу? Быть директором тридцати музеев? Никто, конечно, если учесть, что это и уникальный Выборгский замок, и Ивангородская крепость, и городские усадьбы, и прочее.

Естественно, такое объединение нежизнеспособно, в смысле развития музея как динамичной, современной системы, и это понятно. Но субъективные причины продолжают существовать, и они были здесь озвучены. Разделение уровней

ответственности привело к ожидаемому результату. Всё зависит от Сердюкова[1], который, приехав однажды в наш музей, посмотрев на этот огромный училищный дом, сказал: «Давайте сделаем центр». На все наши предложения он кивал головой, а потом повторил, что здесь будет международный центр и давайте соберите совещание. Но совещание ничем не кончилось, потому что все дружно проголосовали за то, что музей-усадьба достоин того, чтобы развиваться самостоятельно, а уж все остальные проблемы решатся сами по себе. Был даже написан проект о создании музея-усадьбы. Естественно, он не был создан, потому что мы бы нарушили эту систему, дали бы повод другим и, таким образом, музейное агентство если бы не распалось, то уменьшилось бы на треть точно.

Словом, ситуация сегодняшнего дня такова: если губернатор даст свободу – будем свободны; если не даст, то как бы мы ни хотели, как бы ни строили свои планы, мы не сможем их осуществлять. Много лет назад, когда создавался союз музеев, уже тогда ведущие сотрудники министерств, почувствовав, как идёт развитие, говорили: создавайте что-то параллельно, например, создавайте фонды в историко-культурном центре. К этому моменту такой центр уже существовал, в следующем году ему исполнится 10 лет, и, наверное, приходит момент, когда такие фонды могут понадобиться. То есть я хочу сказать о том, что многие правовые вопросы до сих пор не решены. И, на мой взгляд, проблема не только в том, какое место занимает наука в музее, – речь идёт о девальвации понятия музея как такового, его значения.

Недавно мы все были свидетелями печального события, связанного с Эрмитажем. Многие из присутствующих были в музейном театре, и вы помните, как дружно, пока ругали Пиотровского и всех нас в его лице, в зале сидели журналисты и всё записывали. Потом всю прессу выставили за дверь – я абсолютно не поняла почему, – и начался разговор о проблемах с мест, разговор совершенно конкретный и объективный, но вот в это журналистов уже никто не посвящал, интересна была лишь та, другая сторона медали. Мы это почувствовали, когда люди потом приходили в музей и говорили: «Ну, ладно, вы тут в лучшем случае пьёте чаи, если не воруете»...

Правда, это помогло нам консолидироваться, мы начали думать, как выйти из этого положения. И я считаю, что нынешнее «а может, и наука-то в музеях не нужна?» – просто следующий такой посыл, следующее нам предложение.

Можно отказаться от науки в музее, от самого понятия «музей» и вообще забыть историю вопроса, забыть историю культуры. Но тогда мы – Иваны, не помнящие родства, а это самое страшное. Ещё один шаг, и книги будут сжигать, мы всё это уже проживали, это на нашей памяти, на памяти наших предшественников. Но я верю в то, что всё-таки хватит мудрости, здравого политического смысла ведущим нашего государства, чтобы ставить эти проблемы, чтобы выслушивать людей...

Идёт борьба. Одна линия обороны – это за перспективу развития музеев

[1] Сердюков Валерий Павлович – губернатор Ленинградской области. (***Прим. ред.***)

как образовательных социокультурных центров, за хозяйствование и так далее. Другая тенденция связана с приватизацией этих самых «усадебок». Боролись мы за Извару, очищали пространство, очистили. И сейчас уже видно: да, усадебка-то ничего. Приезжает инвестор и заявляет: я хочу гостиницу здесь построить. Хорошо, отвечаю, давайте, вот училищный дом. Он подсчитывает дивиденды – нет, давайте где-нибудь рядом с музеем, где уже чисто, красиво. Конечно, эти вопросы существуют и их надо решать, и, наверное, не нашими скромными усилиями, но в каком-то взаимодействии, может быть, с какими-то общественными организациями. В конце концов, есть Союз музеев, почему бы нам не создать ещё какое-нибудь объединение, творческую группу?

Но тем не менее мои конкретные предложения к тем, кто в Министерстве культуры будет заниматься исследованием данного вопроса: очень внимательно отнестись, в частности, к проблемам музеев Ленинградской области, – вопрос, я бы сказала, очень деликатный, и хотелось бы решить его дипломатично и достойно сегодняшнего момента, без каких бы то ни было революций. Нужно посмотреть ещё раз на эти музеи, посмотреть, что в перспективе их развития. Могут существовать разные системы объединений, в том числе и юридических лиц, в некую ассоциацию, которая в состоянии будет проплатить себе юридическую поддержку, решить какие-то экономические вопросы и так далее. То есть нужно дифференцированно подойти к тридцати музеям Ленинградской области.

Далее: финансирование музеев. На все тридцать музеев в прошлом году было выделено 1,5 миллиона на реставрацию...

Во-вторых, вопрос музеефикации. Мы готовы, концепция музеефикации есть, и отзывы получены очень хорошие – из Москвы, из ведущих музеев. У нас амбар XVIII века – деревянный, редкостный, форельная башня уникальная, северный модерн – цены ему нет... Музеефицировать готовы, где взять деньги? Когда мы – один из тридцати музеев – получим эту возможность?

Дальше. О наших скромных сегодня штатных расписаниях, которые сокращают с каждым годом. Мы с Авикайнен[1] ждём, насколько нас сократят в ближайшем будущем. То есть у меня есть 2–3 ставки (скажем, не густо), но мы выходим из положения. Мы проводим конференции, семинары, собираем прекрасные общества учёных, которые нашими темами занимаются, издаём сборники, зарабатываем или находим спонсора. Это уже технические подробности. Мы вводим в научный оборот новые темы, и они оказываются достаточно успешными. Работа идёт.

И ещё несколько замечаний. О формах взаимопомощи. У нас существовал замечательный творческий союз, ещё до союза музеев, где был принят некий документ. Я этот союз помню как внутренний, когда консультативную и методическую помощь оказывали друг другу бесплатно...

[1] Авикайнен Ирина Владимировна – заведующая филиалом «Музей-усадьба В. Набокова «Рождествено» (Ленинградская область). (***Прим. ред.***)

Мудров Ю.В.:
Договор был подписан директорами всех музеев и с приложением печатей.

Черкасова О.А.:
Я не вижу здесь проблемы. Это некий этический долг любого музея, у которого достаточно научных кадров, достаточно специалистов, которые могли бы оказать помощь бесплатно.

Мудров Ю.В.:
Не скажите! Существует методический отдел руководства художественными музеями Российской Федерации в составе Государственного Русского музея. В Государственном историческом музее существует научно-методический отдел или центр по оказанию методической помощи историческим и краеведческим музеям Российской Федерации. Я не знаю про ГИМ, но в Русском музее меня поразили, выдав для ознакомления такую бумажечку: список стажировок для музеев с указанием того, какому музею сколько надо платить. А разве мы можем заплатить за стажировку научного сотрудника, скажем, 10 000 рублей. Между прочим, это очень важная проблема. Зачем тогда существуют такие отделы? Нужно, чтобы такие отделы были, работали, оказывали помощь, а тут – выкладывают дополнительный ценник.

Черкасова О.А.:
Я бы хотела вспомнить наше прошлое, когда мы могли обратиться в любой музей... Нам до сих пор никто не отказывает в консультации, у нас в музее нет этой проблемы. Я, честно сказать, удивлена, услышав такое. Но я считаю, что мы в состоянии эту проблему решить. Если у нас существует понятие братства, если музейное дело – это священное дело, дело объединения, научно-художественное служение памяти предков и так далее, тогда не должно быть таких проблем в будущем. Я так считаю.

И четвёртое небольшое такое замечание в копилку опыта. Я работаю в комиссии по культуре в союзе балтийских городов, в комиссии пять человек из разных стран, в том числе – моя коллега из Латвии, из города Тукум, маленького латвийского города, который в силу мистических обстоятельств оказался родиной прапрадеда Рериха – тот был главным архивариусом этого города, – но дело не в этом. У них небольшое объединение, прекрасная усадьба, там оригинальный дом пастора на берегу залива, картинная галерея, краеведческая экспозиция в городской башне, несколько музеев. И моя коллега – директор этого объединения, а также представитель в ИКОМе – то ли всей Прибалтики, то ли только Латвии, точно не помню. Я спросила: «Агрита, как вы решали эту проблему?» – жалуясь, в том числе, и на агентства. И она рассказала, что они объединились, не называя своё объединение музейным, выделили проблемы и стали работать – бесплатно, без материальной поддержки. Они вырабатыва-

ли рекомендации, программы действий, осуществляли их. И на каком-то этапе – это была работа не одного года – они сумели очень дипломатично, совершенно легально включить в некий совет, который они создали, чуть ли ни министра культуры Латвии. Включили его в музейный союз, тем самым заручились авторитетом человека, который стал помощником в каких-то их чисто музейных программах. Они, кстати, решали те же проблемы: как помочь маленьким музеям, где всего один-два человека (и, вообще, какая может быть наука в музее, где один человек...), как их собрать, как им дать какой-то семинар, проплатить его... Другое – как работают они сейчас. У них масса грантов, не только столичные, как у нас – Москва, Потанин, которые совершенно недосягаемы, для таких музеев, как наши. Там система грантов на уровне района. Только обязательно нужно писать программу! Это заставляет учиться, концентрирует мысль. Они могут выиграть их, могут не выиграть. Этих грантов огромное количество, они, как правило, получают их по хорошо составленным программам. Почему нам не подумать о такой форме помощи?

Мудров Ю.В.:

Извините, а живут они на что? На ренту? Бесплатно работая, они на ренту живут или как? Младшему научному сотруднику Новоржевского музея – как жить?

Кривошеев Ю.В.:

Как раз к последним словам предыдущего оратора и реплика в ответ – коллеге из Новоржева. Я хоть и не оптимист по жизни, но Марина Михайловна такой пессимизм проявила в отношении специалистов, что мне даже обидно стало – вроде как мы лишних людей обществу готовим. Конечно, мы не романтиков выпускаем, но и не стяжателей. Я не знаю уровня ваших зарплат, хотя и могу его представить. Но скажу, что к нам молодые ассистенты без степени идут, как вы думаете, на какую зарплату? – на 3 000 рублей. Это в университет в Санкт-Петербурге – на три тысячи рублей.

Воронкова Е.В.:

У них есть перспектива. В сельском музее этой перспективы нет.

Кривошеев Ю.В.:

Я думаю, здесь не то что перспективу, но некий престиж и, с другой стороны, некий статус любой музей должен иметь. И он должен так себя представлять...

Мудров Ю.В.:

Странная позиция: или романтик, или выжига. О чём мы говорим? О двух тысячах рублей! Если у нас считается – извините, что я излишне эмоционален, и вообще, это не к нашему сегодняшнему разговору, мы эту проблему не ре-

шим, – но если нам считают корзину какую-то, в которой прописано, что гражданин Российской Федерации должен ходить в одном драном пальто семь лет... О чём вы говорите? Две тысячи рублей! Вероятно, в Петербурге есть и другие возможности заработать. И мы их знаем. Я не думаю, что ваша ассистентка живет на три тысячи рублей. Смешно!

Кривошеев Ю.В.:

Я думаю, мы остаёмся в рамках нашей темы, когда говорим и об этом, об этих двух тысячах рублей, потому что речь вообще идёт о положении музея в обществе. Деньги – тоже часть этого вопроса.

Ешина Т.С.:

Не знаю, насколько это уместно, дорогие коллеги, мне кажется, что сейчас, когда государство реализует несколько национальных программ – образование, здравоохранение, улучшение демографической ситуации, – не решается главная проблема, первичная: это та национальная программа культуры, и с этого, по большому счету, нужно начинать. Я знаю, что в кулуарах Государственной Думы велись переговоры о подготовке такой программы, и это первое, что нужно лоббировать, если это слово сейчас уместно для нас. Это важно, потому что нельзя, говоря о здоровье, не пропагандировать здоровый образ жизни через потребление культурных ценностей; нельзя говорить об образовании в отрыве от традиций и культурных ценностей. Это первично. Не знаю, уместно ли будет это в нашей резолюции написать, но, на мой взгляд, это очень важно. Спасибо.

Гудима Т.М.:

Сразу вопрос. Вы считаете, что надо принимать резолюцию по итогам нашего «круглого стола»?

Агамалян Л.Г.:

Мне кажется, что в ходе нашего обсуждения стало очевидно, что музеи живут наукой. Даже если в музее нет реставрации, нет музеефикации, нет никакого комплектования, то музей жив, потому что в нём жива наука. И потому что работают такие люди. Это, что называется, «из удовольствия». Или, как раньше мы шутили: «Я могу себе позволить такую роскошь – работать в музее». Вот это и есть резолюция. Мы этим живы. О чём ещё говорить?

Гудима Т.М.:

Но считаете ли вы, что необходимо принимать какой-то документ? Потому что та аналитическая записка, о которой я вам сказала, которую я рассматриваю как итог своей командировки, своего участия, она, естественно, будет написана. Это не обсуждается.

Острота проблемы и всё остальное мне абсолютно очевидны. И для этого документа, для этой записки у меня есть ряд очень конкретных, практических положений – не только общая констатация значимости этой проблемы, остроту которой конференция абсолютно подтвердила. Скажем, особо я предполагаю написать о сложностях, с которыми сталкиваются муниципальные – самые массовые – музеи, когда нужно пригласить научных консультантов или получить научную поддержку о состоянии научных отделов и положении научных сотрудников в главных наших музеях (безусловно, и статус отделов, и положение сотрудников должны быть другими). Есть и ещё ряд положений, которые я включу в документ, как практические рекомендации всех, кто участвовал в этих чтениях. Сейчас я просто не хочу это всё пересказывать: всё это ваши слова, и я очень внимательно записывала любое предложение. Естественно, что все разумные предложения найдут отражение и будут представлены в документах. Но я бы хотела ответить на некоторые вопросы, которые, как мне кажется, прозвучали.

Вы знаете, я думаю, что пессимистический взгляд на ситуацию столь же не продуктивен, как и чрезмерно оптимистический. Мне бы хотелось, чтобы у вас был реалистический взгляд, то есть видение, с одной стороны, всей остроты проблемы, а с другой стороны – конкретных путей выхода из проблем, путей дальнейшего развития музейного дела как необходимой составляющей фундаментальной части общего культурного развития. Вообще, слово «кризис» означает не состояние катастрофы, а состояние болезни. В любом кризисе болезнь всего лишь обозначается. И правильное отношение к кризису – это умение видеть выходы из него, и это, по-моему, скорее духоподъёмное настроение, чем пессимистическое.

Музейное дело развивается. Я старалась показать это в докладе, и можно привести множество примеров того, как музейщики находят выход из ситуации. Вы знаете, у нас многие музеи накопили великолепный опыт за последние годы. Многие музеи смогли провести реставрацию. Например, я позавчера посетила новый зал в Псковском музее, а незадолго до этого там был введён в строй целый дом – открытые фонды. То есть при всех сложностях в музейном деле есть заметное движение, и это очень радует.

Я не хочу внушать вам не оправданные пока надежды, но всё-таки, в качестве информации, сообщу следующее. Две недели назад из главного центра руководства нашей страны – из президентской администрации – в Министерство культуры пришло распоряжение (точнее, не распоряжение, а поручение, так называется документ) за самой высокой подписью: с требованием разрабатывать предложения к национальному проекту «Культура». И сейчас в министерстве намечают основные направления и ведут обсчёт: во сколько это могло бы стать, потому что особенность национального проекта как документа – конкретность направлений и точные суммы, которые потребуются на его реализацию, а иначе никто и рассматривать ничего не будет.

Вместе с тем вчера Путин отвечал на вопросы, и его снова спросили о том,

будет ли такой проект, и снова он определённо – что да, будет – не ответил. Сказал только о том, что это очень важно и что этим надо заниматься.

Но тем не менее мы в министерстве таким конкретным документом занимаемся. Могу сказать, что первым пунктом в том проекте, что мы понесём в президентскую администрацию, обозначено принципиальное изменение состояния кадров в сфере культуры. Потому что началось самое страшное: начался процесс депрофессионализации наших кадров. Дмитрий Сергеевич Лихачёв говорил, что есть святые на Руси, не связанные с церковью, – это библиотекари и музейщики. И это две категории специалистов, состояние которых, прежде всего, тревожит. Поверьте, что уровень зарплат известен, и речь идёт о том, что надо не на проценты – надо в разы их повышать. Массовый уход молодых специалистов из профессии очевиден. И спасибо, и низкий поклон тем героям, которые у нас сейчас работают, – зачастую просто удивляет, как люди выдерживают. А если мы ещё говорим, что и наукой музейный работник должен заниматься, так тут, простите, в маленьких городах и сёлах и на участок-то свой некогда сходить, чтобы там что-нибудь вырастить... Это тоже – реальности сегодняшнего дня.

Недавно дума приняла поправку в бюджет на следующий год. Вы знаете, что пока кривая бюджета по культуре на ближайшие три года идёт вниз, к 2010 году финансирование культуры снижается. Но сейчас стали включать поправки, и на следующий год сделана поправка: плюс восемь миллиардов культуре. В этой поправке предусмотрена сумма – около миллиарда – на увеличение заработной платы. Ведомство Швыдкого посчитало, что где-то чуть ли не на шестьдесят процентов должны зарплаты вырасти в следующем году; наши специалисты посчитали – получается рост на 32%, но всё-таки это рост. Сразу хочу подчеркнуть, речь идёт только о федеральном бюджете и о федеральных учреждениях.

Хочу обратить ваше внимание на то, что изменился механизм поддержки регионов. Сейчас фонд выравнивания регионов – один из основных межбюджетных фондов. Области России находятся в разном положении, и этот фонд выравнивания по основным социальным показателям должен помочь ряду областей решать общие проблемы. Так вот, сейчас этот фонд существенно увеличен и из министерства Грефа – Министерства экономического развития и торговли – переведён в фонд регионов, то есть в Министерство региональной политики, которое возглавляет Козак. Поэтому теперь все вопросы, связанные с уровнем заработной платы, выравниванием уровня развития, мы с вами будем решать через Министерство региональной политики. Это очень важно, особенно для дотационных регионов. Из суммы в восемь миллиардов самая большая часть пойдёт на новую электронную библиотеку, которую создают в Санкт-Петербурге, и на реставрацию Сената-Синода. Предусмотрена там и ещё одна строка: в этом году – 300 миллионов, в следующем году где-то, по-моему, 800 миллионов, а потом – миллиард рублей пойдёт на пополнение фондов местных библиотек, сельских библиотек, библиотек в маленьких посёлках. Это федеральные деньги, но пойдут они прямо на места, и сейчас разрабатывается ме-

ханизм доставки этих денег. Но это в порядке отступления. Хотела это вам это сказать, поскольку эта проблема тоже сегодня звучала.

А вот вторым направлением, вторым блоком предложений по национальному проекту будут наши предложения по укреплению материальной базы музеев. Поверьте, что проверка фондов, которая идёт сейчас по всей стране, на сегодня уже имеет один положительный результат: государство наглядно увидело, что если не будет создана принципиально новая база фондовых хранилищ, то нельзя будет говорить о сохранении музейного, да и библиотечного достояния. Потому что очень тяжёлое положение сложилось, и большинство регионов с этим не справится. Вот это тоже, так сказать, в порядке перспективы.

И вместе с тем, опираясь на положительный опыт последних лет, хотела бы обратить ваше внимание на ещё два обстоятельства. Как бы сложно ни шло развитие музейного дела, но тенденцией этих лет было – не закрывать музеи, а всё-таки открывать новые. В последние годы у нас не было случаев массового закрытия музеев – ни в муниципалитетах, нигде, хотя живут все очень трудно.

Какие же музеи стали появляться? Интерес к музейному делу проявляют ставшие на ноги предприятия. Почти все корпорации имеют музеи, причём чаще всего художественные. Я встречалась не однажды с работниками наших музеев, которых приглашали вот в такие корпоративные музеи, притом на такие зарплаты!.. Когда два человека, которые со мной советовались, сказали, что всё-таки не примут предложение, хоть и зарплату обещают в разы больше, я готова была им поклониться – за преданность музейному делу.

Я не знаю пока, что будут представлять из себя музеи корпораций. Очень не хотелось бы, чтобы это были музеи престижа. Но появление таких музеев – это факт.

У нас стали появляться и музеи, которые создаёт население, и эта инициатива мне очень нравится.

Сегодня музеям, особенно муниципальным, очень важно, как мне думается, найти новые доказательства своей необходимости для посёлка, города, где музей расположен. Вот в Архангельске через три месяца должны закончить реставрацию дома Плотниковой. Этот памятник, городская усадьба, принадлежит музею Русского Севера. Там будет музей городского быта – очень интересный музей. Никак на него область денег не давала. Мы всё время поддерживали музей из федерального бюджета – правдами и неправдами. А сейчас – три года с того момента, как разграничены полномочия!.. – не имеем мы права дать им денег. И вот у музея ситуация: реставрация идёт к концу, федеральный бюджет «бросил», и область денег не даёт. Область не понимает, зачем ей этот музей в Архангельске. И тогда нашли вот какое решение: зал, который был залом парадных приёмов, сделали залом истории руководства города, с портретами губернаторов за всю историю города. И губернатору сказали, что, мол, у вас теперь хоть зал появится – торжественный, где вы будете принимать, вручать награды – знаете, как это важно: среди золотых

портретов вся история перед человеком будет проходить!.. И ведь начали давать деньги: за последние три года дали всё необходимое, чтобы завершить реставрацию и оформить музей.

Это немножко смешной пример. Но, по большому счёту, это действительно очень важно – увидеть те свои качества, те направления деятельности, благодаря которым вы станете необходимыми этому посёлку, этому городу.

Библиотекам оказалось легче. Они, когда пошли таким путём, стали открывать центры правовой информации. И когда там появился не только «Консультант+», но и другие источники правовой информации и когда библиотека готова была любого чиновника проконсультировать в области права, чиновники по-другому на неё взглянули.

Музей сейчас очень многогранен в своей работе, и есть такие стороны жизни музея, которые крайне необходимы людям. У нас в стране всегда бывали периоды, когда приходилось выживать. И сейчас такой период. Не выживем – если вокруг наших организаций не будет поклонников, сторонников, друзей музея. Как угодно их можно называть: Советы друзей, Советы общественности, – извините уж за казённый штамп. Эти люди должны быть около музея обязательно: сегодня, именно в этой ситуации, они нам крайне нужны. Я бы очень просила вас обратить внимание на эту сторону дела. Думаю, это одно из направлений жизни и работы музеев.

Я очень вам благодарна за разговор. Я надеюсь, что он будет пусть небольшим, но очень полезным шагом на пути к решению общих проблем развития музейного дела, а значит, развития культуры в России.

Спасибо. Если есть вопросы, я отвечу.

Терюков А.И.:

Вы отметили проблему кадров в музеях. И есть одна составляющая этого вопроса: музейное агентство является принципиальным противником того, чтобы люди, имеющие учёную степень, шли в эту отрасль культуры. Ни в одном учреждении Министерства культуры не выполняется закон о доплате за учёную степень. Сколько раз директора разных музеев обращались и к Швыдкому, и к Колупаевой[1], оттуда идёт, как говорится, «полный облом». Мне кажется, эту проблему – если речь сейчас идёт о программе «Культура», о том, что повышается заработная плата людям, которые работают в музеях, – надо каким-то образом вновь поставить. В последний раз, когда повышали плату за степень, Академия наук была вычеркнута законодателями, но потом, задним числом, когда все в Академии потребовали этого, её в списке восстановили.

Понятно, что для Министерства финансов это лишняя обуза и оно готово из любого списка к финансированию вычеркнуть любую строчку. Академия тогда смогла отстоять себя. Министерство культуры и в том случае не отстаивало, и,

[1] Анна Колупаева – начальник управления культурного наследия, художественного образования и науки ФАКК. (***Прим. ред.***)

кажется, сейчас не собирается. А это тоже проблема роста квалифицированных кадров – вообще в отрасли, а не только в музеях.

Гудима Т.М.:

Я знаю эту проблему. Не соглашусь только с одним: это не повсеместно. У нас есть музейные учреждения, где надбавку выплачивают, я знаю это точно. Выплачивают там, где директора понимают ситуацию, тем более сейчас в этом плане директора значительно свободнее, чем когда бы то ни было.

Но вообще мы сейчас переходим на отраслевую систему оплаты труда, так там вообще будут возможны значительные различия в заработной плате, очень разные зарплаты за, казалось бы, одну и ту же работу: это принципиально другая система оплаты. Решение о переходе на неё уже принято, и переход практически начался. Поэтому – будут доплачивать. Но я с вами согласна. И, мне кажется, что это часть общей проблемы, о которой мы говорили. Я буду в аналитической записке писать о том, что этот вопрос решать надо срочно, потому что это и есть, может быть, одна из главных составляющих вопроса «Наука и музей». Не будет в музее учёных – о чём говорить-то будем? Какая наука в музее, если мы главную проблему не решаем.

Итак, я думаю, что нужно попросить музей-заповедник «Михайловское», как минимум, о следующем: на сайте музея поместить информацию о состоявшихся слушаниях и завершить эту информацию сообщением о том, что представители, участники этих слушаний из различных городов и областей России, высказали ряд пожеланий (пусть официального документа и не будет, но в информацию это должно войти). Первое: о необходимости усиления науки в музее, без которой, в принципе, качественного музея и быть не может. Второе: о необходимости специальной научной помощи муниципальным музеям. Далее: о необходимости повышения уровня заработной платы научных работников и профессиональной оплаты научных работ в музеях. Эту информацию на сайте увидят в других музеях, увидят научные работники в институтах, чиновники увидят, что музейные работники поднимают эти проблемы, поддерживают решение этих проблем. Я думаю, что сегодня это будет эффективнее какого-либо официального документа.

II. Материалы Михайловских Пушкинских чтений к 184-й годовщине приезда А.С. Пушкина в северную ссылку и 250-летию со дня рождения Арины Родионовны Яковлевой «Наперсница волшебной старины»

Вадим Старк

АРИНА РОДИОНОВНА И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЗЕМЛЯ

В 2008 году исполнилось 250 лет со дня рождения Арины Родионовны Яковлевой и 180 лет со дня её смерти. Родилась она 10 апреля 1758 года в селе Суйда, «Воскресенское тож». В церкви, давшей второе название селу, её и крестили. Арина – это просторечное имя, в святцах его нет. Крестное её имя – Ирина, именины же приходятся на 16 апреля, когда отмечается память сразу двух святых с этим именем – Ирины Коринфской и Ирины Аквилейской. В переводе с греческого имя её означает «мир».

Церковь, в которой крестили Ирину Яковлеву, была построена генерал-майором графом Петром Матвеевичем Апраксиным, одним из сподвижников Петра I, который пожаловал Апраксину землю в Копорском уезде Петербургской губернии с центром в Суйде. Арина родилась на этой земле уже крепостной внука Петра Матвеевича – Фёдора Алексеевича Апраксина, капитан-поручика лейб-гвардии Семёновского полка, а тот в начале 1759 года продал Суйду с деревнями Абраму Петровичу Ганнибалу, прадеду Пушкина. В числе первых рассказов о легендарном Арапе Петра Великого станут для будущего поэта те, что запомнились ему со слов няни. А когда в годы Михайловской ссылки «вновь с наслаждением» он слушает рассказы «старой няни», то под впечатлением их начинает балладу «Как жениться задумал царский арап...».

Выросшая в Суйде, бывшая в числе дворовых девок Ганнибала, Арина была выдана замуж в соседнее ганнибаловское село Кобрино, где и ныне сохраняет-

ся домик няни, своеобразный музей пушкинской сказки. Как и былой хозяин этой земли А.П. Ганнибал в общем сознании прежде всего – «Арап Петра Великого», прадед Пушкина, а уж потом генерал-аншеф, крупнейший русский инженер, так и Арина Родионовна – няня Пушкина, и этим всё сказано. Её воспринимают такой, какой её представил поэт.

Ещё задолго до того, как на родине Арины Родионовны отметили её память открытием «Домика няни», писатель Владимир Набоков, упорно всю жизнь наводивший мостики между собою и Пушкиным, вспомнит, как в юности, живя по соседству, он бывал и в Суйде: «Няню мне взяли из Суйды, как и Пушкину, но моя няня мне что-то сказок про Бову не рассказывала, но и горькую не пила, как Арина Родионовна». Этот пассаж явно навеян пушкинскими строками, обращёнными к «доброй подружке»:

Выпьем с горя, где же кружка?
Сердцу будет веселей.

Но, если быть точным, не из Суйды, её родного села, а из Кобрина она была взята в дом Марии Алексеевны Ганнибал, бабушки поэта, а позднее и в дом её дочери Надежды Осиповны, вышедшей замуж за Сергея Львовича Пушкина. В Воскресенской суйдинской церкви, где крестили и венчали Арину Родионовну, венчались и родители Пушкина. Арина досталась в приданое Надежде Осиповне. Уже ожидавшие появления на свет старшего сына, Пушкины увезли Арину в Москву, где она станет не кормилицей будущего поэта, как иногда ошибочно её называют, а няней. В год рождения Пушкина ей исполнится сорок один год.

Разлученный с няней поступлением в Лицей, спустя годы Пушкин снова встретился с нею в Михайловском. К тому времени Арина Родионовна успела похоронить мужа и вырастить детей. «...С нею только мне не скучно», – писал Пушкин, назвав её «прототипом няни Татьяны», да и в мамушке Ксении Годуновой проступают её черты. Память детства и два года Михайловской ссылки сроднили их. «Воспоминание есть самая чувствительная часть нашей души», – говорил Пушкин, и под знаком воспоминания о няне написано им всё, ей посвящённое.

Это и неоконченное стихотворение 1828 года – года кончины Арины Родионовны, – не напечатанное при жизни Пушкина и впервые опубликованное на страницах журнала «Русская Старина» в 1884 году:

Волненьем жизни утомленный,
Оставя заблуждений путь,
Я сердцем алчу отдохнуть
И близ тебя, мой друг бесценный...

У этого стихотворения была и такая черновая редакция:

Волненьем жизни утомленный
К тебе прибрёл я отдохнуть.

По своему положению в тетради (ПД 838) и автобиографическим пометам стихотворение датируется концом (около 25-го) июня 1828 года, и до недавнего времени считалось, что оно адресовано Анне Алексеевне Олениной, то есть относится к олонинскому циклу. В свое время Т.Г. Цявловская писала по поводу этого стихотворения: «...как видим, насколько Пушкин был увлечён Олениной, настолько она была равнодушна к нему. А Пушкин в это время набрасывает полные нежности и доверчивости стихи...»[1]. Это высказывание позволило Л.А. Черейскому уже без всяких оговорок отнести стихотворение к олонинскому циклу и назвать его адресатом А.А. Оленину[2]. По положению в рабочей тетради Пушкина оно следует за «Подражанием Анакреону [Кобылица]». Поскольку «Кобылица молодая» в автографе имеет помету «6 июня», то стихотворение *«Волненьем жизни утомленный...»* написано позднее этой даты. Впрочем, для его датировки имеются и другие основания, которые требуют некоторых уточнений, в том числе документальных.

Автограф стихотворения находится на одном листе с автобиографической записью, сделанной столбиком:

25 июня
Фанни
Няня †
Elisa e Claudio.

Фанни – дама полусвета, упомянутая Пушкиным в послании июля 1819 года к М.А. Щербинину («Житьё тому, любезный друг...») и бароном А.А. Дельвигом в стихотворении «Фани». Запись её имени в 1828 году позволяет предположить случайную с ней встречу спустя годы, возможно, произошедшую в театре.

«Элиза и Клаудио» – название комической оперы итальянского композитора Саверио Меркаданте (Mercadante), принёсшей широкую известность автору. Первая её постановка состоялась в 1821 году в театре «Ла Скала». В 1828 году *«Элизу и Клаудио»* давали в Петербурге. Ближайшие к 25 июня спектакли состоялись 15, 22 июня и 27 июля в Большом театре. Сюжет этой незамысловатой комической оперы мог вызвать у Пушкина определённые ассоциации в связи с собственной жизненной ситуацией. Тайный брак Клаудио с крестьянкой Элизой, заключённый за несколько лет до времени начала действия оперы, рождение

[1] *Цявловская Т.Г.* Дневник Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. Т. II. М.; Л., 1958. С. 258.

[2] *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1988. С. 305–306.

детей от этого брака могли напомнить Пушкину его крепостной роман с Ольгой Калашниковой и рождение ребёнка от этой связи. Параллельная коллизия, связанная с Сильвией, невестой Клаудио, влюблённой в другого, напоминала историю с Олениной: ей льстило ухаживание Пушкина, но сердце её принадлежало другому. Подобная ситуация была уже недавно разыграна в жизни Пушкина неудачным сватовством к Софии Фёдоровне Пушкиной, которая вышла в начале 1827 года за В.А. Панина. Словами «друг мой нежный» герои оперы постоянно обращаются друг к другу. Первый акт заканчивается дуэтом:

День преступный, час опасный,
Всё свершилось! Рок ужасный
Нам судьбой грозит злосчастной,
Нет спасения ни в чём.
Дни любви, мечты прекрасны
В будущем обильны злом.

Запись «Няня» и крестик, поставленный рядом, могут означать только запись о смерти Арины Родионовны. Она умерла 29 июля 1828 года в Петербурге в доме сестры Пушкина Ольги Сергеевны Павлищевой. Павлищевы снимали тогда квартиру в доме Мадатовой, угол Грязной улицы и Кузнечного переулка. Записи об отпевании и захоронении Арины Родионовны были обнаружены в метрических церковных книгах А.И. Ульянским[1]. Однако установить точный адрес Павлищевых исследователю не удалось. Между тем дом не только уцелел, но и хорошо сохранил свой первоначальный облик. Адрес Павлищевых и дата смерти няни уточнены автором этих строк[2], а сам дом (сейчас это – улица Марата, 25/11) отмечен мемориальной доской.

В связи с этим возникает некоторое недоумение, что в издании «Пушкинская энциклопедия «Михайловское» в статье М.А. Бесарабовой «Яковлева Арина Родионовна» датой смерти по-прежнему названо 31 июля, а не 29-е (31-е – это день отпевания и погребения на третий день по кончине).

Пушкин бывал в доме Павлищевых, куда няня была к тому времени привезена из Михайловского. Племянник Пушкина Л.Н. Павлищев в своих «Воспоминаниях» цитирует письмо своего отца Н.И. Павлищева к его матери Луизе Матвеевне от 1 июня 1828 года: «Старики... уехали теперь в деревню, а шурин, Александр, ещё здесь. Заглядывает к нам, но или сидит букой, или на жизнь жалуется; Петербург проклинает, хочет то за границу, то к брату на Кавказ»[3]. Такого письма от 1 июня в числе 138 писем Н.И. Павлищева к матери, хранящихся в Пушкинском Доме, нет. Само письмо в том виде, как его даёт

[1] *Ульянский А.И.* Няня Пушкина. М.; Л., 1940. С. 113–114.

[2] *Старк В.П.* Новые пушкинские адреса в Петербурге // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 26. СПб., 1995. С. 181–185.

[3] *Павлищев Л.Н.* Воспоминания об А.С. Пушкине. М., 1890. С. 97.

Л.Н. Павлищев, является компиляцией нескольких писем с другими датами, а в том, что касается встреч с Пушкиным, оказывается, скорее всего, домыслом, основанным на устных рассказах отца и матери мемуариста. Это обстоятельство не меняет того факта, что Пушкин, конечно же, бывал в доме сестры, устройству брака которой в начале того же 1828 года он так много содействовал. Этот брак, заключённый без согласия родителей, вынужденных признать его post factum, также ассоциируется с положением героев оперы Меркоданте.

Пушкин мог быть и при отпевании Арины Родионовны 31 июля рядом с домом Павлищевых во Владимирской церкви, и на её похоронах в тот же день на Смоленском кладбище. Поскольку запись о смерти няни никак не могла быть сделана ранее 29 июля 1828 года, документированного дня смерти няни, то и сам автограф стихотворения следует считать написанным ранее этой даты.

Вся запись, хотя и сделана не одновременно с черновиком стихотворения, но расположена прямо против него. Только чётко выведенный крупными буквами слог «НЯ» сделан, судя по почерку и цвету чернил, одновременно с черновиком стихотворения и расположен против стиха «Мой нежный друг, мой друг бесценный» (исправленного на «И близ тебя, мой друг бесценный»). Стихотворение осталось недописанным, как не дописано слово «няня» на его полях.

«По-видимому, – замечает Сандомирская, – воспоминаниями об Арине Родионовне вызван замысел сказки в стихах («Сказки о царе Салтане»), первые четырнадцать стихов и программа продолжения, записанные (в прямом направлении) на листах 16 об. и 17, пропущенных ранее. Эта сказка в числе нескольких других была записана Пушкиным со слов Арины Родионовны в Михайловском в 1824 г.»[1]. На одном из соседних листов (18 об.) со стихами поэмы «Полтава» два женских профиля были определены Н.И. Грановской как изображения опять же няни: «Очевидно, что оба женских портрета изображают няню Пушкина Арину Родионовну. На первом портрете она нарисована, вероятно, такой, какой поэт видел её на смертном одре – перед нами лицо старушки с уже застывшими чертами, с опущенными веками. Рядом же дан портрет юной Арины Родионовны, он более чёток: выражение лица молодой женщины бойкое и задорное. Арина Родионовна изображена в сарафане, на голове её, хотя она была родом из Суйды, девичья повязка псковских крестьянок»[2].

Таким образом, два исследователя – рукописей Пушкина и его рисунков – пишут о няне в связи с интересующими нас листами рабочей тетради поэта. Грановская даже позволила себе заметить по поводу стихотворений «Волненьем жизни утомленный» и «Предчувствие»: «И быть может, о самой няне, подруге

[1] *Сандомирская В.Б.* Рабочая тетрадь Пушкина 1828–1833 гг. (ПД № 838): (История заполнения) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. 10. Л., 1982. С. 243.

[2] *Грановская Н.И.* Рисунок Пушкина. Портреты Арины Родионовны // Временник Пушкинской комиссии. 1971. Л., 1973. С. 29.

«гордой юности», «нежном друге», «ангеле кротком, безмятежном», «бесценном друге» говорится в тексте и черновых вариантах этих стихотворений»[1].

Что касается стихотворения «Предчувствие», то его соотнесение с именем няни представляется необоснованным. «Ангел кроткой, безмятежный» – определение, которое трудно отнести к няне. А вот что касается варианта второго стиха в стихотворении «Волненьем жизни утомленный»: «К тебе прибрёл я отдохнуть...» – то он вполне отвечает стилю обращений Пушкина к няне. Зато подобное обращение психологически невозможно по отношению к любимой, будь то светская дама или барышня, что заставляет отказаться от предположения, что первоначальным адресатом стихотворения является А.А. Оленина.

Также невероятным представляется обращение «нежный друг» к Олениной или какой-либо светской барышне или даме, – обращение, предполагающее другой, более близкий уровень и характер отношений. То же касается и слов «мой друг бесценный». Они, безусловно, вызывают в памяти обращение к И.И. Пущину – «Мой первый друг, мой друг бесценный», заставляющее вспомнить сцену встречи лицейского товарища с Пушкиным в Михайловском, в которой приняла участие и няня. Вполне вероятно, что эта авторская реминисценция возникла именно по ассоциации с данной сценой. Ещё три раза в лирике Пушкина встречается обращение «друг бесценный»: в стихотворении «Городок» (1815) и в двух посланиях – «К сестре» и в «Послании к Ю<дину>» («Ты хочешь, милый друг, узнать...»). Обращения к сестре и лицейским друзьям окрашены чисто дружескими чувствами, возникшими ещё в детстве. К этому ряду вполне можно отнести Арину Родионовну, но никак не Аннет Оленину.

Всё выше сказанное склонило и автора этих строк к тому, что стихотворение обращено к Арине Родионовне. Однако если обращение «друг бесценный» могло быть отнесено к няне, то обращение к ней «нежный друг» представлялось несколько сомнительным. Можно было бы предположить, что стихотворение, как это часто бывало у Пушкина, уже по ходу его создания оказалось переадресованным, но дело в том, что слова «нежный друг» восходят к начальной редакции стихотворения, как и слова «к тебе прибрёл я отдохнуть». Таким образом, мы наблюдаем психологически несовместимые друг с другом обращения, которые не могут быть отнесены ни к Олениной, ни к няне.

Само употребление обращения «нежный друг» встречается в стихах Пушкина шесть раз. В пяти случаях оно вложено у Пушкина в уста влюблённых, будь то отвлеченно-условные образы или герои романтических его поэм:

Но чу!.. идут – так! это друг мой нежный! («Элегa»,1814);

Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!.. («Ночь» («Мой голос для тебя и ласковый и томный...»), 1823);

Тебе довольно, друг мой нежный (отрывок 1821 года);

[1] *Грановская Н.И.* ... С. 30.

Ты мне велишь, о друг мой нежный... (первый стих Песни Шестой «Руслана и Людмилы»);

Не изменись, мой нежный друг! (в поэме «Цыганы» Алеко Земфире).

И только один раз это обращение восходит к посланию, имеющему вполне конкретного адресата – сестру Ольгу – и чётко выраженный автобиографический подтекст: [Я жажду] близ тебя, друг нежный, отдохнуть... («Позволь душе моей открыться пред тобою...», 1819).

Фактически вся эта строчка недописанного стихотворения 1819 года будет использована в так же неоконченном стихотворении 1828 года, нас интересующем: «Я жажду отдохнуть», «нежный друг», «близ тебя». Таким образом, только по отношению к сестре в стихотворных произведениях Пушкина применены оба обращения, использованные в стихотворении «Волненьем жизни утомленный»: «нежный друг» и «друг бесценный». В первоначальном варианте первый стих читался так, что адресат его был ещё более очевиден: «Позволь родной душе открыться пред тобою». Очевидно как тематическое родство этого послания со стихотворением «Волненьем жизни утомленный», так и их близость в выражении мыслей и чувств. Правда, в первом случае они воспринимаются как дань литературной моде и жанру романтического послания-разочарования, а во втором отзываются уже реальными переживаниями.

Не однажды в своей жизни Пушкин обращался к первой рабочей тетради, начатой им ещё в 1817 году. Обратился он к ней и тогда, когда писал стихотворение «Волненьем жизни утомленный», первая редакция которого безусловно соотносится с сестрой. Однако по мере работы над стихотворением образ няни, жившей в ту пору в доме сестры, сливается с её образом и связывается с памятью детства. Окончательная редакция стихотворения представляется адресованной уже няне. Пометка «НЯ» рядом с изменённой строкой «И близ тебя, мой друг бесценный» – первое тому свидетельство. В сестре и няне видится лирическому герою стихотворения и стоящему за ним автору спасительный приют именно тогда, когда ему кажется, что он «безприютен», что он уже отнюдь не желанный гость в оленинском Приютине.

Таким образом, стихотворение, адресованное вовсе не Олениной, тем не менее примыкает к «олениноскому» циклу общностью настроения, обусловленного политическими и литературными неприятностями по поводу стихотворения «Андрей Шенье» и поэмы «Гавриилиада», а также личными, связанными с неудачным сватовством. На этом фоне естественным воспринимается обращение к сестре и одновременно к няне, их спасительному «приюту», дающему душевное отдохновение. Можно высказать предположение, что 25 июня – это день посещения Пушкиным сестры и последней встречи в её доме с Ариной Родионовной. Скорее всего, это и дата создания стихотворения, этими событиями вызванного к жизни.

Строки «Волненьем жизни утомленный...» в равной степени могли быть

написаны как в отражение последнего свидания поэта со своей няней, так и посещения её могилы. Долгое время ошибочно считалось, что няню погребли в Петербурге на Георгиевском Большеохтенском кладбище, но Ульянскому удалось обнаружить метрическую запись о её захоронении именно на Смоленском кладбище. Могила Арины Родионовны не сохранилась, но память о том, что именно здесь она нашла вечный покой, отмечена мемориальной доской при входе на кладбище.

Образ Арины Родионовны нашёл отражение и в «Дубровском», где няня его героя Орина Егоровна Бузырева, начиная с имени, явственно отзывается собственной няней автора. Из деревни она пишет Дубровскому в Петербург письмо, напоминающее по сочному и выразительному стилю те трогательные письма Пушкину, которые Арина Родионовна, неграмотная русская женщина, оставшись в Михайловском после его отъезда, диктовала то деревенскому писарю, то соседке-барышне. «Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное», – пишет няня Владимира Дубровского. «Приезжай, мой ангел... всех лошадей на дорогу выставлю!» – взывает няня Пушкина. Уже покинув Михайловское, где «в глуши лесов сосновых» осталась его няня, он пишет знаменитое стихотворение «Подруга дней моих суровых...», обращаясь к ней: «Голубка», но только «дряхлая моя».

Так в самые важные моменты жизни Пушкин вспоминал няню. И перед самой женитьбой на Наталье Николаевне, как бы прощаясь с прошлым, Пушкин совершит, по выражению матери, «сентиментальное путешествие» в Захарово, место своего подмосковного детства, где когда-то гулял он в сопровождении няни и где теперь его встретила её дочь Мария. А когда уже в 1835 году поэт после долгого перерыва приехал в Михайловское, то вспомнил няню в стихотворении «Вновь я посетил...»:

Вот опальный домик,
Где жил я с бедной нянею моей.
Уже старушки нет – уж за стеною
Не слышу я шагов её тяжёлых,
Ни кропотливого её дозора.

Это прощальное с Михайловским стихотворение вобрало в себя последнее поэтическое воспоминание о няне, имя которой станет нарицательным в сознании нескольких поколений читателей, связанным с национальными истоками творчества Пушкина, во многом определившими его место как первого поэта России.

Николай Новиков

АРИНА РОДИОНОВНА – КОРМИЛИЦА И НЯНЯ

Из стихотворений Пушкина, писем его современников, устных рассказов, записанных исследователями, можно составить разностороннюю характеристику няни поэта. Многочисленные рукописные документы, хранящиеся в Государственном архиве Псковской области, позволили выявить дополнительные, более подробные сведения о няне и о тех, кто находился в Михайловском в годы ссылки поэта, а также узнать, какие события происходили в имении и в соседних усадьбах.

В документах духовной консистории, которые вели священнослужители, и в гражданских делах по учёту крепостных няню записывали так: «вдова Ирина Родионова». Её девичья фамилия Яковлева, как и фамилия по мужу Матвеева, не указывались. Окружающие и сам поэт называли её по-простонародному Ариной.

При последовательном просмотре исповедных росписей Воскресенской церкви открылось, что Арина Родионовна постоянно проживала в Михайловском только в годы ссылки поэта. В 1823 году в Михайловском прописаны две семьи – Калашниковых и Курочкиных, всего 19 человек. В 1824 году число дворовых составило 30 человек. Приводится поимённый список тех, кто в числе прислуги оставался с опальным поэтом. На первом месте семья приказчика Калашникова: «Михаил Иванов – 52 года, жена Васса Лазарева – 48, дети: Фёдор – 28, жена его Ксения Егорова – 27, Василий – 21, Ольга – 19, Иван – 15, Пётр – 11, Гавриил – 8, Марья – 6». В этом документе указаны семеро детей Калашникова, а в биографической литературе известно только пятеро. К этой же семье относились и сестра Калашникова – «вдова Анна Иванова – 54 года и её дочь Агафья – 20 лет». На втором месте Курочкины: «Архип Кириллов – 42, жена его Агрипина – 40, их сын Ефим – 7, Павел Кириллов – 31, жена Евдокия Сергеева – 23, Прокопий Терентьев – 28, жена Параскева Кириллова». Курочкины – кстати, самые преданные и усердные в службе господам – были в родстве с няней.

Официальной владелицей усадьбы в этот период указана «помещица Надежда Осиповна жена Пушкина». Вероятно, мать поэта оставила зимовать в усадьбе 11 человек из городской прислуги, привезённых на летнее время, чтобы хоть как-то облегчить невольное заточение сына. Ссыльного поэта особенно утешало то, что в усадьбе оставили зимовать любимую няню.

Пушкин поселил няню в опустевшем барском доме и доверил ей вести хозяйство. Неофициально Арина Родионовна стала ключницей. Из-за этого возник конфликт с домоуправительницей Розой Григорьевной. В письме к брату Льву Александр писал, что вынужден был выгнать домоуправительницу «за

непристойное поведение и слова, которых не должен я был вынести. А то бы она уморила няню, которая начала от неё худеть»[1].

Роза Григорьевна находилась в Михайловском два года, но в исповедных росписях её имя не упоминается – вероятно, потому, что была другого вероисповедания. В святцах в числе православных имён имени Роза нет.

Автор книги «Духовный путь Пушкина» православный священник, учёный-этнограф, историк Борис Александрович Васильев писал, что особое значение в духовном развитии Пушкина принадлежит его няне: «Это была русская женщина с твёрдыми религиозными устоями, добрым сердцем и незаурядной поэтической одарённостью»[2].

По записям в церковных документах, которые вёл священник Воскресенской церкви Илларион Евдокимович Раевский, вдова Ирина Родионова с 1824 по 1826 год постоянно проживала в Михайловском и была примерной прихожанкой. Несмотря на преклонный возраст (71–73 года), выстаивала в храме долгие службы – литургии, всенощные, исповедовалась и причащалась во все посты, заказывала панихиды по усопшим, молила о здравии живых, в том числе Александра Пушкина. Принимала активное участие в церковных обрядах и таинствах. В метрической книге Воскресенской церкви пригорода Воронич за 1826 год записано: «5 января помещика Ганнибала села Петровского дворовый человек Тимофей Стефанов – 33 лет с дворовой девкой Параскевой Фёдоровой – 21 года венчаны первым браком. Брак сей совершил означенной церкви священник Илларион Евдокимов, диакон Никифор Илларионов, дьячок Егор Гаврилов, пономарь Алексей Иванов. Поручители: отец венчальный дворовый человек Егор Харитонов, мать венчальная помещицы Пушкиной сельца Михайловского дворовая жена (женщина. – ***Н.Н.***) Ирина Родионова и сторонние того сельца Михайловского дворовый человек Василий Михайлов и Архип Кириллов»[3]. Следует отметить, что оба «сторонних» из дворовой элиты – сыновья старост Калашникова и Курочкина. (Заметим, что такие записи о «сторонних» встречаются очень редко. Вероятно, это особый знак уважения к венчающимся.)

В период ссылки Пушкина у крестьян и у дворовых было много свадеб: в Воскресенской церкви обвенчалась 41 пара – своеобразный рекорд брачных союзов в Опочецком уезде. Это достоверное свидетельство из метрических книг нашло отражение в творчестве Пушкина. В этот период поэт записывает свадебные народные песни: «Берёза белая...», «Ягода с ягодой скатилися...», «Как то мне будет в чужие люди идти...», «Собрала невеста подружек...», «Сватушко

---

[1] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: [В 17 т.] М.; Л.: АН СССР, 1937–1945. Т. XIII. С. 146. Далее по этому изданию даются все цитаты из Пушкина (кроме случаев, оговорённых особо) с указанием римской цифрой номера тома, арабской – номера страницы. *(Прим. ред.)*

[2] *Васильев Б.А.* Духовный путь Пушкина. М., 1994. С. 11.

[3] Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. 39, оп. 1, ед. хр. 4333.

гость богатый таровитый...» – всего 32 песни[1]. На всех свадьбах крепостных крестьян Пушкин вряд ли бывал, но наверняка свадьбы своих дворовых из Михайловского он наблюдал и записывал обрядовые песни. Во время постов свадьбы не играли. После Троицы, перед Петровским постом, в Воскресенской церкви венчались три пары из Михайловского. Сын приказчика Фёдор Калашников взял в жены дворовую девицу этого же сельца Ксению Егорову. Поручителями со стороны жениха был чиновник 14-го класса Ефим Иванович Дозоров, а со стороны невесты – попадья, жена отца Иллариона Ефросинья Ивановна. Второй парой были дворовые – 30-летний Павел Кириллов и девица из Михайловского Евдокия Сергеева. У них поручителями были священник Георгиевской церкви Корнилий Воронецкий и жена диакона этой же церкви. Третья пара также дворовые Михайловского – Прохор Терентьев и Параскева Карпова. Поручителями у них были диакон Георгиевской церкви Иван Ефимов и «дворовая служительница Дарья Игнатьева вотчины помещика Вениамина Ганнибала»[2]. Примечательно, что невесты и женихи из деревень, принадлежавших Пушкиным, были в основном молодые, 15–17 лет. Интересный факт: православные обряды в приходских церквях Святогорья совершали и «мещане препровождающие кочевую жизнь». Так деликатно священнослужители именовали цыган. Поручителями и восприемниками были такие же кочевые мещане. Пушкинские строки о цыганах в Бессарабии на слуху у всех, но вот по архивным сведениям оказалось, что цыгане кочевали и по берегам Сороти[3].

В конце 1826 года, 26 ноября, в семье молодых, венчальной матерью которых была няня Пушкина, родилась дочь, наречённая Варварой. Восприемниками от купели были диакон Никифор Илларионов и «помещицы сельца Михайловского вдова Ирина Родионова». Любопытно, что няня поэта выбрала в кумовья диакона Никифора, несмотря на то что он часто бывал нетрезв и ссорился с настоятелем. Такой выбор она, возможно, сделала из христианского сочувствия, а возможно из-за того, что и сама иногда пропускала с диаконом чарку. Краевед М.И. Семевский записал такое свидетельство владелицы Тригорского Марии Ивановны Осиповой о няне: «Это была старушка чрезвычайно почтенная – лицом полная, вся седая, страстно любившая своего питомца, но с одним грешком – любила выпить...» Об этом пишет и сам поэт в стихотворении «Зимний вечер»:

Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя: где же кружка?
Сердцу будет веселей...

Достойно внимания и свидетельство Ивана Ивановича Пущина. В 1825 году он навестил Пушкина в Михайловском, и за встречу друзья открыли бутылку

[1] *Цявловский М.А.* Летопись жизни и творчества Пушкина. Т. 1. М., 1951. С. 519.

[2] ГАПО. Ф. 39, оп. 7, ед. хр. 80.

[3] ГАПО. Ф. 39, оп. 1, ед. хр. 4224, л. 47.

шампанского, «попотчевали искромётным няню, а всех других хозяйской наливкой... все домашнее население несколько развеселилось»[1].

Но почему же няня Пушкина проявила особое внимание к семье дворовых из Петровского? Чтобы ответить на этот вопрос, пришлось пересмотреть списки дворовых и крестьян всей вотчины Ганнибалов, в результате чего удалось выяснить, что невеста – Параскева Фёдорова – принадлежала к потомственным дворовым, которых переселил из Санкт-Петербургской губернии ещё Авраам Петрович Ганнибал, и состояла в родстве с Курочкиными. Жених Тимофей Степанов – местный из деревни Крылово, принадлежавшей П.А. Ганнибалу, по записям, «приёмыш» Артемия Михайлова. Из этой семьи четверо человек «были в бегах», причём первой убежала жена, а за ней муж и остальные.

Заметим, что крепостные и дворовые убегали по разным причинам. Некоторые через какое-то время, как писали, «воротились». Чаще всего происходили побеги «романтические» – из-за любви. От соседей Пушкиных из сельца Дериглазова сбежали четверо молодых женщин, и помещица Марфа Шелгунова жаловалась на воронических священников за то, что они венчали её «беглых дворовых девок с чужими крестьянами». В архиве хранится дело, заведённое по прошению знаменитого полководца Михаила Илларионовича Кутузова, о том, что из его сельца Ступина сбежала девка Авдотья Никитина к дворовому человеку Филиппу Петрову, принадлежавшему помещице Чихачёвой. При расследовании выяснилось, что помещица Чихачёва дала разрешение на брак: ведь она бесплатно получала одну крепостную душу. Для влюблённых из чужих вотчин была возможность создать семью и на законных основаниях, как это сделал крестьянин князя Шеховского: «венчался на купленной на вывоз дворовой девке» у помещика из села Савкина. В бегах находился и самый близкий няне человек – старший сын Егор Фёдоров, а по какой причине и куда он бежал, установить не удалось[2]. Неизвестно, где жил и младший сын Арины Родионовны Степан. Судя по церковным документам, в Михайловском ни в годы ссылки поэта, ни позже они прописаны не были.

В метрических книгах, как было заведено, первая часть была о крещении, вторая – о венчании и третья – об умерших. В 1826 году священник Илларион Евдокимов записал, что в ноябре, четвёртого дня, в селе Петровском умерла от оспы младенец Варвара, крестница няни Пушкина. Как водится в жизни, радостные события перемежались с печальными – за время ссылки Пушкина умерло 75 человек, причём по старости – лишь малая часть, и ещё один человек утонул; большинство же умирало от болезней – горячки, чахотки. Особенно смерть косила детей: 35 младенцев умерли от оспы.

Интересные сведения о жизни Пушкина в Михайловском в годы ссылки содержатся в устных рассказах дворового человека Петра Парфёнова. Записал их почитатель поэта К.А. Тимофеев летом 1859 года. На вопрос исследователя,

[1] *Пущин И.И.* Записки о Пушкине // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985. С. 102–104.

[2] См.: ГАПО. Ф. 58, оп. 1, ед. хр. 1295, л. 697–711.

правда ли, что Александр Сергеевич очень любил няню Арину Родионовну, Пётр ответил: «Как же ещё любил-то, она у него вот тут и жила. И он всё с ней, коли дома. Чуть встанет утром, уж и бежит её глядеть: «здорова ли мама?» – он её всё мама называл. А она ему, здак нараспев (она ведь из-за Гатчины была у них взята, с Суйды, там здак все певком говорят): «Батюшка ты, за что меня мамой зовёшь, какая я тебе мать». – «Разумеется, ты мне мать: не то мать, что родила, а то, что своим молоком вскормила». – И уж чуть старуха занеможет там, что ли, он уж всё за ней...»[1]. Эту поговорку о матери-кормилице Пётр Парфёнов и исследователь приводят не случайно: в год рождения Александра Сергеевича Пушкина младший сын Арины Родионовны находился в младенческом возрасте. И, как было заведено в дворянских семьях, достойных кормилиц выбирали из прислуги.

Важно отметить, что Пётр Парфёнов был зятем Анны Ивановны, сестры старосты Михаила Ивановича Калашникова. Все последующие годы Пётр продолжал жить в Михайловском, у него было четверо детей. С 1847 по 1863 год Пётр Парфёнов исполнял обязанности старосты-приказчика.

В 1827 году, 30 января, няня отправила Пушкину письмо из Михайловского. В литературе оно приводится в сокращении или в пересказе, иногда с иронией, дескать, написано рукой какого-то местного грамотея. Однако оно хранит дух той эпохи и колорит языка, на котором говорили и писали современники Пушкина: «Милостивый государь Александра, Сергеевичь имею честь поздравить вас с прошедшим, новым годом из новым, сщастием; ижелаю я тебе любезному моему благодетелю здравия и благополучия; а я вас уведоммляю, что я была в Петербурге: й об вас нихто – неможит знать где вы находитесь йтвоие родйтели, овас соболезнуют что вы к нам неприедите...» (XIII, 318).

В разных изданиях без ссылок на какие-либо документы упоминается, что няня уехала из Михайловского в 1828 году. В исповедных росписях за 1827 год Арины Родионовны в списках дворовых уже нет.

Следует отметить, что возраст няни в разных документах и публикациях не совпадает. По исповедным росписям Воскресенской церкви в 1826 году её возраст – 71 год. Позже, в отдалённый от современников Пушкина период, исследователи обнаружили более конкретные сведения о том, что няня родилась 10 апреля 1758 года в деревне Суйда, а умерла 31 июля 1828 года в Петербурге в доме Павлищевых, в семье Ольги Сергеевны, сестры поэта. «В метрической книге Петербургской Владимирской церкви за 1828 год, – читаем в книге В.С. Бозырева, – есть запись: «...числа 31 июля померла 5-го класса чиновника Сергея Пушкина крепостная женщина Ирина Родионовна, лет 76 за старостию» (возраст указан неправильно). Похоронена была няня на Смоленском кладбище в Петербурге, могила же её вскоре затерялась среди других безымянных могил крепостных людей»[2].

Конкретных сведений о том, был ли на похоронах няни Александр Сергеевич, обнаружить не удалось.

---

[1] А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1. М., 1985. С. 465.

[2] *Бозырев В.С.* По Пушкинскому Заповеднику. М., 1974. С. 73.

Виктор Никифоров

К БИОГРАФИИ БАБУШКИ ПОЭТА МАРИИ АЛЕКСЕЕВНЫ ПУШКИНОЙ-ГАННИБАЛ
(к 190-летию со дня смерти)

Бабушка Александра Сергеевича Пушкина Мария Алексеевна Ганнибал похоронена у алтарной стены Святогорского монастыря, на родовом кладбище Ганнибалов-Пушкиных. Бывая в разные годы в Михайловском, Пушкин навещал могилы своих предков, вспоминал рассказы бабушки о «милой старине». Так же, как и няня Арина Родионовна, бабушка Мария Алексеевна оставила в его душе глубокий добрый след.

Она была человеком необыкновенным, в ней соединились черты как унаследованные от предков-иностранцев, так и исконно русские. Прожила она долгую нелёгкую жизнь. Родилась Мария Алексеевна 20 января (по старому стилю) 1745 года, правда, мы пока не знаем где. Известно, что у её отца, Алексея Фёдоровича Пушкина, был дом в Липецке, тогда Тамбовской губернии, возможно, там Мария Алексеевна и родилась. Сам Алексей Фёдорович в молодости был пажом при дворе царевны Прасковьи Ивановны и жил некоторое время в селе Рождествено (ныне музей-усадьба Набокова), в поместье, которое Пётр I подарил племянницам[1].

О детстве бабушки поэта мы знаем мало. Видимо, она получила хорошее домашнее воспитание. Обладала прекрасной русской речью, так восхищавшей А.А. Дельвига. Замуж вышла поздно. Ей было 28 лет, когда к ней посватался Осип Абрамович Ганнибал.

О замужестве Марии Алексеевны писали А.М. Гордин в книге «Пушкин в Михайловском», Н.И. Грановская в книге «Вместе с Пушкиным от Царского села до Михайловского» и другие исследователи. А.М. Гордин сообщает, что свадьба состоялась в доме А.Ф. Пушкина 9 ноября 1773 года[2], правда, какой-либо ссылки на метрическую запись он не даёт. Н.И. Грановская сообщает, что «Мария Алексеевна Пушкина вышла замуж за Осипа Абрамовича Ганнибала в начале 1773 года...»[3]. Ноябрь месяц – это не начало, а конец года. Очевидно, точных данных у исследователя нет. Далее Нина Ивановна пишет: «Известно, что вна-

[1] См.: *Грановская Н.И.* Вместе с Пушкиным от Царского села до Михайловского. СПб., 1999. С. 121.

[2] *Гордин А.М.* Пушкин в Михайловском. Л., 1989. С. 26.

[3] *Грановская Н.И.* ... С. 122.

чале молодые некоторое время жили вблизи липецких заводов в Муроме. Здесь у них родился первый ребёнок – мальчик, умерший младенцем...» Из Мурома Ганнибалы переехали в Петербург.

«В Петербурге молодые поселились у родной тетки Марии Алексеевны – Анны Юрьевны Квашниной-Самариной...»[1] – пишет далее Грановская. После примирения Осипа Абрамовича с отцом, в чём большую роль сыграла Мария Алексеевна, супруги переезжают жить в Суйду. «Здесь родилась у них 21 июня 1775 года дочь – будущая мать великого поэта...» – приводит Н.И. Грановская дату рождения Надежды Осиповны – очевидно, по книге Л.А Черейского «Пушкин и его окружение».

О дальнейших отношениях Марии Алексеевны и Осипа Абрамовича написано много. По обоюдному согласию они разъехались. Через какое-то время Мария Алексеевна, как предполагает Грановская, снова переехала к Квашниной-Самариной. Далее Нина Ивановна пишет: «Мария Алексеевна с дочерью вскоре уехала в деревню к родным, не имея средств существования в Петербурге. Здесь она повергла в отчаяние всё семейство Пушкиных своим бедственным положением...»[2]. О второй женитьбе деда Пушкина все знают, чем этот брак закончился – тоже. Известно и об отношении братьев к его второму браку.

Сколько времени Мария Алексеевна прожила в родительском доме в Липецке да и жила ли? Ревизские сказки Липецкой губернии Тамбовского уезда нам неизвестны. У Грановской далее читаем: «Мария Алексеевна с дочерью до указа императрицы (1784) жила у Ивана Абрамовича Ганнибала в Суйде, затем она поселилась в выделенной им деревне Кобрино на мызе Руново»[3]. Нина Ивановна подробно пишет обо всех судебных делах того времени между Осипом Абрамовичем и опекунами дочери его Надежды, опираясь на работу П.И. Люблинского «Из семейного прошлого предков Пушкина»[4]. «К 1790-м годам материальное положение Марии Алексеевны Ганнибал улучшилось. Доходы с имения и десять тысяч рублей, выделенные Иваном Абрамовичем из наследства отца на воспитание племянницы, дали возможность бабушке Пушкина жить безбедно... Благодаря знакомствам, посещениям театра и родственным связям Марии Алексеевны мать и дочь общались с самыми образованными людьми Петербурга... Дом Марии Алексеевны посещают сыновья её родственника Льва Александровича Пушкина – Василий и Сергей Львовичи, блестящие гвардейские офицеры и образованные молодые люди...»[5]. Н.И. Грановская приводит запись в метрической книге Суйдинской Воскресенской церкви о венчании Надежды Осиповны и Сергея Львовича Пушкина 28 сентября 1796 года.

[1] Там же.

[2] Там же. С. 125.

[3] Там же. С. 130.

[4] *Люблинский П.И.* Из семейного прошлого предков Пушкина. В кн.: Род и предки А.С. Пушкина. М., 1995.

[5] *Грановская Н.И.* ... С. 131.

«После свадьбы молодые поселились «в Измайловском полку». Вскоре и Мария Алексеевна, продав свой прежний дом, купила другой, поближе к дочери и зятю, также «в Измайловском полку»...

Как известно, 20 декабря 1797 года у Марии Алексеевны родилась внучка Ольга, после чего в семью Пушкиных была взята Арина Родионовна. Вскоре Сергей Львович вышел в отставку и переехал с семейством в Москву. Мария Алексеевна тоже перебралась в Москву, а Кобрино продала в 1800 году «по причине связанных с ним тяжёлых воспоминаний» и под давлением дочери и зятя. В 1804 году она купила подмосковное сельцо Захарово, где проходили детские годы А.С. Пушкина и которое уже в 1811 году было продано, так как родители поэта снова вернулись в Петербург...

Где жили Пушкины в это время в Петербурге, мы знаем, а в Михайловское Мария Алексеевна приехала, возможно, впервые в 1816 году. В ревизской сказке за этот год (кстати, извлечённой из Псковского губархива, ныне её там нет), которую приводит в своей книге «Пушкин и мужики» П.Е. Щёголев[1], указаны деревни и количество крестьян в них. Сельцо Михайловское в том году было во владении «...помещицы военной советницы Надежды Осиповны Пушкиной и капитан-лейтенантши 2 ранга Марьи Алексеевны Ганнибаловой...». Сергей Львович не был членом Военного Совета, а числился в Польше «по комиссариатской части», поэтому жена его, конечно, «военной советницей» не была. Что же касается Марьи Алексеевны, то она была «капитаншей 2 ранга», если иметь в виду звание Осипа Абрамовича, её мужа, «морской артиллерии капитана 2 ранга»; а звания капитан-лейтенанта 2-го ранга в русском флоте нет. Но простим священнослужителям, не разбиравшимся в военной терминологии...

Возможно предположить, что Мария Алексеевна болела в том году, и дочь вместе с Ариной Родионовной привезли её в Михайловское на свежий деревенский воздух. Надежда Осиповна уехала в Санкт-Петербург, а Арина Родионовна осталась ухаживать за бабушкой поэта (об их отношениях замечательно пишет в своей книге Н.И. Грановская).

К сожалению, в Государственном архиве Псковской области по Опочецкому уезду хранятся ревизские сказки только о беглых крестьянах, поэтому нельзя утверждать, а можно лишь предположить, что, возможно, няня и бабушка Александра Сергеевича жили в Михайловском и зимою 1817/1818 года. Мария Алексеевна, видимо, тяжело болела, няня сообщила об этом Надежде Осиповне, и та с мужем и дочерью приехала в Михайловское. Об этом в 1818 году пишет Василий Львович Пушкин в письме П.А. Вяземскому в Варшаву. Его письмо в своей книге приводит Цявловский: «Брат Сергей Львович в Опочке, на границе Белорусских губерний. Он приехал в свою деревню 27 июня, а 28-го, то есть на другой день, умерла его теща; Надежда Осиповна и Оленька в большом огорчении. Покойница была со всяченкой, и мне её вовсе не жаль, но здоровье Оленьки очень худо, и я о том сокрушаюсь. Александр остался в Петербурге;

[1] *Щёголев П.Е.* Пушкин и мужики. М., 1928. С. 264.

теперь, узнав о кончине бабушки своей, он, может быть, поедет к отцу. Я о нём знаю только по слуху, около года я от нашего поэта не получил ни строчки...»[1]. К сожалению, метрических книг Опочецкого уезда за 1818 и 1819 годы в архиве Псковской области нет.

Мария Алексеевна пережила своего мужа на 12 лет. Осип Абрамович Ганнибал умер в 1806 году и был похоронен у алтарной стены Святогорского монастыря. В метрической книге Воскресенской церкви погоста Воронич от 18 октября есть запись: «Сельца Михайловского помещик Осип Абрамов Ганнибал умре натуральною болезнею и с покаянием... Требу сию совершил означенной церкви Священник Петр Иоанов Диякон Стефан Савинов Дячок Егор Гаврилов Понамарь Дмитрий Петров... Возраст умершего – 62 лет»[2]. Считается, что в Михайловское тогда приезжала его жена, бабушка поэта Мария Алексеевна Ганнибал. Однако её имени в исповедных и клировых документах Воскресенской церкви пригорода Воронич за 1807–1814 годы не обнаружено. Не обнаружены и имена Пушкиных (конечно, церковь не почтовая станция и не отмечает всех живших летом в усадьбе...) – может быть, к тому времени ещё не было оформлено наследство? Только в исповедной росписи за 1811 год сказано: «...сельца Михайловского поручик Иван Игнатьев... жена его Анна Андреева...»[3], далее идут имена дворовых людей. Скорее всего, Иван Игнатьев был управляющим имением. Лишь в исповедной росписи за 1814 год владелицей сельца Михайловского названа «Надежда Осипова жена Пушкина»[4]. И, видимо, Надежда Осиповна, уже будучи владелицей имения Михайловское, сделала Марию Алексеевну, свою мать, владелицей деревни Морозово: в клировой ведомости Воскресенской церкви за 1823 год есть запись: «...помещицы Марьи Алексеевой Ганибаловой деревня Морозова... дворов – 2 мужеска – 5 женска – 8 душ...»[5]. К тому времени после смерти Марии Алексеевны прошло уже пять лет, а она ещё числится владелицей...

Впервые ли в 1817 году семья Пушкиных приехала в Михайловское? Почему в стихах и в письмах молодого поэта нет никакого отклика на общение с бабушкой и няней? Допустим, что бабушка была прикована к постели и не могла общаться, но няня... Или до нас не дошли его отзывы? Известно, что поэт после восстания декабристов, находясь в михайловской ссылке, сжёг свои записки, остались только известные нам строки. Может быть, среди уничтоженного и были воспоминания о бабушке и няне?

---

[1] *Цявловский М.Я.* Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826. Л., 1991. С. 163.

[2] ГАПО. Ф. 39, оп.1, ед. хр. 4321, л. 427 об. Запись обнаружена до публикации Н.С. Новикова.

[3] ГАПО. Ф. 39, оп.1, ед. хр. 2687, л. 603.

[4] Там же, ед. хр. 2690, л. 598.

[5] Там же, ед. хр. 685, л. 168.

Наталья Жиркевич-Подлесских

МОЯ БАБУШКА – ЕКАТЕРИНА КОНСТАНТИНОВНА ЖИРКЕВИЧ
Из семейной хроники

Каждый человек живет в своей эпохе, ограниченной временем, пространством, собственным воображением. Но иногда жизнь распоряжается так, что ты непосредственно сталкиваешься с ушедшими временами. И сколько бы ни читать о прошлом, ни размышлять о нём, – представить это прошлое в полной мере невозможно, не пережив эмоциональную встречу с ним...

Более двадцати лет я занимаюсь архивом своего деда, Александра Владимировича Жиркевича (1857–1927), военного юриста, литератора, коллекционера, общественного деятеля. Человек неуёмной энергии, совершенно лишённый чувства лени, обладавший феноменальной памятью, он заполнял свою жизнь множеством больших и малых дел. За его филантропическую тюремную деятельность, помощь раненым, вдовам, сиротам многие называли его последователем доктора Гааза. В историю русской культуры он вошёл как свидетель жизни многих выдающихся людей России, с которыми был знаком. Репин, Толстой, Апухтин, Полонский, Кони, Верещагин, Нестеров и многие, многие другие на страницах его дневника живут полнокровной достоверной жизнью и вводят читателя в литературно-художественные салоны Петербурга, Вильны, Смоленска.

Портрет Александра Жиркевича кисти Ильи Репина (холст, масло; 60 x 51).

Надпись слева внизу: И. Репинъ 1888.

Надпись на обороте: Портрет с натуры Александра Владимировича Жиркевича работы друга его художника И.Е. Репина написан в Петрограде в квартире Репина, вечером при электрическом освещении в память посещения его мастерской А.В. Жиркевичем и его молодой женой. Написан черной масляной краской, разведенной скипидаром... г. Симбирск, А.В. Жиркевич. 18 июля 1922 г.

На страницах дневника сохранились и картины жизни разных ведомств и учебных заведений

России. Вместе с автором мы посещаем занятия в реальном училище Вильны, обстановка которого напоминает описание бурсы в очерках Помяловского, присутствуем на занятиях с будущими военными юристами Александровской военно-юридической академии, на судебных процессах военно-судебного ведомства Вильны. Здесь же сцены тюремной и госпитальной жизни и истории маленьких бесправных людей, которым помогал Жиркевич. Много страниц посвящено археологическим и архивным изысканиям, находкам в заброшенных башнях, старых имениях, лавках старьёвщиков. Всё это затем Жиркевич передавал в музеи, книгохранилища, библиотеки России.

Екатерина Константиновна Жиркевич (урожд. Снитко)

Несмотря на то что через все страницы дневника проходят сцены семейной жизни Жиркевича, несмотря на его трогательные записи о жене и детях, долгие годы моя бабушка Екатерина Константиновна Жиркевич (урождённая Снитко; 1866–1921) находилась для меня в тени своего замечательного мужа.

С детских лет я знала, что она, в отличие от деда, была из состоятельного дворянского рода, получила блестящее домашнее воспитание и, выйдя замуж, стала преданной женой и матерью шестерых детей. Но только тогда, когда я начала работу с рукописью воспоминаний «Потревоженные тени» (летописи их счастливой семейной жизни), когда познакомилась с письмами Екатерины Константиновны к жениху, а затем мужу, произошла моя встреча с бабушкой. Я всматриваюсь в её портрет: одухотворённое лицо, умные, внимательные глаза, четкий абрис лица выдаёт определённость и устойчивость внутреннего мира... Глубокая вера в Бога всегда помогала ей в трудные минуты.

Именно сейчас, когда я читаю строки её писем, встаёт передо мной образ бабушки. Сколько в этих письмах такта, сдержанности, милого кокетства, умения умно и красиво дать совет, скрытности чувства, которое всё же иногда прорывается с горячностью влюблённой девушки! Память о ней хранят засушенные цветы, хранящиеся между страницами её домашних альбомов, рисунки детей, акварель симбирского художника Д.И. Архангельского, зарисовавшего

её могилку, и огромное количество писем к мужу, Александру Владимировичу Жиркевичу, в которых вся её жизнь. Тридцать три года прожили они вместе. Несомненно, мой дед сумел реализовать в жизни свои принципы и интересы благодаря поддержке «любимой Каташи». Когда бабушка умерла, дед записал в дневнике: «Уже одно то, что меня любила и уважала такая женщина, заставляет радостно биться моё сердце! Значит, было же что-либо в моей жизни и личности такого, что встречало её любовь и сочувствие! Значит, и я прожил на свете недаром...» «Прощать, уступать, – вспоминает дед в «Потревоженных тенях», – покоряться, смиряться, отодвигать на задний план свои личные интересы, желания, потребности и надежды – были основные девизы Мамочкиной[1] семейной (да и внесемейной) жизни... Не я один не знал в ней недостатков. Немало было недоброжелателей, завидовавших её средствам, положению, семейному счастью... Но и их она побеждала «любовью прощающей», как выразился в одном из своих стихотворений поэт. Неудивительно, что у Мамочки никогда не было врагов».

Ранее, когда дед писал, что он «во всю свою жизнь не встречал такой христианки, как Катя», эти слова воспринимались как преувеличения любящего мужа. Но теперь я понимаю, что она была действительно исключительной по нравственным качествам женщиной, в которой сочеталось христианское смирение и любящее сердце. Как не изумиться деликатности, читая строки из письма молодой жены, мамы маленького сына, когда она узнаёт о предстоящем переводе мужа в другой город:

«7 июня. 1890 г. Вильна. Дорогой мой Сашечка! Письмо твоё и обрадовало меня и заставило призадуматься. Дай Бог, чтобы известие о твоём назначении было верно, но кто знает, куда тебя зашлют?! Мне везде будет хорошо с тобой и за тебя и себя лично я была бы рада, если бы ты был назначен в новый город, но за моих, за Тётю[2] и Андрюшу[3], мне было бы грустно покинуть Вильну. В особенности бедная Тётя, из-за нас с Андрюшей переселившаяся в Вильну, мне кажется, очень бы тосковала по ней и своим близким знакомым. Совестно мне, дружок, просить тебя устроить нашу жизнь не по своему желанию, а принимая в соображения выгоды и удобства моих близких. Ты, дружок, умеешь себя ломать, часто уступаешь там, где уступок твоих и не замечают. Если возможно, друг мой, постарайся, чтобы нам не пришлось выселяться из Вильны теперь».

«Детство Мамочки, – вспоминал Александр Владимирович, – было безрадостно благодаря болезни её матери (чахотка), которая обратила дом не то в

[1] Так в воспоминаниях «Потревоженные тени» Александр Владимирович называет свою умершую жену. См.: *Жиркевич А.В.* Потревоженные тени. Симбирский дневник. М., 2007.

[2] Варвара Ивановна Пельская («Тётя»), если она действительно является дочерью князя И.Д. Трубецкого, то тогда приходится двоюродной сестрой М.Н. Волконской, матери Л.Н. Толстого.

[3] Андрей Константинович Снитко (1866–1920), брат-близнец Кати Снитко.

монастырь, не то в лазарет. Мамочка, по обычаю своему – не жаловаться, а всё сглаживать, смягчать, извинять – и тут не любила жаловаться на судьбу, стараясь обходить молчанием скорбные страницы своего раннего прошлого. <...> Зная Мамочкину натуру, я хорошо себе представлял, как тайно, глубоко она страдала, видя угасание любимой матери».

Близнецы Катя и Андрей Снитко родились в 1866 году. Отец их, одно время предводитель дворянства в городке Вилейка, человек широкой, но расточительной души, умер, когда дети были совсем маленькие. Когда им исполнилось 13 лет, умерла от чахотки и мать, Мария Алексеевна (урождённая Пузыревская). Перед смертью мать просила свою близкую подругу по институту Варвару Ивановну Пельскую стать опекуншей и воспитательницей её детей. Варвара Ивановна переехала из Москвы в Вильно, где жили дети, и посвятила свою жизнь Кате и Андрюше.

Сама Варвара Ивановна была любопытнейшей личностью, в биографии которой много загадок и тайн. Внебрачная дочь московского князя И.Д. Трубецкого, она жила и воспитывалась в его семье, получила блестящее воспитание. По семейной легенде, незадолго до своей смерти отец открыл ей тайну её рождения и, так как она не имела прав на наследство отца как незаконнорождённая, предложил выйти замуж за его друга генерала Владимира Петровича Пельского, приняв его покровительство, а форму брака предоставлялось выбрать Варваре Ивановне. Варвара Ивановна как будто бы согласилась, но лишь при условии фиктивности отношений. Но сохранилась запись в её воспоминаниях, названных ею «Мои сенсации», уже после смерти мужа, где говорится о безоблачном 18-летнем счастье с Владимиром Петровичем...

После смерти мужа Варвара Ивановна совершила путешествие ко Гробу Господню вместе с семьей историка М.П. Погодина и затем увлекательно описала не только местные нравы, но и саму поездку по каменистой пустыне на ослике (известно, что езда на ослике всегда сопровождается мелкой тряской) к иерусалимским святыням. Варвара Ивановна была глубоко религиозным человеком. Сохранился её рукописный молитвенник, куда она каллиграфическим почерком вписывала молитвы: и общеизвестные, и совершенно забытые и нам неизвестные, как, например, молитва во время эпидемии чумы. Между страницами – засохшие цветы или подаренные детьми рисунки на евангельские темы. Рассматривая этот молитвенник, словно прикасаешься к живой истории своего рода... Катя и Андрюша обожали Варвару Ивановну, называя её «Тётей» (иногда «Бакой»). Сохранилась 200 писем моей бабушки к Тёте. Пожелтевшая бумага, выцветшие чернила, аккуратный почерк тринадцатилетней девочки, а затем жены, матери, зрелой женщины, главная забота которой – дети, семья. И так до самой смерти Варвары Ивановны в 1902 году. Похоронена она на кладбище бывшей усадьбы Карльсберг, теперь это местечко называется Радошковичи, в нескольких десятках километров от Минска. Интересная подробность: бабушка моя всегда считала себя русской, а дядя Андрюша – белорусом. Его имя,

как крупного культурного деятеля Белоруссии, теперь внесено в Белорусскую энциклопедию. Тепло отзывался о В.И. Пельской и Александр Владимирович, несмотря на довольно непростые отношения, которые впоследствии сложились между ними.

Впервые молодой офицер увидел Катю на танцевальных вечерах у Любови Петровны Марк, сестры известного генерал-адъютанта К.П. Кауфмана[1], в доме которой устраивали домашние спектакли, а после – танцы под рояль. Александр Владимирович не танцевал как не умеющий и издали любовался грациозной фигуркой Кати Снитко.

«Мамочка никогда не была красива, – вспоминал Александр Владимирович. – Но у неё были в молодости изящная фигурка, чудные, почти до колен, густые волосы и ясные, чистые, красивые глаза, при свежем, ярком румянце лица. При скромности костюмов и манер, она, в обществе, поражала всех тактом и сдержанностью, так что казалась старше своих лет и выделялась между подругами, с которыми в Вильне «выезжала в свет». Неудивительно, следя за нею, в моей молодости, я в неё скоро влюбился. <...> Только почувствовав окончательно, что я влюблён, решил я завоевать право на семейное счастье высшим образованием, почему и стал готовиться в Академию».

Вероятно, и Катя не осталась равнодушной к молодому офицеру. Когда Александр Владимирович поступил в военно-юридическую академию в Петербурге, завязалась переписка. Молодые люди тщательно скрывали свои чувства, в письмах делились впечатлениями от прочитанных книг, от событий культурной жизни. Так продолжалось три года. На последнем курсе Александр Владимирович заболел брюшным тифом, но перенести экзамены ему не разрешили. Под угрозой оказалось окончание академии. В отчаянии он написал Кате письмо, где, нарушив своё молчание, сделал ей предложение... Катя приняла его, проявив волю и решительность, так как П.И. Лего, другой её опекун, был против этого брака. Ведь дед был из обедневшего дворянского рода, хотя и знаменитого своими воинскими заслугами, и Лего, по всей видимости, боялся материального неравенства в этом браке. Он наговорил деду в письме много оскорбительных слов, которые тот так и не простил ему. Поддерживала Катю Варвара Ивановна, которая давно, видимо, поняла возникшую симпатию между молодыми людьми и всячески способствовала их сближению...

Венчание состоялось в сентябре 1888 года, и молодые тут же уехали в Петербург. «Свадьба была отпразднована парадно, – вспоминал дед. – Обряд бракосочетания был совершён в Пречистенском соборе, протоиереем Котовичем, при хоре архиерейских певчих и при массе публики (гостей и посторонних), собравшейся взглянуть на богатую невесту. Карет было множество. На Мамочке было дорогое венчальное платье из белого муара-антика, с парадной пуховою накидкою на плечах. Из церкви все поехали на нашу новую квартиру, в доме Зайончика,

[1] Константин Петрович Кауфман (1818–1882), известный военный и государственный деятель.

роскошно декорированную тропическими растениями и цветами. Шампанское лилось рекою. <...> ...после разъезда гостей, я и Мамочка поехали в Петербург, в свадебное путешествие – знакомиться с моими родными, там жившими. В Петербурге мы пробыли около месяца, делая визиты родне, участвуя в устраиваемых для нас фамильных обедах, бывая в театрах, главным образом в опере и балете. Жили мы в одной из лучших гостиниц города, занимая номер в две комнаты, где и устраивали завтраки для моих литературных друзей Фофанова, Величко, Лемана и др. Я познакомил Мамочку с другом моим художником И.Е. Репиным, который для Мамочки написал с меня портрет черной масляной краской (он сейчас находится в Ульяновском художественном музее).

Счастливое семейство (середина 90-х годов XIX века)

Подробнее об этом эпизоде дед запишет в Дневнике: «Репин пригласил меня с женой к себе на вечер, куда мы с ней вчера и отправились. <...> Репин был рыцарски любезен с Катей, и, видимо, лицо её ему нравилось, так как он в неё вглядывался задумчиво и пристально, что, как я заметил, он делает всегда, когда старается уловить выражение, обратившего на себя его внимание... Репин удивляется, что мы женаты всего несколько дней, а кажется, что уже давно... <...>

Когда я женился, мне пришлось познакомиться с рядом бедных стариков и старушек, которых пригревали, опекали и материально поддерживали и Мамочка, и Тётя. <...> Неудивительно, что по воскресным дням в нашу квартиру, собиралась вся эта беднота, вносившая к нам, в нашу молодую, светлую, довольную жизнь, свои жалобы на судьбу, нужды, недуги. Всё это обожало Мамочку, так как она всегда любила утешать, чем могла, именно таких, обездоленных, нуждающихся, «труждающих и обременённых». Сходились обыкновенно к обеду, оставаясь до позднего вечера, когда подавался чай с холодными закусками. Надо заметить, что у нашей Мамочки наблюдалось замечательное уменье разгадывать нужды, потребности, привычки ближних с тем, чтобы их деликатно, любовно удовлетворять. Тут у неё проявлялись удивительное внима-

ние, настойчивость, самопожертвование и изобретательность. Я бывал в её доме, когда она была ещё подрастающей девушкою. Меня всегда умиляло то уменье, та деликатность, то внимание, с которыми она ухаживала за престарелым, полуслепым, плохо уже слышавшим «дедушкой» П.В. Кукольником[1], иногда по целым часам с помощью слуховой трубы развлекая его интересным для него чтением книг и газет[2]. При этом ей приходилось усиливать голос, надрывать грудь повторением того, что старик не дослышал».

«То же иногда происходило и у нас в доме, – продолжает рассказ дед, – с разными, немощными старичками и старушками, которых по вечерам Мамочка развлекала чтением и беседой (в чём, надо признаться, помогала ей и Тётя, тоже любившая и опекавшая подобных посетителей). Изучив вкусы некоторых старичков и старушек, Мамочка, в желанье угодить убогим гостям, чем-либо порадовать их, заказывала к обеду особые, лакомые для них, блюда...

Накануне праздников Св. Пасхи, Рождества, Нового года, именин и дней рождений наших обычных, воскресных гостей, Мамочка на меня возлагала обязанность разносить и развозить по городу гостинцы, деньги и праздничную провизию; причём только тут я узнавал иногда впервые о новых бедняках, которым Мамочка помогала, не требуя благодарностей. Кстати, незадолго до смерти, чувствуя её приближение, Мамочка, уже не имея сил вставать с кровати, пересмотрела всю уцелевшую свою переписку и уничтожила те письма и документы, которые свидетельствовали об её широкой благотворительности, в чём сама мне, улыбаясь, созналась.

Я чрезвычайно сам любил воскресные вечера, когда наша, парадно обставленная, полная предметов старины и искусства, квартира, наполнялась бедняками, жаждавшими и пожить по-праздничному, и отдохнуть, порадоваться нашему семейному счастью.

Особенно любила бывать у нас бабушка моя Мария Иосифовна Астафьева, обожавшая меня с детства, влюблённая и в Мамочку, и в нашего первенца Гулешу. Старушка, приходя к нам, переобувалась, надевала парадную накидку на голову, вообще приводила себя в праздничный вид, и только после этого входила в гостиную, где могла встретиться с лицами из высшего общества, у нас по праздникам бывавшими, – она не хотела уронить своё достоинство и поставить меня и Мамочку в неловкое положение перед чужими своим бедным костюмом. Для бабушки, зная её вкусы, Мамочка к обеду готовила рыбное блюдо, а к чаю подавала любимые её закуски и сласти.

Те же старички и старушки, на Рождество, сходились у нас на детских ёлках. Таких ёлок Мамочка устраивала обыкновенно две: одну для детей наших

[1] Павел Васильевич Кукольник (1795–1884), литератор, историк, цензор, профессор Виленского университета, брат поэта Нестора Кукольника.

[2] В последние годы своей жизни П.В. Кукольник ослеп, и Катя, его внучатая племянница, записывала под диктовку последние произведения Павла Васильевича: «Дедушкино видение» (1879), «Стих Богородицы» (1879), «Последние звуки» (1881).

знакомых, другую – для детей бедняков, живших у нас на дворе или в соседских домах. Устраивалось это не в целях разделять детей по их положению и достатку их родителей, а для того, чтобы дети бедняков чувствовали себя свободно, непринуждённо. Конечно, на ёлках, кроме музыки, танцев, игр и угощений, раздавались подарочки, соответствовавшие нуждам и вкусам детворы. В отношении подарков Мамочка не забывала и тех старичков и старушек, которые присутствовали на ёлках, любуясь детской радостью: и для каждого из них, на ёлке, висел или лежал у подножья праздничного дерева особый подарок, с чем-либо нужным в домашней жизни, а иногда и с деньгами. Не забывалась и наша прислуга, всегда щедро одаривавшаяся Мамочкою к дням больших праздников. <...>

Наконец, у нас пошли дети. Первым родился здоровый, полновесный мальчик Гулеша (Сергей – Сережа – Сергуля – Гуля – как мы его все звали). Родился он в той же квартире, в доме Зайончика, по Мостовой улице г. Вильны, где мы праздновали свадьбу и жили первый год с лишком.

Не забуду всех тех волнений и ожиданий, которые предшествовали появлению на свет Божий нашего первенца. Мамочка всегда была глубоко религиозна, не только в узко-православном, церковном духе, чему способствовала её семейная обстановка и влияние дяди Павла Васильевича Кукольника, матери Марии Алексеевны и «тёти» Варвары Ивановны Пельской, но и как настоящая христианка, свято убеждённо проводившая в жизнь свою и ближних Евангельские заветы о любви, милосердии, помощи страждущим, прощении врагов и т. д. В жизни моей я не видел другой такой же, истинно-христианской женщины, какой была она. <...>

Все это я говорю для того, чтобы объяснить, с какой верой в Бога, с какими практическими приготовлениями Мамочка готовилась к первым родам. Приглашённый акушер отрекомендовал опытную акушерку, которая, посещая Мамочку время от времени в период её беременности, и явилась по моему зову, когда начались первые родовые схватки. Я видел, как, ложась на кровать, которая могла обратиться в смертное ложе, Мамочка усердно молилась, приложившись к любимым её иконам... Не желая, чтобы я видел её страдания, Мамочка настояла, чтобы я при родах не присутствовал, а ждал окончания их в соседней комнате, что я исполнил. Проходили часы, а в Мамочкиной комнате царило безмолвие. Изредка выходила ко мне Тётя, чтобы, по поручению страдалицы, успокоить меня заявлением, что всё идет нормально. Сколько прошло времени в томительном ожидании – не знаю. Наконец-то раздался голос, совсем мне незнакомый, так странно и дерзновенно прозвучавший из той комнаты, в которой до того царила зловещая, пугавшая так меня тишина, голос моего сына, о благополучном появлении которого на свет Божий объявила мне вышедшая ко мне, с радостным, хотя и измученным лицом, Тётя. Мы обнимались с нею, целовались, плакали. Минут через десять, когда всё в спальне было приведено в порядок, меня, наконец, туда впустили, и я увидел Мамочку, слабую, но си-

явшую внутренним светом, мне улыбающуюся счастливой улыбкой матери, а возле неё маленькое, краснолицее, сопящее существо – Гулешу, завёрнутого в пелёнки и одеяло... Надо ли много говорить о том, что мы переживали с Мамочкой в эти минуты. <...>

Если и ранее Мамочка не любила «света», выездов, балов, туалетов, драгоценных украшений, вообще всего того, что Пушкин так удачно назвал в «Евгении Онегине» «ветошью маскарада», то, с появлением Гули, она вся ушла в интересы детской, представлявшей всегда... образец порядка, чистоты, гигиенической обстановки. <...> Лучшей комнатою в наших квартирах всегда считалась детская, так образцово обставленная Мамочкою, что все удивлялись её порядкам. Мамочка, забывавшая о своих интересах, никогда не имела особых комнат, будуаров, гостиных, приёмных, а помещалась вместе с... детьми, терпя все неудобства, связанные с подобной обстановкою.

С раннего детства, она, ревностная православная христианка, приучала и вас к молитвам, посещению храмов, исполнению обрядов и т. п. В эту сторону жизни я не вмешивался, предоставив Мамочке делать, что ей было угодно, тем более, что сам я, к её великому огорчению, вскоре после появления Гули и Варюши, стал охладевать к Православию, обрядовой его стороне, оставаясь лишь (на всю жизнь) верным поклонником красоты православного богослужения и церковных песнопений. На этой почве – разницы во взглядах на религиозные вопросы – у меня с Мамочкой, сначала, происходили недоразумения и пререкания, вносившие некоторый разлад в нашу мирную, счастливую, полную довольства, семейную жизнь. Но и тут Мамочка наша осталась верна себе: она оставила меня в покое, перестала упрашивать говеть, исповедоваться, причащаться, молясь Богу, чтобы он привёл меня на тот путь, по которому так убеждённо шла она к «царствию небесному». Во время постов для меня устраивался особый, скоромный стол. И тут она умела поступаться своими убеждениями, прощать чужие слабости и недостатки. Недаром же, ещё при жизни Мамочки, я глядел на неё, как на святую, как на подвижницу, никогда не жившую для себя, а всегда, во всем соблюдавшую интересы ближних, особенно «страждущих и обременённых». Такой и сейчас она живёт, светит и греет в моей душе. <...> Как счастливый сон пролетела моя семейная жизнь...»

И всё же были в этой жизни и очень тяжёлые дни, прежде всего смерти детей. Первое несчастье случилось с маленьким мальчиком Борей. Он прожил всего месяц и скончался в страшных мучениях. И.Е. Репин создал тогда рисунок «Христос, благословляющий детей» и подарил его Екатерине Константиновне в утешение. Чистотой и трогательностью веет от этого рисунка. Сейчас он также находится в Ульяновском музее.

В 1903 году умерла талантливая и удивительная по своим нравственным качествам девочка Варя. Ей было всего 11 лет. От неё остался дневник и маленькая самодельная книжечка, в которую девочка вклеивала цитаты из Пушкина, Жуковского, Крылова, Карамзина, вырезанные из дешёвых календарей, а

Илья Репин. Благословение детей (бумага, итальянский карандаш; 59,8 х 46,4). Надпись справа внизу: Екатерине Константиновне Жиркевичъ И. Репинъ 1897

также одарённо исполненные юмористические рисунки на темы басен. История её жизни легла в основу 15-минутного фильма «Варенька», сделанная студентами мастерской А. Суриковой.

В 1912 году скоропостижно скончался первенец этой семьи, 22-летний Серёжа, только что окончивший Морской кадетский корпус. Александр Владимирович тогда записал в дневнике: «Самым счастливым днём моей жизни было рождение сына, и самым чёрным днем его смерть». Ему он посвятил свой большой труд в защиту военных арестантов «Пасынки военной службы» (1912). Художник П.Ф. Яковлев написал по фотографии посмертный портрет Серёжи (находится в частной коллекции). От него остались многочисленные детские письма, талантливо и профессионально исполненные рисунки, Евангелие, в котором есть пометы, сделанные рукой юноши в местах, особо ему близких.

Три дочери прожили трудную, но достойную своих родителей жизнь.

Мария (1899–1983) стала геологом (в последние годы жизни была заведующей кафедрой аспирантуры института имени Губкина); Екатерина (1902–1974) – педиатр, пережила с детьми ленинградскую блокаду, работала в прифронтовых госпиталях, Тамара (1904–1983) – талантливый музыкант, из послевоенного кружка которой выросла Фрязинская музыкальная школа. Она же первая начала работу с архивом отца, завещав мне эту работу продолжить.

В 1915 году, спасаясь от немцев, семья переехала в Симбирск, где жили родственники Екатерины Константиновны – как думали, всего на несколько месяцев, а оказалось, что на долгие одиннадцать лет. То, что пережила семья в дни революционной неразберихи и поволжского голода, сохранилось на страницах симбирского дневника деда, его верного друга, которому он поверял свои беды и который, наверное, помог ему выжить в эти годы...

Вот некоторые страницы этих скорбных записей.

«7 января 1920 г. По старому стилю сегодня 25 декабря, т. е. праздник Рождества Христова. Сколько воспоминаний! И как много загробных теней сошло в нашу квартирку вчера и сегодня для того, чтобы помочь нам, несмотря на всякие испытания и невзгоды, по-христиански встретить этот дивный праздник – приход в мир Спасителя... Убога была наша вчерашняя трапеза. Но под скатертью, по старому обычаю, лежало сено и, съедая разогретый постный суп и безвкусный винегрет, мы по-своему были счастливы, благодарили Бога за счастье прошлого, за то, что он дал нам возможность ещё раз здоровыми, мирно настроенными духовно соединиться со Христом. «На землю мир, и в человецех благоволение». Мира нет. Но благоволение, несмотря на всё, пробивается даже у оскотинившихся, озверевших людей. Уплотнившие нас Семёновы весь день накануне Сочельника провели в ссорах и перебранке. А вчера, благодаря Сочельнику, у них в логовище царят мир и тишина. Моя Катюша ушла к ранней обедне, всю ночь не уснув, прибирая что-то в кухне. Её святых молитв хватит на всех нас, многогрешных. За вчерашним обедом у нас на столе стояли фотографии дорогих покойников, точно и они, как «во время оно», были с нами. Тамарочка украсила

комнату веточками ёлок. Бедное дитя не увидит ёлки, не испытает ничего похожего на былые рождественские радости. Сёстры её – тоже.

2 февраля. Боже мой, Боже мой! Какие ты послал испытания на мою Катюшу! И за что?! Она и без того давно святая, чистая, готовая каждую минуту перейти в иной мир. Мне больно, что я не в состоянии избавить её от грубостей и несправедливостей, сыплющихся на неё из семьи уплотнившего нас рабочего-патронщика. Если бы я вмешался, то это только усилило бы скандалы. Приходится молча всё переносить.

5 февраля. В квартире сыро, холодно. У детей пухнут руки. У всех нас ревматические боли. Думали ли мы, что придётся жить на положении каких-то бродячих собак.

Боже мой! Боже мой! Смилуйся не надо мною, а над моей Катей и девочками, терпящими лишения!! Если всё это происходит из-за моих грехов, то накажи одного меня, а помилуй невинных моих страдальцев! Сейчас Катюша ушла на базар покупать хлеб и дрова. Уходя, на коленях она молила Тебя, Боже, помочь ей всё это достать, притом по возможности по дешёвке. Не могу видеть равнодушно таких молитв.

6 февраля. У нас не было хлеба. Я должен был от Яковлевых[1] идти на базар за его покупкою. Узнав про это, Екатерина Алексеевна поднесла мне полкаравая только что испечённого хлеба. Я донёс его домой ещё тёплым, и мы, проголодавшись, ели его с наслаждением, точно лакомый пряник. Вот до чего мы дошли!

1 июня. Вчерашний день был для меня днём неприятных впечатлений. Началось с того, что по доносу уплотнившего нас мерзавца рабочего Семёнова к нам ввалилась комиссия от жилищного отдела патронного завода, отыскивая у нас три комнаты, которые мы будто бы занимаем. Когда же оказалось, что у нас всего две комнаты, то пришедшие заявили, что хотят взять маленькую комнатку Мани для семьи в 5 человек. А в комнате более чем одному человеку поместиться нельзя. Я начинаю и тут борьбу за справедливость, почти уверенный, что не выйду победителем, т. к. по существующим порядкам все и всё против нас, как причисленных к «буржуям».

2 июня. Мерзавцы Семёновы напали на мою бедную Катю (жену) и Катюшу (дочку), обвиняя их лживо, по явной нелепице, будто бы те били их крошку-дочь, бросались на неё с кулаками, а негодяйка Семёнова хотела ударить Катюшу, и когда Катя закрыла собой девочку, то дважды ударила мою Катю по руке кулаком. Затем она хотела ещё броситься, но даже её муж, ругавший Катю, бросавший ей в лицо невероятно глупые обвинения, удержал свою обезумевшую мегеру. Послали за милиционером. Тогда негодяи присмирели.

28 июля. На мне и Кате бельё грязное, висит клочками. Но на починку его, мытьё нет времени, нет средств. Катушка ниток дошла до 1200 р. Мыло тоже

[1] Речь идёт об Иване Яковлевиче Яковлеве (1848–1930), выдающемся чувашском просветителе, и его жене Екатерине Алексеевне (1861–1936).

бешено дорого. Прачки дерут, конечно, ужасно. Ловлю на себе ежедневно паразитов. Невозможность ходить в баню или на реку, чтобы купаться, заставляет ограничиваться вытиранием тела мокрым полотенцем. Откуда-то налезли вши, и я их не могу вывести. Начинаешь терять уважение к себе, когда заводится такая нечисть и мерзость. И выхода пока нет. Мы сидим без денег, едва наскрёбывая их на жалкий обед... А тут ещё болезнь Кати и упадок сил у бедной нашей труженицы Катюши. Мы с нею чувствуем постоянный зуд на теле, вероятно, от грязи и паразитов, расчёсывая себе тело до крови... Вот до чего мы дошли, как пали в смысле обстановки жизни... Не знаешь, что предпринять, как выйти из такого положения.

1921 г.

1 января. Сегодня советский Новый год. Бывало, при встрече Нового года сколько радостных воспоминаний, сколько горячих пожеланий теснилось у меня в душе... А сегодня там – пустыня, по ней рассеяны могилы. Ночью спалось плохо. И что же мне упрямо лезло в голову? – «Венеция» Апухтина, о которой я давно не вспоминал. От стихотворения я перешёл к личным воспоминаниям о пребывании в этом сказочном городе... И вдруг встала передо мною, в блеске солнечного южного дня, царица Адриатики с заплесневелыми мраморами её полуразвалин дворцов, в тени которых бьются волны, разгоняемые бойко бегущими пароходиками... Стало вдруг так тоскливо, что я встал, оделся и пишу, хотя ещё – глубокая ночь. Право, можно подумать, что воспоминания созданы не на радость, а на скорбь человека. Подумаешь, что где-то люди счастливы, спокойны за свою личность, сыты, согреваются южным солнцем, наслаждаются красотами природы и искусства... А мы... Сейчас вот я прервал писание моего дневника («ночника»), т. к. почувствовал, что по мне ползают известные насекомые. Полураздевшись, я занялся их истреблением. Но знаю, что через час они опять откуда-то наползут – на смену павшим в борьбе со мною. И опять надо будет раздеваться, спрятавшись за занавеской моей постели от дочерей. На мне грязное, рваное бельё, я давно не был в бане, на теле моём чирьи от неопрятности. Боже мой! Думал ли я когда-либо, что опущусь до такого пролетарского убожества?! А вот случилось же и это! Господь не оставляет меня своим вниманием, за эти три года проведя меня через ряд мук, унижений, испытаний. Но невольно хочется выкрикнуть к небу: «Когда же конец испытующей меня любви Твоей, о Боже правый! Смилуйся и огради меня от новых казней египетских». Но небо молчит...

2 января. В эту ночь повторился у нашей Мурочки-Каташи припадок астмы. Она стала задыхаться, холодеть, говорить о смерти. Самочувствие было настолько тяжёлым, что она стала прощаться с нами, крестить нас и говорила, как бы в виде завещания: «Любите друг друга». Бедная страдалица, не выходя из дома, опять простудилась, т. к. не могла удержаться, чтобы не помогать Кате и Тамарочке по хозяйству. Я снова точно окаменел и движусь подобно автомату. Мне нет смысла жить, если Катя умрёт <...>

18 октября. Каташе совсем плохо. Ей нужны тепло и пища, которая не вредила бы ей по её болезни. А у нас едва хватает на молоко, нет дров и в окнах выбиты стёкла. Мне не жаль себя, а душа болит за Каташу и детей... <...> Думали ли наши предки и усопшие родные о том, что мы будем прозябать, угасать и умирать в такой собачьей обстановке!.. Не знаю, что было бы со мною, если бы я не находил себе забвения в искусстве. <...> Захожу к Д.И. Архангельскому. По случаю удачно прошедшей выставки у него домашнее торжество – улучшенный обед и пр. Угощает меня супом с пельменями (которые я давно не ел), мочёными яблоками, чаем с сахаром и молоком, хлебом. И я снова счастлив, гадким, животным, утробным счастьем, за которое, пока ешь и пьёшь, терзает тебя неумолимо совесть: вспоминаешь о своей семье, которая в эти минуты терпит лишения... Я ел и ронял слёзы горя и стыда в тарелку с горячим ароматным супом. Только что перед тем пришлось бегать по городу, добывая лекарства, изыскивая средства: я продрог в холодном пальто, почти окоченел. От горячего же у меня по всему организму разбегается живительная теплота... А Катя моя умирает в холоде! Боже! Боже! Будь к страдалице справедлив! А меня зато наказывай, карай, отдавая на жертву вшам, голодовке, холоду и прочим невзгодам.

22 октября. Когда бедной Каташе моей особенно плохо, она громко молится. И так трогательно молится! Сегодня ночью, когда ей было так плохо, а я крепко спал, она, думая, что умирает, издали благословляла меня и отсутствующую Маню. О чём я узнал у неё поутру, когда стал упрекать её в том, что она не велела меня будить. Уже одно то, что меня любила и уважала такая женщина, заставляет радостно биться моё сердце! Значит, было же что-либо в моей жизни и личности такого, что встречало её любовь и сочувствие! Значит, и я прожил на свете недаром...

26 октября. Наша мамочка скончалась сегодня, после агонии, которая продолжалась $^1/_2$ суток. Мы не увидим более нашей страдалицы. Но верю – она с нами. Она в наших сердцах, помыслах, памяти, в нашей совести. Бедные мои девочки-сиротки, так самоотверженно ухаживавшие за матерью, горько плачут по ней.

В воспоминаниях, адресованных старшей дочери, Александр Владимирович писал: «Мамочка, при её непоколебимой вере, готовилась к переходу в мир иной с удивительным спокойствием и радостным предвкушением загробного счастья. Для неё такой переход был равносилен переходу из одной комнаты в другую. Както раз солнце щедро озолотило утром своими лучами рыжевато-красную листву деревьев, находившихся против наших окон, через улицу, на той стороне её. Картина была действительно волшебная!.. Мамочка через окно всё видела и, налюбовавшись, воскликнула: «Боже! Какая красота! Как хорош Божий мир!..» И тут же, пониженным голосом, несколько успокоившись, добавила: «Но разве

может сравниться эта, земная, красота с той красотой, которую мы встретим там, когда закроются наши земные взоры!»

Она никогда не выражала ропота на Бога за свои жестокие страдания, а, напротив, благодарила его за них, так как твёрдо веровала в то, что земные страдания, заглаживая наши грехи, служат залогом будущего нашего райского блаженства, в которое она робко веровала».

На шесть лет пережил Александр Владимирович свою дорогую Каташу.

Чтобы не заканчивать рассказ на такой печальной ноте, вернёмся в те времена, когда ничто ещё не предвещало грядущих бед. Именно сейчас, когда я читаю строки её писем к Александру Владимировичу, сначала жениху, а затем мужу, встаёт передо мной светлый образ моей бабушки.

Приложение

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ЕКАТЕРИНЫ КОНСТАНТИНОВНЫ СНИТКО И АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВИЧА ЖИРКЕВИЧА[1]

№ 1

Вильно, 23 марта 87 года

Многоуважаемый Александр Владимирович,

Сердечно благодарю Вас за присылку Ваших грациозных элегий, которые мы несколько раз читали и перечитывали всё с новым удовольствием. Скажу Вам, так как Вы желаете знать от нас некомпетентное мнение о Ваших произведениях, что я всегда Вас считала идеалистом, но не думала, чтобы в Вас было так много такой поэзии и так много сочувствия к красотам природы. Это по содержанию, по форме же изложения, на меня, по крайней мере, Ваши произведения делают впечатление чего-то вырвавшегося на бумагу по вдохновению, а не плодом трудолюбивых, но бездарных гениев последнего времени. Как приятно, я думаю, обладать даром так легко и изящно высказывать свои мысли. Мне же только раз в жизни удалось и то с большим трудом написать четверостишие дедушке на именины. Позвольте мне спросить Вас: кто из литераторов читал Ваши произведения? Как Вы счастливы, ежели знаете Кутузова[2]! Мне его стихотворения чрезвычайно нравятся и, говорят, он такой приятный человек в обществе. Впрочем, Вы теперь, вероятно, ужасно заняты, и я совсем не претендую, чтобы Вы отвечали мне теперь на мой, может быть, неделикатный вопрос.

В конце этой недели мы ждём брата, который благополучно сдал теперь ещё один экзамен. Очень бы мне хотелось показать ему Ваши стихотворения, но желание исполнить буквально Вашу просьбу показать их теперь только од-

[1] Орфография и пунктуация частично сохранены (***Прим. ред.***)

[2] Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов (1848–1911), поэт.

ной Клеопатре Александровне[1] удерживает меня, хотя, я надеюсь, Вы думали не об Андрюше когда писали это.

Письмо Ваше, адресованное в д. Айзенштадта, попало к нам в дом Шейнюка, а за стихотворение, посланное Екатерине Владимировне благодарит Вас Екатерина Константиновна.

Желаю Вам от всего сердца успеха в Вашем экзамене и на литературном поприще.

Уважающая Вас

Е. Снитко.

P. S. Надеюсь, что со временем Вы познакомите нас и с прочими Вашими произведениями.

Моя Катя так хорошо высказала и свои и мои мысли, что мне нечего больше прибавить ко всему сказанному, уважаемый Александр Владимирович. Когда пожелаете утешить нас письмом, напишите между прочим: можно ли будет надеяться видеть Вас этот год у нас в деревне, в этот маленький промежуток Вашего отдыха?!. Или я уже слишком много от Вас требую, жду и надеюсь...

Душевно уважающая Вас

В. Пельская.

№ 2

Вильна, 6 июня 87 года

Многоуважаемая Екатерина Константиновна!

Пишу на бивуаках, а потому за чернила и бумагу не взыщите, не могу никак добыть и то, и другое хорошего качества! Очень рад, что посылкой моей угодил Вам, хотя мне кажется, что перчатки на 4-е пуговицы вместо 3-х Вам не годятся?!. Клеопатра Александровна получила от Вас мои стихи и наговорила мне кучу комплиментов по их адресу; но в «Прощании с Карльсбергом», я нашёл две неточности, и смею предположить с Вашей стороны пропуск при переписке и моём неразборчивом почерке. В одном месте надо читать «<2 слова нрзб>», а не «трепет». В другом: «горит в нём светочем...», а не просто «горит светочем...». Клеопатра Александровна списывает мне оба эти стихотворения, и мне самому было приятно их перечесть – как будто и не я их писал! Что касается до разрешения читать мои скромные стихи Вашим друзьям, то этим, кроме удовольствия, Вы мне ничего иного не доставите!.. Я перестал скрываться и таить свой талант от людей и повторю теперь то, что уже раз говорил Вам лично: «Буду счастлив, если достигну моей цели, чтобы стихи мои хоть на миг развлекли кого-нибудь, заставили отвлечься от окружающей ежедневной прозы и её невзгод!» Вполне уверен, что стихи мои будут Вами читаться тем лицам, которым

[1] Речь идёт о Клеопатре Александровне Тейнер, друге семьи Снитко, а затем и Жиркевичей. Она была первой учительницей композитора Монюшко. Александр Владимирович всю дальнейшую жизнь опекал К.А. Тейнер.

и сам бы я их прочёл, да, кроме того, мне ещё приятнее доверить Вам мою музу в знак того, как я ценю Вашу любовь ко всему честному, изящному и хорошему. Итак, раз навсегда вверяю Вам «подругу дней моих суровых»! Помогите мне достичь заветной цели, чтобы хорошие сердца в моих стихах находили хоть крупицу священного огня поэзии, которой в наш век один способен примирить человека с жизнью, Богом и самим собою!.. Кончаю мою философию (скверная привычка на письме высказывать свои мысли и чувства!). Перейду к действительности. Я решил не ехать на Юг к родным в этом году, а приехать ещё раз, перед отъездом в Карльсберг, чтобы набраться в нём и сил, и песен на скучный предстоящий год Петербургского прозябания. Родные по крови – хорошая вещь в жизни; родные по сердцу ещё лучше, и последних я всегда предпочитаю первым... Моих родных по крови я буду видеть целый год в столице, а с Вашей семьёй не увижусь до окончания Академии – вот мотивы, которые убедили меня ехать к Вам, где мне так хорошо жилось и мечталось. Приеду в четверг на этой неделе с тем же поездом, как и прежде, но умоляю Андрея Константиновича не конфузить меня и не выезжать на встречу; я его обниму так же тепло в Карльсберге, как на вокзале!.. Итак, обстоятельства желают, чтобы я написал не «прощание» с Карльсбергом, а новые стихи под заглавием «до свиданья» с ним! Ещё раз благодарю за Ваше письмо, и прошу кланяться Вашему брату!

Преданный Вам, уважающий
Александр Жиркевич.

№ 3

С. Петербург,1 Августа 1887 года.

Многоуважаемая Екатерина Константиновна!

Только что получил Ваше письмо и Варвары Ивановны. Меня тронуло то, что Вы не забыли меня и так мило напомнили своей весточкой о днях моего счастливого пребывания в Карльсберге, когда я вполне отдыхал и телом, и душою. Правда, уже и теперь занятия отняли у меня ясность духа и мысли; но всё же сил ещё довольно, хватит, и этим я обязан и Карльсбергскому благодатному воздуху и вниманию Вашей семьи!.. Если бы не моя болезнь, такая непрошеная и неожиданная, я мог бы сказать, что жизнь в Карльсберге мелькнула безоблачно. Я, конечно, и не думал обидеться Вашей приписке, тем более, что <4 слова нрзб>. В ней Вы невольно оказались сами поэтом, в чём я Вас подозревал, хотя Вы тщательно скрываете и свои хорошие стороны и недостатки! Ваше прелестное описание восхода солнца тронуло меня, как поэта, до глубины души, и если минута вдохновенья найдёт, то я может быть и пришлю Вам перевод на стихи Вашей поэтической прозы. Теперь я понимаю, отчего Вас так трогает всё прекрасное, и больше всего поэзия, этот дар Неба, данный человеку, чтобы в часы невзгод и сомнений отрешаться на миг от земного в мир чистых идеалов, где – вечный свет, вечная правда, вечный Бог! Не знаю, что было бы со мной, если

бы не минуты творчества и не способность уноситься на несколько минут в день туда от сутолоки!.. Как прекрасно охарактеризовал поэзию Жуковский:

«Поэзия есть Бог в святых мечтах Земли!..»

Надо же кого или что-нибудь любить в жизни!.. Любите поэзию, и в награду за эту любовь, она Вам даст такие минуты наслажденья, какие ни люди, ни блага земные дать не могут! Поэзию от того ещё стоит любить, что и религия, и Евангелие – та же чистая поэзия, та же вечная область идеалов, тот же неотразимый призыв от преходящего к вечному, неизмеримому, доступному только вере! Скажу Вам откровенно, что ежели я не утратил веры, то обязан опять-таки поэзии, не позволявшей житейской грязи засосать меня в свои тиски. <...> Но, простите мои фантазии: рука расходилась, а сердце диктует и диктует!!. Как важно в жизни уметь сказать вовремя: «довольно!» Итак, довольно на сегодня! (Помните Тургеневский эскиз на эту тему?!). Прошу Вас передать мой поклон Варваре Ивановне и Андрею Константиновичу. Писать Варваре Ивановне буду немного погодя, – пусть простит меня за это, а рисунок домика, какой он есть, умоляю, выслать в холодный, неприютный Питер: мне дороги воспоминанья, связанные с рисунком, а не его детали. Закончу письмо вопросом: согласны ли Вы с моей параллелью – религии и поэзии, или нет? Кстати, что теперь читаете, и когда собираетесь ехать в Вильну? Хочу писать Екатерине Антоновне Плотниковой, я уехал с нею <не> простившись. От Клеопатры Александровны получил письмо, как будто и весёлое. Но по себе знаю, что не всегда содержание писем бывает отражением всей души. На бумаге всего не передать, что высказал бы на словах. Не забывайте же меня, бедного поэта, которого жизнь пригвоздила к скучным книгам!..

Преданный и уважающий Вас

Ал. Жиркевич.

№ 4

С. Петербург

2 Сентября 1887 года

Многоуважаемая Екатерина Константиновна!

Вы, конечно, позволите мне говорить с Вами откровенно, а потому не сердитесь, если я немного не соглашусь с Вашим последним письмом!.. Я опять-таки повторяю, что Ваше письмо было поэтической страницей, хотя там описания восхода и не было; но ведь произведения человеческого ума (в том числе и письма) могут быть поэтическими по духу своему, без наличности описаний, картин и т.п.!! Мне показалось поэтическим Ваше воспоминание о первых христианах, приветствовавших восход и т.п. Во всяком случае, я надеюсь Вы не обиделись на меня, что я в Вас подметил ту черту, которая так дорога для меня – поэтическую?! Любить природу, всё прекрасное, понимать всё прекрасное и искать его в жизни – разве это не признаки поэтической души? А в Вас всё это есть, без сомнения!.. Как же понять Ваше выражение, что я «вообразил» Вас

поэтом?!. В свою очередь оговорюсь относительно своего письма, что никогда (насколько помню) не объявлял себя врагом науки, а если в письмах к Вам жаловался на «скучные книги», то только потому, что всегда делал большую разницу между «наукой» и «книгами». Книги служат <для науки>, для развития человека и цивилизации, но не все книги. Наукой, в тесном смысле, я называю не всё то, что дает нашему уму пищу, материал, а всё то, что способствует нашему развитию, умственному прогрессу. Существуют науки двигающие человечество вперёд самостоятельно, и существуют науки, дающие только материал для работы специалистов, посвятивших свою жизнь на известную отрасль знания и закрывших глаза на остальной мир. К последним наукам принадлежат такие сухие, как статистика, наука права (уголовного, гражданского и т.п.). Для изучения этих наук, надо посвятить на них всю жизнь и иметь к ним призвание, так как такие учёные не более, как чернорабочие, сортирующие материал и сдающие его людям, способным к обобщениям, к идейному творчеству, которые и пользуются этим материалом для своих целей, т.е. для науки и её прогресса. Наша Академия, если только ограничиться курсом и не развивать себя самостоятельно, создана для изучения наук, которые я назвал только материалами для учёных, обобщающих и творящих, а следовательно двигающих науку... Нас готовят быть сухими специалистами, и чем менее мы будем рассуждать и чем более слепо держаться законов и их мёртвой буквы, тем начальство нас будет более любить и ценить. Но, как я сказал, на эти науки надо положить целую жизнь, а главное, надо быть к ним способным, любить их. Поступая в Академию, я не спрашивал себя, с каким курсом наук я встречусь, а имел и имею более высокую цель – выйдя из Академии, быть полезным обществу и, главное, солдатам, которых люблю и уважаю. В этом отношении, я совершенно расхожусь во взглядах с моим начальством: я прежде всего хочу быть на судейском стуле человеком, а потом уже учёным специалистом; начальство же хочет обратного!.. Из меня хотят сделать поклонника статей закона в их безжизненной, книжной форме, а я хочу сохранить в себе способность всегда в подсудимом видеть человека, которого надо жалеть, лечить, снисходя к его слабостям и обстоятельствам жизни, и применяя к нему закон не буквально, а сообразно с обстановкой его преступлений. В наших военных судах нет присяжных, а потому у нас более, чем где-либо судьи – люди, так как я не понимаю, отчего наши солдаты обращены в людей, которых надо судить особо от прочих граждан?!. Теперь Вы согласитесь, что разлада в моём будущем с моим настоящим не будет – цель моя ясна, и к ней я буду стремиться всеми силами, а Академия мне дорога потому, что она даст мне право поласть на поприще служения человечеству, о чём я только и мечтаю. Конечно, и в Академии есть предметы, меня интересующие, но их мало, вот почему так тяжело мне одолевать курс, сознавая, что я не создан для зубренья, копанья и казуистики, и что весь этот хлам, изменяющийся ежедневно, можно не заучивая найти в наших законах, и быть хорошим судьёю, не разбивая здоровья и губя сил, как это делаю теперь я!

Да, труды мои – это жертва, которую я приношу сознательно Отечеству и этим я горжусь!.. Под «книгами» я и понимаю этот сухой материал цифр, выводов, правил, которые забываются так же скоро, как скоро заучиваются, нисколько не развивая!!. Поэтому не удивляйтесь и не сочтите меня за врага науки, если я с живой, впечатлительной душой, не могу сделаться ходячим сборником правил и законов, а хочу сохранить эту душу в её неприкосновенности и чистоте!!. Повторяю, смело можно быть хорошим судьёй, не изучив и десятой части того, что изучаю я теперь, и это сознание ненужности для меня изучаемого и служит источником нравственных пыток.

Не знаю, ясно ли я выразил свои мысли в этом письме? Слишком много надо бы было сказать на эту тему и жаль, что мы лично не побеседовали в Карльсберге о моём будущем и моих планах!

Но перейду от теорий к жизни. Вчера я сдал очень хорошо мой экзамен и рад этому потому, что теперь могу отдохнуть и заняться хоть эти две недели своим саморазвитием. Устал я ужасно и, как всегда, явилась мысль: «дотяну ли я?» Но сил ещё довольно, энергии тоже, а цель моя так высока, что окрыляет меня и остающийся год надеюсь одолеть благополучно, так как бóльшая половина сделана!..

Сегодня вспомнил приютный Карльсберг и подумал, как было бы хорошо теперь мне подышать у Вас чистым воздухом полей, лесов, не думать о назойливых вопросах дня, не встречаться с массой скверных, ненавистных людей.

Не примите моё письмо за лекцию. Я просто хотел побеседовать с Вами, не вызывая на откровенность с Вашей стороны, если Вы, как выразились, «не желаете и не умеете открывать многое». Последнее, конечно, очень грустно, так как Вы не поверите, как приятно хорошему человеку открывать свою душу!.. Простите за помарки в письме: у меня привычка их делать, конечно, неверная!

Так как Андрей Константинович уехал, то передайте мой поклон Варваре Ивановне. Буду ждать от Вас хоть парочку слов, и прошу задавать вопросы, я постараюсь ответить честно, откровенно дружественно, как всегда! Желаю Вам всего хорошего.

Преданный и уважающий Вас
Александр Жиркевич.

№ 5

С. Петербург
<12> Окт. 87.

Многоуважаемая Екатерина Константиновна!

Отвечаю на Ваше письмо довольно скоро; но ответил бы ещё скорее, если бы не масса литературной работы и новых литературных знакомств, отнимающих у меня много времени.

Очень рад, что пребывание Ваше в Риге было для Вас приятно, и благодарю, что, вернувшись из приятного путешествия, не забыли меня, столь далёкого теперь от Вильны и её интересов!!. Прилагаю некоторые последние стихотворения, более оконченные, и желал бы знать Ваше мнение, мнение беспристрастного судьи – читателя, а здешним собратам-поэтам я не верю.

Из новых поэтов, с которыми я познакомился, назову знаменитого Фофанова[1], который теперь обращает своим талантом общее внимание, и вполне заслуженное. Вчера я провёл у него вечер в обществе нескольких юных поэтов и своим стихотворением «глыбой», Вам известным, произвёл фурор. В эту субботу Фофанов будет у меня. Это – личность замечательная, как человек, и как поэт, и им занят теперь весь литературный Петербург, а мне очень приятно, что с первых же шагов мы с ним сошлись. Не знаю, буду ли в этом году что-либо печатать, так как нет времени работать усидчиво, а выпускать в свет неоконченные вещи не стоит! Но меня уговаривают сильно отдать что-либо напечатать, и вот теперь я колеблюсь, не зная, слушать ли себя, или тех, с которыми приходится встречаться.

От Марк я получил любезное приглашение на свадьбу их дочери, и, конечно, поблагодарил за внимание письмом. Меня тронуло, что и в этой семье я не забыт!! Какова была свадьба, и что за личность г. Скачков?

На днях был у Саши Лунского. Он говорит, что Володя строит церковь на кладбище; разве в ней принято венчаться? Подозревали мы с ним, что Володя и тут прихвастнул, так что Вы напрасно его похвалили!..

Ожидаю с нетерпением начало картинных выставок, где всегда много прекрасных вещей. Были на «Фаусте» с знаменитым Фигнером[2] в роли самого Фауста, недели две тому назад, и действительно восхищался его голосом и приличными манерами на сцене.

О себе ничего сообщить не могу, кроме того, что живу в мире идеалов, форм и звуков, куда неприятным диссонансом врываются вопросы дня, неинтересная работа и разные житейские сюрпризы. Но все это – неотвратимо, а потому и примиряешься с обстановкой!!. Надеюсь, что время от времени дадите о себе весточку хоть парой слов; а пока желаю Вам всего хорошего, а главное беречь себя и не простуживать горло.

Неизменно преданный Вам Александр Жиркевич.

№ 6

21 Ноября 1887 года
С. Петербург

Многоуважаемая Екатерина Константиновна!

Спешу поздравить Вас с днём Вашего Ангела и пожелать Вам всевозможного счастья и благополучия в жизни. На этих днях буду писать Вам, Варваре

[1] Константин Михайлович Фофанов (1862–1911), поэт.

[2] Николай Николаевич Фигнер (1857–1915), выдающийся оперный певец.

Ивановне и Клеопатре Александровне, а пока прошу Вас передать им мой сердечный привет. Работы масса, и академической, и литературной, так что и скучать некогда. Итак, до скорого свиданья в следующем письме, где, быть может, приложу что-либо из новых своих произведений.

Неожиданная помощь изменила к лучшему мою обстановку и материально я вздохнул легче, а это не могло не отразиться и на душевном состоянии. Я, кажется, писал Вам уже, что от знаменитого художника Сверчкова получил в подарок (за стихи) картину «Тройка», с посвящением её мне. Как жаль, что не могу показать её Вам, чтобы и Вы полюбовались этой талантливой вещицей!

Примите уверение в неизменном уважении и преданности.

Ал. Жиркевич.

№ 7

Вильно, 16 января
1888 г.

Многоуважаемый Александр Владимирович.

Простите, что только теперь собралась поблагодарить Вас за присланную копию с письма графа Толстого и ответить на Ваши два последние письма.

Письмо Графа Толстого очень заинтересовало нас, но нам не всё ясно в нём: по-моему, общество трезвости должно иметь задачею борьбу с пьянством, а не с теми лицами, которые позволяют себе иногда выпить, не впадая в излишество. Я понимаю ещё, что можно отказаться от вина самим, но не угощать гостей и Андрюше и мне кажется в некоторых случаях совершенно невозможным. Из письма же Толстого мне не ясно, могут ли лица, которые не согласны вполне с ним, вступить в его согласие? Потом, я не понимаю, отчего бы Толстому не предоставить свой устав на утверждение Правительства. У него, вероятно, есть связи и ему, я думаю, нетрудно будет добиться этого. Цели общества я от всей души сочувствую, но я сомневаюсь, чтобы оно привело к каким-нибудь результатам, а самой записываться в него мне не хочется, тем более что я не вижу, чем я могла бы быть полезна в нём.

Но устав общества мне хотелось бы знать, и я была бы Вам очень благодарна, если бы Вы прислали нам его, когда он будет выработан.

В Вильно я от многих слышала мнение, что граф Толстой делает и пишет, всё это имеет целью порисоваться. Это мнение, кажется, ещё более укоренилось с тех пор, как он затеял согласие против пьянства. Особенно его упрекали за то, что после своего имени немедленно он поместил имена своих лакеев с обозначением их должностей. Но мне не хочется верить, что всё это неискренне, по прочтении присланного Вами письма. Я ещё меньше, чем прежде, способна поверить возводимым на него подозрениям.

Праздники прошли для нас очень тихо, но вместе с тем очень приятно. Так как у Андрюши почти всё время болели ноги, то мы только раз с ним танцевали, затем были два раза в театре и раз в концерте (певицы Белохи и виолончелиста

Портена). Но, вообще, в нынешнюю зиму я довольно много танцую: были мы, между прочим, два раза в Дворянском клубе, где я прежде не бывала. Первый мой выезд в Дворянский клуб был очень весёлый, а второй вечер был очень немноголюдный, и сначала вечер шёл очень вяло, зато мазурка всё исправила, и все оставшиеся оживились. Думаю и ещё когда-нибудь поехать туда. Мои занятия пением и английским языком подвигаются не много. Соловьёва, моя учительница пения, думает устроить в феврале нечто вроде публичного экзамена или концерта своих учениц и учеников. Я этого немного побаиваюсь, но кажется, мне этого не избежать. Не знаю наверное, что мы будем петь хором, а solo мне кажется, придётся петь «Ave Maria» Шуберта. Ужасно страшно! Это довольно трудная вещь.

В понедельник у Вас экзамен: от души желаю Вам успеха и, не желая дольше удерживать Вас от Ваших занятий, кончаю это письмо. Тётя познакомилась с Вашей Maman, которая сказала, что Ваше зрение очень ослабело: неужели в самом деле Вы не можете поменьше утруждать его. Желаю Вам всего хорошего.

Уважающая Вас

Е. Снитко.

№ 8

30 Января 1888 г.

С. Петербург

Многоуважаемая Екатерина Константиновна!

Если я становлюсь невежей и не аккуратно отвечаю теперь на письма, то это, как Вам известно, от меня не зависит! Остается три месяца работы и от них всё зависит, т.е. итог каторжного труда за целых 3 года! Но я всё же не лишаю себя наслаждения – вести переписку с людьми, мне сочувствующими, и не поверите, как приятно, улучив свободную минутку – прочесть задушевное письмо и ответить на него! Не сердитесь же на мою неаккуратность, и не лишайте меня хоть время от времени удовольствия – получать Ваши письма, чем Вы исполните своего рода христианский долг поддержки ближнего в трудные минуты его жизни!

Вчера начались у нас практические занятия, состоящие в речах, я был защитником и сказал такую горячую и дельную речь (это не моё, а общее мнение), что заслужил и похвалы начальства и лестные отзывы товарищей. Но речь эта меня очень измучила нравственно, так как приходилось первый раз долго говорить перед большой аудиторией и говорить самостоятельно, построив по личному убеждению всю свою защиту. Мне невольно приходит на ум, что ежели и в будущем, на практике, каждая защита так дорого будет мне обходиться, то надолго ли меня хватит?!. А я принадлежу к числу лиц, которые способны «положить душу за други своя». Теперь мне и в Академии придётся ещё несколько раз говорить речи, и так протянется до половины марта, а там – последние экзамены, и я скажу: «ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по

глаголу Твоему, с миром...». Устал я, сильно устал, и, если судьба не готовит мне сюрпризов, хотел бы тот год, что проживу в Вильне, отдохнуть, отдавшись литературе! Вас пугает ослабление моего зрения; но я в этом деле, может быть, сам слишком осторожен и берегу глаза, которые вообще мало повреждены, но вечером чтения не выносят. Боюсь потерять зрение и стать преждевременным калекой, который всем будет в тягость, не говоря уже о себе самом.

Теперь здесь гостят мои хорошие знакомые Максимовы, и о виленских удовольствиях и жизни я имею подробные сведения, даже знаю, кто из интересующих меня особ и как был одет на вечерах. Видите ли, какой я стал сплетник?!.

Здесь теперь восторгаются последними произведениями Гончарова и много говорят о Толстом. Читали ли Вы новые сочинения первого из них, и как их находите?

Хотелось бы ещё писать, да раскрытые книги смотрят на меня с укором, намекая на необходимость беседовать с ними. Неужели всю жизнь придётся всегда откладывать приятное во имя насущного, необходимого?

На днях ночью я написал удачное стихотворение, – значит, Муза меня не покидает. Желаю Вам всего хорошего. Дорогой Варваре Ивановне пишу отдельно; прошу Вас и Клеопатре Александровне передать мой поклон.

Глубоко уважающий Вас, преданный

Ал. Жиркевич.

Поговаривают о войне. Чем она будет, пожалуй, и мне придётся идти в жертву чужим и непонятным для меня интересам. К чему ж потерянного 20 лет труда?

№ 9

7 Февраля 88 г.

С. Петербург

Многоуважаемая Екатерина Константиновна!

Как Вы себя мало бережёте, что простуживаетесь и схватываете катары! Ведь с этим шутить нельзя, тем более, что ещё так недавно Вы ещё были так больны! Буду ждать с нетерпением известий об окончательном Вашем выздоровлении.

Вас интересуют примерные наши суды? Они устраиваются в аудитории, при чём роли Председателя, членов суда, секретаря, прокурора и защитника распределяются между офицерами по очереди, при чём каждый из нас должен хоть один раз исполнить каждую из этих должностей. Дела нам дают старые, уже решённые, но приходится самому много работать, разбирая и составляя конспект речи. Тут же сидят – Начальник Академии и профессора, которые, по окончании дела, высказывают свои взгляды, иногда очень не благоприятные и не стесняясь. Вообще ораторов между офицерами на нашем курсе мало. Очень жаль, что Вы попали на дело, где обвинял Бек: человек он хороший, но как офицер – поразительная бездарность!

Вы пишете, что мне, быть может, удастся избежать смерти, в случае войны, сидя в тылу армии, и только приговаривая к наказаниям других. Позволю себе по этому случаю высказаться откровенно. Недавно у нас один из профессоров, после лекции, разговаривая с нами на ту же тему, нарисовал ту блаженную картину, которую представляли последнюю войну в тылу действующей армии наши военно-судебные офицеры. Этот господин рассказывал, что юристы ничего не делали, жили себе удобно, уютно, и в то время, когда их братья – умирали и гибли от ран и тифа, эти господа резались в карты и пьянствовали. Нарисованная картина, очевидно, очень была по душе профессору, и пришлась по вкусам большинству офицеров; но мне тогда же стало гадко и как-то совестно. Нет, подумал я, надо очень низко пасть нравственно, чтобы желать такого прозябания. Лучше смерть, чем это удобство, комфорт!! И я мысленно дал себе слово, в случае войны, если действительно судебное ведомство будет играть только роль каких-то паразитов армии – уйти в строй, туда, где люди борются за жизнь, за родину, за семью! Конечно, при оборонительной войне я буду сознательным бойцом, но чувствую, как бессмысленна будет моя смерть, если лягу в войне наступательной, против врага, к которому вражды не питаю, за интересы, о которых мне даже не объявят! Но, нечего говорить, что и такая смерть – бессмысленна, но честна, и я её предпочитаю прозябанию в тылу армии. Не удивляйтесь этим строчкам: во мне течёт кровь целых поколений, отдавших себя на службу родине и не раз за неё кровь «во брани» проливавших, стыдно было бы мне, их прямому наследнику – отвернуться от русского солдата, который пойдёт, как и шёл всегда, безропотно на смерть и лишения. Верьте мне, что я говорю не фразы, и если меня не станет, вспомните эти слова хоть изредка! Давно какие-то предчувствия волнуют меня! Я не обманываю себя, война, если не вспыхнет в этом году, вспыхнет очень скоро, и мне придётся доказать на деле, что я всю жизнь... умел жертвовать собою, когда это находил нужным, по убеждению! Но довольно заглядывать в будущее, которое зависит только от Бога!

Вы желали бы иметь мои последние стихи, которые вызвали здесь в моих собратьях по перу очень благоприятное впечатление? Исполняю Вашу просьбу, с удовольствием, сообщая Вам, что на днях я встретился с Плещеевым, даже говорил с ним о поэзии, и на днях, по его приглашению, пойду к нему побеседовать. Я при нём читал эти стихи, и они ему понравились.

Все эти дни я чувствую какую-то тяжесть в голове и небольшой жар; но это не мешает мне заниматься усердно, следить за литературой – поддерживать интересные знакомства в литературном мире.

Я очень виноват перед Варварой Ивановной, так долго не отвечая ей, но постараюсь загладить свой грех скорым ответом. Как здоровье Клеопатры Александровны? Я ей тоже пишу. К 1-му Марта мне надо представить письменную работу в Академии, а я к ней ещё не приступал. Желаю Вам скорого

и полного выздоровления и всего хорошего. У Варвары Ивановны целую её добрые ручки.

Примите уверение в совершенном почтении и преданности
Ал. Жиркевич.

№ 10

27 Февраля 88 г.
Лазарет Л. Гв. Конного полка

Многоуважаемая Екатерина Константиновна!

Вы правы и не правы, распекая меня за мое *длинное послание*: правы – потому, что мне действительно вредно писать, не правы – потому, что и так моя жизнь не красна и было бы жаль лишать себя последнего удовольствия – переписки с друзьями (к которым, надеюсь, Вы разрешите мне причислить себя и Варвару Ивановну?!). Я так много выстрадал *за эту* болезнь, что едва ли суждено мне когда-либо страдать более. Вот уже 4 недели, как я болен: более 2-х недель лежу здесь, неделю лежал и в квартире, да неделю ходил в тифе на лекции, благо не терял сознания. Как благодарен я Богу, что даже и в болезни, я не терял способность думать, чувствовать, надеяться, хотя порой и лежал в полузабытьи. Эта болезнь окончательно убедила меня в том, что характера, силы воли у меня довольно, а терпением – могу даже похвастаться. (Хоть хвастаться и не красиво!). Третьего дня первый раз разрешено мне было ½ часа посидеть в кресле для больных, но это так утомило меня, что я поспешил опять лечь. Сижу на самой строгой диете, так как доктора объявили, что если во время выздоровления съесть хоть кусок лишнего, то будет возвратный тиф, и я, вероятно, отправлюсь в места, где «нет ни болезни, ни воздыхания...». А я хочу жить, и эта жажда жизни никогда не была так сильна, как теперь, когда опасность прошла, и я чувствую брожение восстанавливающихся сил. Надо жить, чтобы что-нибудь сделать, чтобы принести пользу, чтобы *не краснеть за себя! Простите за это письмо*: оно вновь, пожалуй, нагонит на Вас хандру, а я не хотел бы чтобы облачко, проносящееся над нивой моей жизни, бросало свою тень на Вашу счастливую, ясную весну! Храни Вас Бог от философий, хандры и болезней: оставим всё это для более солидных *годов*, а теперь будем брать у жизни то, что она даёт! Надеюсь получить от Вас ещё письмецо! Когда разрешено мне будет встать, заниматься и выходить – не знаю, но я решил держать экзамены весной, а они начинаются в конце Марта, о чем и объявил докторам, хотя они – качают в ответ *головой*. Из Ваших писем я так мало могу узнать о Вашей жизни! А ведь Вы живете же умственной, светской жизнью? Отчего же не доверяете мне и пишете так мало и так сдержанно скупо? Этим вопросом и кончаю моё послание! Видите ли, какая у меня твёрдая рука!.. Будьте здоровы. Кланяйтесь Варваре Ивановне и Клеопатре Александровне.

Преданный и уважающий Вас
Ал. Жиркевич.

№ 11

18 марта 1888 г.

Лазарет Л. Гв. Конного полка

Многоуважаемая Екатерина Константиновна!

В последнем письме Вашем Вы пишете мне, что я вполне могу рассчитывать на Вашу дружбу... Очень рад случаю, дающему мне возможность сказать Вам прямо и честно, что Вашей дружбы для меня мало: я уже более четырёх лет люблю Вас и теперь первый раз решаюсь это Вам высказать. Ещё задолго до поступления в Академию Вы интересовали меня, но в чувствах своих я ещё не мог разобраться и только, за год до Академии, я понял, что люблю Вас и никогда разлюбить не буду в состоянии. Скажу Вам теперь, что и в Академию, главным образом, я поехал ради Вас, чтобы получить более определённое положение и обеспечить себя материальными средствами; всё, что перенёс я здесь в эти три года каторжного труда и лишений, я переносил безропотно и с радостью, говоря себе, что этот подвиг я делаю для Вас, которую тайно и безнадёжно люблю! Согласитесь сами, что я держал эти четыре года себя как порядочный человек и ни одним словом не выдал Вам себя, скрывая даже от близких мне лиц свои чувства?! Между нами завязалась переписка, с моей стороны – полная вопросов и симпатий к Вам. С Вашей – довольно холодная и сдержанная. Но любящим сердцем я и там ловил признаки симпатий ко мне и во имя их решаюсь теперь высказаться перед Вами, не зная даже, что Вы ответите мне, и не имея даже права и основания на что-нибудь надеяться. Итак, согласны ли Вы разделить мою судьбу с моею жизнью, вверить своё счастье моей охране и попечениям?! Помните, что ведь дело идёт здесь о всей Вашей жизни, а потому не торопитесь с ответом, вдумайтесь в мои слова, загляните в будущее, а главное загляните в свою чистую, святую душу и спросите себя, можете ли твердо и уверенно сказать мне «да»! и повторить это «да» перед алтарём Всевидящего Бога?! Я очень сожалею, что вынужден делать своё предложение теперь, когда я болен и Вы невольно жалеете меня; а это чувство жалости может помешать Вам хладнокровно обсудить это письмо. Но ввиду окончания через 2 месяца Академии я решил не молчать более, а если суждено, то громко всему миру заявить о своих чувствах. (Ради Бога, забудьте про мою болезнь, которая скоро оставит меня, и постарайтесь быть беспристрастной и даже строгой к моей личности. На этом бы следовало окончить письмо; но совесть моя этого не позволяет.) Я старше Вас годами, опытнее Вас в жизни и считаю нужным сказать о себе несколько слов. Не сделайте неосторожного шага, если захотите вверить своё счастье именно мне! Не забывайте, что я – человек без средств и ещё года два-три буду жить одним скудным жалованьем... Конечно, я добьюсь этих средств, но кто поручится за будущее? Пойду далее: у меня здесь много знатной и богатой родни, но от неё я всегда держался далеко и скорее на правах хорошего знакомого, чем равного, так как никогда ни в чём родне не обязывался и ничего у неё не просил. У меня, как говорят, есть литературный талант и я завёл здесь литературные связи, но

литературное поприще не для всякого благоприятно и выгодно, а я слишком горд, чтобы ходить на поклоны к литературным знаменитостям. Без этого литературная карьера не обеспечена. Следовательно, и здесь я не могу ручаться за будущее. Сказанного, считаю, довольно! Я хотел напомнить Вам, что, решаясь дать мне тот или иной ответ, Вы постарайтесь видеть во мне самого заурядного человека, хотя и не без хороших качеств, но я ничем не выделяющаяся личность из массы других заурядных людей. Если такому человеку Вы можете искренно и твёрдо ответить «да», то это будет залогом, что едва ли Вы ошибётесь в своих чувствах и выборе. Зная Ваш характер и силу воли, я уверен, что Вы сами, не прибегая к советам, разрешите эту задачу, которую предлагает Вам, в лице моём, сама жизнь! Не бойтесь отказать мне: я – мужчина, обладаю твёрдым характером и много уже перенёс в жизни, а потому и этот ответ перенёс бы безропотно и твёрдо. Чувствую, как много и вместе с тем, как мало сказал я в этом письме из того, что наполняет в данную минуту мою душу! Ожидая от Вас того или другого ответа, я, как честный человек, сказал Вам о себе всю правду и могу обещать только одно: если мечты и сбудутся, свято и честно охранять Вас от всех житейских бурь, быть Вам и другом, и покровителем, и постараться, чтобы Вы во мне как в человеке никогда не ошиблись. Остальное – всё в руках Божьих и грешно было бы смело заглядывать в будущее и придавать большое значение своей скромной личности! Долгом своим считаю уведомить Вас, что пишу о сделанном предложении и Вашему брату, и П.И. Лего. Призываю Божие благословение на Вас, чтобы он поддержал Вас в эту минуту и не дал бы Вам сделать опрометчивого шага в жизни.

Уважающий Вас, преданный Ал. Жиркевич.

№ 12

С. Петербург
23 Марта 88 г.

Дорогая Екатерина Константиновна! Сегодняшний день делается, благодаря Вашему письму, счастливейшим днём моей жизни. Правда, письмо Петра Ивановича, полученное мной одновременно с Вашим, дорогим и незабвенным письмом, немного затуманило тот светлый горизонт, который сразу передо мною открылся. Но теперь, когда я услышал от Вас заветное «люблю», целый мир не страшен мне, с целым миром я готов бороться, чтобы только Вы были счастливы, чтобы дождаться той минуты, когда между нами никого кроме Бога не будет. Письмо Петра Ивановича звучит даже враждебно, и это, конечно, устраняет всякие мои письменные с ним объяснения. Грустно, тяжело мне, желающему любить всех тех, кого Вы любите, встречать с первого же шага эту непонятную враждебность!!. Но даю Вам слово, что всегда буду уважать Петра Ивановича и помнить, что и он Вас любит, и он желает Вам счастья, но только по-своему. Кто из нас прав – решит время. После Вашего письма у меня сразу выросли какие-то мощные крылья, прибавилось сил и бодрости, так что даже окружающие меня в Лазарете офицеры заметили во мне перемену: я объявил им о своём счас-

тье, конечно, не назвав Вашу фамилию. Вообще, до приезда моего в Вильну, с Вашего разрешения я хочу объявить об этом событии в моей жизни только самым близким мне лицам, т.е. отцу, матери, брату и сестре; но не поручусь, что не разболтаю это и другим: у счастья язык очень болтлив, да и зачем молчать?! Я и без того слишком 4 года молчал, таился, даже лгал, как будто, любя Вас честно и глубоко, совершал преступление! В июне, когда, даст Бог, окончу Академию, и приеду в Вильну, мы обо всём переговорим, всё окончательно выясним, и, быть может, рассеем и те немногие тучки, которые собрались над нами!

Здоровье моё поправляется, и я уже выезжаю в тёплые дни гулять, а теперь я уверен, что пойду быстрыми шагами к выздоровлению. Доктора советуют отложить экзамен хоть до осени, но я и не могу, и не хочу: это значило бы заставить меня ещё мучиться, ещё ждать, ещё Вас не видеть!!.

Вы упоминаете о холодности Ваших писем?.. Прежде она волновала меня, теперь же я сумею найти там и тёплые строчки, поверьте.

Получил ли хороший, благородный Андрей Константинович моё письмо? Как хочу я сойтись с ним, и приобрести его любовь и доверие! Кончаю письмо, по обыкновению не написав всего, что хотел. Благодарю же ещё раз за уверенность во мне, за ту твёрдость, с которой идёте ко мне навстречу! Нет, я не ошибся в Вас, я Вас не идеализирую, я знал, с кем соединяю свою судьбу с этого знаменательного дня!

Вся жизнь моя теперь будет направлена на то, чтобы Вы никогда не раскаялись в своем шаге! Будьте счастливы.

Уважающий и любящий Вас

Ал. Жиркевич.

Дорогой нашей Варваре Ивановне свой привет, так же как и другу моему Клеопатре Александровне. Пишите, если можно, хоть раз в неделю, и хоть парочку слов. Боже, как я счастлив, и как я даже поглупел от счастья, от новизны положения!!.

№ 13

10 Апреля 1888 г.

Дорогой мой Александр Владимирович,

Какой счастливый день был для меня вчерашний! Как часто со мной бывает, когда что-нибудь особенно хорошее должно днём случиться, мне с самого утра было так светло и радостно на душе. Вернувшись домой с английского урока я нашла письмо от Вашей дорогой Мамы, такое доброе, тёплое, хорошее письмо, что меня так и потянуло к ней, и я просто жажду узнать её! Затем, после обеда пришло Ваше письмо от 8-го Апреля. Радостно мне и вместе с тем совестно, что я как бы вызываю Вас на письма отвечать перед самым экзаменом. Когда Вы получите это письмо, этот страшный день будет уже прожит и, Бог даст, благополучно прожит. Не хочу более останавливаться на вопросе об экзамене, перейду лучше к другим.

Ваша добрая Мама просит меня прислать мою карточку: не знаю, заказать ли такую, как я Вам теперь послала или сниматься ещё раз в маленьком формате? Больших карточек мы сделали только шесть. Ваша Мама высказывает также желание вступить со мной в постоянную переписку, что для меня, конечно, будет большой радостью. Я навсегда сохраню её письма, и когда Вы приедете, покажу Вам это дорогое незабвенное письмо, которое я вчера от неё получила. Я читаю его и перечитываю, и каждый раз оно меня приводит в восторг. У нас завяжется переписка и вот будем по косточкам разбирать Вас, мой хороший, и бранить наперерыв.

Очень буду рада познакомиться с Вашим братом; боюсь только, что для него будет немного трудно пересилить себя и идти к нам: он, кажется, такой нелюдим. Я очень хочу его узнать, как и всю семью Вашу, и каждый неизвестный мне офицер Оренбургского полка представляется мне Вашим братом, и я стараюсь отыскать в нём какое-нибудь сходство с Вами, но до сих пор напрасно. Что же касается генерала Максимова, признаюсь Вам, мне бы приятнее было, если бы он был у нас с визитом при Вас, если бы Вы его к нам привели; но так как он в данном случае поступает очень любезно и деликатно и, вообще, считает себя Вашим другом, я думаю, неловко будет отклонить делаемую им для Вас любезность, тем более, что до осени откладывать этот визит будет слишком долго, а весной мы, может быть, увидимся лишь в деревне. Итак, мы будем ждать Максимова. Он, вероятно, будет у нас один: напишите должна ли я в ответ на эту любезность быть с Тётей к Madame Максимовой? Благодарю Вас от всего сердца за Вашу любовь к Тёте и за то, что Вы не разлучаете меня с ней! Вы меня так обрадовали и успокоили решением этого вопроса! О моих взглядах на отношения, которые должны установиться между Вами и П.И., напишу в следующий раз.

Ваша всем сердцем Е.С.

Я не совсем рада, что Вы оставляете уже Лазарет, кто за Вами дома присмотрит после тифов, говорят нужно соблюдать осторожность в течение целого года.

Как здоровье Вашей сестры?

...На этом письме мы сделаем остановку. До венчания Екатерины Константиновны и Александра Владимировича будет ещё немало писем. Да и те, которые представлены читателю, составляют лишь небольшую часть их переписки; писали часто и помногу, но и в этих письмах чувствуется атмосфера общения молодых людей, счастье первого признания. Я мечтаю когда-нибудь опубликовать этот трогательный роман в письмах.

И ещё. Мне жаль, что я никогда не знала бабушку Екатерину Константиновну и дедушку Александра Владимировича и моя встреча с ними состоялась так поздно...

Наталья Вьялицина

О РОЛИ МИХАЙЛОВСКОГО В СТАНОВЛЕНИИ ПОЭТИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ А.С. ПУШКИНА

(историко-литературное эссе)

...здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило...
А. Пушкин

Замысел моего сочинения возник спонтанно, как реакция на впечатления от древнего Изборска, Мальской долины, Словенских ключей, Печерского монастыря, где столько простора, воздуха, красоты, какой-то особой энергетики... Там и зародились мыслечувства о Пушкине, преподобном Серафиме, о Руси. Они не оставляли, требовали осмысления и словесного воплощения, а так как я филолог, то мое эссе, по закону жанра не претендующее на исчерпывающую трактовку проблемы, имеет какие-то черты историко-литературной статьи. Перечитывая известные и читая новые для меня труды философов, литературоведов, я радовалась, находя близкое в интерпретациях пушкинских творений, в размышлениях о святости и творчестве. Это убеждало в том, что и моё мнение может оказаться кому-нибудь интересным.

Не бывает случайных совпадений, когда речь идёт о духовных феноменах, таких как А.С. Пушкин, как старший его современник преподобный Серафим Саровский. 25 ноября 1825 года, ровно за месяц до страшного потрясения, преподобный Серафим по велению Богородицы прекратил затвор, продолжавшийся в течение 15 лет, и пошёл в «мир», начал путь деятельного служения на духовную пользу своих соотечественников. Тогда же, в ноябре 1825 года, Пушкин закончил трагедию «Борис Годунов», в которой пришёл к мысли о том, что монархия является единственной формой государственности, отвечающей русской истории и русскому национальному характеру. Интересно, что в этой трагедии он осмысливает связь между «случаем» и Провидением. Действительно, Борис, кажется, становится жертвой «таинственной игры» иррациональных исторических сил, справиться с которыми не в состоянии, и появление Самозванца оказывается всего лишь тем непредвиденным «случаем», с помощью которого Провидение осуществляет свою волю.

А вскоре случай, который стал орудием Провидения, спасёт самого поэта. Как раз накануне восстания он отказался от поездки в Петербург, не зайца испугавшись, не священника, но интуитивно почувствовав, что ехать не нужно.

Позднее Пушкин вернётся к осмыслению связи между случаем и Провидением в рецензии на второй том «Истории...» Н. Полевого: «Не говорите: *иначе нельзя было быть*. Коли было бы это правда, то историк был бы астроном и события жизни человечества были бы предсказаны в календарях, как и затмения солнечные. Но провидение не алгебра. Ум человеческий, по простонародному выражению, не пророк, а угадчик, он видит общий ход вещей и может выводить из оного глубокие предположения, часто оправданные временем, но невозможно ему предвидеть *случая* — мощного, мгновенного орудия провидения» (XI, 127).

Благое Провидение спасло Пушкина, когда в смутное время он оказался в «затворе», в Михайловском, вдали от суетных страстей, от мирских забот и политических разговоров. Вынужденное одиночество заставляло его размышлять об Отечестве, истории, о судьбе народной и о своей собственной судьбе. Ведя в своей «пустыне» жизнь скромную, даже скудную, поэт живёт преимущественно созерцательно, сосредоточенно. Именно здесь, в тиши деревенского уединения, Пушкин мог глубоко заглянуть в самого себя и в душу простого народа, усвоить заветы и уроки родной истории. Здесь он впервые вошёл в живое, непосредственное общение с церковью через братию Святогорского монастыря и окрестное духовенство. «Наблюдая воочию эту тесную связь народа с монастырём и углубляясь в изучение «Истории» Карамзина и летописей, где развёртывались пред ним картины древней аскетической Святой Руси, Пушкин... не мог не оценить неизмеримого нравственного влияния, какое оказывала на наш народ и государство наша церковь»[1]. Именно в Михайловском произошёл духовный переворот, очистивший, преобразивший душу, именно в Михайловском он воспринял русскую историю в её *духовной* сути. Именно там рождалось «то высшее состояние пиризма, которое чуждо движений страстных и есть твёрдый взлёт в свете разума, верховное торжество духовной зрелости»[2]. Не только об эволюции политических взглядов, но прежде всего о *духовном* развитии, о *духовной* зрелости Пушкина свидетельствует трагедия «Борис Годунов», в особенности «смиренный и величавый» образ Пимена, воплотивший тип русского православного монаха-летописца, что считал нужным отметить сам А.С. Пушкин: «В нём собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умилительная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной им Богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия...» (XI, 68). В «завещании» мудрого старца поэт определяет само существо отношения русского православного человека к царю: за труды, за добро – славная память, за грехи, за тёмные деяния – смиренная молитва к Спасителю о вразумлении царя:

[1] *Митрополит Анастасий (Грибановский).* Пушкин в его отношении к религии и православной церкви // А.С. Пушкин: путь к православию. М., 1999. С. 129.

[2] *Гоголь Н.В.* О лиризме наших поэтов // Избранные места из переписки с друзьями. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1984. С. 215.

Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро –
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют.
(VII, 17)

Очевидно, что в таком отношении к царю нет места бунту, революции, ибо Помазанник Божий несёт ответственность за свои дела лишь перед Богом:

Подумай, сын, ты о царях великих.
Кто выше их? Единый бог. Кто смеет
Противу их? Никто.
(VII, 20)

Но пушкинский Пимен – это не просто летописец, в его образе поэт создал законченный, правдивый тип православного русского подвижника, человека мудрого, освободившегося от земных страстей и суеты, – личности духоносной. Значение образа Пимена в трагедии прежде всего *духовное*: в отличие от других персонажей, он не является лицом историческим, да и с действием трагедии он связан опосредованно, лишь оценкой событий, царей. Духовное значение образа величавого старца определяется в большой степени тем, что Пимен является не просто мудрым летописцем, но средневековым писателем, для которого писание было делом сакральным, а творчество не человеку принадлежащим, но единственному Творцу, и который потому считал себя послушным исполнителем воли Бога, смиренно выполняя свой долг перед Ним. За каждым словом Пимена стоит смысл, определённый многовековой традицией средневековой книжности, что глубоко прочувствовано и гениально выражено Пушкиным:

Исполнен долг, завещанный от бога
Мне грешному. Недаром многих лет
Свидетелем господь меня поставил
И книжному искусству вразумил.....
(VII, 17)

Известный историк литературы Н.Н. Скатов справедливо указал в своей книге о русском гении на то, что «Пимен не только эпическое создание Пушкина, но и лирическое. И о старом русском иноке поэт мог бы сказать...: «...в нём есть стихи моего сердца»[1]. Действительно, говоря о Пимене, поэт и о себе думал – средневековый книжник «...вышел из самого сокровенного горнила творчест-

[1] *Скатов Н.* Русский гений. М., 1987. С. 248.

ва Пушкина, который слился с ним в муках духовного рождения...»[1]. В монологе Пимена воплощается его, пушкинское, понимание сущности поэтического творчества, близкое к средневековому осознанию роли писателя, который считал себя всего лишь посредником между Творцом и людьми. Видимо, именно тогда, «в строгом уединении, вдали охлаждающего света» (XI, 140) у Пушкина появляется убеждённость в собственном таланте как Божественном даре и поручении, что, вероятно, и даёт ему силы и мудрость для осмысления *духовной* сути декабрьской трагедии и своей роли в ней. Теперь поэт уже внутренне готов взглянуть «на трагедию взглядом Шекспира» (XIII, 259), то есть не личностно, эмоционально, а отстранённо, объективно, в контексте отечественной и мировой истории, а может быть, и Вечности. Хорошо об этом сказал В.С. Непомнящий: «Наблюдая ход истории не из её собственного событийного, горизонтального пространства, а из пространства, так сказать, Абсолюта, он видит, что этот ход провиденциален, он идёт как бы под «присмотром». И поэтому, каковы бы ни были намерения людей, их цели и средства, всё равно в итоге совершается не то, чего они хотели бы, а то, что должно быть»[2].

В письме к другу Пушкин подробно и вполне определённо пишет о своей позиции: «...никогда я не проповедовал ни возмущений, ни революции – напротив. Класс писателей... более склонен к умозрению, нежели к деятельности, и если 14 декабря доказало у нас иное, то на это есть особая причина. Как бы то ни было, я желал бы *вполне и искренно* помириться с правительством, и, конечно, это ни от кого, кроме его, не зависит. В этом желании более благоразумия, нежели гордости с моей стороны» (XIII, 259).

Возможность «помириться с правительством» представилась, когда вскоре после коронации молодой царь вызвал Пушкина в Москву. Разговор был продолжительный и откровенный. Как известно, Николай I отозвался о поэте как об умнейшем человеке России. А Пушкин посчитал себя вправе рекомендовать молодому царю, как тот должен править и кого считать образцом для себя. Сам по себе факт этот представляется невероятным. Его возможность можно объяснить только тем, что, говоря с государем, Пушкин ощущал себя не частным лицом, и даже не только русским национальным поэтом, которым он стал, написав «Бориса Годунова»; с царём говорил «небом избранный поэт», осознавший своё высокое предназначение, свою значимость и правоту. С Божьим помазанником разговаривал Божий избранник, Пророк. Ведь не случайно стихотворение «Пророк» датируется им тем же днём, когда состоялась встреча с царём (8 сентября), хотя написано было раньше.

Ещё раз подчеркнём, что «пустынножительство» в Михайловском стало в мировоззренческом, духовном плане благом для поэта, провиденциально оказавшегося в ситуации, благодаря которой он получил возможность уединенно

[1] *Митрополит Анастасий (Грибановский).* Пушкин в его отношении к религии... С. 129.

[2] *Непомнящий В.С.* Царь, поэт и мы. – http://www.expert.ru

сосредоточиться над главными вопросами своего бытия и «существования Божьего», в результате чего Пушкин с Божьей помощью окончательно выбирает путь духовного восхождения, обозначенный им в «Пророке». В этом стихотворении задан новый масштаб личности человека, многое пережившего и осмыслившего в уединении, в «пустыне мрачной». Пустынное, отшельническое жильё является важным этапом «духовного делания» Божьего избранника, но почему же у Пушкина эта пустыня *мрачная*? Думаем, не о бытовых вопросах он здесь пишет, но о бытийных. В святоотеческой литературе указывается, что бесы обычно настойчиво и активно пытаются совратить человека, вступившего на путь поиска Истины; кто внимателен к жизни духовной, у кого чувствительнее совесть, на того сильнее и нападение князя тьмы. Из житийной литературы известно, что жизнь отшельника, вступившего на путь познания Истины, – трудный подвиг, крестный путь, на котором его «ждёт борьба с бесами, видимые и невидимые с ними сражения, борьба, столкновения, устрашения демонов, дьявольские наваждения, неизвестных бед ожидание»[1]. Автор жития о Серафиме Саровском пишет: «Но такая напряжённая жизнь подвижника возбуждала и жестокую злобу диавола, наводящего на него разные искушения... Можно думать, что преподобный вполне испытал на себе искушающую силу злых духов... Немного известно нам о тайне его страдания в этот период, но из того, что он сказал, есть более чем достаточно основания заключить об их характере. На вопрос, заданный ему впоследствии, незадолго до кончины: – видел ли он бесов? – последовал ответ: «Они гнусны. Как на сияние Ангела взглянуть грешному возбраняется, так и бесов видеть нельзя, ибо они гнусны»[2].

Пустынножительство было тяжёлым испытанием даже для святых, избранных для всецелой, ничем не прерываемой и не отвлекаемой службы Богу. Можно представить, как же тяжко было молодому, пылкому, чувственному поэту вести борьбу с греховными помыслами, противостоять служителям тьмы, мрака. Не случайно ведь через четыре года после «Пророка», тоже живя отшельником, только теперь в Болдино, и тоже в сентябре, в ту знаменитую болдинскую осень, он создаст стихотворение «Бесы». В ясный, солнечный день бабьего лета напишет:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, *ночь* мутна.
Еду, еду в чистом поле ;
Колокольчик дин-дин-дин...

[1] Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – середина XV века. М., 1981. С. 307.

[2] *Протоиерей Димитрий Троицкий.* Житие преподобного Серафима Саровского. – http://agios.netda.ru/serafim/content.htm#r1

Страшно, страшно поневоле
Средь неведомых равнин!

.....

Сбились мы. Что делать нам!

.....

Бесконечны, безобразны,
В *мутной* месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...

.....

Мутно небо, ночь *мутна.*
Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...

(III-1, 226–227; курсив мой. – ***Н.В.***)

«Было бы большой глупостью понимать «Бесы» как забавную детскую сказку. Это самая серьёзная космология, суровая и хаотическая, и в то же время жутко конкретная, вплоть до физиологических подробностей... Это не только поэзия, но и философия, и не только лирика, но и мировоззрение... И это не выдумка, но для поэта подлинная реальность, в которой для него нет вообще ничего фантастического», – справедливо писал православный человек, философ А.Ф. Лосев[1].

Думаем, здесь уместно привести утверждение богослова, философа, автора духовной биографии Пушкина: «на трагедию своей собственной души он смотрит **глубже** Шекспира. Свои грехи он начинает понимать как **одержимость**, как закон тела, «противоборствующий законам его ума», и жаждет помощи Свыше»[2].

От мрака и душевной смуты, от нашествия сил тьмы, надрывающих сердце, человека может спасти только Бог. Но только в том случае, если человек сам этого хочет и сам к этому стремится. Сокровенный путь Пушкина к Богу приводит его к тому, что «является не только вершиной пушкинской поэзии, но и всей его жизни, её величайшим событием. Мы разумеем *Пророка*. – Русский религиозный философ С.Н.Булгаков справедливо утверждал: – В зависимости от того, как мы уразумеваем *Пророка,* мы понимаем и всего Пушкина. Если это есть только эстетическая выдумка, одна из тем... тогда *нет* великого Пушкина...

[1] *Лосев А.Ф.* Поэзия, мировоззрение, миф // Пушкинист: Сборник Пушкинской комиссии ИМЛИ им. А.М. Горького. Вып. 1. М., 1989. С.160–161.

[2] *Андреев И.М.* А.С. Пушкин (Основные особенности личности и творчества гениального поэта) // А.С. Пушкин: путь к православию. М., 1999. С. 47.

Или же Пушкин описывает здесь то, что с ним самим было, т.е. данное ему видение...»[1]. В связи с этим нам представляется важным замечание митрополита Анастасия о том, «что образ пророка возник у Пушкина не в каком другом месте, а именно в Святогорском монастыре, т.е. в той же духовной атмосфере, которая дала плоть и кровь Пимену»[2].

А теперь обратимся к стихотворению «Пророк». Оно не случайно начинается со слов: «Духовной жаждою томим»... («*...стоял Иисус и возгласил, говоря: кто жаждет, иди ко мне и пей...*» (Ин. 7, 37). В «Пророке» Пушкин создаёт философию творчества, созвучную с религиозным понятием «синергия», утверждающим необходимость своеобразного сотрудничества, согласованности между человеком, ищущим спасения в соединении с Богом, и Божественной благодатью. Действительно, жаждущему у Пушкина является посланник Бога для осуществления воли Всевышнего:

И шестикрылый серафим
На перепутьи мне явился.
(III-1, 30)

Не будем приводить полностью это стихотворение, которое всем памятно, отметим только, что серафим не дает поэту каких-либо новых знаний, новых чувств, он только усиливает, возводит на высшую ступень прежние чувства, делает поэта духовно более зорким и более чутким. Серафим утончает все чувства человека, наделяя его способностью чувствовать, знать то, что недоступно обычному человеку, – в этом и проявляется сущность истинной поэзии. Заметим, что не только знание, но и *власть* над миром материальным, а иногда и духовным Бог дарует в отдельных случаях Своим святым избранникам. Таким даром обладал преподобный Серафим Саровский.

У поэта, «Свидетеля Господня», речь должна быть не празднословной и лукавой, но поэтически точной, искренней и мудрой. Пушкин воспользовался Библейским символом мудрости: «*итак будьте мудры, как змии*» (Мф.10,16):

.....
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.
(III-1, 30)

Своеобразная инициация, духовное перерождение человека в Поэта болезненны, связаны с мучениями и страданиями, с которыми сопряжен крестный путь Поэта:

---

[1] *Булгаков С.Н.* Жребий Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 282.

[2] *Митрополит Анастасий (Грибановский).* Пушкин в его отношении к религии... С. 130.

И он мне грудь рассёк мечом,
И сердце трепетное вынул
И угль, пылающий огнём,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал...
(III-1, 30)

После этого поэт призывается Богом к пророческому служению:

.....
Исполнись волею Моей...
(III-1, 31)

Русский философ В.Н. Ильин размышлял о трагической участи пророка в этом мире: «Пророк есть глашатай судеб Божиих, глашатай, слившийся свою волю с волей Божией, он — человек, узревший правду Божию и страстно желающий её свершения, как бы оно ни было ужасно»[1]. Пушкинский пророк – это Божий избранник, призванный на особое служение: он должен возвестить людям волю Творца, нести Божественный свет и духовное исцеление тем, кто не владеет Истиной. Чтобы «*глаголом жечь сердца людей*», пушкинскому поэту и самому суждено всё человеческое сжигать на алтаре Истины, чтобы духовным огнём очистить своё сердце от страстей, грехов, ибо лишь «*чистые сердцем... Бога узрят*» (Мф. 5, 8).

После «Пророка» Божественная Воля ведёт пушкинского Поэта. Пусть это не всегда возможно в мирской жизни, но в минуты творческого вдохновения он освобождается от мирских страстей, от греховных помыслов, ибо в эти мгновения не он говорит, им говорит Бог. Об этом Пушкин поведал в «Поэте» («Пока не требует поэта...»). Но следует признать, что обычно это стихотворение понимается как отступление от «Пророка». Кажется, эта традиция начинается с В. Соловьёва, считавшего, что процесс духовного перерождения, изображенный в «Пророке», в действительности не завершён, и Пушкин «пока сошёл с вершин своего поэтического Синая лишь с пророческим задатком... раздвоение между поэтической высотою и житейским ничтожеством... ярким контрастом выступает в стихотворении «Поэт»[2]. И С. Булгаков, размышляя о духовной судьбе поэта, вынужден был признать, что здесь совмещены «два плана» жизни *без всякой связи между ними*»[3].Точку зрения религиозных философов развивает современный исследователь творчества А.С. Пушкина В.С. Непомнящий,

[1] *Ильин В.Н.* Николай Фёдоров и Серафим Саровский // Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 111.

[2] *Соловьёв В.С.* Значение поэзии в стихотворениях Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 79–80.

[3] *Булгаков С.Н.* Жребий Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 281.

полагая, что, «написав «Пророка», он (Пушкин. – ***Н.В.***) ещё не вполне отдал себе отчёт в том, *что*, собственно, он написал»[1], что в «Поэте» «автор приходит к прямому диалогу с собственным «Пророком». Это – *иной взгляд на дело* поэта, другая концепция поэзии, её разовьёт «серебряный век»[2]. Относясь с большим уважением к деятельности В.С. Непомнящего, к его всегда глубоким, интересным работам о творчестве А.С. Пушкина и роли поэта в русской картине мира, решусь высказать своё мнение. Основной смысл этого пушкинского стихотворения *не в противопоставлении человека и поэта*, а в признании того, что в личности художника сосуществуют две ипостаси: человек, вынужденный погружаться в заботы суетного света, и поэт. И ещё: поэты «серебряного века» как раз наоборот требовали от художника, чтобы «он неустанно приносил свои «священные жертвы» не только стихами, но каждым часом своей жизни, каждым чувством, – своей любовью, своей ненавистью, достижениями и падениями. Пусть поэт творит не свои книги, а свою жизнь», – предписывал художникам создатель теории искусства-жизнетворчества В. Брюсов[3].

Философию жизнестроения культивировали и младосимволисты, развивая идеи В.С. Соловьёва о том, что прекрасное должно вести к *реальному* улучшению жизни. Теория «искусства-жизнетворчества», созданная символистами, в её практическом воплощении приводила к духовным соблазнам, жизненным и творческим драмам. Например, перед А. Блоком, поэтом с обострённой совестью, с роковой неизбежностью встал вопрос: «что... делать с этими мирами (им созданными. – ***Н.В.***), что мне делать и с собственной жизнью, которая отныне стала искусством, ибо со мной рядом *живёт* моё создание... <...> При таком положении дела и возникают вопросы о проклятии искусства, о «возвращении к жизни», об «общественном служении», о церкви...»[4]. Но от церкви Блок был далёк в это время, как и многие интеллигенты серебряного века. Несмотря на это, поэт видит выход из кризиса символизма в решительном отказе от теории искусства-жизнетворчества: «Художник должен быть трепетным в самой дерзости, зная, чего стоит смешение искусства с жизнью, и оставаясь в жизни простым человеком»[5]. Не случайно в предсмертной своей речи он обратился к Пушкину, разделяя его представление о природе поэта, который творит «на бездонных глубинах духа, где человек перестаёт быть человеком»[6]. В конце жизни Блок понял, что панэстетизм как жизненный принцип ведет не к преображению жизни,

[1] *Непомнящий В.С.* Пушкин. Русская картина мира. (Серия «Пушкин в XX веке». VI). М., 1999. С. 234.

[2] Там же. С. 239.

[3] *Брюсов В.Я.* Священная жертва // Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М., 1975. С. 99.

[4] *Блок А.А.* О современном состоянии русского символизма // Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.; Л., 1962. С. 430–431.

[5] Там же. С. 436.

[6] *Блок А.А.* О назначении поэта // Т. 6. С. 163.

а к игре с вечными ценностями. Символическую точку в этой игре он поставил, когда незадолго до смерти в приступе гнева разбил бюст Аполлона.

У Пушкина человек, погружённый в заботы суетного света, становится Поэтом, когда слышит зов «божественного глагола»:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.
Тоскует он в забавах мира,
Людской чуждается молвы,
К ногам народного кумира
Не клонит гордой головы;
Бежит он, дикой и суровый,
И звуков и смятенья полн,
На берега пустынных волн
В широкошумные дубровы...
(«Поэт», 1827; III-1, 65)

Перекличка с «Пророком» явная, да и написано стихотворение тоже в Михайловском, в уединении, в «пустыне». Здесь прямо указано, что в минуты вдохновения для поэта необходимы отрешение от всего земного, внутренняя сосредоточенность в одиночестве, – только тогда обостряется духовный слух и улавливается *божественный глагол*. *Расположение духа Поэта*, переживающего состояние вдохновения, сродни «умному деланию» исихаста-отшельника.

Иными словами, нам представляется, что пушкинское понимание творческого акта соприкасается с духовной традицией православного исихазма. Авторитетный исследователь исихазма С.С. Хоружий справедливо связывает восстановление прерванной в XVII–XVIII веках русской духовной традиции с именем преподобного Серафима Саровского: «У истоков русского исихастского возрождения находится подвиг преп. Серафима Саровского, которого Русская церковь прославляет вместе с преп. Сергием Радонежским как святого – покровителя России и «всея России чудотворца». Мистические созерцания преп. Серафима неослоримо и органично принадлежат исихастскому руслу, сосредоточиваясь на его традиционных темах света и благодати»[1].

Но, в отличие от монахов, поэт живёт в миру и потому, будучи *иным*, не может быть *иноком*, более того, он обречён быть своеобразным эхом, откликающимся на события природной, мирской жизни и потому должен обладать обострённой чувствительностью ко всем проявлениям жизни, являясь потому человеком страстным и уже поэтому грешным. В стихотворении «Поэт» Пушкин

[1] *Хоружий С.* Исихазм в Византии и России: исторические связи, антропологические проблемы. – http://www.synergia-isa.ru/lib/lib.htm.

как раз и пишет о том, что творческое вдохновение освобождает *поэта* от власти всего земного, природного, буднично-суетного. Истинное творчество для Пушкина есть таинство встречи человека и Бога.

После духовного восхождения, изображённого в «Пророке», Пушкин всегда осмысливал поэтическое творчество на уровне *духовном*. Поэтому он и утверждал, что от поэзии нельзя требовать «пользы», она выше всего житейского, земного, у поэтов иное назначение:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.
(«Поэт и толпа», 1828; III-1, 142)

«Звуки *сладкие*» – это звуки Горнего мира, которые слышит поэт в минуты вдохновения, когда Дух Божий нисходит к нему и осеняет Своим наитием. «Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоей напоиши я»[1]. Молитва же, как известно, – это самый краткий путь к Богу, а точнее: «Молитва есть восхождение ума к Богу»[2]. Основной смысл стихотворения «Поэт и толпа», поэтому, не в обличении толпы, не в романтическом конфликте поэта с толпой, не в проповеди элитарного искусства, но в том, что Поэзия есть синергия поэта с Богом. Истинный поэт призван Словом творить новую реальность, вот потому и считают иногда творчество греховным занятием, а творцов упрекают в гордыне. Поэтому необходимо уточнить, что созданный художником мир является новым для самого поэта и для его читателей, вообще для дольнего мира, ибо, как писал В. Жуковский, рассуждая о пушкинской поэзии, «человек не может творить из ничего; он только может своими, *заимствованными из создания средствами* повторять то, что Бог создал своею всемогущею волею»[3]. А русский философ В. Ильин считал, что заключение пушкинского стихотворения «Поэт и толпа», вызвавшее лютую злобу у Белинского, «в сущности представляет свободную вариацию на очень важный момент восточной литургии; это гимн, раскрывающий душу человека, уже ставшего «иным» или все усилия своей души напрягающего, все свои молитвенные вопли устремляющего, чтобы стать «иным». Момент этот — «Херувимская Песнь», которая есть в сущности одновременно и песнь об иночестве»[4].

Святые угодники и избранники знают о своём избранничестве. Пушкин тоже

[1] *Протоиерей Димитрий Троицкий.* Житие преподобного Серафима Саровского. – http://agios.netda.ru/serafim/content.htm#r1.

[2] *Евагрий Понтийский.* Слово о молитве // Творение. Сл. 54–58. М., 1994. С. 84.

[3] *Жуковский В.А.* О поэте и современном его значении. Цит. по: В.А. Жуковский – критик. М., 1985. С.180.

[4] *Ильин В.Н.* Иночество как основа русской культуры // Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 47.

чувствовал и понимал Божественную природу своего дара, иначе он не был бы автором «Пророка». Именно поэтому он утверждал: «Слова поэта суть уже его дела». Приведём комментарий к этой пушкинской максиме, он принадлежит поэту, религиозному человеку, другу Пушкина: «Творец вложил свой Дух в творение: поэт, Его посланник, ищет, находит и открывает другим повсеместное присутствие Духа Божия. Таков истинный смысл его призвания, его великого дара...»[1].

Благое Провидение, попечительствуя России в эпоху распространения атеистических и революционных идей, облагодетельствовало её двумя великими личностями. Преподобный Серафим вошёл в лик святых блаженным Старцем, то есть благодатным устроителем жизни; он принёс на землю Благовестие и Благословие о Святом Духе. Пушкин занимает особое место в русской культуре и русской истории потому, что он был поэтом, творящим в Слове, рождённом от Святого Духа. Он оставил завещание русской литературе: «Веленью Божию, о муза, будь послушна...»

Своей духовной практикой преподобный Серафим продолжил прерванную в XVII–XVIII веках русскую духовную традицию «умного делания», а Пушкин естественно и гармонично осуществил связь светской культуры с этой духовной традицией. Именно поэтому он и стал русским гением.

«С тех пор в России есть *спасительная традиция Пушкина*: что пребывает в ней, то ко благу России; что не вмещается в ней, то соблазн и опасность. Ибо «*Пушкин учил Россию видеть Бога и этим видением утверждать и укреплять свои сокровенные, от Господа данные национально-духовные силы*»[2].

Михайловское в судьбе Пушкина было той «кельей», в которой он пережил своё «иночество», удалившись от мира и посвятив себя творчеству; в которой почувствовал боговдохновенность своего слова, осознал Божественную природу своего дара. Об особой роли Михайловского в своей судьбе Пушкин писал:

Но здесь меня таинственным щитом
Святое провиденье осенило,
Поэзия, как ангел-[утешитель],
Спасла меня, и я воскрес душой.
(III-2, 996)

---

[1] *Жуковский В.А.* О поэте и современном его значении... С. 182.

[2] *Ильин И.А.* Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 353–354.

Нина Цветкова

ШЕВЫРЁВ И ПУШКИН: ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ (1820-е — начало 1830-х годов)

Младший современник А.С. Пушкина С.П. Шевырёв в 1822 году, окончив с отличием Благородный пансион при Московском университете, уже в 16 лет намеревался связать свою судьбу с русским просвещением и вступить в учёное звание. В юности Шевырёв – участник литературного кружка С.Е. Раича[1], а затем общества любомудров (Д. Веневитинов, В. Одоевский, А. Кошелев, Н. Рожалин, И. Киреевский), где предметом восторженного отношения и серьёзного изучения является немецкая идеалистическая философия.

Волею судьбы Шевырёв оказывается среди тех молодых и блестяще образованных людей, главными интересами которых наряду с философией станут гуманитарное знание, судьбы России и русского просвещения. По времени это люди послепушкинского поколения. В отличие от декабристов, прошедших через Лицей, кадетские корпуса и военную службу, они являются воспитанниками Московского университетского пансиона или университета – людьми «университетского пространства» (А.А. Левандовский).

«Здесь впервые были последовательно воплощены принципы образования, которое столетие спустя назовут *элитарным* и которое позволяет людям, получившим его, *откликаться на запросы меняющейся жизни, а обществу в целом – двигаться вперед* (курсив мой. – ***Н.Ц.***)»[2]. С юных лет Шевырёв – человек «университетского пространства», который умеет и учиться всю жизнь, и брать на себя ответственность в деле служения Отечеству. Сознательный выбор в пользу государственной службы после 1825 года в новую историческую эпоху русской жизни он делает наряду с В.Ф. Одоевским, Д.В. Веневитиновым, А.И. Кошелевым. Но истинным своим предназначением и предметом приложения своих знаний и талантов эти люди считают гуманитарное знание. Поэтому вся их жизнь связана с журналистикой, с литературой – с тем, что может и должно «откликаться на запросы» русской жизни, влиять на неё, на её движение.

Когда Пушкин приезжает из ссылки в Москву, то самые сильные его впечатления – не только от встречи с царём, но и от знакомства с кругом бывших любомудров, которые войдут в историю русской культуры под его названием «ар-

[1] *Рогов К.Ю.* К истории «Московского романтизма» // Лотмановский сборник. Вып. 2. М., 1997. С. 523–576.

[2] *Пономарёва В.В., Хорошилова Л.Б.* Университетский благородный пансион в исторической памяти: документы и литература // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 3. 2006. С. 14.

хивных юношей». Из дневника близкого друга Шевырёва, учёного-историка М.П. Погодина[1], известно, что поэт не один раз читает им своего «Бориса Годунова», что с ними он обсуждает проект будущего журнала «Московский вестник» и своё участие в нём. Статья Д.В. Веневитинова, датированная 1826 годом, посвящена программе журнала «Московский вестник» и имеет два названия: «Несколько мыслей в план журнала» и «О состоянии просвещения в России». А это значит, что разговоры молодых москвичей с Пушкиным могли касаться не только собственно литературных тем, потому что Веневитинов в статье излагает не столько программу будущего «Московского вестника», сколько концепцию русского просвещения, которую в большей или меньшей степени разделяли его товарищи, в том числе и Шевырёв.

Как последователь немецкой идеалистической философии Д. Веневитинов выдвинул главный тезис: «Итак, философия и применение оной ко всем эпохам наук и искусств – вот предметы, заслуживающие особенно наше внимание...»[2]. Представление о просвещении России в середине 20-х годов русские шеллингианцы, и в частности Веневитинов, формируют под влиянием европейского просвещения, с оглядкой на него, в связи с чем считают философию наукой наук, видят в ней основу разных знаний. Хорошо известно, что Пушкину не близка была страсть его молодых друзей к философии, но участие в их журнале, который имел явно выраженную просветительскую программу, он принимает.

Своё целостное представление о русском просвещении и воспитании Пушкин изложит в ноябре 1826 года в записке «О народном воспитании», то есть в один год с Веневитиновым и раньше Шевырёва. Наиболее интенсивно изучение этой записки начинается с того момента, когда в 1964 году её беловой автограф попадает в руки Н.В. Измайлова. Учёный называет записку «публицистическим (хотя и служебным по форме и назначению) документом большой важности для определения общественно-политической позиции Пушкина, занятой им в конце 1826 г. после возвращения его из ссылки... и более того, для суждения о некоторых основных элементах его историко-философского и общественно-политического мировоззрения»[3]. В советском литературоведении в отношении содержания записки и позиции её автора к новой власти сложились разные точки зрения[4]: от утверждения пушкинского

---

[1] *Погодин М.П.* Из «Дневника» // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. Т. 2. М., 1974. С. 9–14.

[2] *Веневитинов Д.В.* Стихотворения. Проза. М., 1980. С. 133.

[3] *Измайлов Н.В.* Вновь найденный автограф Пушкина – записка «О народном воспитании» // Временник Пушкинской комиссии. 1964. Л., 1967. С. 5.

[4] См.: *Цейтлин А.Г.* Записка Пушкина о народном воспитании // Литературный современник. 1937. № 1; *Фейнберг И.Л.* Незавершенные работы Пушкина. М., 1969; *Томашевский Б.В.* О народном воспитании // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. Л., 1978. С. 462; *Эйдельман Н.Я.* Пушкин. Из биографии и творчества. М., 1987; *Скатов Н.Н.* Русский гений. М., 1987; *Ерёмин М.П.* Пушкин-публицист. М., 1986 и др.

мнимого примирения до утверждения его искренности и сознательного стремления к сотрудничеству.

Отношение Николая I к Пушкину учёные воспринимают почти единодушно как «политический экзамен» (Б.В. Томашевский). Ю.М. Лотман полагает, что записка Пушкина – это «заказ ... трудный и двусмысленный: от него ждали информации, которую можно было бы использовать в целях сыска, прощупывали возможность привлечь к сотрудничеству»[1].

В конце XX века, споря с пушкинистами в статье с говорящим названием «Фига в кармане как условие выживания», Ю.И. Дружников увидит в записке Пушкина «поверхностный анализ государственной проблемы образования», посчитает её с точки зрения «психологического феномена двоемыслия» написанной «обманным языком»[2]. А вышедшая к 200-летию А.С. Пушкина статья современных исследователей в области педагогики, наоборот, подтвердит искренность поэта в отношении к власти, подробно осветит содержание записки «О народном воспитании». По словам исследователей, «можно соглашаться или не соглашаться с отдельными высказываниями поэта, но бесспорно одно: размышляя о проблемах воспитания, он рассуждал как *гражданин*. И воспитание, и образование мыслились Пушкиным именно как *народные* – и по духу, и по целям, и по формам организации (курсив авторов. – ***Н.Ц.***)»[3].

На наш взгляд, чтобы избежать и по настоящее время существующие крайности в восприятии записки, необходимо исходить из представлений о личности её автора, учитывать, что она написана достигшим зрелости человеком и художником, политическое миросозерцание которого, как замечал С. Франк, «...начиная с 1826 года, окончательно освобождается и от юношеского бунтарства, и от романтически-либеральной мечтательности и является как глубоко государственное, изумительно мудрое и трезвое сознание, сочетающее принципиальный консерватизм с принципами уважения к свободе личности и к культурному совершенствованию»[4]. Для нас несомненно, что качества именно такого человека отражает записка, обращённая к судьбе «нового возрастающего поколения» (XI, 312), обращённая к дворянству, которому Пушкин отводил главную роль в истории России и считал истинной опорой русской государственности. Сам поэт говорил о записке А. Вульфу в 1827 году: «Я был в затруднении, когда Николай спросил моё мнение о сем предмете. Мне бы легко было написать то, чего хотели, *но не надобно же пропускать такого случая, чтобы сделать добро*. Однако я между прочим сказал, что должно подавить

[1] *Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1981. С. 149.

[2] *Дружников Ю.И.* Фига в кармане как условие выживания. – http://www.druzhnikov.com/text/rass/duel/6.htme

[3] *Сизэмская И.Н., Новикова Л.И.* Ещё раз о записке А.С. Пушкина «О народном воспитании» // Педагогика. 1999. № 4. С. 86.

[4] *Франк С.Л.* Пушкин как политический мыслитель // Пушкин в русской философской критике. М., 1990. С. 408.

частное воспитание. Несмотря на то, мне вымыли голову (курсив мой. – *Н.Ц.*)»[1]. В дружеском признании Пушкин открывает своё вынужденное лукавство лишь в отношении к частному воспитанию, которое он осудил и которое на самом деле отнюдь не отвергал. Весь же текст в целом можно считать соответствующим в большой степени его истинным убеждениям.

Пушкин называет записку «О народном воспитании», имея в виду, что просвещение – это не только овладение знаниями, что было так важно Веневитинову, но и нравственное, духовное образование юношества. В названии слово «воспитание» употребляется как синоним к слову «просвещение». В «Словаре языка Пушкина» «Воспитание – ...общее развитие человека, обладание необходимыми знаниями и должными навыками поведения в общественной и личной жизни»[2]. Для Пушкина воспитанный человек – это одновременно и просвещённый человек. Русское просвещение он понимает связанным с христианской православной культурой, со святоотеческой традицией, уже в 1822 году в «Заметках по русской истории XVIII века» утверждая, что «мы обязаны монахам нашей Историею, следственно и просвещением» (XI, 17). Не случайно в словаре В.И. Даля «просвещать... даровать свет умственный, научный и нравственный, поучать истинам и добру; образовать ум и сердце»[3]. Не случайно русский философ И. Ильин утверждает: «кто намеревается *воспитывать русский народ*, должен начинать с его сердца, обратиться к *силе его созерцания*... (курсив автора. – *Н.Ц.*)»[4].

Как государственный человек, Пушкин твёрдо убеждён, что общественное состояние России и её политическая стабильность находятся в самой прямой зависимости от состояния просвещения и воспитания русского дворянства, другими словами, от конструктивной внутренней политики власти в отношении к дворянству. Единственное средство, чтобы защитить от распространения революционных идей, от «чужеземного идеологизма» молодое поколение, Пушкин видит в воспитании: «отсутствие воспитания есть корень всякого зла» (XI, 43), «скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия» (XI, 44).

Для Пушкина образованный человек – это тот, кто с чувством чести, нравственного долга и внутренней свободы исполняет дело для пользы Отечества и, любя его, служит преданно. А новая власть, воцарившаяся после смуты, в которой приняли участие представители лучших фамилий, с опаской воспринимает свободное действование, предпочитая в подданных такие качества, как «нравственность, прилежное служение, усердие», обладатели которых могут быть скорее послушными исполнителями государственной воли.

---

[1] Цит. по: *Томашевский Б.В.* Примечания // *Пушкин* А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. Л., 1978. С. 462.

[2] Словарь языка Пушкина: В 4 т. Т. 1. М., 1956. С. 361.

[3] *Даль В.И.* Толковый словарь: В 4 т. Т. 3. М., 1990. С. 508.

[4] *Ильин И.А.* Сущность и своеобразие русской культуры. М., 2007. С. 218.

В «Записке о народном воспитании» Пушкин критически анализирует политику в области просвещения как Петра I, так и Александра I: сначала Пётр I ввёл обязательную службу и способствовал стремлению молодых дворян к чинам, повлияв таким образом на появление малообразованных людей. Затем правительство Александра I нанесло «последний удар дворянскому просвещению и гражданской администрации» (XI, 45) указом об обязательных экзаменах при поступлении в гражданские учебные заведения, вследствие чего «всё новое поколение» было вытеснено в «военную службу» (XI, 45). Вот почему гораздо подробнее он говорит о кадетских корпусах, хотя его замечания носят общий характер, относятся и к другим российским учебным (гражданским и духовным) заведениям. Там, по мнению Пушкина, как самые первостепенные должны быть произведены преобразования, касающиеся их нравственного состояния. Его внимание привлекают нравы, «кои находятся в самом гнусном запустении». Сердечные угрызения лицейских воспоминаний как будто ведут за собой мысль зрелого человека, который, по словам П.А. Вяземского, «хорошо понимал истину и выражал её»[1]. Учитывая собственный ученический опыт, беспристрастно оценивая его, он утверждает запреты и рукописей, ходящих между воспитанниками (XI, 45), и телесных наказаний (XI, 46), и слишком распространённые занятия литературой, отвлекающие от учения и приучающие «детей к мелочным успехам» (XI, 46).

Пушкин, «пророк и мыслитель, поэт и национальный воспитатель, историк и государственный муж»[2], говорит о «просвещении юношества» как основах духовного здоровья в общественной жизни России и её внутренней политики. При этом он, подобно Веневитинову, также очерчивает круг наук и особенности их преподавания: первые годы должны быть посвящены изучению языков с предпочтением французского в разумных пределах перед латинским и греческим, а также истории, которая «должна быть голым хронологическим рассказом происшествий... К чему давать младенствующим умам направление одностороннее, всегда непрочнюе?» (XI, 46). Этическое начало, как видно, входит в сам процесс преподавания, в котором равно участвуют воспитатель и воспитанник, которому «в окончательном курсе», в эпоху нравственной зрелости, можно раскрыть понятия политические: «можно с хладнокровием показать разницу духа народов... не хитрить, не искажать республиканских рассуждений, не позорить убийства Кесаря...» (XI, 46).

В «окончательный курс», обращённый к нравственно и духовно зрелой личности, Пушкин считает важным включить и «высшие политические науки». Это «преподавание прав, политическая экономия по новейшей системе Сея и

[1] *Вяземский П.А.* Поздняя редакция статьи «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» // Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 314.

[2] *Ильин И.А.* Пророческое призвание Пушкина // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX – первая половина XX в. М., 1990. С. 336.

Сисмонди, статистика, история» (XI, 46), то есть науки, готовящие непосредственно к государственной службе. «Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину», – утверждает Пушкин, уточняя, что сочинение историка есть «подвиг честного человека» (XI, 47).

Пушкинская концепция просвещения основана на приятии достижений западной и русской науки и подчинена христианской православной традиции воспитания. Научное образование, тесно связанное с воспитанием «молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений...» (XI, 47), другими словами, стабилизация внутренней политики России – предмет откровенных размышлений Пушкина в официальной записке. Не подозревая того, Пушкин исполняет поручение Николая I по выработке внутренней политики, а не только проявляет лояльность к новой власти. Справедливость такого вывода подтверждают исследования архивных документов николаевского царствования, предпринятые в начале нашего века.

Отталкиваясь от привычных штампов и опираясь на документальные свидетельства, современный учёный Ю.В. Никуличев доказывает, что в действиях приступившего к управлению Россией Николая I присутствует явное и настойчивое стремление внимательно изучить документы по делу декабристов и «наиболее основательные мнения из тех, что обвиняемые высказывали относительно внутреннего состояния империи...»[1]. В результате по приказу Николая I была создана очень подробная записка, которая стала его «настольной книгой» на 30 лет и в которой намечена программа внутренней политики России. В записке говорилось: «Надобно даровать ясные положительные законы, водворить правосудие учреждением кратчайшего судопроизводства, возвысить нравственное образование духовенства... направить просвещение юношества сообразно каждому состоянию, улучшить положение земледельцев, уничтожить унизительную продажу людей...»[2]. Совершенно очевидно, что, обращаясь к Пушкину, как и к многим другим современникам, Николай I старался не только и не столько выяснить лояльность пишущих. Как ни парадоксально, Николай I хотел знать общественное мнение своих современников и надеялся найти в их трудах новые конструктивные идеи и предложения.

Если Пушкин критически всматривается в русскую историю, стараясь извлечь нужный опыт в решении проблем отечественного просвещения, то Шевырёв, напротив, с восторгом оглядываясь на историю Петра Великого, стремится ему подражать. Он – писатель, поэт, критик, журналист, учёный – своё жизненное призвание с юных лет не мыслит вне служения русскому просвещению. Оригинальная концепция Шевырёва о русском просвещении, обращённая не только к дворянству, но к русскому народу, складывается в 1829–1832 годах

[1] *Никуличев Ю.В.* «Век шествует путем своим железным». Вопросы литературы. № 2. 2002. С. 106.

[2] Там же.

в Италии, откуда он ведёт активную переписку с друзьями и где делает подробные дневниковые записи[1].

Оказавшись за границей, Шевырёв особенно остро ощущает себя русским человеком, которому совсем не безразлично, как относятся итальянцы к русским и России, как они ругают англичан. Он записывает в дневнике: «...я из чужбины вывез то чувство, что славно и весело быть русским в наше время, и научился лучше, как быть им...» (188). Пожалуй, весь дневник посвящён тому, как «лучше быть» русским человеком.

Любовь к Отечеству, к царской власти у молодого Шевырёва органично сочетается с любовью и верой в Бога. Весной 1831 года он запишет в дневнике восторженное и хорошо продуманное признание: «О как велико назначение моего Отечества! Не должен ли я радоваться тому и всякую минуту благодарить Бога за то, что я родился русским. Я – русский! Когда-то мои соотечественники скажут: «Мы русские» – с тем же восторгом, с каким я теперь говорю это. Боже! Если я когда-нибудь перестану действовать на благо России, а начну жить для себя только, – пошли на меня молнию и прекрати моё существование» (141). Это романтическое и восторженно выспренное признание Шевырёва в любви к Отечеству не единственное в дневнике. Воспоминания о родине, осмысление истории, культуры, просвещения России, её предназначения – всё это входит в комплекс философских представлений бывших любомудров (и совсем не характерно для мировоззрения Пушкина, скептически относившегося к философии).

Размышления Шевырёва о русском просвещении вызывает посещение им Дерпта, студенческого городка. В дневнике от 5 марта 1829 года он записывает: «*Дерпт прекрасно устроен для занятий, для учения. Это школа, а не город.* Я здесь только понял назначение университ<етов> герман<ских> и устройство оных. Хорошо бы завести в России такие города в разных частях оной – и именно города учёные, студенческие, – монастыри просвещений» (48). Запись через два дня связана тоже с русской жизнью и воспитанием. «У немцев, – пишет Шевырёв, – гораздо более эстетической жизни, чем у русских: причина тому свобода. У мужика русского никогда не увидите цветов, ни беседки для отдыха. <...> Всякое эстетическое наслаждение требует свободы, а у него всё подавлено мыслию, что он ничего своего не имеет: что же за наслаждение *не для себя*?» (48).

В этой записи – боль за несвободу русского человека, за его судьбу, которую не один раз Шевырёв выразит в дневнике. Об отсутствии эстетического наслаждения и эстетического чувства в жизни своих соотечественников постоянно напоминают ему народные праздники в Италии. Как человек книжный, он сразу видит решение проблемы в том, чтобы написать «Рассуждение об эстетической жизни народа, а особенно о степени развития оной у русских» (48). Более того, «этой брошюрой хорошо бы мне возобновить своё литературное поприще

[1] *Шевырёв С.П.* Итальянские впечатления. СПб., 2006. Далее дневник цитируется по этому изданию с указанием номера страницы в круглых скобках.

по возвращении в Россию. Если буду... издавать журнал, то цель его будет – распространение жизни эстетической в России. К этому могу присоединить мысли о воспитании – предмете, до сих пор пренебрегаемом русскими» (48). В представлениях Шевырёва, готовящегося к научному и журнальному поприщу, эстетическая жизнь народа немыслима без свободы и имеет прямую связь с воспитанием.

В отличие от Д.В. Веневитинова С.П. Шевырёв назовёт свой проект просвещения, подобно Пушкину, проектом воспитания. Этот проект явится основной составляющей его историософских размышлений о России, её истории и предназначении, что делает Шевырёва продолжателем идей Веневитинова. Как хорошо известно, размышления о назначении Отечества у русских романтиков складываются под влиянием идей исторической и западноевропейской науки, любимых философов и просветителей (Шеллинга, Гердера, Винкельмана и других). К историософским рассуждениям Шевырёва самое прямое отношение имеет вывод философа начала XX века Г.Г. Шпета: «Нет истории, которая так заботилась бы о завтрашнем дне, как русская. Потому *русская философия – утопична* насквозь, даже – как ни противоречиво это – в своём романтическом настроении. Россия – не просто в будущем, но в будущем вселенском. Задачи её – всемирные, и она сама для себя – мировая задача»[1]. В истории России Шевырёв видит единственную личность, которой по плечу было поставить и решать задачу «всемирную», – личность Петра I.

Историческую личность Петра Шевырёв, в отличие от Пушкина, воспринимает совершенно особо, как будто конструирует её образ. С одной стороны, он сакрализует этого культурного героя, видит в нём пример для подражания для всех людей России, с другой – почти интимно соизмеряет своё и его имена. При этом молодой Шевырёв наделяет образ Петра двумя равными и противоположными по значимости смыслами: деспот и смиренный служитель в деле преобразования России, в связи с чем он осознаёт историческую миссию и самого себя, и своего поколения в деле российского просвещения тоже как жертвенное служение во имя общего блага.

В письме Погодину из Рима от 27 октября 1829 года Шевырёв хорошо это объяснит: «Мне часто приходит мысль: всякому из нас по частям должно продолжать дело Петра... Надо бы нам вербовать Петров из высшего класса: *у нас нужен Христос или князь профессор, т.е. искупитель учёного звания, так как Пётр был искупитель России* (курсив мой. – ***Н.Ц.***)»[2]. В таком сугубо православном *пасхальном жизнепонимании* Шевырёв думает о предназначении своего поколения в историческом бытии Отечества. А в письме к другу Пушкина Дельвигу он отделяет своё поколение от пушкинского, хотя в деле русского просвещения видит их общую роль: «Я пока ушёл от России и за тысячи вёрст, и

[1] *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии // Шпет Г.Г. Сочинения. М., 1989. С. 52.

[2] Рукописный отдел (далее – РО) ИРЛИ. Ф. 26, № 14, л. 58 об.

за тысячи лет: надо окрепнуть силами. Черед Вашего поколения: если мы и говорили прежде, то не в свою очередь. Дайте срок, – выспеем более – и тогда, может быть, достойно приобщим свой голос к Вашему – за просвещение»[1].

С восхищением оглядываясь на грандиозный пример реформаторской деятельности Петра, Шевырёв с неменьшим размахом создаёт собственный проект в области российского воспитания. В его понимании для достижения лидерства в пространстве Европы Россия в своём просвещении должна соединить лучшие достижения европейской науки, искусства, а в области жизни – лучшие достижения практической и общественной жизни, свойственные европейским странам, приобщиться к ним, сделать их понятными и близкими для своих соотечественников. Как и Пушкин, Шевырёв употребляет термин «просвещение» наряду с термином «воспитание», понимая его в традициях христианской православной культуры.

9 августа 1830 года Шевырёв записывает: «В воспитании русском после своей веры, своего Отечества и своего языка, которые да будут его центром, ибо цель русского все-таки Россия, хотя русское понятие об Отечестве должно ближе, нежели кто-нибудь из других народов, сливать с понятием о человечестве, ибо ведь Россиею только можем мы действовать и на всё человечество, итак, после помянутого да войдут в состав воспитания русского изучение философии герман<ской>, но изложенной с ясностию француза, искусства итальянского, но по теории умных [и] ясных немцев, законодательства французского, но только в Монтескье, а не в крайностях, и при том с разумным применением к отечественному, практической жизни английской с разумным применением к местности русской, т. е. к её климату, почве, характеру народа, нуждам и проч<ее>» (182).

На первом месте в проекте Шевырёва, в отличие от Веневитинова, «вера, Отечество, язык», что близко Пушкину. Однако романтический размах программы Шевырёва совершенно противоположен конкретности Пушкина, для которого важно было даже назвать определённые предметы изучения в зависимости от нравственной зрелости воспитанника. Мечтая о будущей роли России в пространстве Европы, Шевырёв всё же сознает, насколько сложна для выполнения такая грандиозная задача, и в результате не может не прийти к выводу об особой роли власти в её решении: «...в России должно делать заговоры не с народом, а с царём против народа, ибо в народе главное препятствие к образованию, а в царях всегда есть желание оного по толчку, данному Петром Великим» (197). Прямота и жёсткость мышления в Шевырёве выявляет человека государственного, способного подчинить свою жизнь служению власти и родному Отечеству.

В собственном воображении создавший совершенно особый образ Петра I, Шевырёв в своём «философствовании» в соответствии с ним старается изобразить и русский национальный характер. В результате он мечтает о таких осо-

[1] РО ИРЛИ. Ф. 93, оп.3, № 1394, л. 3.

бенностях духовного мира русского человека, его национального характера, которые способствовали бы подчиниться власти в их общем деле преобразования России. Летом 1830 года он запишет об этом в дневнике: «Всего труднее быть истинно русским, ибо надо с беспристрастием к другим народам-предшественникам сохранить свой характер: потому-то крайность, в которую впадают и будут впадать русские, если не водворится у нас русское воспитание, есть устремление к чужому и от сего проистекающая бесхарактерность. Надо бы русских воспитывать в духе терпимости ко всему иноземному и в жаркой любви ко всему отечественному» (181). Таким образом, готовый на подвиг во имя русского просвещения, Шевырёв требует исполнения его от всего российского народа.

Шевырёв уверен, что для воспитания истинного русского характера «надо живописцу нарисовать Петра, ваятелю изваять его, поэту изобразить его в песне... историку рассказать всю жизнь его...» (187). А он готов «написать роман, в коем изобразит идеал воспитания русского в русских нравах. Герой моего романа будет называться Пётр» (188).

Увлечённый утопией Петра I, в конкретных разработках Шевырёв совсем не утопичен, а так же, как и Пушкин, конкретен. Профессиональный учёный и педагог, он размышляет над разными проблемами образования, придумывает разные проекты, как, например, проект обучения мировой истории и мировой культуре при помощи кукол или «Проект эстетического музея» при Московском университете, который Шевырёв подробно излагает в письме Погодину от 6 марта 1830 года (в этом «эстетическом музее» он планирует восемь отделений, охватывающих памятники от египетского и этрусского искусства до современной ему скульптуры[1]).

В дневнике писатель выступает истинным реформатором в области своих научных интересов – в разных отраслях гуманитарного знания. Он составляет наброски к «эстетике для русских» «в порядке историческом», занимается интерпретацией художественных текстов Гомера и других крупнейших авторов античности, средневековья, поэтов и писателей Нового времени, – как будто готовит материалы к будущей дилогии («История поэзии» и «Теория поэзии») и к сочинению «Дант и его век», которые вышли в свет уже после возвращения Шевырёва из Италии. Справедливо утверждение, что в этих работах выявится «суть его собственной исторической миссии в России»[2] в качестве учёного, нового Лессинга, потому что именно на страницах дневника в период 1829–1832 годов начинается серьёзный труд Шевырёва в области русской филологической науки[3].

---

[1] РО ИРЛИ. Ф. 26, № 14, л. 90.

[2] *Песков А.М.* «Русская идея» и «русская душа»: Очерки русской историософии. М., 2007. С. 63.

[3] См.: *Цветкова Н.В.* С.П. Шевырёв – критик, историк, теоретик литературы (1830-е годы). Псков, 2008.

Клара Шарафадина

МОТИВ «МАТЬ И МЛАДЕНЕЦ» В ТРАГЕДИИ «БОРИС ГОДУНОВ» (источники и контексты)

Братия! не будьте дети умом: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни.
1 Кор., 14, 20

Уже первые читатели трагедии «Борис Годунов» отмечали особое место и роль в ней персонажа, который ни разу на сцене не появится, а именно младшего сына Ивана IV Грозного от брака с Марией Нагой. Так, И.В. Киреевский утверждал: «Тень умерщвлённого Димитрия царствует в трагедии от начала до конца, управляет ходом всех событий, служит связью всем лицам и сценам»[1]. Действительно, тема «убиенного царевича» становится для пьесы сквозной, он упоминается, и не единожды, чуть ли не каждым персонажем. При этом обращает на себя внимание то разнообразие именований, которыми наделяют его в произведении.

Царь Борис, узнав от лукавого и хитрого Василия Шуйского новость об объявлении в Польше Самозванца, называющего себя Димитрием, сначала в смятении несколько раз повторяет это имя: «Димитрия! ...как? этого младенца? / Димитрия! <...> Димитрия!» – как будто заворожённый самим именем, а затем, воскрешая в памяти события прошлого, подыскивает слова, чтобы справиться с волнением: «... как я узнал, что отрока сего.../ Что отрок сей лишился как-то жизни...» Показательно, что Годунов избегает эпитетов «царский» или «державный», заменяя их местоимением «сей», так как в начале этой сцены, проходящей в Царских палатах, он наставлял царевича Фёдора, видя в нём «державного отрока»: «Учись, мой сын, и легче и яснее / Державный труд ты будешь постигать...» Продолжая расспрашивать Шуйского об угличских событиях, Борис, как бы проговорившись о своей вине, называет Димитрия «убитым младенцем»: «...узнал ли ты убитого младенца?» И, наконец, произносит то его «имя», которого так избегает: «То был Царевич?» Пожалуй, не случайно он с таким пафосом и воодушевлением повторяет свой титул «Царя», не желая делиться им с «тенью», «призраком», «пустым именем»: «...слыхал ли ты когда, / Чтоб мёртвые из гроба выходили / Допрашивать Царей, Царей законных... / Увенчанных

[1] *Киреевский И.В.* Обозрение русской литературы за 1831 год // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М., 1998. С. 111.

великим патриархом...» Шуйский как будто бы убедил Царя, что «сомненья нет: Димитрий во гробе слит» (изворотливый Шуйский, произнеся «Царевич», тут же заменит его именем – «Димитрий»). Показательно, что Годунов в конце концов вернётся к характеристике «убитое *дитя*»: «Так вот зачем тринадцать *лет* мне сряду / Всё снилося убитое дитя! <...> ...Ужели тень сорвёт с меня порфиру...»

Как мы можем заметить, царевич наделён именами с большой амплитудой возрастных характеристик: *дитя/младенец и отрок* («державный отрок», «убитое дитя», «невинный младенец» и так далее). Особенно неожиданным выглядит настойчивое именование разными персонажами восьмилетнего Димитрия[1] «младенцем/дитятей». Так его называет Отрепьев («о жребии *несчастного младенца*»), Пимен («тёплый труп *младенца*»), Воротынский («кровь *невинного младенца*»), Шуйский (кровь *«царевича-младенца)*, но чаще других – Годунов:

«Ш у й с к и й: ...Димитрия воскреснувшее имя. Ц а р ь: Димитрия!.. как? *Этого младенца!* / Димитрия!..», «По совести мне правду объяви: / Узнал ли ты *убитого младенца*...», «Так вот зачем тринадцать лет мне сряду / Всё снилося *убитое дитя!*» В этот ряд можно вписать и аллюзийную метонимию юродивого Николки: ведь он отождествляет царя Бориса с «царем Иродом» («нельзя молиться за царя Ирода»), который, как мы помним, приказал истребить всех вифлеемских младенцев мужского пола до двух лет.

Сравним: Н.М. Карамзин, на X том «Истории государства Российского» которого в описании угличских событий опирался Пушкин, также именует Димитрия то «отроком», то «младенцем»: Борис «видел, между собою и престолом, одного *младенца безоружного*», «многие утверждали, что юный царевич оказывает ум и свойства, достойные *отрока Державного*, говорили о том с умилением и страхом, ибо угадывали опасность *невинного младенца*». Заметим, что в сцене убийства, в его кульминационном моменте, Димитрий назван Карамзиным младенцем: *«Младенец*, с улыбкой невинности подняв голову, отвечал... Тут блеснул над ним убийственный нож... и выпал из рук Волохова»[2].

Комментаторы обычно видят в именовании Димитрия «младенцем» желание Пушкина подчеркнуть нравственный характер преступления Годунова. При этом они исходят из того, что понятием «младенец» подчёркнуто умалены лета восьмилетнего «отрока». Так, Л.М. Лотман писала: «...убийство... не наследника престола, а ребёнка, «несчастного младенца» раскрывает человеческое значение беспощадной политической борьбы»[3].

Проследим историю слова «младенец» в русском лексиконе. В современном русском языке *младенец – это малыш, маленький ребёнок*. В русский язык слово пришло из старославянского, где оно восходило к корню «младъ», то есть

[1] Царевичу, родившемуся 19 октября 1582 года, в мае 1591-го было восемь с половиной лет.

[2] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., 1824. Т. X. С. 128–130.

[3] *Лотман Л.М.* Комментарии // Пушкин А.С. Трагедия «Борис Годунов». СПб., 1996. С. 295.

«молодой». В свою очередь общеславянское «молодой» (*moldъ) восходило к основе *med/met (ср. «метать») с исходным значением «новорождённый», «выброшенный из чрева»[1]. Согласно Далю, на Руси младенцем принято называть ребёнка до трёх лет, «далее, до семи, дитятей, от семи до пятнадцати отроком, до двадцати одного года – юношей, до двадцати восьми – возмужалым, до тридцати пяти – мужем...»[2]. Но он же уточняет, что издавна младенцем называли и «дитя до семи лет»[3].

Пушкин мог исходить именно из этого широкого возрастного объёма понятия «младенец» как исторически близкого XVI – началу XVII века. Возможно, поэтому и Пимен, отвечая на вопрос Отрепьева, «скольких лет» был «царевич убиенный», умаляет возраст Димитрия до этой возрастной границы: «Да лет семи», – хотя Карамзин называет царевича даже «девятилетним» («Девятилетний Святый Мученик лежал окровавленный... он трепетал как голубь»[4]).

Но Пушкин, скорее всего, ориентировался не на это – расширительное – возрастное значение. Здесь автором, безусловно, учтено отмеченное историками сознательное омоложение невинного ребёнка в народном легендарном сознании, так как этим серьёзно усиливалась вина «злодея Годунова». Сравним также подобное умаление народом возраста посаженных под стражу 23-летней Ксении и 16-летнего Фёдора Годуновых, воспринимаемых в «детском» ореоле»: «Феодор под окном. <...> Ксения под покрывалом подходит также к окну. О д и н и з н а р о д а: Брат да сестра! *бедные дети*, что пташки в клетке», «Отец был злодей, а *детки невинны*». «Младенческая» характеристика характерна и для посвящённой угличскому герою гимнографической поэзии, в частности для «Служб Святому Царевичу Димитрию» начала XVII века: «...яко *незлобие младенец* / сам себе на заколение приведе»[5].

Но понятие «младенец» в лингвоментальном кругозоре русского человека, кроме возрастного, имело ещё одно важное значение. Церковнославянский вариант этого слова, а именно *«Богомладенец» (Предвечный Младенец)*, был известным именованием изображения Христа в иконографии в младенческом и отроческом возрасте, в первую очередь на богородичных иконах. Так мотив «младенца» в трагедии расширяется до мотива «Мать и Младенец». Прецедентным основанием для его ассоциативно-аллюзийного развития становится, по нашим наблюдениям, упоминание во второй сцене трагедии, в

[1] *Шанский Н.М., Боброва Т.А.* Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М., 2001. С. 188–189.

[2] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. СПб., 1996. С. 292, 751.

[3] *Там же.* С. 332.

[4] *Карамзин Н.М.* История государства Российского... Т. X. С. 133.

[5] См. о перекличках Служб и трагедии подробнее в ст.: *Серёгина Н.С.* Службы Святому Царевичу Димитрию и трагедия А.С. Пушкина «Борис Годунов» // Духовный труженик. А.С. Пушкин в контексте русской культуры. СПб., 1999. С. 222–248.

реплике верховного дьяка Щелкалова двух знаменитых богородичных икон – Владимирской и Донской. Верховный дьяк Щелкалов обращается к народу с сообщением о том, что предпринимают бояре и Патриарх, чтобы уговорить Годунова принять «шапку Мономаха», а его сестру, царицу Ирину, постригшуюся в инокини, дать на это согласие:

Заутра вновь святейший патриарх,
В Кремле отлев торжественно молебен,
Предшествуем хоругвями святыми,
С иконами Владимирской, Донской,
Воздвижется; а с ним синклит, бояре,
Да сонм дворян, да выборные люди...
(Сцена «Красная площадь. 20 февраля 1598 года». VII, 10-11; курсив мой. – ***К.Ш.)***

Карамзин уточняет подробности этих событий: после смерти Феодора Иоанновича в 1598 году Годунов, бывший при нём фактически регентом, отказывается «венчаться на царство». Поэтому «Святители в общем совете с Боярами уставили петь, 21 февраля, во всех церквах праздничный молебен, и с обрядами торжественными, с святынею веры и отечества, в последний раз испытать силу убеждений и плача над сердцем Борисовым. <...> На рассвете, при звуке всех колоколов, подвиглась столица. <...> Патриарх и Владыки несли иконы, знаменитые славными воспоминаниями: Владимирскую и Донскую, как святые знамена отечества, за Клиром шли Синклит, Двор, воинство, Приказы, Выборы городов, за ними устремились все жители Московские, граждане и чернь, жены и дети, к Новодевичьему монастырю, откуда, также с колокольным звоном, вынесли образ Смоленской Богоматери навстречу Патриарху; за сим образом шёл и Годунов, как бы изумлённый столь необыкновенно-торжественным церковным ходом: пал ниц перед иконою Владимирскою, обливался слезами и воскликнул: «О мать Божия! что виною твоего подвига? Сохрани, сохрани меня под сенью Твоего крова». Затем он обратился к Патриарху со словами: «Пастырь Великий! Ты дашь ответ Богу», на что тот ответил: «Сей подвиг совершила Богоматерь из любви к тебе, да устыдишься!» <...> Собором отпев Литургию, Патриарх снова, и тщетно, убеждал Бориса не отвергать короны, велел нести иконы и кресты в келии Царицы... заклинал Царицу именем Святых икон». И, наконец, «Борис вслед за Духовенством пошёл в храм Новодевичьей обители, где Патриарх Иов, пред иконами Владимирской и Донской, благословил его на Государство Московское и всея России, нарёк Царём и возгласил ему первое многолетие»[1].

Как можно убедиться, Пушкин точно воспроизводит описание Карамзина,

[1] *Карамзин Н.М.* Указ. изд. С. 133–136.

касающееся событий 21 февраля, не преминув упомянуть иконы, считающиеся палладиумами Святой Руси[1].

Обе эти знаменитые иконы принадлежат к одному иконографическому типу, получившему в русской традиции название «Умиление» (не совсем точный перевод греческого слова «Елеуса» (eleousa), или Милостивая – так величали в Византии саму Богородицу и первоначально многие из её икон). Изобразительная схема этого канона состоит из фигур Богоматери и Младенца, прильнувших друг к другу ликами: русское слово «умиление» хорошо передаёт характер образа ласкающей Младенца Марии, полного трогательной нежности и грусти. Все иконы этого типа с необыкновенной силой передают единение Матери и Сына, их нерасторжимое единство и любовь.

Во Владимирской иконе Богоматери, преданием приписываемой кисти Евангелиста Луки и созданной в Византии в начале XII века, поражает трепетное движение Младенца, пытающегося обхватить шею Марии, заглядывая ей в глаза, крепко прижаться к её щеке: подняв к ней по-ребячески округлое лицо, он устремил на неё широко раскрытые круглые глаза, правую руку он протянул вперёд, касаясь плеча Матери, левой обхватил её за шею. Мария поддерживает левой рукой охваченного порывистым движением Сына и прижимает его к себе. Сомкнув тонкие губы маленького рта, Мария глядит прямо перед собой, на зрителя, большими продолговатыми очами, как бы освещающими её узкое, удлинённое лицо. Взгляд их бесконечно любящ и бесконечно скорбен: ведь она как бы предвидит страдания, ожидающие её Сына. Текучий плавный силуэт коричневого мафория создаёт то сакральное пространство, в которое помещены фигура Христа и руки Богоматери.

Колорит первоначальной живописи строится на сочетании глубоких, насыщенных оттенков вишнёво-красного, синего, оранжево-жёлтого и зеленовато-оливкового с золотом. Лицо Богоматери выполнено прозрачной розоватой охрой, богатые разнообразными оттенками прозрачные слои красной краски лежат на щеках, лбу, веках, бровях, глаза светло-коричневые, с красной слезницей. Лицо Младенца выполнено также охрой, но с добавлением белил. Красноватые прозрачные тона округляют овал его лица, щёку и подбородок. На кончике носа и на губах положены мазки тёмной киновари, отмечающей также слезницы. Более светлая, чем у матери, цветовая гамма передаёт детскую белизну кожи лица, маленькой кисти левой руки и части правой руки, лежащей поверх коричневого мафория. Левая ножка Младенца согнута так, что видна подошва ступни: эта деталь с XV века стала непременным атрибутом этого типа «Умиления». Его хитон – охряный с золотым ассистом (лучами, символизиру-

[1] Обе иконы были тесно связаны с семьёй Ивана Грозного. Так, перед иконой Донской Богоматери молился он сам в Успенском соборе Кремля, отправляясь в казанский поход. Его средний сын, царь Феодор Иоаннович («ангел-царь», как называет его Борис Годунов), основал в год смерти Димитрия Донской монастырь в память о Её заступничестве в отражении набега крымских татар.

ющими присутствие Божественного света), с рукавом до локтя и виднеющимся из-под него прозрачным краем рубашки.

На оборотной стороне иконы в начале XV века был написан Престол Уготованный с орудиями страстей: гвоздями, терновым венцом, копьём и тростью. Престол покрыт красной тканью, на нём лежит книга, а на ней стоит белый голубь с золотым нимбом и красными лапками.

С 1480 года Владимирскую икону Богоматери окончательно переместили в Москву, где поместили в Успенский собор Кремля, называющийся с этого времени «Домом Богородицы».

Варьирование иконографии Владимирской Богоматери привело к созданию новых её типов, в частности «Донской». Предание говорит, что её поднесли Димитрию Ивановичу донские казаки перед Куликовской битвой; есть также версия, что она написана Феофаном Греком в 90-х годах XIV века. В начале XVI века она тоже была перенесена в Москву, где в её честь в 1591 году был основан Донской монастырь, в память отражения набега крымских татар войсками Феодора Иоанновича под её святым покровительством.

На этой иконе Богоматерь, устремив глаза влево, склонила голову к сидящему на её правой руке Младенцу. Прижавшись щекой к её лику, он протянул вперёд правую руку, а в левой, опущенной, руке держит свиток, символизирующей его Учение. Мать и Дитя поглощены друг другом, нежность и тихая радость исходит от их изображения. Ступни обнажённых до колен ножек Младенца покоятся на кисти левой руки Матери. Её полукруглая линия с вытянутым и отогнутым большим пальцем уподоблена форме дискоса, на который возложено Тело Младенца. Как Святое Причастие, передаёт Богородица людям Сына, причащая их Божественному Естеству.

Такое подробное описание поможет выявить те ассоциации, которые не могли не возникнуть у читателя пушкинской эпохи.

Восхищаясь «поэзией» X и XI томов «Истории государства Российского», поэт восклицал: «Что за чудо эти 2 последние томы Карамзина! какая жизнь!»[1]. Черновые подготовительные материалы к трагедии, представляющие собой конспекты к отдельным местам X тома, обнаруживают, насколько внимательно поэт читал описание «Убиения царевича Димитрия» из 2-й главы этого тома. Г.О. Винокур, изучавший эти записи, утверждал, что они, за редким исключением некоторых подробностей, не отразились в тексте пьесы[2]. Это не совсем так, если учитывать детали с ассоциативно-аллюзийным потенциалом, прямым источником которых стали именно страницы X тома.

Так, поэтическое чувство Пушкина не могло не откликнуться на то, как описаны у Карамзина отношения Матери и Сына, Марии и Димитрия: Борис приказал «не спускать глаз с обречённой жертвы. Но Димитрия хранила нежная мать!..

[1] *Пушкин А.С.* Письмо Жуковскому В.А., 17 августа [1825 г. Михайловское] // Пушкин А.С. Письма / Под ред. и с примеч. Б.Л. Модзалевского. Т. 1. М.; Л., 1926. С. 155.

[2] *Винокур Г.О.* Комментарии // *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 16 т. Т.VII. С. 476.

Извещённая ли некоторыми тайными доброжелателями или своим сердцем, она удвоила попечения о милом сыне; не расставалась с ним ни днём, ни ночью: выходила из комнаты только в церковь; питала его из собственных рук, не вверяла ни злой мамке Волоховой, ни усердной кормилице, Ирине Ждановой. <...> Настал день, ужасный происшествием... 15 мая, в субботу, в шестом часу дня, Царица возвратилась с сыном из церкви. <...> Волохова позвала Димитрия гулять на двор: Царица, думая идти с ним же, в каком-то несчастном рассеянии остановилась. Кормилица удерживала Царевича, сама не зная, для чего; но мамка силою вывела его из горницы в сени и к нижнему крыльцу. <...> Тут блеснул над ним убийственный нож... и выпал из рук Волохова. Закричав от ужаса, кормилица обняла своего Державного питомца». Но убийцы «...вырвали жертву, зарезали, и кинулись вниз с лестницы в то самое время, когда Царица вышла из сеней на крыльцо... Девятилетний Святый Мученик лежал окровавленный в объятиях той, которая воспитала и хотела защитить его своею грудью: он *трепетал как голубь*, испуская дух и скончался, уже не слыхав вопля отчаянной матери...»[1]. Как видим, мотив «мать и дитя (сын)» становится ведущим в карамзинском описании убийства царевича, превращаясь в поэму о беззаветной материнской любви.

Историк, в свою очередь, отталкивался от «Летописи о многих мятежах и О разорении Московского государства от внутренних и внешних неприятелей», где подобная сцена описана всего несколькими, но поразительными в своём сдержанном драматизме штрихами: «сия же кормилица, воспитавшая его сосцем своим, паде на нем и нача кричати <...> начаша её бити, едва живу оставиша, праведного же у ней отняша, и заклаша, аки агнца нескверна, юнца осмолетна. Мати же... кричаша над ним...»[2].

Карамзин переакцентировал это описание, в котором больше внимания было уделено кормилице, и подробно описал трогательную поэзию отношений матери и её единственного сына.

Пушкин, с одной стороны, следует в описании этого эпизода лаконизму и сдержанному драматизму летописного источника (напомним, что он вкладывает его в уста очевидца – монаха Пимена, который выступает в роли рассказчика): «...лежит зарезанный царевич; / Царица мать в беспамятстве над ним, / Кормилица в отчаянье рыдает...» Но ритмо-мелодический строй описания как бы эквивалентен карамзинской «поэзии», вдохновлён ею, а упоминание икон Богоматери с Младенцем в начале пьесы, также, как мы убедились, текстуально восходящее к Карамзину, становится единственным ключом к иносказательно-ассоциативному подтекстовому мотиву этой сцены.

Мать Царевича звали Мария Феодоровна, и Димитрий был её единствен-

[1] *Карамзин Н.М.* Указ. изд. С. 77–78. (Курсив мой. – ***К.Ш.***)

[2] О убиении Царевича Димитрия Иоанновича и о запустении града Углича // Летопись о многих мятежах и О разорении Московского Государства от внутренних и внешних неприятелей... СПб., 1771. С. 20–21.

ным сыном. Пушкин имя матери в трагедии не упоминает: «Бегут на двор *царицы*. Я / Спешу туда ж... Гляжу: лежит зарезанный царевич; / *Царица мать* в беспамятстве над ним». Её «именем» становится роль матери.

Но в финале названа другая мать, погибающая вместе с сыном. Это Мария (Григорьевна) Годунова. Ранее она появится в пьесе, согласно ремарке, в сцене «Москва. Царские палаты» (обряд пострижения умирающего царя Бориса), но не произнесёт ни слова: «Царицу ведут под руки, царевна рыдает. <...> Начинается обряд пострижения. Женщин в обмороке выносят». В следующей сцене царица не появится перед зрителем, но Народ услышит её предсмертный крик: «Н а р о д: Слышишь? визг! – это женский голос – взойдём! – Двери заперты – крики замолкли».

И, наконец, в предпоследней реплике трагедии только что погибшая царица будет названа по имени. Неслучайность упоминания этого значащего имени очевидна: «М о с а л ь с к и й: Народ! Мария Годунова и сын её Феодор отравили себя ядом. Мы видели их мёртвые трупы». Именно после этой реплики последует знаменитая ремарка «Народ в ужасе молчит».

Дж.Д. Клейтон высказал догадку, что множественное число в знаменитой реплике царя Бориса «и мальчики кровавые в глазах» может быть обусловлено аллюзией на гибель двух «мальчиков»: Димитрия и Феодора. В отношении его сына эта фраза звучит страшным пророчеством, невольным, хотя и не осознаваемым Борисом до конца предвидением.

Но начинает этот мартиролог Предвечный Младенец, чью гибель и крестные муки предвидит Мать, запечатленная на иконах «Умиление». Знаменательно, что само событие «общения» будущего Царя со святынями, так подробно описанное Карамзиным и, кстати, оценённое им как лицемерие, у Пушкина подано лишь в модальности будущего времени и остаётся за сценой. Как отметила И. Юрьева, в трагедии «параллельно действию сценическому совершается молитвенное действие» (молится Пимен, Патриарх Иов, Николка-юродивый), но Борис – тот, за кого не молятся и кто не молится сам. Она особо подчеркнула, что Годунов не молится даже в момент принятия им царской власти[1]. Добавим, что пушкинский (не исторический) Годунов не молится перед Богоматерью с Младенцем: ведь, как сказал Николка, «нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит»[2].

В заключение остановимся на корреспондировании мотива «мать и младе-

---

[1] *Юрьева И.Ю.* «Нельзя молиться за царя Ирода...» // Вестник РАН. 1997. Т. 67. № 6. С. 525–526. Молитва перед Святыми иконами входила в ритуал венчания на царство («И егда внидет Царь в церковь, дьяки поют многолетие <...> Идет Царь молитися и знаменатися к Святым иконам, и к Митрополиту благословитися»), которое проходило в Успенском соборе Кремля, а накануне помазания совершалось празднество Владимирской Божией Матери.

[2] Ср. с черновым вариантом: «Не надо молиться за царя Ирода – Христос не велит».

нец» в трагедии Пушкина с более широким, сквозным для трагедии мотивом «дитя». Е. Местергази считает «легкокрылый» мотив «дитя» сквозным для всего творчества Пушкина, хотя «Борис Годунов» – единственное произведение, где мотив «дитя» главенствует[1]. Первым его отметил Валентин Непомнящий, он же подчеркнул, что этот мотив развивается сразу в нескольких направлениях и одно из них связано с темой «убиенного младенца царевича Димитрия». По его наблюдению, «сюжет трагедии описывает круг: действие начитается разговором двух бояр об убийстве мальчика – царевича Димитрия Иоанновича... совершённом по приказу будущего царя-самозванца Бориса. Заканчивается действие убийством мальчика – царевича Феодора Борисовича, сына цареубийцы, совершённым по приказу другого самозванца – Лжедимитрия»[2]. Добавим, что и мотив «мать и дитя» совершает в своём развитии круг: начавшись упоминанием богородичных икон, он завершается гибелью матери и сына. Киреевский проницательно заметил, что «тень умерщвлённого Димитрия» придаёт трагедии Пушкина «один общий тон, один кровавый оттенок»[3]. Прослеженный нами мотив в зеркале привлечённых интерпретирующих контекстов (иконографии и сюжетных рифм) актуализирует свой ассоциативно-символический потенциал и добавляет свой «кровавый» аргумент в обвинение русского «царя Ирода».

[1] *Местергази Е.Г.* «Дитя» у Пушкина и Достоевского: «Борис Годунов» и «Братья Карамазовы» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1999. № 1. С. 293.

[2] *Непомнящий В.С.* Поэзия и судьба: Над страницами духовной биографии Пушкина. М., 1987. С. 276.

[3] *Киреевский И.В.* Указ ст. С. 111.

Евгения Таборисская

НАСТАВНИКИ В ЛИРИКЕ ПУШКИНА

В объективированных жанрах Пушкин нередко создаёт беглые образы фоновых персонажей, коим вверено воспитание и образование главных героев. Эту галерею открывает достопамятный m-r l'Abbé в «Евгении Онегине», а завершает наставник Петруши Гринёва, известный своей тягой к дворовым девкам и выпивке и не препятствующий воспитаннику в стремлении превратить карту Африки в воздушного змея. Гувернёры и гувернантки у Пушкина, пожалуй, не в чести. Отношение к ним строится под знаком следования традиции Фонвизина. Иноземцы-наёмники в роли наставников барчат и барышень под пером Пушкина становятся чаще всего объектом добродушной насмешки. Такова мисс Джаксон – воспитательница Лизы Муромцевой, известная тем, что мнимая Акулина воспользовалась её белилами, дабы не быть узнанной на *парадном обеде Алексеем Берестовым. Таков учитель-француз в воспоминаниях* П.В. Нащокина, ставший жертвой собственной педагогической строгости (в отсутствие отбывшей на бал матушки он запер неслуха-ученика в кладовку, где тот так напробовался вишнёвки, что назавтра увидел, как его обидчик, разжалованный матушкой, садится в тележку со своими жалкими пожитками). Видимо, к этой группе следует причислить и мосьє Трике, прибывшего на именины Татьяны с семьёй Панфила Харликова. Вряд ли «истинного француза» с куплетом в кармане, «в очках и в рыжем парике» можно представить в роли управляющего или дорожного попутчика семейства Харликовых.

Гувернёры и гувернантки (к последним, кроме мисс Джаксон, следует причислить гипотетических гувернанток Татьяны: «дуру áнглийской породы» или «своенравную мамзель») явно противопоставлены дядькам типа Савельича или няням, образы которых столь значительны и в «Онегине», и в «Дубровском». Они не образовывают вверенных их заботам дитятей, а, не отделяя себя от них, становятся важнейшей связью с народной нравственностью и привносят в жизнь своих воспитанников родственную преданность и искреннюю привязанность.

И всё же Пушкин в общепринятом восприятии (не хочется называть его ни наивным, ни стандартным, ни тривиальным) выступает как поэт, воздающий благодарность и честь своим наставникам, иначе говоря, проявляющий себя как благодарный ученик. Сразу всплывают:

> Куницыну дань сердца и вина!
> Он создал нас, он воспитал наш пламень,

Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...
(II-2, 972)

или:

И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.
(V, 60)

А за этими высокими и благородными строками мерещатся аналогичные, обращённые и к лицейским преподавателям, и к старшим поэтам, по логике вещей выступавшим в роли мастеров поэтического цеха, наставников лицейского юноши-затворника на ниве поэтического мастерства.

На поверку же оказывается, что произведений, в которых организующим ядром был бы образ учителя как такового, в пушкинской лирике практически нет. В лицейской лирике фигурируют сокурсники (Дельвиг, Пущин, Кюхельбекер, Малиновский, Яковлев, Горчаков, Матюшкин, Корсаков), в стихи попали доктор Пешель и служитель Сазонов («Сазонов был моим слугою / И Пешель доктором моим»). В памяти И.И. Пущина сохранился экспромт, которым Пушкин откликнулся на изгнание из Лицея дядьки Фомы, пострадавшего за содействие в организации пирушки 5 сентября 1814 года (он помог юным любителям жжёнки заполучить ром, сахар и яйца). В экспромте, пародирующем стихи Дмитриева, Пушкин от имени Малиновского вспоминал не изгнание мудрости за пиршественной чашей, а попойку, закончившуюся для лицеистов стоянием на коленях во время вечерней молитвы, а для Фомы – увольнением:

Мы недавно от печали,
Пущин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали
И Фому прогнали вон.
(I, 303)

Из лицейских преподавателей Пушкин упоминает только Галича. Его имя названо в «Пирующих студентах» (1814), ему же посвящены два послания 1815 года: «К Галичу» («Пускай угрюмый рифмотвор») и «Послание к Галичу» («Где ты, ленивец мой?»). Согласно примечаниям Б.В. Томашевского, оба стихотворения написаны уже после того, как Галич оставил преподавание в Лицее. Во всех трёх произведениях лицейский преподаватель менее всего выступает в роли образователя и просветителя юных умов. Его профессиональная роль остается за рамками стихотворений. Образ Галича абсолютно условен и представляет собою вариацию парнасского ленивца, поэта, чуждого заботам света, но доступного анакреонтическому времяпрепровождению – главенствующая тема пушкинской лирики 1814–1815 годов. В послании «Моему Аристарху» (1815)

адресатом становится лицейский профессор русской словесности Кошанский, но в тексте нет его имени, и образ профессора также никак не связан с его педагогической деятельностью. И в этом стихотворении господствует стилистика и образность пушкинской анакреонтики лицейской поры.

В «Пирующих студентах» Галич – «Эпикуров младший брат» и «Апостол неги и прохлад», ему предназначена роль президента пира, в чьи обязанности входит награждать пьяных студентов пуншем и грогом, а «спартанцев» – стаканом чистой воды. Душа президента пира, естественно, в бокале, и юный поэт, призывая любимого учителя стать «нашим президентом», воссоздает его образ в ключе античных пиршеств: отсюда и латинская приветственная здравица («Мой добрый Галич, vale!»), и призыв убрать голову венками.

В той же тональности Пушкин создаёт условный образ Галича в двух посланиях 1815 года. И в них профессор словесности – «верный друг бокала / И жирных утренних пиров», «мудрец ленивый». Именно его Пушкин-лицеист призывает оставить Петрополь и заботы и лететь в «счастливый городок», дабы в кругу пушкинских одноклассников (читай: учеников и воспитанников) «пролить струю багрову» и «отведать гордого пирога».

«Куплеты, песенки, сонеты», извлечённые из «скромного кармана» младших участников пира, должны усыпить утомлённого пированием Галича, и «крепок сон ленивца будет!..»

В «Послании к Галичу» образ «ленивца» и «любовника наслаждений дополняется традиционным для последователей батюшковской традиции «Моих пенатов» контрастом между тихими радостями «родных полей» и светским времяпрепровождением:

Ужель приют поэта
Теперь средь вихря света,
Вдали родных полей
И ближних, и друзей?
Ужель в театре шумном,
Где дюжий Апполон
Партером полуумным
Прославлен, оглушён,
Измученный напевом
Бессмысленных стихов,
Ты спишь под страшным ревом
Актёров и смычков.
<...>
Иль Креза за столом
В куплете заказном
Трусливо величаешь?
(I, 135–136)

Но подозрения в измене ценностям приватной жизни «городка» отвергаются бесповоротно:

Нет, добрый Галич мой!
Поклону ты не сроден.
Друг мудрости прямой
Правдив и благороден;
Он любит тишину;
Судьбы своей послушный,
На барскую казну
Взирает равнодушно,
Рублям откупщика
Смеясь весёлым часом,
Не снимет колпака
Философ пред Мидасом.
Пускай не дружен он
С Фортуною коварной,
Но Вакхом награждён
Философ благодарный...
(I, 136)

Ценности философа (он же – «друг мудрости прямой») безусловно соотносятся с образом «доброго Галича», но они столь же условны, сколь условны образы Вакховых пиров, почерпнутые из книг старых и новых поэтов.

Послание к Галичу – всего лишь вариация, объединяющая подражательную анакреонтику лицейской поры с традицией лёгкого либертинажа во вкусе Арзамаса.

Лишь восемь лет спустя после окончания Лицея в «19 октября» 1825 года, когда Пушкин работает над первой «годовщиной», базирующейся на памяти о лицейском братстве, тоске ссыльного, размышлениях о времени и судьбе, поиске нравственных опор, в ней появятся глубоко прочувствованные строки, обращённые к лицейским педагогам[1].

В беловой текст поэт включает три тоста, мыслимые как здравицы при встрече поэта с одноклассниками через год:

Промчится год, и я явлюся к вам!
О сколько слёз и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!
(II-1, 427)

[1] См. об этом: *Парчевская И.Ю.* Стихотворение А.С. Пушкина «19 октября» 1825 г. (опыт медленного чтения) // Михайловская пушкиниана. Вып. 19. М., 2001. С. 27–40.

И если первая поднята «в честь нашего союза!», то вторая предназначена учителям:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.
(II-1, 428)

Третья здравица адресовалась царю, в котором поэт увидел прежде всего человека.

Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправое гоненье:
Он взял Париж, он основал Лицей!
(II-1, 428)

В обеих здравицах очевидна внутренняя диалектичность. Тост за царя менее всего выглядит верноподданнической хвалой одного из малых сих. Пушкин как бы преодолевает некое сопротивление со стороны товарищей по Лицею. Его предложение выпить за царя воспринимается и адресатами годовщины, и читателем как своего рода неожиданность: «Но за кого? о, други, угадайте... / *Ура, наш царь! так! Выпьем за царя*». Утвердительное «так» не оставляет сомнений, что предложение поэта отнюдь не предполагает однозначно энтузиастического приятия. Пушкин мотивирует предложенный тост, убеждает лицеистов и читателя видеть в самодержце не безоговорочного властелина, а «раба молвы, сомнений и страстей». Поэт как бы развивает движение мысли Державина в оде «Человек», переадресовывая контрасты державинских крайностей владыке полумира. Пушкин занимает позицию адвоката по отношению к Александру I, находя аргументы, способные вызвать сочувствие предложенной здравице. Царь достоин приветствия, потому что за его плечами триумф русской армии в Париже (исторический макроуровень) и основание Лицея (коллективный для лицеистов биографический микроуровень). «Неправое гоненье», которое Пушкин готов простить, – это уже уровень автобиографический – личный опыт поэта.

Здравица наставникам содержит тот же этический подход: «Не помня зла, за благо воздадим». Чаша признательности объединяет и мёртвых, и здравствующих учителей, а благодарность, вынесенная из юности, закреплённая в годы мужания, – ещё одно чувство, сближающее лицеистов первого выпуска.

В рукописной редакции строфы XVI («И первую полней, друзья, полней»), которая в окончательной версии завершается здравицей наставникам, последние четыре стиха содержали ностальгические детали лицейской поры:

Златые дни! уроки и забавы,
И чёрный стол, и бунты вечеров,
И наш словарь, и плески мирной славы
И критики Лицейских Мудрецов!
(II-2, 971)

В ней здравица учителям следовала за призывом выпить за царя – основателя Лицея, и в этом была своя логика. В послании к коллективному адресату на первом месте как высшая ценность оказывалось лицейское братство, на втором – тот, чья воля позволила появиться первому выпуску лицеистов, на третьем – педагоги-воспитатели, то есть те, кто претворил в жизнь замысел царя и способствовал появлению «прекрасного союза» пушкинских соучеников. Тост в честь учителей открывало четверостишие, обращённое к Куницыну. Замечу, что в последней по времени лицейской годовщине в стихотворении 1836 года «Была пора: наш праздник молодой» Пушкин возвращается к композиционному ходу, отвергнутому в «19 октября» 1825 года. Пушкин снова говорит об открытии Лицея и о Куницыне, который встретил первых учеников на пороге «Царицына чертога»:

Вы помните: когда возник лицей,
Как царь для нас открыл чертог царицын,
И мы пришли. И встретил нас Куницын
Приветствием меж царственных гостей...
(III-1, 432)

В более позднем произведении Пушкин обращается к конкретному эпизоду, связанному с открытием нового учебного заведения, а в «19 октября» такой конкретной привязки не было: здравица Куницыну звучала как увертюра к тосту за учителей.

«Дань сердца и вина» безоговорочно предназначена в этом произведении профессору политических наук, который, пожалуй, единственный раз у Пушкина выступает в роли непосредственного воспитателя, формирующего даже не личность подопечного, а сообщество учеников – «нас». Образы света и созидания – ключевые в стихах о Куницыне: «им чистая лампада возжена», «он воспитал наш пламень». И «лампада», и «пламень» несут ассоциативные ореолы служения, горения, самоотвержения, очищения, в конечном итоге гражданственности и даже святости. «Краеугольный камень», поставленный Куницыным, определяет сразу и его роль созидателя, строителя молодых умов и личностей, и его вклад в «прекрасный союз», воспеваемый Пушкиным. Лицейское «мы», воплощающее в текстах пушкинских лицейских годовщин семантику неразрывного единства одноклассников, дважды звучит в катрене о Куницыне, подчёркивая особую созидающую роль наставника: «Он создал *нас*, он воспитал *наш*

пламень». Однако нельзя забывать о том, что стихи, обращённые к Куницыну, в окончательный текст «19 октября» 1825 года не попали. Почему – вопрос, требующий особого рассмотрения. Здесь же могу высказать лишь одно предположение: имя одного воспитателя требовало аналогичных здравиц другим преподавателям, что, с одной стороны, вело бы к разрастанию и так уже значительного объёма коллективного послания, а с другой – высокий тон, уместный при адресации Куницыну, мог не согласовываться с оценкой Пушкиным иных лицейских учителей. Возможно, поэтому поэт ограничился общей благодарностью «наставникам, хранившим юность нашу».

Касаясь иных сторон лирики Пушкина, связанных с темой наставничества, позволю себе остановиться ещё на двух произведениях, разных по времени написания, жанровой принадлежности, эмоциональному тону, художественной задаче и поэтике. Первое из них – послание Чаадаеву («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») 1821 года, а второе – одно из самых загадочных и сложно интерпретируемых стихотворений, написанных в болдинскую осень 1830 года, – «В начале жизни школу помню я...».

В послании к Чаадаеву в роли духовного авторитета (а именно такого рода смыслы связываются с образом наставника) выступает старший друг поэта, поэтому стихотворение приобретает черты своеобразного самоотчета-исповеди. В болдинских терцинах один из центральных и чрезвычайно значимых образов – величавая жена, хранящая надзор над неровной и резвой семьёй школьников. Меняющееся отношение к ней определяет семантику и художественную логику стихотворения, в котором, безусловно, в центре внимания оказывается лирическое «я» автора воспоминаний о «начале жизни».

В послании Чаадаеву образ друга-наставника проявляется прежде всего через роль, которую тот играет в жизни лирического «я», через оценку Чаадаева и его заслуг адресантом послания. «Единственный друг», «неизменный друг» вызывает благодарность и искреннее уважение у лирического «я» внимательным и требовательным отношением к младшему товарищу:

Ты был целителем моих душевных сил;
<...>
Ты сердце знал моё во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомленный;
В минуту гибели над бездной потаенной
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял её советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь...
(II-1, 188)

Друг-наставник, безусловно, человек высоких личностных достоинств, в заключительной части послания Чаадаев характеризуется как «...всегда мудрец, а иногда мечтатель / И ветреной толпы бесстрастный наблюдатель», в центральной он предстает как ценитель душевных сил и дарований поэта, его сердца. Заслуга друга-наставника – спасённые чувства младшего товарища (разговор о последних содержит характерную пушкинскую оговорку «может быть»); зато однозначно признаны поддержка действием (заступничество Чаадаева за Пушкина при высылке из Петербурга) и благотворное влияние «советов и укоров» наставника, проникавшего «глубину души» «строгим взором», иначе говоря, этическая требовательность в сочетании с искренней заинтересованностью.

В этом втором послании к Чаадаеву, несравненно более личностном, нежели первое, написанное в 1818 году, раскрывается автобиографическое и автопсихологическое наполнение образа лирического «я». Послание в его первой части – своеобразный отчёт поэта перед другом-наставником, в котором главное – преодоление душевного кризиса, связанного с насильственной оторгнутостью от Петербурга. Пушкин склонен оценивать светскую жизнь как собрание ложных ценностей, представших в истинном свете:

Оставя шумный круг безумцев молодых,
В изгнании моём я не жалел об них;
Вздохнув, оставил я другие заблужденья,
Врагов моих предал проклятию забвенья
И, сети разорвав, где бился я в плену,
Для сердца новую вкушаю тишину.
(II-1, 188)

Самоотчёт поэта строится как постижение жизни, овладение тем, что прежде было заслонено светскими (ложными) забавами и соблазнами. Недаром в стихотворении появляются слова «учусь» и «просвещение»:

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихой труд, и жажду размышлений.
Владею днём моим: с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.
(II-1, 187; курсив мой. – *Е.Т.*)

Желание предстать перед старшим товарищем свободным, чуждым суете, серьёзно размышляющим о важных предметах, просвещённым усиливает

впечатление от образа старшего друга, дающего направление уму и чувствам младшего.

В заключительной (третьей) части послания, полной нетерпеливого ожидания встречи («О, скоро ли, мой друг, настанет срок разлуки? / Когда соединим слова любви и руки?»), образ Чаадаева приобретает новые краски («мой милый домосед», «бесстрастный наблюдатель» «ветреной толпы»), но по сравнению со второй частью он несколько заземляется. Это человек из плоти и крови, способный к сердечному привету, готовый разделить с поэтом воспоминания о недавнем прошлом:

Младые вечера, пророческие споры,
Знакомых мертвецов живые разговоры;
Поспорим, перечтём, посудим, побраним
Вольнолюбивые надежды оживим,
И счастлив буду я...

(II-1, 188)

Облик мудрого наставника оттесняется на задний план, и в образе друга появляются знакомые черты мудреца, отступника света. Модификация образа батюшковского приватного человека обогащается в послании к Чаадаеву острым личностным переживанием Пушкина, жаждущим непосредственного общения с живым Чаадаевым. Отсюда «нетерпеливое» движение глаголов: «поспорим, перечтём, посудим, побраним». Хочется сказать, что образ Чаадаева в концовке второго послания – своеобразный мостик, переход от условной дружеской лирики времен лицея к объективно изображённым отношениям Онегина и Ленского, опытного и охлаждённого героя романа и восторженного осьмнадцатилетнего поэта.

Пушкинская лирика исподволь формировала базу для «объективных» жанров в творчестве поэта.

В стихотворении 1830 года «В начале жизни школу помню я...» появляется, вероятно, единственный в пушкинской лирике образ наставницы (муза, наставляющая юного поэта мастерству в одноимённом стихотворении не в счёт: и тема иная, и традиция откровенно антологическая).

Стихотворение 1830 года интересно прежде всего тем, что образ наставницы исключает однозначное толкование. Он осмысляется в самом стихотворении с разных временных позиций, с учётом разного возрастного опыта, и благодаря введению нетрадиционной для лирики позиции повествования образ «величавой жены» и её речей мерцают, двоятся и сопротивляются линейному толкованию.

Написанное терцинами стихотворение исследователи соотносят с «Божественной комедией» Данте, к творчеству которого Пушкин, безусловно, испытывал повышенный интерес на рубеже 1820–1830-х годов («Зорю бьют...»,

«И дале мы пошли...»). Но в произведении Данте нет ни школы, ни превратного толкования речей наставницы. Его Беатриче, ведущая поэта по раю небесному, и её посланницы, встречающие Данте в Эдеме, трактуются итальянским поэтом как носительницы божественной истины, которой жаждет в своём потустороннем путешествии главный герой поэмы. Иначе у Пушкина. Его лирическое «я» пребывает сразу и в области прошлого, в воспоминаниях: «В начале жизни школу помню я», и в этом отодвинутом временем прошлом как в синхронном настоящем детства-отрочества-юности.

«Неровная и резвая семья» школьников включает и «я» лирического повествователя: об этом свидетельствуют личные и притяжательные местоимения множественного числа (Там, *нас*, детей беспечных, было много», «Толпою *нашею* окружена»), но в большей мере лирическое «я» выделено из круга сверстников и противопоставлено ему: «*Но я вникал в её беседы мало*», «*Средь отроков я молча целый день / Бродил угрюмый*».

Наставница предстаёт в двойном освещении и двойной оценке. С нынешней, зрелой, позиции носителя речи наставница, разумеется, образ положительный, приближающийся к святости. Она не только хранит строгий надзор над школой и её резвыми обитателями, но и выступает как носительница истины, которой постоянно делится с воспитанниками. Советы и укоры смиренной и в то же время величавой жены сливаются в правдивые разговоры, которые та ведёт с «младенцами».

Обращаю особое внимание на то, что главная сила, главное орудие наставницы – *слово*, беседа. Её «словеса» полны святыни. Но ученик, теперь высоко оценивающий наставницу и её правдивые разговоры, в отрочестве относился к ним совершенно иначе.

Но я вникал в её беседы мало.
Меня смущала строгая краса
Её чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.
Дичась её советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров...
(III-1, 254)

За наставницей – правота обладания истиной, за учеником – тяга к неведомому, соблазнительному, запретному – короче, к иному.

Мне уже приходилось писать о том, что в стихотворении «В начале жизни школу помню я...» Пушкин сталкивает два пространства – школы, в которой главенствует «Смиренная, одетая убого, / Но видом величавая жена», и чужого сада, где царствует «великолепный мрак».

Школа по контрасту с садом предстаёт не просто светлым, а вытравленным

этим светом пятном, где всё и вся на виду. Даже строгая краса наставницы, даже её убогая одежда и покрывало, которое не столько затеняет, сколько открывает её чело, даже её «очи светлые как небеса» вызывают какое-то томительное беспокойство. В спокойной ясности чела, и уст, и взоров, в «приятном, сладком голосе» наставницы, в очевидности её «правдивых разговоров» есть нечто вызывающее сопротивление. Слишком ясно, слишком прямо.

Повзрослевший, набравшийся опыта ученик по-иному оценит и наставницу, и своё отношение к ней. Ему станет ясно, что разговоры её правдивы, а их понятный смысл он сам толковал превратно. Но в отрочестве праведность смущает, а нередко и отталкивает, тогда как запрет и тайна влечёт и возбуждает.

В школе, возглавляемой строгой, прекрасной, праведной наставницей, нет места мечте. А именно в ней нуждается воспитанник, стремящийся во мрак чужого сада. Разнообразные впечатления этого инопространства – тени, прохлада, светлые воды, шум листьев, наконец, кумиры – воздействуют на ум и душу отрока сильно и ярко:

Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слёзы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах.
(III-1, 255)

Выделенные крупным планом «чудесные творенья», влекущие лирическое «я» «волшебною красой», по-особому соотносятся с фигурой наставницы.

Если она – воплощение покоя, строгой красы и обладательница «святых словес», то они – изображение бесов. Дельфийский кумир «Был гневен, полон гордости ужасной, / И весь дышал он силой неземной». Второй – «женообразный, сладострастный, / Сомнительный и лживый идеал – / Волшебный демон – лживый, но прекрасный». Бесы Пушкина в равной мере противостоят наставнице. Они полны страстей, они прельстительны именно силой наполняющих их эмоций. Наставница им чужда. Они полны тайны и бессловесны, наставница ясна внутренне и вносит ясность в души тех, кто рядом с ней. Но лирическое «я» Пушкина бежит от ясности: она придёт к нему позднее. А пока отрок переживает «безвестных наслаждений тёмный голод». Самозабвение, уныние, лень, праздномыслие – вот то, что он испытывает в саду. В переложении молитвы Ефрема Сирина близкие к этим грехи осуждены, святой просит Бога избавить его от них. Но в стихотворении 1830 года искушения и терзания отрока сродни творческому переживанию. Недаром сад рождает «слёзы вдохновенья». Кумиры сада бросают тень на душу лирического «я» в стихотворении «В начале жизни...», но позже приходит иное понимание, иные оценки.

И прекрасный, но «плоскостной» образ наставницы принимает объём в сопоставлении с кумирами сада и с той жизненной дистанцией, которую заявляет Пушкин в первом стихе отрывка в терцинах.

Подводя итоги, остаётся сказать, что, хотя «наставники» в лирике Пушкина занимают сравнительно скромное место, обращение к этой теме раскрывает некоторые, пусть частные, закономерности его творчества.

Во-первых, они заставляют избавиться от стереотипных представлений. Во-вторых, открывают закономерности видения и воспроизведения образов и реальных учителей, и людей, осознававшихся Пушкиным в этой роли, на разных этапах лирического творчества. В-третьих, позволяют увидеть соотношение, условно говоря, автобиографических и автопсихологических произведений с ролевой лирикой. И наконец, в-четвёртых, они приоткрывают взаимодействие между лирикой и объективными жанрами в творчестве поэта.

Василий Геронимус

АМПУА МУЗЫ И ВОЗЛЮБЛЕННОЙ В ЛИРИКЕ ПУШКИНА

«Музы существа идеальные», – писал Пушкин, высказываясь по поводу «Моих пенатов» Батюшкова (XII, 273). Приведённая авторская посылка полагает разграничение ролей музы и возлюбленной в лирике Пушкина. С одной стороны, муза в её поэтической отвлечённости (и бестелесности), с другой – возлюбленная, земная женщина, простая смертная, существование которой локализовано в конкретной эпохе.

Разумеется, та, которая побудила поэта написать стихотворение «Я Вас любил...» (или иное любовное стихотворение), была его вдохновительницей и в этом смысле – музой. Но в пределах поэтического текста (а не за его границами) говорится всё же не о творчестве, а о любви...

Стихи о стихах в поэтическом наследии Пушкина сравнительно не многочисленны, по текстуальному объёму они уступают любовной лирике. Как мы можем это утверждать без статистических примеров? Цельная и гармоничная натура Пушкина не полагала личностного содержания вне подобающей формы и формы в отрыве от стоящего содержания. Лирический субъект стихов Пушкина об искусстве поэзии, жрец поэзии, каковой является читателю в стихотворениях «Поэт», «Поэту», «Поэт и толпа», «Памятник», выступает не просто как человек, умеющий грамотно и хорошо складывать слова, но как существо, наделённое высшими полномочиями и приподнятое над интересами толпы, не только ремесленник, но и личность. Казалось бы (и не только «казалось бы»), романтически исключительная личность чужда эстетству и расположена к любви.

Однако же в корпусе лирики Пушкина мы встречаем произведения, в которых муза – *существо идеальное* – никак не равняется возлюбленной. Например, муза в одноимённом стихотворении Пушкина наделяет поэта некой эстетической харизмой (никак напрямую не связанной с эросом):

> В младенчестве моём она меня любила
> И семиствольную цевницу мне вручила.
> (II-1, 164)

Мы можем предположить, что эта *она* имеет земной прототип. Но прототип живёт за пределами литературного факта. А в его пределах муза не становится источником чувственной любви. Муза и возлюбленная как два женских амплуа в поэтическом сознании Пушкина отчётливо разграничены, а не просто явлены в своём взаимном несовпадении.

И всё же муза сохраняет свою женственную природу: муза – *она*, которая *возлюбила поэта в его младенчестве*, а не он, Феб, который так же с малых лет певца оказывал ему покровительство.

В смысловом потенциале с особой семантикой женского рода, присущей музе, согласуется мужской гендер поэта. Так, пушкинский Дон Гуан осознаёт себя *импровизатором любовной песни*. В своей творческой ипостаси Дон Гуан выступает не только как собеседник подразумеваемой музы, но и как вдохновитель певицы Лауры, поэтический двойник Аполлона. *Слова*, внушённые Лауре гениальным любовником, в восприятии одного из её благодарных слушателей предстают одновременно как эстетические логосы и слова, относящиеся к языку сердца. Почитатель вокального таланта Лауры восклицает:

Из наслаждений жизни
Одной любви Музыка уступает;
Но и любовь мелодия...
(VII, 145)

Своего рода априорное подтверждение парности любви и мелодии находим в реплике самой Лауры:

Слова лились, как будто их рождала
Не память рабская, но сердце...
(VII, 144)

Та иррациональная составляющая искусства, которая выше ремесла, в восприятии персонажей трагедии Пушкина «Каменный гость» родственна любви.

В лирике Пушкина единство амплуа поэта и обожателя граций подчас преломляется по-особому.

Певцу *любви любовь* награда,
(I, 72)

– читаем в послании Пушкина «К Батюшкову». Лирический субъект Пушкина увещевает певца любви, Батюшкова, обожать и приветствовать сладкими звуками милую... Однако же ожидать вознаграждения за любовь и мелодию – качество, присущее амплуа лирического субъекта Пушкина (и не в первую очередь – Батюшкова). В стихотворении «К Маше», принадлежащем гениальному литературному собеседнику Батюшкова, содержится узнаваемо пушкинский галантно фривольный жест:

О Маша, Маша, поспеши –
И за четыре мне куплета
Мою награду напиши!
(I, 223)

Награда певцу любви, знакомая нам по другому стихотворению Пушкина, вполне дословно воспроизводится в стихотворении «К Маше».

Одна из внутренних мотиваций того, почему поэту суждено преуспеть в любви и почему певец любви является одновременно её жрецом (а не только описателем), состоит в способности певца играть на сердечных струнах (а не только на лире). Так, в стихотворении «В.Ф. Раевскому» поэт, властитель дум, предстаёт одновременно и как опытный донжуан.

Не тем горжусь я, мой певец,
Что [привлекать] умел стихами
[Вниманье] [пламенных] [сердец],
Играя смехом и слезами.

Внутренний артистизм певца, его способность гипнотически воздействовать на слушателя распространяется и на его любовное амплуа:

Не тем горжусь, что иногда
Мои коварные напевы
Смиряли в мыслях юной девы
Волненья *страха* <и> стыда.
(II-1, 260)

Вершитель литературных и любовных подвигов чужд гусарской бравады, о чём свидетельствует повторяемое рефреном: «не тем горжусь». Смысловой вектор смирения в лирике Пушкина родственен бескорыстным граням любви и творчества. Так, лирический субъект Пушкина подчас склонен довольствоваться малым в любви.

Пускай Нинета лишь улыбкой
Любовь беспечную мою
Воспламенит и успокоит!
(II-1, 41)

– читаем в стихотворении Пушкина «Тургеневу». Примечательно, прежде всего, не то, что за улыбкой сюжетно не следует жарких объятий; они как раз потенциально возможны. Значимо то, что *улыбка* (в отличие от громкого смеха) несёт в себе отчётливые приметы миниатюрного изящества; оно не сюжетно, а семантически родственно принципу довольства малым, который Пушкин через века наследует у Горация... Довольствоваться *улыбкой* – по-своему смиренный жест лирического субъекта – отдалённо (и в то же время вполне дословно!) предваряет лирический финал «Элегии» Пушкина:

Порой опять гармонией упьюсь,
Над вымыслом слезами обольюсь,
И может быть – на мой закат печальный
Блеснёт любовь улыбкою прощальной.
(III-1, 228)

Снова улыбка в её волнующей многозначности, в её извечной загадке! Почему *улыбка любви* выступает в непременном соседстве с гармонией – началом не *любви*, *а искусства*? Потому что *улыбка* в своём поэтическом минимализме родственна *гармонии* как спутнице умеренности и меры.

И всё же напрямую утверждать, что волнующая *улыбка любви* – есть одновременно благосклонная улыбка музы, было бы натянуто, несмотря на всё узнаваемое родство гармонии и любви. *Любовь* – есть свойство лирического субъекта, пусть и внешне от него эмансипированное, *а муза* – есть одушевлённая сущность, принадлежащая к объективному миру. Впрочем, и любовь наделена независимым от лирического субъекта бытием (*блеснёт улыбкою*). Но если *муза* – существо женственное и наделённое самодостаточностью поэтической мифологемы, то *любовь* помимо женской стихии подразумевает мужской гендер. *Улыбка любви* в своей неизбежной недосказанности несёт в себе начало кокетства и заигрывания, она провоцирует своего реципиента на самостоятельные проявления, тогда как поэт пассивно пишет под диктовку музы, пусть даже следование высшему голосу, высшему наитию соответствует его неповторимому призванию... Не случайно *блеск прощальной улыбки* семантически параллелен умеренному свечению жизненного *заката*; причём *закат* в сюжетном и смысловом отношении первичен по отношению к *улыбке*. Вот почему *любовь* всё-таки не равна *гармонии* и вот почему лирический субъект «Элегии», наделённый даром любви, в смысловом потенциале произведения уподобляется Амуру – *не пассивному сосуду действия музы, но активному существу*. Не случайно в своём минимализме *улыбка* семантически родственна миниатюрному изяществу Амура. В качестве субъекта (а не только объекта!) любви лирический персонаж «Элегии» и в творчестве занимает активную нишу.

Порой опять гармонией упьюсь...

Казалось бы, *упьюсь* – значит неотвратимо впечатлюсь, проникнусь извне, пассивно восприму, – не случайна возвратная форма глагола. И всё же *упоение* подразумевает активное начало вакхического буйства, дословно родственное *бахическим посланиям*, упомянутым в послании Пушкина «Моему Аристарху». В своём творческом опьянении, творческом экстазе творец гармонии выступает не столько как реципиент и переводчик на человеческий язык внушений музы, сколько как демиург, поэтический родственник Аполлона.

Вот почему явление любви и гармонии – не есть в прямом смысле явле-

ние музы. Поэту и жрецу любви латентно даны высшие полномочия Амура и Аполлона – существ, которые родственны музам и грациям, но по своему особому статусу не способны быть ими руководимыми.

И всё же в поэзии Пушкина присутствуют и особые случаи смыслового сближения (пусть платонически окрашенной) любви и творчества[1].

Простите мне: я так люблю
Татьяну, милую мою!
(4, XXIV; VI, 83)

– *трогательное восклицание*, которое как бы невольно вырывается у автора и которое в противовес книжной условности побуждает читателя воспринимать Татьяну как живое существо (а не просто действующее лицо романа), в дальнейшем неожиданно дополняется явлением Татьяны в качестве музы Пушкина – *существа идеального* (и поэтически бестелесного).

И вот она в саду моём
Явилась барышней уездной...
(8, V; VI, 167)

– пишет Пушкин о Татьяне как об одном из обличий своей музы. За чертами *уездной барышни* скрываются вечные свойства музы – такие, как неземная тайна или возвышенная скорбь. И в то же время вдохновительница поэта, явившаяся с парнасских высот, становится не книжным фантомом, но испытывает на себе личное отношение автора.

В «Онегине» превращению Татьяны в музу (или точнее музы в Татьяну) способствует отнюдь не только художественный синтез автобиографического опыта поэта, присущий любовной лирике. Разумеется, факт любовной лирики не есть психологический документ, и, например, «Вы» упомянутого стихотворения Пушкина «Я Вас любил...» не равно своему конкретно биографическому прототипу. Однако пребывание пушкинской Татьяны в амплуа музы обусловлено не только (и не в первую очередь) литературно закадровым обстоятельством.

А та, с которой образован
Татьяны милый Идеал,
(VI, 190; 8, LI)

осталась далеко за пределами повествования. Подробно обрисовав Татьяну, вымышленное лицо, поэт с интимным вздохом сожаления о разрушительном ходе времени упоминает её реальную предшественницу, биография которой не сообщается читателю. Татьяна является одновременно музой не только по-

[1] См. *Чумаков Ю.Н.* Стихотворная поэтика Пушкина. СПб., 1999.

тому, что она не равняется своему таинственному прототипу, но и потому, что она не равняется себе самой и в качестве *барышни уездной* являет уездное очарование, уездную романтику и поэзию.

В лирике Пушкина (а не только в романе «Евгений Онегин») менее явно, чем в романе, подчас наблюдается смысловая интерференция ролей музы и возлюбленной. Она возникает тогда, когда с женским «я» соотносится нечто помимо любви, когда любовь вступает в причудливые ассоциативные связи со смежными ей явлениями. Включение любви в многообразный жизненный контекст влечёт за собой метонимию или ассоциативную цепочку, где любовь по смыслу не одинока.

Так, усадебный флирт в лирике Пушкина подчас соотносится с усадебным космосом как крупным целым. Подруга или возлюбленная не становится в прямом смысле музой, но обретает некоторые черты музы, поскольку являет поэту мир или эстетически преображает мир своим присутствием (а не только является сердечным «магнитом», центром сердечного влечения).

Соотносительность усадебного космоса с женским «я» (типологически родственная явлению пушкинской Татьяны, *барышни уездной*) наблюдается, например, в стихотворениях Пушкина, которые можно назвать параллельными текстами – речь пойдёт о «Послании к Юдину» и стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..». В двух произведениях описывается усадебный флирт и в обоих произведениях – он явлен в относительно единых пространственных параметрах. Два сладких свидания совершаются на крыльце усадебного дома, на фоне романтической зимы и таинственно влекущих сумерек.

Выборочно приведём любовную сцену «Послания»:

То на конце аллеи тёмной
Вечерней, тихою порой,
Одну, в задумчивости томной,
Тебя я вижу пред собой,
Твой шалью стан не покровенный,
Твой взор, на груди потупленный,
В щеках любви стыдливый цвет.
(I, 171–172)

Пространству *тёмной аллеи* и *усадебному сумраку* соответствует романтическая мечтательность влюблённого.

Задумчивость томная, присущая подруге сердца лирического субъекта, изоморфна поэтическому ландшафту в его тишине и мечтательности:

Всё тихо; брежжет лунный свет;
Нахмурясь тополь шевелится,
Уж сумрак тусклой пеленой

На холмы дальние ложится,
И завес рощицы струится
Над тихо спящею волной,
Осеребренною луной.
(I, 172)

Сдержанному свету мечтательной *луны*, погружённой в *сумрак*, почти графически соответствует *стыдливый цвет* на лице возлюбленной (предположительно Сушковой). Пространству *тёмной аллеи* и *усадебному сумраку* соответствует романтическая мечтательность влюблённого.

Изоморфизм влюблённых и окружающего их ландшафта, в семантическом потенциале родственный пейзажу души, неожидан у Пушкина, склонного не к отвлечённым мечтаниям, а к особой поэтизации усадебного быта. Е.Г. Эткинд пишет о *пейзаже души* применительно к романтику Лермонтову, попутно отмечая то обстоятельство, что описание неприступных гор, равновеликих душе Печорина, отчасти принадлежит автору «Героя нашего времени», хотя формально оно включено в *журнал Печорина*. Описание природы Кисловодска, сделанное Печориным, «достойно пера Лермонтова», пишет Е.Г. Эткинд, одновременно указывая на связь величественного горного ландшафта и души героя. По утверждению Е.Г. Эткинда, его «описание – разветвлённый период, примыкающий к утверждению: «Здесь всё таинственно»[1]. Меж тем ясному и гармоничному Пушкину процитированный автор склонен отказывать в романтической таинственности. Подчёркивая преемственность между автором «Невыразимого» Жуковским и Лермонтовым, Е.Г. Эткинд пишет: «Пушкин прошел мимо «Невыразимого»[2].

Приведённая сентенция подтверждается и характером ночного ландшафта в «Послании к Юдину» с его жизненно узнаваемыми подробностями, с его различными пространственными реалиями – такими, как *аллея тёмная* или *вода, осеребренная луной*. Отметим вибрации света у Пушкина, которые с почти фотографической ясностью разграничивают *луну* и *аллею*. В «Невыразимом» Жуковского была бы, например, семантически немыслима *аллея* в её психосоциальной достоверности! И всё же применительно к «Посланию» возможно говорить о *пейзаже души*, а не только о внешнем ландшафте. *Пейзаж души* у Пушкина обнаруживает себя в особом соответствии внутреннего состояния влюблённых их пространственному окружению. Любовь согласуется с обстановкой ночи, но согласуется с нею по-особому.

Не усадьба, погружённая в ночь, является символом любви, но любовь, мечтательно окрашенная, обнаруживает своё знаковое соответствие сумрачному уединённому ландшафту. Не случайно поэтический ландшафт композиционно и логически самостоятелен по отношению к сцене свидания. Свет луны

[1] *Эткинд Е.Г.* «Внутренний человек» и внешняя речь. М., 1998. С. 107.

[2] Там же. С. 82.

брезжит, то есть льётся слабо (а не интенсивно), и воздействует на окраску лица *прелестной*. Барышня органически подчинена окружающей обстановке.

Инвариантный для Пушкина изоморфизм отуманенной луны и бледного женского лица обнаруживает себя и в стихотворении Пушкина «Зимнее утро»:

Поэт пишет:

Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела...
(III-1, 183)

В отличие от луны (и других составляющих ночного ландшафта), в «Послании к Юдину» луна в «Зимнем утре» не наделена композиционной и смысловой самостоятельностью по отношению к печальному лицу красавицы. Оптическая достоверность литературного ландшафта «Послания» сменяется мифопоэтическим окрасом ночи в «Зимнем утре», где природа наделена одушевлёнными признаками: *вьюга злилась, тучи обнаруживали мрачность*. О том, что лирический ландшафт по смыслу подчинён лирической ситуации, свидетельствует не только антропоморфный характер ночи, но и авторский синтаксис. Оборот «ты помнишь», обращённый к красавице, указывает на то, что ночь включена в пространство психологического жеста. Не случайно она остаётся в прошлом в *воспоминании*, а не воздействует на влюблённых непосредственно своей визуальной данностью.

Красавица и её мимолётная *печаль* в «Зимнем утре» по смыслу первична по отношению к усадебному пространству. В «Послании», напротив, усадебный мир логически предшествует мимолётной встрече влюблённых – событию частной жизни. «Зимнее утро» близко к любовной лирике, а «Послание» – к пейзажной лирике.

Предполагаемая Сушкова (как впоследствии и Татьяна, *барышня уездная*) является женственным символом усадьбы. Она как бы вырисовывается из усадебного пространства:

И шорох чудится глухой,
И вот уж шопот слышу сладкой, -
С крыльца прелестная сошла,
Чуть-чуть дыша; идёт украдкой,
И дева друга обняла.
(I, 172)

Уют дома сменяется зимними просторами. Романтике любви сопутствует романтика быстрой езды и русской метели:

Помчались кони, вдаль пустились,
По ветру гривы распустились,
Несутся в снежной глубине,
Прижалась робко ты ко мне,
Чуть-чуть дыша; мы обомлели,
В восторгах чувства онемели...
(I, 172)

В стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..» присутствует узнаваемая перифраза любовной сцены «Послания». По сравнению с «Посланием» она сокращена и в то же время пространственно конкретизирована:

На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо:
Открыты шея, грудь, и вьюга ей в лицо!
Но бури севера не вредны русской розе.
Как жарко поцалуй пылает на морозе!
Как дева русская свежа в пыли снегов!
(III-1, 182)

Дева становится для лирического субъекта не только объектом мимолётной привязанности, но своего рода символом, наделённым универсальным значением. Причём оно не исчезнет даже в том случае, если встреча с *девой* останется мимолётным впечатлением барина, скучающего в деревне... *Русская дева* и *русская роза* – это константные определения гостьи усадьбы, а не просто индикаторы того сиюминутного впечатления, которое она производит на лирического субъекта.

В своей идеально символической ипостаси милая гостья уезда не становится музой, но обретает поэтическое родство с музой, играет сходную с ней роль.

...Строками выше читаем:

Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет...
(III-1, 181)

И вот муза пробуждается при появлении *русской розы* или *русской девы* – значит, и она (а не только её далёкая спутница – муза) оказывает решающее влияние на *звуки* – не стихию эроса, но стихию поэзии. О том, что милая гостья усадьбы пробудила в лирическом субъекте силы вдохновения, свидетельствует отточенное, сверкающее, играющее своими многообразными гранями художественное целое (слово, не только изображаемое, но также изображающее).

Творчески провиденциальную роль играет и *красавица* в стихотворении Пушкина «Зимнее утро». Лирический субъект обращается к возлюбленной:

Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу утренней Авроры,
Звездою севера явись!
(III-1, 183)

Звезда и *роза* сходны как декоративные элементы искусства поэзии. Сходны и две северные красавицы. Определение *красавицы* в качестве *звезды севера* аналогично именованию *девы* в качестве *русской розы*, которой *не вредны бури севера*. Пушкин инвариантно воспринимал Россию как *север*; достаточно сослаться на русскую зиму в «Онегине» или авторскую ремарку о Петербурге: «вреден север для меня».

Итак, мы имеем дело с двумя типологически сходными эмблемами красоты, за которыми угадывается не только конкретное содержание, присущее конкретной женщине, но и общее содержание, родственное садово-парковому космосу усадьбы и свидетельствующее о *деве* или *красавице* как о поэтических родственницах муз. Если в стихотворении «Зима. Что делать...» мотив выхода поэта из творческого кризиса очевиден, то в «Зимнем утре» связь любви и вдохновения чуть завуалирована. Однако то, что *красавица* является одновременно *звездой*, свидетельствует о её причастности к сфере искусства и о её изоморфизме *созданной автором поэтической вселенной*.

Поэт вновь являет читателю не только жар любви, но усадебный космос, соотносимый с мировым целым. К нему относятся, например, стихия холода – *север* и стихия огня – *звезда*... Контрастное взаимодействие двух стихий обнаруживается и в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..».

Как жарко поцалуй пылает на морозе...

Жар сердца преодолевает зимнюю стужу. Совершается чудо любви и одновременно эстетическое чудо – эстетическое преображение уездной скуки и уездной рутины; холод бытия претворяется в жар...

В поэтическом мире Пушкина женщина далеко не всегда становится музой, но подчас личное чувство выступает в параллелизме с некой эстетической универсалией. Так, в стихотворении Пушкина «К***» земной женщине поставлено в соответствие некое идеальное представление – *гений чистой красоты*. Общеизвестно, что приведенное словосочетание, с небольшой вариацией – с заменой именительного падежа прилагательного «чистый» родительным падежом – Пушкин заимствует из «Лаллы Рук» Жуковского – вольного перевода произведения Мура. И, однако, узнаваемая цитата ввo-

дится в пушкинский контекст и начинает жить новой жизнью. Ей родственна инвариантно пушкинская соотносительность чувственного и умопостигаемого начал. Стихотворение «К***» предваряет не только «Лалла Рук», но также строки пушкинского «Городка» (в свою очередь являющего вольный перевод «Обители» Грессе). Пушкин пишет:

Мечта! в волшебной сени
Мне милую яви,
Мой свет, мой добрый гений,
Предмет моей любви...
(I, 103)

Мечта и *гений* идеальны и бестелесны, а *милая* – чувственный образ. *Гений* – спутник вдохновения, а *милая – предмет любви.*

В стихотворении «К***» *гению*, который как бы витает над ним и ею, имманентно универсальное представление о *красоте*. Красота и любовь – не совсем одно и то же... Однако же в пушкинском тексте между ними обнаруживается взаимное соответствие. Вот почему стихотворение завершает множественный перечислительный ряд:

И сердце бьётся в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.
(II-1, 407)

Любовь и вдохновение, которые по своему исходному смыслу не идентичны, в пушкинском контексте почти отождествляются.

Если в более «поздних» пушкинских текстах, где фигурируют красавицы в ореоле муз, поэт склонен к романтическому синтезу жизненных частностей, к сведению их в единый символ, будь то *гений*, *роза* или *звезда*, то в «Послании к Юдину» присутствует родственная XVIII веку соотносительность малого и крупного, общего и частного. С одной стороны – усадебное целое, с другой – *прелестная.*

Стыдливый цвет – свидетельство эстетического минимализма, который сопровождает возлюбленную в противоположность огромности Захарово (имения Пушкиных, которое описано в «Послании к Юдину»). Универсальным символам русского уезда – *звезде* и *розе*, – которые встречаем в более «поздних» пушкинских текстах, в «Послании» предшествует не символ, а частное явление – томная барышня.

Она органически вписывается в усадебное пространство, а не определяет характер жизни и обстановки усадьбы, как *дева* в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..».

Как жизнь, о Боже мой, становится полна!
(III-1, 182)

– мысленно восклицает лирический субъект, встретив *нежданную семью – старушку* и *двух белокурых, двух стройных сестриц*. В противоположность *нежданной семье* предполагаемая Сушкова не всецело наполняет жизнь лирического субъекта Пушкина, *а является её одушевлённой принадлежностью*.

Роза и *звезда севера* – преимущественно метафоры России как севера, тогда как *томная барышня* – по-преимуществу метонимия русского усадебного космоса. Было бы натяжкой утверждать, что предполагаемая Сушкова похожа на усадебное пространство; она скорее сопричастна усадебному миру, нежели равновелика ему, как *русская роза* или *звезда севера* равновелики или имманентны усадебному космосу! Возлюбленная лирического субъекта «Послания» является одновременно метонимией и синекдохой усадебного космоса – его одушевлённой частью, пусть и наделённой смысловой самостоятельностью по отношению к целому. В качестве одушевлённой принадлежности целого она включена в культурное пространство усадьбы (а не усадьба включена в её жизненный контекст).

Не случайно в облике возлюбленной акцентирована семантика части.

И ветер сумраков, резвясь,
На снежну грудь прохладой дует,
Играет локоном власов
И ногу стройную рисует
Сквозь белоснежный твой покров...
(I, 172)

– пишет Пушкин в «Послании». Не будучи равновелики всей усадьбе в её поэтической огромности, пластические детали облика *прелестной* свидетельствуют о её чувственной природе.

Сопоставляя «Послание к Юдину» и стихотворение «Зима. Что делать нам в деревне?..», Е.Е. Дмитриева и О.Н. Купцова утверждают, что в «Послании» мотив появления томной барышни «задаётся, «как игра воображения», а в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..» «виденье» приобретает вполне реальные «очертания»: в гости, «в печальное селенье» приезжает «нежданная семья», что и делает возможной завязку романа»[1]. Позволим себе немного дополнить наблюдения исследователей. Действительно, в «Послании» явление возлюбленной возникает в пространстве эротического сна или грёзы, пережив головокружительные мгновения любви, лирический субъект сетует:

[1] *Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.* Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретённый рай. М., 2003. С. 68.

Но что! мечтанья отлетели!
Увы! я счастлив был во сне...
(I, 173)

Меж тем «нежданная семья», способная развеять уездную скуку, в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..» – это, к счастью, не сон. Однако приятная встреча, которая на сюжетно-тематическом уровне является реальностью, под воздействием искусства приобретает поэтическую эфемерность *милого призрака*. И напротив, *эротический сон* в «Послании к Юдину» обретает пластическую достоверность, жизненную рельефность. Не случаен и подробно описанный Пушкиным усадебный ландшафт, и скульптурный портрет *прелестной*, какового не встречаем в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..». *Русская роза*, риторическая условность, семантически противостоит пластическому описанию прекрасного существа в «Послании к Юдину». Поэт *склонен относить к отвлечённой теме рему реальности и снабжать житейскую* тему отвлечённой ремой – такой, как *русская роза* в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..»или *звезда севера* в «Зимнем утре».

Обращаясь к стихотворению «Зима. Что делать нам в деревне?..», Е.Е. Дмитриева и О.Н. Купцова убедительно замечают: «Возможно, не случайно за этим стихотворением следует одно из самых загадочных и самых прекрасных в своём преображении земной имманентности стихотворение «Зимнее утро»...»[1].

В «Послании к Юдину» «земная имманентность» всё же сохраняется благодаря тому, что воображение поэта занимает чувственная реальность. Поэтому барышня «Послания к Юдину» в меньшей степени обнаруживает родство с музой, *существом идеальным*, нежели *русская роза* или *звезда севера*, хотя и она – не просто возлюбленная, но также и некая эстетическая сущность, поскольку она включена в усадебный космос, а не только в сердечный мир лирического субъекта.

В приведённом образно-семантическом ряду особняком стоит *гений*. Если *русская роза* есть *русская дева, а звезда севера* – есть *красавица*, то *между гением чистой красоты* и возлюбленной не наблюдается столь отчётливого метафорического тождества. В то же время *гений* и милое «ты» по смыслу не так отчётливо разграничены, как предполагаемая Сушкова и усадьба Захарово. В стихотворении «К***» мы имеем дело со случаем параллелизма реальной женщины и отвлечённой эстетической сущности. Возлюбленная является лирическому субъекту

Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...
(II-1, 406)

[1] Там же. С.122.

Это «как» не сравнительное, но и не ведущее к тождеству реальной женщины и отвлечённой сущности. Между ними простирается не отдалённое сходство, не близкое тождество, а взаимное соответствие. Благодаря равновесию чувственного и умопостигаемого полюсов произведения *любовь* и не приравнивается к *Божеству* и *вдохновенью*, стихиям искусства, и гармонично сосуществует с *Божеством*.

Итак, в различных пушкинских текстах преобладают различные соотношения любви и искусства или любви и культуры. *Прелестная* в «Послании» принадлежит к усадебному миру, является его одушевлённым пиком и высшим проявлением. *Русская роза* эстетически преображает уездную скуку в стихотворении «*Зима. Что делать нам в деревне?..*» (а не является неким порождением уездной жизни). Е.Е. Дмитриева и О.Н. Купцова отмечают, что в «Зимнем утре» «деревня уже явно иная», опоэтизированная и светлая. Подобно *розе звезда севера* не вписывается в усадебный мир как его одушевлённая часть, а свысока освещает его и по значению приравнивается к поэтической вселенной «Зимнего утра». Применительно к стихотворению «К***» невозможно без натяжки утверждать ни того, что любовь является *частью* универсальной эстетической стихии, ни того, что *гений чистой красоты* преображает земную женщину, возвышает её до себя. В стихотворении «К***» явлен зеркальный контраст и внутренняя симметрия чувственного и умопостигаемого.

Однако во всех приведённых пушкинских текстах (при их различиях) присутствует парность любви и смежного ей представления. Иногда их внутренняя парность становится у Пушкина ассоциативной и опосредованной. Так, в стихотворении «Осень» *унылая пора* года становится метонимией *чахоточной девы*, которая, как полагает автор, *порою нравится* читателю, пробуждает в нём если не любовь, то некоторую личную симпатию. Деве параллельна (но *никак не равна*) осень, средоточие вдохновения. И всё же осень – творческую стихию и деву – источник эротической привлекательности сближает единый признак *тихой красы*, дева и осень объединены эстетическим началом.

Случайно ли то, что поэт именует себя *любовником* осени и, в дальнейшем повествуя об осени – лирически пронзительной поре года, – живописует не любовь, а сопутствующую ей силу вдохновения?..

И забываю мир,
(III-1, 321)

– пишет поэт. В поэтической фразеологии Пушкина *забыть* житейские дела и обстоятельства склонен не только поэт, но и человек, переживающий счастливые мгновения любви. Так, в стихотворении «К молодой актрисе» читаем:

Блажен, кто может роль забыть
На сцене с миленькой актрисой,

Жать руку ей, надеясь быть
Ещё блаженней за кулисой!
(I, 131)

Актёр, коему выпала счастливая возможность выступать в сценическом дуэте с очаровательной актрисой, на мгновенье способен забыть и об искусстве. Лирический субъект стихотворения «Осень» поглощён вдохновением, стихией искусства, но и оно родственно любви (а не только красоте):

И забываю мир – и в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем...
(III-1, 321)

Сладкая тишина семантически родственна обстановке сладкого свидания, а *лирическое волненье* семантически соответствует эмоциональности и темпераментности *любовника* осени. В «Осени» поэт использует приём, аналогичный замедленной съёмке быстрого движения в кино. В результате своеобразного скрещения замедленности и интенсивности создаётся семиотический оксюморон. По смыслу ему соответствует гармония, размеренность и одновременно интенсивность – качества, родственные как личному счастью, так и вдохновению.

Остаётся заключить, что соотносительность любви и вдохновения, женщины и музы у Пушкина имеет троякую семантическую мотивацию. Особняком стоит тот случай, когда поэт пунктирно уподобляется Мусагету – Аполлону, а гениальный любовник в своей творческой ипостаси косвенно уподобляется Амуру. Аполлон – покровитель не любви, но гармонии, Амур – не то существо, для которого женщина может являться музой; для роли служителя муз Амур слишком изобретателен и активен. Остальные примеры параллелизма любви и вдохновения в лирике Пушкина могут быть условно описаны следующими филологическими концептами:

1) женское «я» вступает в поэтическое взаимодействие со смежными представлениями – например, с представлением об усадебном космосе, где поэтически органично (и субъективно желанно, уместно, отрадно) появление *милой барышни; типологически* сходную роль в поэзии Пушкина играют *русская роза* или *звезда севера* как проникнутые женственностью высокие символы;

2) *любовь* выступает в параллелизме с универсальным представлением о *красоте*, оно по смыслу мотивирует (исходно не самоочевидное) родство *вдохновения* и *любви;*

3) любовь (или скорее сердечная симпатия) не равняется вдохновению, но

пунктирно соотносится с ним благодаря родственному вечности и смерти иррациональному началу, сближающему стихию сердца и стихию искусства.

Во всех трёх типологических примерах вдохновляющей женственности мы имеем дело с парными соотношениями: галантное ухаживанье за дамой и дворянская усадьба, поцелуй на морозе и Россия, русская *красавица* и русская зима («мороз и солнце»), женщина и *Божество, смиренная краса* девы и *тихая краса* осени. Женский лирический персонаж инвариантно вступает у Пушкина в поэтическое родство с музой, поскольку ему соответствует не только любовь, но и некое эстетическое представление (или эстетическая сущность). В смысловом потенциале соотносительность женского «я» и музы у Пушкина мотивирована поэтической синонимией любви и внутренней красоты. Эстетическая стихия дана в удел музам, и в то же время, переставая являться исключительно чувственным феноменом, красота всё более граничит с любовью. Смысловой потенциал их сближения последовательно реализован в «Осени», где любовь поэта к поздней поре года приравнивается к эстетическому любованию увяданием природы. Поэтически обаятельная гибель составляет иррациональное начало «Осени». Менее явно любовь и красота обнаруживают свою парность в стихотворении «К***». *Гений чистой красоты* – идеальная сущность в противоположность чувственному явлению родственна любви, а не только прекрасному. Неземная красота по своей природе иррациональна и потому родственна любви – Божьему дару (а не только *вдохновению* – дару муз). Означенная внутренняя посылка, которая отчётливо угадывается в стихотворении «К***» и окончательно обнаруживается в пушкинской «Осени», всё же не исчерпывает пушкинских представлений о парности любви и вдохновения.

«Ранний» Пушкин, поэтический наследник Просвещения, прославляет рациональную красоту, родственную эллинской пластике. Она близка *музам* – мифологическим фантомам эллинизма и в то же время родственна фривольно галантной любви с её галльским изяществом, тонкостью и остроумием. И всё же пластическое любование *прелестной* в «Послании к Юдину» – наиболее раннем из цитированных пушкинских текстов – один к одному не равняется акту творчества, а лишь пунктирно соответствует ему.

Женское «я» у Пушкина наиболее последовательно склонно перенимать у музы и гения демиургическую роль там, где поэт воспевает не красоту внутреннюю и не красоту внешнюю, а нечто неуловимо третье, пролегающее между двумя различными эстетическими стихиями. Имя этому третьему – стихия женственности, наделённая и поэтической эфемерностью, и лёгким чувственным ореолом. Вот почему *русская дева* – одушевлённая реальность, она же – *русская роза* – милый призрак, в особой степени близка к музе. В отличие, например, от предполагаемой Сушковой «Послания к Юдину», она непосредственно пробуждает *дремлющую музу*, а не просто воздействует на лирического субъекта благотворно. Рядом с *девой розой* в сюжетном отношении стоит *мимолетное виденье* стихотворения «К***». И всё же по смыслу (а не по

сюжету – *внешней канве* поэтического текста) *милое виденье* ближе к *любви*, чем к искусству. Идеальная или *чистая* красота, в отличие от красоты земной, родственна высшему бескорыстию *любви*, а не тонкому ремеслу и мудрованию художника. И хотя *вдохновенье* эпизодически упоминается в перечислительном ряду высоких ценностей, решающий акцент автор делает не на него, а на его милую спутницу, чуждую поэтической корысти. Финальная – и решающая – строка произведения посвящена вовсе не музам; временно забыв о них, поэт прославляет

И жизнь, и слёзы, и любовь.

По внутреннему смыслу к *русской розе* – узнаваемой спутнице пробудившейся *музы* – наиболее близка *звезда севера*. (Не случайно семиотическое сходство розы, музы и *звезды*.) И хотя формально в «Зимнем утре» о музе и вдохновении ничего не говорится, *звезда севера* о них поэтически свидетельствует. Поэт не создаёт визуально отчётливого литературного портрета *красавицы* (ограничившись лишь лексемой), но являет красавицу посредством её семантического соответствия сверкающему морозному зимнему дню. Благодаря своему изоморфизму русской зиме *красавица* не только являет лирическому субъекту любовь, к какой способна женщина, но являет поэту окружающий мир в его космической полноте, совершает эстетическое чудо, к которому предназначена муза.

Алексей Ильичёв

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР: К СЕМАНТИКЕ ОБРАЗА ДУБА В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

Летом 1836 года на Каменном острове Пушкин написал всего несколько стихотворений, одно из которых – «Когда за городом, задумчив, я брожу...» – неоднократно привлекало внимание исследователей. В работе Н.В. Измайлова этому стихотворению, построенному на «противопоставлении двух кладбищ: городского как образа неволи, пошлости, антихудожественности, унижения человека, – и деревенского как воплощения воли, покоя, широты, поэтичности, близости к природе», – дана следующая интерпретация: определяя второе кладбище как «приусадебное, помещичье» (отталкиваясь от определения «родовое»), исследователь связывает стихотворение с «целым комплексом социальных размышлений Пушкина о положении передового, культурного (и материально падающего) дворянства... о его общественно-политической роли, о его судьбе»[1]. По мнению Г.А. Гуковского, в пушкинском произведении «сталкиваются как бы две России: одна – петербургская, чиновничья, торгашеская, лживая, искусственная, страшная; и другая – народная, торжественно-величественная, мощная отчизна, где и смерть легка, мирна и не страшна; ибо смерти в сущности нет, а есть жизнь природы и народа»[2].

Эти две интерпретации отразились и в других, более поздних работах о Пушкине[3]. Так, Ю.М. Лотман отметил в связи с этим стихотворением, что «за антитезой двух кладбищ стоит противопоставление двух образов жизни – мира мишуры, ложных ценностей, мира кажимости... – и мира человеческой думы... дуба – символа неумирающего древа жизни»[4]. Значение финального образа в стихотворении было специально отмечено Л.Я. Гинзбург, которая писала: «Предметам аллегорической буффонады противопоставлен дуб – царь расти-

[1] *Измайлов Н.В.* Очерки творчества Пушкина. Л., 1975. С. 256–257.

[2] *Гуковский Г.А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. Л., 1957. С. 405.

[3] См.: *Алексеев М.П.* Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...»: Проблемы его изучения. Л., 1967. С. 122–127; *Степанов Н.Л.* Лирика Пушкина: Очерки и этюды. Изд. 2-е. М., 1974. С. 31–32; *Городецкий Б.П.* Лирика Пушкина. М.; Л., 1962. С. 406; *Мякоголенко Г.П.* Творчество Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). Л., 1982. С. 442–446.

[4] *Лотман Ю.М.* Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 119. Труды по русской и славянской филологии. Вып. 5. Тарту, 1962. С. 31.

тельного мира. Образ дуба освобождён от частных аспектов и подробностей... И эти... характеристики заимствованы из наиболее общих, традиционных представлений, из многовековой символики, уходящей в глубины народного сознания, народной философии природы»[1].

Однако значение подобного символического образа, по природе своей многозначного, этим не исчерпывается. Нам кажется, что тут не просто противопоставление двух «памятников». Для идеи стихотворения важны истоки его образности, которые связаны у Пушкина с национальным самосознанием. Чтобы показать это, необходимо вернуться к предшествующим периодам творчества поэта, остановившись на двух взаимосвязанных темах – на мотиве надгробных памятников и на семантике образа дуба.

Отметим, что тема памятников, монументов возникает уже в лицейской поэзии Пушкина как символ исторической памяти в контексте классицистической и сентиментальной традиции – в «Воспоминаниях в Царском Селе» (I, 78—83). Или популярной в ту пору оссиановской традиции:

«Кто памятник воздвиг надменный?»
И старец, летами согбен,
Речет: «Тоскар наш незабвенный,
Герой умчавшихся времен!»
(Кольна: (Подражание Оссиану), 1814; I, 31)

Что касается образа дуба, то в раннем творчестве Пушкина он возникает именно в ореоле оссиановской традиции, но совершенно в другой функции:

Но вот уж *дуб* престал дымиться,
И тень мрачнее становится,
Чернеет тусклый небосклон,
И царствует в чертогах сон.
(Кольна: (Подражание Оссиану), 1814; I, 32;
курсив мой. – ***А.И.***)

Образ дуба в «Поэмах Оссиана» Д. Макферсона очень популярен, но он возникает в ритуальной функции как священное место собраний, или как ритуальное жертвоприношение («Где на пирах сто арф звучало / И пламенело сто *дубов*»), или как часть *пейзажной зарисовки*. Характерен и мотив дерева на могиле, но у Макферсона это чаще всего сосна[2]. Стоит напомнить, что функцию мирового дерева в мифологиях северных народов Запада выполняло дерево Иггдрасиль (ясень)[3]. Поэзия Оссиана оказала влияние на Пушкина, однако это

[1] *Гинзбург Л.Я.* О лирике. 2-е изд. Л., 1974. С. 227.

[2] О символической функции дуба у северных народов, в частности, см.: *Vries* A. de. Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam; London, 1974. P. 347–348.

[3] Мифы народов мира. Т. I. М., 1980. С. 288.

влияние ощутимо лишь в его раннем творчестве[1]. Более серьёзным было влияние поэзии Оссиана на литературу сентименталистов и предромантиков[2]. В этой традиции дуб ассоциировался с северной (неклассической) культурной традицией, которая была противопоставлена южной (классической). В таком широком противопоставлении осмыслялась русская национальная проблематика (ср.: «Твои растения не мирты – дубы, сосны». А. Воейков, «К Отечеству»).

Полноты ради отметим, что в лицейском творчестве есть и дуб, который подаётся автором как реальный – дуб из послания к Юдину, где Пушкин рисует картину села Захарова, с которым связывает истоки своей поэзии:

Мне видится моё селенье,
Моё Захарово; оно
С заборами в реке волнистой
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
< ...>
Вот здесь под *дубом* наклоненным,
С Горацием и Лафонтеном
В приятных погружён мечтах.
(I, 168; курсив мой. – ***А.И.***)

А между тем пейзаж в стихотворении носит, как полагают, условно-литературный характер, не вполне соответствующий реальному ландшафту; так, реки в Захарове нет, хотя есть пруд. Н.В. Берг, оставивший описание Захарова (1851), не упоминает ни клёнов, ни тополей, ни дубов, рассказывая лишь о старинной липе на берегу пруда и берёзовой роще; он же приводит предание, согласно которому Пушкин писал стихи на коре берёз[3]. Вероятно, именно с дубом из этого послания связан и дуб в стихотворении «Муза» (1821), которое решено в батюшковско-античном стилистическом ключе. Отметим, однако, что в другом лицейском стихотворении, связанном с Захаровом, возникает совсем иной источник поэтического вдохновения – не Гораций и не Лафонтен:

Ах! умолчу ль о мамушке моей,
О прелести таинственных ночей,
Когда в чепце, в старинном одеянье,
Она, духов молитвой уклоня,
С усердием перекрестит меня

[1] *Томашевский Б.В.* Пушкин. Кн. I. (1813–1814). М.; Л., 1956. С. 87–90.

[2] См.: *Левин Ю.Д.* Оссиан в русской литературе. Л., 1980.

[3] См.: Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М. 1985. Т. 1. С. 40–41; Т. 2. С. 48–49; См. также: *Аринштейн Л.М.* Сельцо Захарово в биографии и творчестве Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1991. Т. 14. С. 179–191.

И шопотом рассказывать мне станет
О мертвецах, о подвигах Бовы...
От ужаса не шелохнусь бывало,
Едва дыша, прижмусь под одеяло,
Не чувствуя ни ног, ни головы.
Под образом простой ночник из глины
Чуть освещал глубокие морщины,
Драгой антик, прабабушкин чепец
И длинный рот, где зуба два стучало, –
Всё в душу страх невольный поселяло.
Я трепетал – и тихо наконец
Томленье сна на очи упадало.
Тогда толпой с лазурной высоты
На ложе роз крылатые мечты,
Волшебники, волшебницы слетали,
Обманами мой сон обворожали.
Терялся я в порыве сладких дум;
В глуши лесной, средь муромских пустыней
Встречал лихих Полканов и Добрыней,
И в вымыслах носился юный ум...
(Сон, 1816; I, 189)

Мало того, что большинство исследователей склонны отождествлять прообраз мамушки с Ариной Родионовной, нам важно подчеркнуть, что Пушкин указывает народные, фольклорные источники своего поэтического вдохновения. Любопытно, что и этот мотив получил продолжение в южном периоде творчества Пушкина:

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,
Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты весёлою старушкой,
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как лёгкой сон.
Ты отрока беспечного любила,

Средь важных Муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила...
(Наперсница волшебной старины, 1822; II-1, 272)

Есть какая-то странная закономерность в том, что оба мотива, связанные с Захаровом, вспомнились Пушкину на юге, а образ Музы получил двойную интерпретацию – традиционно античную и совсем не традиционную, связанную, по всей видимости, с Ариной Родионовной.

Вернемся, между тем, к теме надгробных памятников. И тут оказывается, что для Пушкина существенно было осознание того культурно-исторического контекста, которым определяется внутренняя семантика надгробного памятника. Сравните с описанием надгробия в «Бахчисарайском фонтане»:

В Тавриду возвратился хан,
И в память горестной Марии
Воздвигнул мраморный фонтан,
В углу дворца уединенный.
Над ним крестом осенена
Магометанская луна
(Символ, конечно, дерзновенный,
Незнанья жалкая вина).
(IV, 169)

Так можно представить основные смыслы образа дуба в творчестве Пушкина 1810–1820-х годов.

Но в творчестве поэта конца 1820-х – начала 1830-х семантическое наполнение образа дуба резко изменяется. Вот несколько примеров.

В 1828 году, работая над «Полтавой», Пушкин в финальной части поэмы создаёт своеобразную систему памятников основным героям поэмы – Петру, Мазепе, Кочубею и Искре, Марии. И вновь с характерным мотивом исторической памяти:

Прошло сто лет – и что ж осталось
От сильных, гордых сих мужей,
Столь полных волею страстей?
Их поколенье миновалось –
И с ним исчез кровавый след
Усилий, бедствий и побед.
В гражданстве северной державы,
В её воинственной судьбе,
Лишь ты воздвиг, герой Полтавы,
Огромный памятник себе...
(V, 63)

Мазепа как изменник «забыт... с давних пор», о Марии «предания... молчат», хотя «Слепой украинский певец... О грешной деве мимоходом / Казачкам юным говорит» (V, 64).

Но сохранилася могила,
Где двух страдальцев прах почил;
Меж древних праведных могил
Их мирно церковь приютила.
Цветет в Диканьке *древний ряд*
Дубов, друзьями насажденных;
Они о праотцах казненных
Доныне внукам говорят.
(V, 64; курсив мой. – ***А.И.***).

«Древний ряд дубов» – как памятник Кочубею и Искре – возникает в контексте «праведных могил», «церкви», «друзей», в устной памяти народа.

А вот, на первый взгляд, диаметрально противоположный случай.

В октябре 1830 года Пушкин начал писать «Русалку». Обратим внимание на сцену «Днепр. Ночь». Когда князь возвращается после свадьбы к месту гибели дочери мельника, он видит:

Ах, вот и дуб заветный, здесь она,
Обняв меня, поникла и умолкла...
Возможно ли?..
(Идёт к деревьям, листья сыплются.)
Что это значит? Листья,
Поблекнув, вдруг свернулися и с шумом
Посыпались как пепел на меня.
Передо мной стоит он гол и чёрн,
Как дерево проклятое.
(VII, 205)

Падение листьев с дуба в этой сцене – символ трагической смерти. Сразу же после этих слов появляется сошедший с ума мельник и трижды поминается нечистая сила: «Я здешний *ворон*... Я продал мельницу *бесам* запечным, / А денежки отдал на сохранение // *Русалке*» (VII, 205—206).

Совершенно очевидно, что образ дуба тут связан с какими-то мифологическими представлениями. Не так уж был далёк от истины П.В. Анненков, когда писал, что ни одна страна Европы не имеет драматического произведения, «более близкого к гениальному воспроизведению в искусстве народных представлений»[1].

[1] *Анненков П.В.* Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 329.

Очевидно, что в середине 1820-х годов для Пушкина открылся какой-то иной источник мифологических представлений, связанных с образом дуба. Представляется возможным реконструировать генезис этого символического образа, который поможет глубже понять его семантическое поле, всё богатство его ассоциативных связей.

Действительно, в 1824–1825 годах, будучи в Михайловском, Пушкин записывает со слов Арины Родионовны сказку о Султане Султановиче и 34 его сыновьях: «Гости корабельщики рассказывают царю о новом государстве и о чудесном отроке – ноги серебряные и проч. «Ах, говорит царь, – поеду посмотреть это чудо». – Что за чудо, – говорит мачеха, – вот что чудо: у моря Лукоморья стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, а по тем цепям ходит кот: вверх идёт – сказки сказывает, вниз идёт – песни поёт. Царевич прилетел домой и с благословления матери принёс перед дворец чудесный дуб...» (III, 449). Каково происхождение этого образа в сказке?

Образный комплекс «дуб – океан (море)» соотносится с народно-мифологическими верованиями: это один из неизменных зачинов во многих заговорах и молитвах[1]. Встречается в заговорах и таинственное Лукоморье и остров Буян[2]. В славянской мифологии дуб представляет собой вариант так называемого «мирового древа» как важнейшего структурного элемента мифопоэтической картины мира[3]. «Предание о мировом дереве, – пишет Афанасьев, – славяне по преимуществу относили к дубу. В их памяти сохранились сказания о дубах, которые существовали ещё до сотворения мира. В колядке карпатских русов поётся, что ещё в то время, когда не было ни земли, ни неба, а только синее море (воздушный океан), – среди этого моря стояло два дуба»[4]. Афанасьев отмечает и ряд мифологических функций дуба: под ним вершили суд, решения которого считали волей божества; дуб обладал целебными, живительными свойствами[5], он давал вечную молодость, здоровье, красоту[6]. Мировое древо отделяет мир космоса от мира хаоса[7]. Оно несёт в себе и оценочно-нравственное содержание, санкционируя бессмертие космоса[8]. Особую функцию дуба в мифологии древних славян подчеркивал Н.М. Карамзин[9]. В журнале П. Строева «Современный наблюдатель российской словесности» встречаем: «Константин

[1] См., например: *Буслаев Ф.И.* Соч. СПб., 1910. Т. 2. С. 45–46, 49.

[2] *Афанасьев А.Н.* Древо жизни. М., 1982. С. 215.

[3] См.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974; *Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М., 1976. С. 100, 207, 212–217.

[4] *Афанасьев А.Н.* Древо жизни. С. 214.

[5] Там же. С. 217.

[6] Там же. С. 219.

[7] См.: *Топоров В.Н.* Древо мировое // Мифы народов мира. Т. 1. С. 398, 404.

[8] Там же. С. 396–397, 407.

[9] См.: *Карамзин Н.М.* История государства Российского. СПб., <1816>. Т. 1. С. 87, 93–94.

Багрянородный, Император и Историк Византийский, сохранил для нас известие, каким образом в половине X столетия Россы, перемешавшиеся уже тогда со Славянами, во время странствий своих из Новгорода в Константинополь, гадательствовали на острове Св. Григория. Вот его слова: «Они (Россы) приезжали к острову Св. Григория, где у весьма великого дуба приносили на жертву живых птиц»[1]. Изучение Строевым славянского фольклора М.К. Азадовский назвал «первым подлинно научным опытом, основанным исключительно на анализе исторических источников»[2].

Этот образ, как нам представляется, привлёк внимание Пушкина именно потому, что в нём отразились народные представления о мироздании, о его гармоничности, бессмертии. Пушкин считал, что мифология имеет не только высокое эстетическое значение (см. его письмо к Плетневу около 14 апреля 1831 года), но и служит формой выражения национальной характерности, самобытности. В заметках по русской истории XVIII века, написанных ещё в 1822 году, Пушкин, сетуя на неразвитость славянской мифологии, замечает: «...Жаль! ибо греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, даёт нам особенный национальный характер» (XI, 17). Обращение поэта к славянской мифологии, к фольклору было явлением достаточно сложным[3], но нам важно подчеркнуть стремление к национальному видению через мифопоэтическую образность, которая является «самовыражением народа и формой национального самосознания»[4].

К концу 30-х годов XIX века литераторы начинают осознавать, что в простонародных поговорках даже в отдельных фольклорных образах таится значительная философско-мифологическая система. Так, В.Ф. Одоевский в конце 20-х годов записывает: «...в простонародных мнениях всякого века можно найти как бы осадки философий веков прошедших»[5]. Пушкин сочувственно подчёркивает и закладывает закладкой семнадцатый афоризм из книги Д.Б. Вико: «Простонародные выражения являются наиболее важными свидетельствами народных обычаев эпохи формирования языков»[6].

Именно поэтому в 1828 году, переиздавая «Руслана и Людмилу», Пушкин печатает новое вступление к поэме:

---

[1] Нечто о Мифологии славян Российских, и в особенности о богине Золотой Бабе // Современный наблюдатель российской словесности. Ч. 1. № 13–14., 1815. С. 68.

[2] *Азадовский М.К.* История русской фольклористики. Т. I. М., 1958. С. 173. См. также: *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. Изд. 2-е. М., 1965. С. 223.

[3] См.: *Азадовский М.К.* Пушкин и фольклор // Литература и фольклор. М., 1936. С. 5–64.

[4] Там же. С. 46.

[5] Цит. по: *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма. Кн. В.Ф. Одоевский. Мыслитель. Писатель. Т. 1. Ч. 1. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. С. 328.

[6] *Модзалевский Б.Я.* Библиотека А.С. Пушкина // Пушкин и его современники. Вып. 9–10. СПб., 1909. С. 358.

У Лукоморья *дуб* зелёный,
Златая цепь на дубе том.
И днём, и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом.
(IV, 5; курсив мой. – ***А.И.***)

Поэт вставляет «Руслана и Людмилу» в оправу национально-мифологической образности, тем самым ориентируя свою поэму на фольклор: «Там русский дух... там Русью пахнет!» (IV, 6) – вот что стоит за чудесным Лукоморьем.

Но, пожалуй, наиболее очевидно миф о мировом древе входит в сказку о царе Салтане (1830), оформляя её сюжет. Гвидон с матерью попадают на пустынный остров посреди океана, где «Видят холм в широком поле, / Море синее кругом, / Дуб зелёный над холмом» (IV, 510). Из дуба делается лук, с помощью лука Гвидон спасает царевну Лебедь, с помощью царевны Лебеди возникает волшебное государство. Именно так и сообщают об этом корабельщики Салтану:

В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нём дубок единый;
А теперь стоит на нём
Новый город со дворцом...
(III-1, 514)

И город – тоже особенный. Это, как совершенно верно отметил С.М. Бонди, «народный образ идеального, счастливого морского государства. На острове, где княжит Гвидон, «все... богаты, изоб нет, везде палаты», чудесная белочка... создаёт богатства острова, надёжная волшебная охрана... охраняет его от внешних врагов»[1]. Пушкин создаёт своего рода народную утопию, причём с помощью образов и логики национальной мифологии[2]. Очевидно, и в «Полтаве»

[1] *Бонди С.М.* Комментарий к сказкам Пушкина // Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. М., 1960. Т. 3. С. 526–527.

[2] Поверие о Лукоморье Б.А. Успенский и В.Я. Пропп связывают с представлением об островах блаженных (см.: *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 146; *Пропп В.Я.* Русская сказка. Л., 1984. С. 242), зафиксированным на русской почве в «Слове о рахманех и о предивном их житии» инока Ефросина (см.: Роман об Александре Македонском по русской летописи XV в. М.; Л., 1985. С. 143). Е.А. Аничкова, проанализировав возможные западные и русские источники происхождения пушкинской сказки, показала, что образы дуба и кота учёного «очень близко стоят к народной сказке» (*Аничкова Е.А.* Опыт критического разбора происхождения пушкинской сказки о царе Салтане // Язык и литература. Л., 1927. Т. 2. Вып. 2. С. 133).

образ дубовой рощи связан с народным представлением о «мировом древе». Правда, тут уже важна и собственно пушкинская символика могилы, кладбища, о которой выразительно писал Ю.М. Лотман: «Кладбище для Пушкина – не место для унылых размышлений о бренности всего земного. Здесь подводится итог деятельности человека. Тема могилы и тема памятника у Пушкина тесно связаны. Могила – место, над которым совершается нелицеприятный суд над делами человека... Уважение к делу жизни человека проявляется в народном почитании его памяти и могилы... Могила... не конец бытия, а звено между человеком и потомством»[1]. Сравните:

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Животворящая святыня!
Земля была <б> без них мертва,
Как..... пустыня
И как алтарь без божества.
(III-1, 242).

Весной 1836 года, за несколько месяцев до создания стихотворения «Когда за городом...», Пушкин, судя по письмам к В.Ф. Одоевскому (от февраля – начала марта 1836 года), знакомился с рукописными материалами книги И.П. Сахарова «Сказания русского народа», думая в одном из номеров «Современника» напечатать отрывки из неё. В книге Сахарова собраны заговоры, легенды, обряды, записанные непосредственно в народной среде. Популярными зачинами заговоров были следующие: «На море, на Океане, на острове на Буяне, стоит дуб...», «За морем синим, за морем Хвалынским, посреди Океан-моря, лежит остров Буян, на том острове Буяне стоит дуб...»[2]. Б.А. Успенский отметил, что жанр заговора представляет собою мыслительное паломничество на тот свет, где конечным пунктом пути выступает обычно остров[3].

Социальный раскол России на дворянскую и народную получил отчётливое выражение в творчестве Пушкина 1830-х годов: в «Истории Пугачева», в «Капитанской дочке», в ряде поэтических произведений поэта («Румяный критик мой...», «Мирская власть», «Памятник»). Образы двух кладбищ в стихотворении «Когда за городом...» также воссоздают разные лики России: купеческо-чинов-

[1] *Лотман Ю.М.* Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов // Уч. зап. Тарт. ун-та. 1962. Вып. 119. С. 29.

[2] *Сахаров И.П.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. 2-е изд. СПб., 1837. Ч. 1. С. 63.

[3] *Успенский Б.А.* Филологические разыскания... С. 56, примечание.

ный и крестьянский, народный. Сама идея народной России с особой выразительностью воплотилась в образе-символе дуба, восходящем к национальной мифологии. Этот традиционный образ органически вошёл в систему пушкинской символики, воплощая бессмертие, красоту, вечность народного мира России. Дуб символически соединяет умерших с целым космического порядка (это подтверждается черновым вариантом последней строки, где единство подчёркнуто общим эпитетом: «Разросся *важный* дуб, над *важными* гробами»; III-2, 1033, курсив мой – *А. И.*). Именно поэтому снимается трагизм индивидуальной смерти. Вся вторая часть стихотворения развёртывается первоначально в «священной тишине»[1], что создаёт сакральную, возвышенную атмосферу.

Бессмертие крестьянского мира подчёркивает ещё один глубоко архаический, фольклорный мотив: смерть в стихотворении выступает как мотив испытания героев при переходе в царство мёртвых[2]. В царстве мёртвых, как пишет В.Я. Пропп, «живые узнаются по тому, что они пахнут, зевают, спят и смеются. Мертвецы всего этого не делают»[3]. Действительно, на городском кладбище мёртвые «гниют», а на родовом – «дремлют в торжественном покое»; одни герои не выдержали испытания, другие остались «живыми» даже после смерти, то есть преодолели её. Такой древний сюжетный ход придаёт всему стихотворению очень широкую смысловую перспективу.

«В пушкинском стихотворении, – пишет И.М. Тойбин, – картина «публичного» кладбища приобрела исторический, социально-конкретный смысл (иерархические отношения, купцы, чиновники)»[4]. Пушкинские черновики показывают, что этот исторический смысл возник далеко не сразу (ср. варианты строки «Купцов, чиновников усопших мавзолеи»: 1. «Безносых гениев болваны, мавзолеи»; 2. «Богатых, нарядных мавзолеи» – III-2, 1033) и что поэт шёл к нему вполне сознательно. Символический смысл стихотворения, таким образом, возникает в точке пересечения реального, социально-конкретного и мифологического.

Так происходило разрушение прежней сентиментальной традиции. Изображение кладбища, вопреки тематической традиции, не вызывало у Пушкина ни «эстетических любований», ни «нежных, меланхолических чувствований», свойственных его предшественникам, русским предромантикам начала XIX века – Н.М. Карамзину или В.А. Жуковскому[5]. Его позиция резко изменилась. Пушкин, по меткой характеристике Н.В. Гоголя, смотрит на мир не с сенти-

---

[1] *Гофман М.* Посмертные стихотворения Пушкина. 1833–1836. Пг., 1922. С. 68.

[2] См.: *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946. С. 184.

[3] Там же. С. 67.

[4] *Тойбин И.М.* К проблеме художественного историзма в пушкинской лирике 1830-х годов // Проблемы историзма в художественной литературе: Науч. тр. Курск, 1973. Т. 24. С. 58.

[5] См.: *Алексеев М.П.* Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» С. 157.

ментальной точки зрения, но «глазами национальной стихии»[1]. Стихотворение *«Когда за городом...» является частным, но конкретным проявлением гоголевской* формулы. Этот демократический взгляд предопределил необычность сатирического пафоса в изображении городского кладбища – тут всё нелепо, алогично, бессмысленно: «по старом рогаче вдовицы плач амурный», «мелкие пирамиды», «безносые гении», «растрёпанные хариты», «дешёвого резца нелепые затеи», «могилы склизкие» и так далее. Смерть как бы выводит вовне всю пошлость и пустоту чиновно-купеческой России (сравните с аналогичной ситуацией в «Бобке» Ф.М. Достоевского). А вот изображение деревенского кладбища проясняет народный идеал, с высоты которого поэт осуждает дворянскую Россию. Дуб как образ мирового древа, согласно мифологической традиции, отделяет мир хаоса (Россия официальная) от мира, космически организованного (*Россия народная*).

[1] *Гоголь Н.В.* Несколько слов о Пушкине // А.С. Пушкин в русской критике. 2-е изд. М., 1953. С. 42.

Галина Шпилевая

ПУШКИНСКАЯ И НЕКРАСОВСКАЯ КОНЦЕПЦИИ АВАНТЮРНОГО РОМАНА

Авантюрный сюжет, как известно, является одним из древнейших в мировой литературе. Приключения, опасные путешествия, аферы, интриги, похищения, «чудесные» встречи всегда волновали читателя, делали книгу занимательной и интригующей. Путешествия Одиссея, приключения героев античных романов, русская авантюрная повесть заставляли читателя переживать за судьбы любимых персонажей.

А.С. Пушкин также не пренебрегал авантюрными сюжетами и даже намеревался написать настоящий приключенческий роман «Русский Пелам» (этот замысел, к величайшему сожалению потомков, не был осуществлён). С помощью указанного произведения Пушкин, по словам В.Ф. Переверзева, «готовился дать отпор «Русскому Жильблазу», создать взамен неотёсанного нравственно-сатирического романа булгаринской мерки достойный высококультурного, эстетически развитого читателя нравоописательный роман»[1].

В.Г. Белинский был солидарен с Пушкиным в критике многочисленных романов «булгаринской мерки». Можно предположить, что если бы Пушкин, опираясь на роман Э. Булвер-Литтона «Пелэм, или Приключения джентльмена»[2], создал образ благородного героя, который контрастировал бы с «выходцем из собачьей конуры» (Белинский), то «неистового Виссариона» заинтересовала бы новая линия в русской литературе.

Можно также предположить, что дворянина Пушкина и высокообразованного разночинца Белинского раздражали не столько «кудлашкины» братья (герой романа Булгарина имел непосредственное отношение к собачьей конуре), сколько огромное количество приключенческих подражательных произведений, выброшенных на рынок «массовой» литературы.

Н.А. Некрасов, который стоял у истоков развития отечественной массовой литературы (1840-е годы), также не мог пройти мимо авантюрных сюжетов и написал роман «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843–1848). Это произведение осталось незавершённым и было лишь частично опубликовано при жизни автора. Пикарескные жанровые законы позволили молодому писателю создать образ активного героя, по определению Н.А. Вердеревской, «молодого

[1] *Переверзев В.Ф.* У истоков русского реалистического романа. М., 1965. С. 89.

[2] Появился на английском языке в 1828 году.

разночинца», а также описать нравы современного общества, что всегда очень привлекательно «в новых условиях»[1] становящейся среды.

Некрасов намеревался назвать своё произведение «Похождения русского Жильблаза», что также поддерживало определенную традицию, идущую от западноевропейских фольклорных повестей и лесажевских произведений. «Российский Жильблаз или похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» В.Т. Нарежного (1814), «Иван Выжигин» Ф.В. Булгарина (1829), «Жильблаз нашего времени» Н.А. Полевого (1842), «Вакх Сидоров Чайкин» В.И. Даля (1843), «Саломея» А.Ф. Вельтмана (1846) – вот далеко не полный список авантюрных романов, написанных русскими беллетристами.

На наш взгляд, к жанру лесажевской «Истории Жиль Блаза из Сантильяны» (1711–1735) перечисленных беллетристов (и самого Некрасова) привлекала не только возможность описывать современные нравы (как правило, «низовые», демократические). Писателям импонировал также основной принцип пикарескного сюжетосложения: последовательное соединение происшествий в длинную цепочку. Если этого приёма было недостаточно, то автор всегда имел возможность вводить «вставные новеллы», фабульно не связанные с основной канвой событий. Указанные способ позволял создавать романную объёмность не путём построения сложной многоуровневой системы с взаимопроникающими элементами (к этому русский роман придёт во второй половине XIX века), а при помощи линейно выстроенных, чередующихся занимательных историй.

Если роман – это диалог между героем и миром, то пикареска – это диалог, содержащий массу коротких и однотипных реплик. Если крупная эпическая форма воссоздаёт новую романную целостность бытия, в которую включён современник, то жильблазовская «эпопея «низкой» честной жизни»[2] конструирует пёструю модель мира, обнажая примитивные причинно-следственные связи.

Следуя законам пикарески, Некрасов вводит в роман вставные новеллы, «нанизывая» события на сюжетный стержень, создает образ озорного, жизнеспособного бедняка, стремящегося подняться со дна жизни, выбраться из нищеты.

При всей своей популярности и самодостаточности авантюрный роман и повесть XVI–XIX веков всё же имеют литературный ориентир, пародийно переосмысленный. Отправной точкой, как известно, служил рыцарский роман, в котором благородного героя воспитывают и готовят к подвигам достойные наставники. У начинающего плута тоже есть учителя, только это отпетые мошенники, которые обирают своего подопечного, бьют его, заставляют воровать и побираться. Некрасовский «Жиль Блаз» – молодой Тихон Тростников – также имеет «достойных учителей». Один из них – Кирьяныч – учит Тихона воровать собак, чтобы потом продавать любимых питомцев их же хозяевам. Другим учителем Тихона был Григорий Андреевич Огулов, который когда-то служил в петербургском училище и готовил героя в университет. Однако наставник и ученик

[1] *Вердеревская Н.А.* Русский роман 40–60-х годов XIX века. Казань, 1980. С. 40.

[2] *Рымарь Н.Т.* Поэтика романа. Куйбышев, 1990. С. 195.

не только читали стихи и спрягали глаголы, они ещё и пьянствовали, пока у Тихона были деньги, а затем «неумолимый профессор» исчез.

Как и все Жиль Блазы, Тростников молод, что оправдывает его поступки «чаще дурного, чем благородного свойства»[1]. Как и другие Жиль Блазы, Тростников в начале романа «неопытен, невинен и доверчив»[2].

Итак, с одной стороны – «русский Пелам», привлекший внимание дворянина Пушкина, и с другой стороны – «русский Жиль Блаз», заинтересовавший дворянина по происхождению и разночинца по образу жизни Некрасова.

Некрасов, по словам Г.А. Гуковского, пришёл в литературу в момент «падения» культуры «литературных аристократов»[3], в числе которых – Пушкин. Будущий выдающийся лирик, начиная свой писательский путь как беллетрист (после поэтического сборника «Мечты и звуки»), по мнению Гуковского, не имел понятия о старой «высокой» литературе, доживавшей свой век, так как сам был «внизу её», и этот «низ» начинал развиваться, «заявляя о своих правах»[4]. Подражая в ранней поэзии Подолинскому и Жуковскому (что порождало «ультраромантические» стихи), копируя в ранней прозе Жанена, Марлинского, Тимофеева, Некрасов, избравший ориентиром «школу сентиментального натурализма» (Ал. Григорьев), принципиально отличался от зрелого Пушкина-реалиста. Однако, при всей разности взглядов, вкусов, литературных пристрастий, в авантюрных сюжетах Пушкина и Некрасова есть нечто общее.

Пушкин не написал роман о «русском Пеламе», но в его прозе можно видеть эпизоды, детали, имеющие авантюрную окраску. Очевидно, что в «Дубровском» из-за серьёзного, психологически насыщенного сюжета «выглядывает» приключенчески окрашенный текст. Времяпрепровождение молодого Дубровского напоминает образ жизни молодого Тростникова. Имея в виду то, насколько разнятся по уровню пушкинский шедевр и незаконченное беллетристическое произведение Некрасова, можно, тем не менее, сказать, что следующий фрагмент из «Дубровского» мог бы характеризовать и Тростникова: «Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти; играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем и предвидя себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости» (VIII-1, 172). Некрасов в рассматриваемом нами романе как бы продолжает и конкретизирует то, что начал было описывать Пушкин: «Я нанял другую квартиру и жил с Матильдой очень весело. Мы каждый день ходили в театр, ездили на все гулянья, пили портер и опомнились только тогда, когда уже не на что было ни жить, ни кататься, ни ходить в театр»[5].

[1] *Манн Ю.В.* Диалектика художественного образа. М., 1987. С. 16.

[2] *Гуковский Г.А.* Неизданные повести Некрасова в истории русской прозы сороковых годов // Жизнь и похождения Тихона Тростникова. Новонайденная рукопись Некрасова. М.; Л., 1931. С. 364.

[3] Там же. С. 348.

[4] Там же.

[5] *Некрасов Н.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л., 2000. С. 147.

Однако завязка пушкинского сюжета наступает именно тогда, когда беспечная жизнь молодого повесы неожиданно прекращается и герой попадает в сложную ситуацию, которая потребует от него решительных действий: «Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и куря из его янтарей, Гриша, его камердинер, подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека» (VIII-1, 172).

Подобной завязки мы, конечно же, не найдём в романе молодого Некрасова. Начинающий беллетрист «нанизывал» приключения и похождения своего героя, потому что *не смел* и *не мог* усложнить коллизию своего произведения.

Намеки на авантюрный сюжет можно найти и в другом пушкинском произведении – «Капитанской дочке», где присутствуют мотивы азартной игры, похищения невесты, «переодевания» и присвоения себе чужого имени. Черты авантюриста есть в Зурине, Швабрине, Пугачёве, да и в самом Петре Гринёве. Услышав в реплике оренбургского генерала намёк на «стары... проказ» своего отца, молодой Гринёв тут же попытался напроказничать сам. В ответ на вопрос генерала: «Что такое «держать в ежовых рукавицах»?» – Петруша произнёс фразу, ставшую хрестоматийно известной: «Это значит <...> обходиться ласково, не слишком строго, давать побольше воли» (VIII-1, 293). Проигрыш ста рублей, весёлое озорство могли бы положить начало последующим авантюрам молодого дворянина, но генерал (и сам Пушкин), решил, что «рассеяние вредно молодому человеку», и отправил его служить в Белогорскую крепость, где вчерашний недоросль попал в эпицентр известных исторических событий и повёл себя отнюдь не так, как следовало бы авантюристу.

Рекомендательные письма вёз с собой в Петербург и Тихон Тростников, но, не имея интереса к службе и карьере, молодой человек бросился в омут развлечений сомнительного характера.

«Возможны» авантюрные сюжеты в «Станционном смотрителе» (любовная интрига и побег), в «Барышне-крестьянке» (переодевания и «узнавания»), в «Метели» (побег, озорство ложного жениха), но пушкинские сюжеты и характеры наполнены таким психологизмом и драматизмом, что читателю в конечном итоге не приходится видеть в героях прежде всего авантюристов.

Пушкина интересовал *характер* становящейся личности в обществе с устоявшимися нормами. Под *нормой* Пушкин понимал правила внутреннего и внешнего поведения, усваиваемые дворянином с детства. Эти правила заставляли Пушкина драться на дуэлях, ездить на балы, отвечать на вопросы самого царя, строить свою семейную жизнь, реализовывать себя в современных условиях как социальную единицу (служба, чины, прочее). Герои Пушкина также поступали соответственно представлениям о дворянской чести: мстили за нанесённое оскорбление, дрались на дуэли (от которой сам Некрасов, как известно, уклонился[1]), предпочитали виселицу нарушению присяги, – одним словом, «берегли» честь дворянина.

[1] Имеется в виду, к счастью, несостоявшаяся дуэль с французом, вдовцом героини некрасовского стихотворения.

Для того чтобы реализовать указанные поступки в ткани художественного произведения, формы пикарески (с её упрощенно-линейной сюжетно-композиционной системой) было недостаточно. Необходимы были «ответвления» от сюжетной линии, в которых таился бы психологизм со всеми сложными нюансами. Кроме этого, Пушкина, как видно, не устраивал сам «тон» произведений «булгаринской мерки», поэтому он тянулся к роману «пелэмовскому», где можно было видеть близкую изысканность. Герои бульверовского романа расточительны, они тоже участвуют в драках, но в них есть нечто такое, чего не найдешь в пикареске. «Я неоднократно наблюдал, что отличительной чертой людей, вращающихся в свете, является ледяное, невозмутимое спокойствие, которым проникнуты все их действия и привычки, от самых существенных до самых ничтожных: они спокойно едят, спокойно двигаются, спокойно живут, спокойно переносят утрату своих жен и даже своих денег, тогда как люди низшего круга не могут донести до рта ложку или снести оскорбление, не поднимая при этом неистового шума»[1], – констатирует Пелэм, рассказывая о дружбе своего отца с любовником жены, матери главного героя и рассказчика[2].

Герой раннего некрасовского романа (как и некоторых ранних повестей) живёт и действует в другое время и имеет иные убеждения. Это уже не дворянин, готовый на подвиг ради сохранения своей чести, это человек, живущий в зыбкой, становящейся действительности. Титул уже не является гарантией сытости и безопасности, поэтому персонажу приходится выживать, а для этого нужна огромная активность, хитрость и изворотливость, направленная на то, чтобы, подобно пикаро, держаться «поближе к котлу».

Для того чтобы понять разницу в мотивации поступков и совершении действий пушкинскими и некрасовскими персонажами, нужно сопоставить жизненные пути их авторов. Пушкин и Некрасов появились на свет с разницей в два десятилетия, но за это время в стране произошли кардинальные изменения, породившие столь несхожие концепции человека и мира, что диктовало, в частности, и появление принципиально отличающихся друг от друга авантюрных сюжетов.

Однако, говоря о великом разнообразии художественных произведений, не будем упускать из виду и взаимодействие всех уровней литературы (классики, беллетристики, «массового» чтива) и художественную *память*, хранящую все образы, сюжеты и детали, выработанные столетиями.

Пушкин, непревзойдённый классик, обратился к беллетристике (роман Бульвер-Литтона), чтобы, дав урок раздражавшему его Булгарину, создать высокохудожественный роман, который явно не ограничивался бы «приключениями», «похождениями» и «наблюдениями». Некрасов же, в свою очередь, создавал нравоописательный роман, чтобы затем перенести приобретённый опыт в высокохудожественную, часто трагическую лирику.

---

[1] *Бульвер-Литтон Э.* Последние дни Помпей. Пелэм, или Приключения джентльмена. М., 1988. С. 284.

[2] Сходную ситуацию можно наблюдать и в пушкинском наброске «Русский Пелам».

Дмитрий Скобелев

ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ В РОМАНЕ Ю.П. АННЕНКОВА «ПОВЕСТЬ О ПУСТЯКАХ»

Роман Ю.П. Анненкова «Повесть о пустяках» вышел в 1934 году в Берлине и привлёк внимание читателей, в основном русских эмигрантов, покинувших Россию после кровавых событий первой четверти XX века. Пространственным центром произведения является голодный, «больной» Петербург, а главным героем – художник Коленька Хохлов, многими чертами напоминающий самого автора – Анненкова.

В книге «О психологической прозе» Л.Я. Гинзбург отмечала: «Если сила документальных жанров в непредрешённости, в том, чего «не придумаешь», то литература вымысла, напротив того, сильна безграничными возможностями организации, потенциальным совершенством свободно рождающегося плана»[1]. «Повесть о пустяках» в жанровом отношении представляет собой синтез художественных и документальных элементов с сильным, как уже отмечалось, автобиографическим началом[2]. «Сила» анненковского романа состоит в том, что в нём сочетаются узнаваемые, исторически достоверные события с причудливыми поворотами сюжета, порождёнными авторской фантазией.

«Художник – искусство – действительность» – та цепь отношений, которая является центром теории культуры. Художник является субъектом и творцом культуры, которая в своих бесконечных формах *выражает* действительность. При этом творческая личность, как существо биосоциокультурное, постоянно осмысливает своё диалектически сложное единство с миром и культурой, что и составляет смысл *эстетической рефлексии* – самоанализа, самоопределения художника[3]. «Повесть о пустяках» Анненкова как произведение, синтезирующее «образ» и «факт», представляет собой феномен, где присутствуют и эстетическая, и социорефлексия, что повышает ценность этого выдающегося романа замечательного русского литератора, живописца и рисовальщика.

---

[1] *Гинзбург Л.Я.* О психологической прозе. Л., 1977. С. 32.

[2] См. об этом: *Давилевский А.А.* Автобиографическое и прототипическое: «Повесть о пустяках» Юрия Анненкова // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб., 2001.

[3] Под эстетической рефлексией вслед за исследователями В.И. Тюпой и Д.П. Баком мы понимаем «самообоснование, самоопределение» позиции автора художественного произведения посредством цитирования текстов, упоминания о деятелях культуры разных эпох. См. об этом работу указанных авторов: Эволюция художественной рефлексии как проблема исторической поэтики // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. Кемерово, 1988. С. 4–15.

«Повесть о пустяках» раскрывает трагедию художников, переживших революцию 1917 года (равно – принимая или не принимая её). За вымышленными именами героев скрываются Николай Гумилёв, Натан Альтман, повествователь рассказывает о деятельности Горького и Блока, вспоминает даже о поэте Шенье и художнике Курбе, которых коснулись революционные события далёких эпох. Через весь роман проходит образ Пушкина, чье имя упоминается так часто, что можно говорить о «пушкинском тексте» «Повести о пустяках».

Само упоминание об Андре Мари Шенье (1762–1794), французском поэте и публицисте, приветствовавшем Великую Французскую революцию, но выступавшем против якобинцев, арестованном и вскоре казнённом, не может не отнести читателя к пушкинскому стихотворению «Андрей Шенье» (1825).

Известные строки «Завтра казнь, привычный пир народу; / Но лира юного певца / О чём поёт? Поёт она свободу: / Не изменилась до конца!» (II-1, 397), посвящённые гибели французского поэта, напомнили исследователю А.А. Данилевскому о другом поэте. «Упоминание Шенье в связи с образом «князя Пети» должно было, по мысли автора «Повести о пустяках», понудить читателей к соотнесению этого персонажа с личностью Н.С. Гумилёва, – во всяком случае, вскоре после смерти последнего имя Шенье вызывало именно такие ассоциации»[1], – говорится в комментариях к роману Анненкова.

«Стихотворение имеет автобиографический смысл, о чём и писал Пушкин Вяземскому 13 июля 1825 г., а затем после получения известия о смерти Александра I Плетнёву 4–6 декабря», – читаем уже в комментариях к пушкинскому стихотворению[2].

Таким образом, строки анненковского романа, где упоминается об Андре Шенье, – «Любимым поэтом князя Пети был в те годы Андре Шенье: стихи, революция, гильотина» (с. 150), – объединяют французского поэта, Николая Гумилёва, французскую буржуазную революцию, русскую революцию 1917 года, Пушкина и кровавые события 1825 года в Петербурге.

Образ Пушкина является значимым для анненковской эстетической рефлексии, так как именно с его помощью (иногда в ироничной форме) оцениваются современные автору романа – Анненкову – события.

Рассказывая о том, как знаменитые писатели, «любимцы публики» (Анненков называет их «пеной русской культуры»), взбудораженные революцией, забастовками, войной, бродили с эстрады на эстраду, из трактира в трактир («от «Давыдки» на Владимирском в «Вену» на Морской»), повествователь не без иронии замечает, что они «произносили пьяные тосты за русскую музу, за Пушкина и за Дмитрия Цензора, травили кошек в отдельных кабинетах и не платили по счетам» (с. 59).

[1] См. комментарии к изд.: *Анненков Ю.П. (Б.Темирязев).* Повесть о пустяках. СПб., 2001. С. 469. Далее в тексте настоящей статьи ссылки на это издание (указания страниц) даются в круглых скобках.

[2] См. комментарии к изд.: *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М.; Л., 1949. С. 433.

Вызывает усмешку уже то, что Пушкин упоминается рядом с Дмитрием Цензором (1877–1947), ныне забытым, но в 1910-е годы весьма популярным поэтом, которого серьёзные литераторы критиковали за дурновкусие. Что касается травли кошек, то в комментариях А.А. Данилевского описывается скандал, разразившийся в 1907 году в Петербурге. Дело в том, что несколько писателей *травили украденных кошек охотничьими собаками, что широко обсуждалось в* газетах. Упоминая имя Пушкина, за которого произносили тосты приятели истязателей кошек, Анненков даёт реальную характеристику «пьяному десятилетию». «Затхлые меблирашки» Петербурга, автографы, вырезанные поэтами на столах и стульях, рисунки, «выполненные» художниками с помощью рыбных костей и жареной картошки на стенах кабачков, становятся правдивым свидетельством о больном времени ещё и потому, что выполнены они «на фоне Пушкина» (если вспомнить известные строки Б. Окуджавы).

Продолжая создавать картину «пьяной» эпохи, Анненков упоминает вымышленные и реальные имена, также связанные с Пушкиным. В действительно существовавшей пивной «Черепок» (Литейный проспект, 12) некто Савва Керн (автор здесь же, в скобках, цитирует «Я помню чудное мгновенье...») читает блоковскую «Незнакомку», а на улице две проститутки, Ванда и Мурка, также называют себя Незнакомками.

Пушкин и Блок, с одной стороны, сниженные образы пьяного Керна и двух порочных Незнакомок, с другой стороны, дают возможность сравнить разные эпохи, ощутить «весёлую» катастрофичность атмосферы предреволюционного Петербурга.

Совершенно, казалось бы, неожиданно цитируется газетный некролог, в котором сообщается «о смерти генерала от кавалерии Александра Пушкина, последовавшей в имении Останкино Каширского уезда» (с. 64).

В 1914 году действительно скончался старший сын великого поэта, генерал Александр Александрович Пушкин, о чём сообщили газеты того времени. Смерть сына Пушкина, совпавшая с началом Первой мировой войны и всеобщей мобилизацией, также усиливает ощущение тревоги, которая является доминирующей эмоцией, возбуждаемой в читателе анненковским романом.

В «Повести о пустяках» упоминаются дачи на берегу Финского залива, где собирались поэты и писатели, художники и музыканты. Речь идёт о дачах Анненкова, Чуковского и Репина в Куоккале, где бывали Маяковский, Горький, Шаляпин, Есенин и многие другие. В литературном салоне писателя Апушина (его прототипом послужил К.И. Чуковский) беседуют о культуре, о войне, читают стихи, после чего следует реплика: «Браво! Взгляните на позу: Пушкин у Пущина, Мицкевич в салоне какой-то графини». Рядом – другая реплика, красноречиво свидетельствующая о надвигающемся голоде, нехватках, масштабы которых пока даже представить себе не могут легкомысленные завсегдатаи дачного «салона»: «Сегодня хлеб вздорожал на одну копейку, а пирожных в кондитерских совсем не пекли» (с. 68).

Пушкин, декабрист Пущин, опальный Мицкевич, смешиваясь с «дезерти-

рами», «усами Гогенцоллерна», «печеньем Эйнем» и «голубоватым рафинадом заводов Кёнига», вызывают у читателя горькую усмешку, страх за русскую культуру, сочувствие к шутникам, которые вскоре будут либо уничтожены, либо навсегда уедут из страны.

Седьмая часть первой главы романа начинается с описания «русской няни»; слово «русская» несёт в себе обобщающий смысл и создаёт образ вечной няни, напоминающей, прежде всего, об Арине Родионовне: «Побольше нежности, побольше нежности: входит старенькая русская няня. В степенном возрасте няня Афимья перешла от кого-то по наследству в семью Хохловых. У няни была кофточка навыпуск, в белую горошину по синему полю, и юбка в чёрную горошину по белому полю, чёрная косынка на голове. Няня Афимья была в доме своим человеком: за старшую. Самой барыне – и той читала наставления, и барыня слушалась. Гостей встречала, здороваясь за руку, о каждом составила своё мнение, всех судила строго и обоснованно. Дети, приходившие к Хохловым, кланялись старой няне почтительно и принимали её просто за бабушку <...> В няниной комнате сильно пахло деревянным маслом, которым мазала няня свои волосы под чёрной косынкой, а ещё пахло корицей и ветхостью: люди к старости всегда немного пахнут тлением – приготовляются. <...> В углу киот с Казанской Божьей Матерью, со многими святыми, с лампадкой. Лампадка тоже попахивала деревянным маслом» (с. 27).

Фрагмент, в котором описывается няня, содержит массу образов праславянской и общеевропейской мифологии. Упоминаются «бородатые козлы», к которым няня относилась с «почти обрядовым уважением», белые слоны, петухи, мыши. Повествователь сообщает, что няня «лучше всего уживалась с домовыми», которых было огромное количество: «домушники» (ловили мух и тараканов), «форточники» (хлопали форточками), «карманники» (воровали деньги), «подушники» (жили под подушками). Эта информация, безусловно, отсылает к Арине Родионовне, большой любительнице и знатоку русских сказок.

Бытие няни Коленьки Хохлова – Афимьи («несуетная суетливость») напоминает бытие пушкинской няни – «кропотливый дозор». Отношение Хохлова к своей няне такое же нежное и доверительное, как и отношение Пушкина к Арине Родионовне. Няня Афимья относится к герою романа как к своему ребёнку, интересуется его творчеством, а, похоронив Афимью, Хохлов сказал слова, которые мог бы адресовать своей няне Пушкин: «Детство моё, няня моя, спите с миром» (с. 212).

В поле анненковской эстетической рефлексии не мог не попасть Пушкин – поэт русский, петербургский, потому что в романе «Повесть о пустяках» рассказывается об отечественной и мировой культуре, о трагической истории России (революция 1917 года, гражданская война), о Невском проспекте и Мильонной улице, о Неве, воспетых великим поэтом. Образ Пушкина напоминает о том, что в самые страшные годы искусство всё равно является «ядром», центром Петербурга, его необходимой «сердцевиной» (с. 245).

Андрей Скобелев

ПУШКИНСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ЛИРИКЕ В.С. ВЫСОЦКОГО (на материале «Коней привередливых»)

«Сопоставление этих имён – великого поэта и нашего современника – на первый взгляд может показаться чересчур смелым, а постановка проблемы пушкинских начал в творчестве «безмерного», «дисгармоничного» Высоцкого – парадоксом. Но, поскольку с момента своего появления в русской поэзии и по сей день Пушкин остаётся «мерой всех вещей», эталоном, с которым принято сверять всякое крупномасштабное поэтическое явление, постольку представляется необходимым вглядеться в поэта, запечатлевшего свою эпоху с необычайной выразительностью, именно «на фоне Пушкина»[1].

Так (довольно осторожно) начиналось одно из первых отечественных исследований, посвящённых интересующей нас теме, прозвучавшее в феврале 1988 года в ходе работы воронежской конференции «Поэзия и правда Владимира Высоцкого. К 50-летию со дня рождения» и позднее опубликованное в сборнике, составленном по материалам этой конференции. Сейчас же, по прошествии более двадцати лет, темой «Высоцкий и Пушкин» уже никого не удивишь, она уже вовсе не кажется экзотической и не требует специального обоснования.

Многочисленные и в большинстве случаев очень содержательные работы литературоведов[2] (из которых прежде всего отмечу А.В. Кулагина, автора более десятка работ, специально посвящённых этой теме) проводят указанное сопоставление в самых разных аспектах. Это, конечно, вовсе не означает полную проработанность и «закрытость» темы «Высоцкий и Пушкин», однако теперь перед каждым исследователем, вновь обращающимся к ней, уже стоит задача обоснования актуальности этого возвращения и, соответственно, выбора новой точки зрения на данную проблему, поиска своего подхода в анализе текстов. Что и нам придётся сделать.

В настоящее время проанализированы различные идеологические и поэтологические аспекты, рассмотрены многие случаи зависимости и спора, неоднократно говорилось о пародическом (или травестийном) использовании В.С. Высоцким пушкинских мотивов, едва ли не с исчерпывающей полнотой выявлены пушкинские цитаты и реминисценции в творчестве В.С. Высоцкого...

[1] *Дыханова Б.С. Шпилевая Г.А.* «На фоне Пушкина» // В.С. Высоцкий: исследования и материалы. Воронеж, 1990. С. 65.

[2] См. в приложении к этой статье библиографический список важнейших работ по данной теме.

Мы предпринимаем попытку продолжить разработку последнего из названных направлений, сосредоточив внимание на тех случаях интертекстуальности произведений В.С. Высоцкого, в которых она проявляется *в относительно латентном виде*, то есть в форме того, что обычно называется аллюзиями (от латинского allusio – намёк). Соответственно, говоря далее о пушкинских аллюзиях в текстах В.С. Высоцкого, мы будем понимать аллюзию как литературный приём, вызывающий ассоциацию с пушкинскими произведениями или событиями из жизни А.С. Пушкина при неявности или неоднозначности этого указания (чем, собственно, аллюзия и отличается от прямого слова или цитации и реминисценции). В этом смысле аллюзия – явление довольно эфемерное и трудно доказуемое: читатель или исследователь могут увидеть аллюзию там, где автор вовсе не планировал её наличие. Что, в свою очередь, уже соприкасается с вопросами психологии творчества и восприятия художественного произведения, соотношения сознательного и бессознательного в этих процессах.

В качестве материала возьмём известнейшее произведение В.С. Высоцкого, один из его бесспорных шедевров – «Кони привередливые» (1972), на наш взгляд, наполненный и пронизанный пушкинскими аллюзиями.

Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю
Я коней своих нагайкою стегаю, погоняю...
Что-то воздуху мне мало – ветер лью, туман глотаю, –
Чую с гибельным восторгом: пропадаю, пропадаю!
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Вы тугую не слушайте плеть!
Но что-то кони мне попались привередливые –
И дожить не успел, мне допеть не успеть.
Я коней напою,
я куплет допою –
Хоть немного ещё постою
на краю...
Сгину я – меня пушинкой ураган сметёт с ладони,
И в санях меня галопом повлекут по снегу утром, –
Вы на шаг неторопливый перейдите, мои кони,
Хоть немного, но продлите путь к последнему приюту!
Чуть помедленнее, кони, чуть помедленнее!
Не указчики вам кнут и плеть.
Но что-то кони мне попались привередливые –
И дожить не успел, мне допеть не успеть.
Я коней напою,
я куплет допою –
Хоть немного ещё постою
на краю...

Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий, –
Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!
Или это колокольчик весь зашёлся от рыданий,
Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?!
Чуть помедленнее кони, чуть помедленнее!
Умоляю вас вскачь не лететь!
Но что-то кони мне попались привередливые –
Коль дожить не успел, так хотя бы – допеть!
Я коней напою,
я куплет допою –
Хоть немного ещё постою
на краю...[1]

Как нам представляется, никаких явных маркеров, непосредственно указывающих на пушкинскую тему, здесь нет, хотя в тексте есть как минимум две прямые отсылки к чужим текстам. Это неточная цитата из «Смерти Долгушова» И. Бабеля («Пропадаем, – воскликнул я, охваченный гибельным восторгом, – пропадаем, отец!»[2]) и реминисценция, тоже – не пушкинская: «Мы успели: в гости к Богу не бывает опозданий» (сравним с известными строками В. Маяковского из стихотворения «Послушайте!» (1914): «И, надрываясь в метелях полуденной пыли, / Врывается к Богу, боится, что опоздал...»[3]), что откровенно повышает степень интертекстуальности песни В.С. Высоцкого и, главное, – сигнализирует о её (интертекстуальности) наличии. Обратим внимание на то, что в случае с И. Бабелем актуализируется «конская», точнее «конармейская» тема. При этом в обоих случаях возникает ассоциация с трагической судьбой художника – убитый Бабель и самоубийца Маяковский. Пушкинская же тема тут в явном виде вроде бы никак не представлена. И всё же...

Сейчас трудно определить, кто из литературоведов первым указал на то, что некоторые элементы произведения В.С. Высоцкого, и в частности начало этого текста («Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому краю»), напоминают строки из песни Председателя из пушкинского «Пира во время чумы» (1830):

Есть упоение в бою,
И бездны мрачной на краю...
(VII, 180)

При этом прямые текстовые переклички с «Пиром во время чумы» в произведении В.С. Высоцкого отсутствуют, явное совпадение мы можем обнаружить

[1] *Высоцкий В.С.* Сочинения в двух томах. Екатеринбург, 1997. Т. 1. С. 299–300. В дальнейшем все цитаты текстов В.С. Высоцкого даются по этому изданию с указанием арабскими цифрами в скобках тома и страницы.

[2] *Бабель И.Э.* Избранное. М.: ГИХЛ, 1957. С. 55.

[3] *Маяковский В.В.* Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 1. М., 1955. С. 60.

лишь в следующих словах и словосочетаниях: «на краю» (повторяемое в финале рефрена три раза) и «по краю» в первой строке, – что, конечно, чрезвычайно важно; в обоих текстах упоминается «ураган»; наверное, ещё может быть ассоциация «ветер пью» с «И девы-розы пьём дыханье». Однако отметим, что голос «бездны на краю» совершенно не является эксклюзивно-пушкинским и, возможно, вообще не был воспринят В.С. Высоцким непосредственно из песни Председателя: этот образ присутствует, например, и в стихотворении Г.Р. Державина («На смерть князя Мещерского», 1779): «Скользим мы бездны на краю, / В которую стремглав свалимся»; и в «Дон Жуане» Дж. Г. Байрона («И часто, стоя бездны на краю, / Все в невиновность веруем свою!»[1]; и, наконец, в поэме Низами «Лейли и Меджнун»: «Одной любимой он принадлежал / И без неё не жил и не дышал. / Так скачет конь у бездны на краю, / Погибель не предчувствуя свою»[2]. В последнем случае обращает на себя внимание использование В.С. Высоцким не только мотива «конь + край бездны» («край бездны» мог возникнуть в указанных переводах «обратным ходом» – как раз под влиянием пушкинско-державинской традиции). Формулировка «Не жил и не дышал» использована В.С. Высоцким в финале «Баллады о любви» (1975): «Потому что, если не любил, / Значит, и не жил, и не дышал!» (1, 394). Думается, что такой (редкий) случай множественной переклички произведений В.С. Высоцкого с текстом иного автора (в данном случае – Низами) позволяет рассматривать именно его в качестве «прообраза» начальных строк «Коней привередливых» или, по крайней мере, как одну из значимых составляющих рассматриваемых интертекстуальных отношений, поскольку нельзя исключать и возможность существования нескольких претекстов, вместе формирующих новый образ, ими порождаемый и от них зависящий.

Если же «бездну» рассматривать более широко, как вариант «обрыва», «пропасти», то, наверное, схожих образных ситуаций можно вспомнить ещё больше, вплоть до романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (1951). Или, например, Л.Г. Кихней и Т.В. Сафарова совершенно справедливо пишут: «Блоковские отзвуки интерпретации мотива в произведениях Высоцкого слышатся в начальных строках «Коней привередливых» (ср.: «Вдоль обрыва, по-над пропастью, по самому по краю...»), корреспондирующих, на наш взгляд, с тем же «рысаком», летящим «над бездонным провалом в вечность», ибо «успеть» «в гости к Богу» у Высоцкого в конечном итоге и означает – некий «провал в вечность»[3].

[1] *Байрон Дж.Г.* Дон Жуан. Перевод Т. Гнедич, впервые опубликован в 1959 году, в Ленинградском театре комедии в 1963 году Н.П. Акимовым был поставлен одноименный спектакль по пьесе в этом переводе.

[2] Перевод Т. Стрешневой, впервые опубликован в кн.: *Низами Гянджеви*. Пять поэм. М., 1968. Сведения о публикациях переводов приводим для того, чтобы обосновать возможность знакомства с ними В.С. Высоцкого.

[3] *Кихней Л.Г., Сафарова Т.В.* Мотив езды на лошадях в творчестве Владимира Высоцкого и проблема жанровой памяти // Владимир Высоцкий: взгляд из XXI века. Материалы третьей международной научной конференции. М., 2003. С. 358. Авторы говорят о стихотворении А.А. Блока «Чёрный ворон в сумраке снежном...» (1910).

Однако, несмотря на всё обилие иных перекличек, «вспоминовение» именно пушкинских строк из «Пира во время чумы» применительно к «Коням» В.С. Высоцкого в сочетании с упоминанием «гибельного восторга» (понимаемого как аналог «упоения в бою» с учётом бабелевского претекста или даже без его учёта) стало едва ли не общим местом высоцковедения, например: «Тема гибельного восторга имеет свою традицию. Вспомним пушкинское «Есть упоение в бою / и мрачной бездны на краю...»[1]. Или: «Движение лирического героя по-над пропастью проникнуто пушкинским пафосом гибельного восторга («есть упоение в бою и мрачной бездны на краю...»)»[2]. И опять: «...Всплыло в памяти нервное место из Бабеля... Помножилось оно на пушкинское «мрачной бездны на краю» – и получилась явственная, и притом отчаянная, картина: Вдоль обрыва, по-над берегом, по самому по краю»[3]. В конечном итоге дело здесь не в текстуальных совпадениях, а в самой «ситуации предсмертия» – если воспользоваться выражением Л.Г. Кихней – и в парадоксальной реакции «восторга» на остроту жизни в этот момент, что совпадает у обоих поэтов.

Рассматриваемое стихотворение Высоцкого сопоставляли и с другим произведением Пушкина (имею в виду очень качественную работу болгарской исследовательницы Тани Галчевой «Телега жизни» А.С. Пушкина и «Кони привередливые» В.С. Высоцкого как два типа поэтического мышления»)[4]. Исследователь приводит следующие основания для сопоставительного анализа двух произведений: «В обоих стихотворениях содержание и смысл сосредоточены на разработке экзистенциальной темы. Отчётливо проявляется стремление к применению темпоральных категорий и к использованию их в качестве смыслообразующих. <...> Налицо различные структурные позиции, относящиеся к характеристикам двух различных типов поэтического мышления»[5]. Далее Т. Галчева показывает, как «изложение смысла в «Телеге жизни» и «Конях привередливых» в большой степени осуществляется с помощью временных и пространственных обозначений, которые в том и другом стихотворении активно присутствуют. <...> Модель времени в «Конях приверед-

[1] *Македонов А.В.* Владимир Высоцкий и его кони привередливые. Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. II. М., 1998. С. 295. Возможно, А.В. Македонов первым и отметил данную перекличку (цитируемая работа была создана не позднее весны 1991 года).

[2] *Одинцова С.М.* Образ коня в художественном мышлении поэта. Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. V. М., 2001. С. 370.

[3] *Новиков В.И.* Высоцкий. М., 2002. С. 165. Интересная закономерность: все упомянутые исследователи почему-то допускают одинаковую ошибку при цитировании А.С. Пушкина в упоминании «мрачной бездны» вместо «бездны мрачной».

[4] Впервые опубликовано в журнале: Литературна мисъл. 1989. № 10 (София).

[5] *Галчева Т.* «Телега жизни» А.С. Пушкина и «Кони привередливые» В.С. Высоцкого как два типа поэтического мышления» / Пер. с болг. И. Поля // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. I. М., 1997. С. 293.

ливых» перекликается с моделью времени в «Телеге жизни» таким образом, что *строго выстроенное стихотворение Пушкина мы видим как бы в кривом зеркале...»*[1].

Т. Галчева не говорит ни о типологии, ни о прямой ориентированности стихотворения Высоцкого на пушкинский текст. Но при этом она сравнивает их как априорно родственные, хотя эта родственность, как показывает исследователь, проявляет себя в очень неявном виде и раскрывается только при помощи в высшей степени тонкого анализа. Поверхностный уровень схождения этих двух текстов включает в себя лишь мотив движения на лошадях в область смерти и попытки ездоков повлиять на скорость этого перемещения, хотя «время гонит лошадей». Впрочем, может быть, и этого вполне достаточно для возникновения аллюзии? Аллюзии, за которой стоят важные смысловые отношения, показанные Т. Галчевой.

Собственно, главное сходство этих двух произведений – в представлении «коней» в качестве «заупокойных животных»[2] (хотя «телега смерти» присутствует и в упоминавшемся «Пире во время чумы»[3]), – что дополняет и усиливает аллюзорные отношения.

О «вполне очевидном» пушкинском слое «Коней привередливых» писал и С.Н. Пяткин, усматривающий в ключевых словесно-образных темах «Коней привередливых» («сани», «кони», «колокольчик», «зимний путь») поэтически опосредованную перекличку с «Бесами» А.С. Пушкина. «В таком случае и строка из «Коней привередливых» – «Что ж там ангелы поют такими злыми голосами?!» – явно воспринимается по своей семантике как поэтический инвариант по отношению к пушкинской строке о бесах «Что так жалобно поют?»»[4].

В вышеупомянутой работе «Мотив езды на лошадях в творчестве Владимира Высоцкого и проблема жанровой памяти» Л.Г. Кихней и Т.В. Сафарова пишут: «...возникает впечатление бесчисленных перекличек и заимствований Высоцким тем, образов и мотивов у русских поэтов XIX и начала XX века, легко подтверждаемых сопоставительным анализом. Причина полигенетичности литературных рецепций нам видится не столько в намеренном их рецептировании, сколько в проступании в творчестве Высоцкого архаического жанрового прототипа. Получается, что жанровая «архитекстуальность» Высоцкого оборачивается интертекстуаль-

---

[1] *Галчева Т.* Указ. соч. С. 305.

[2] Об этом мифопоэтическом мотиве «коней» в творчестве В.С. Высоцкого нам уже приходилось писать, опираясь на работы Д.Н. Анучина («Сани, ладья и кони как принадлежности похоронного обряда») и В.Я. Проппа («Исторические корни волшебной сказки) – см. подробнее: *Скобелев А.В., Шаулов С.М.* Владимир Высоцкий: мир и слово. Воронеж, 1991. С. 141–143.

[3] «В ней / Лежали мёртвые – и лепетали / Ужасную, неведомую речь....» (VII, 179).

[4] См.: *Пяткин С.Н.* «Кони снова понеслися...» О возможном мифомотиве в «Бесах» А.С. Пушкина // Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст. Вып. 7. Арзамас, 2005. С. 163–178.

ными перекличками, ибо общие жанровые установки фокусируют сходные мотивно-образные комплексы русской классической поэзии»[1]. Мысль очень важная – и безусловно верная, поскольку она является результатом превосходного анализа текстов и подтверждается многочисленными примерами. Позволю себе предположить в развитие идеи, что та «архитекстуальность», о которой говорят исследователи, в произведении вполне может сосуществовать рядом с более близкими и конкретными темами, образуя диалектическое единство общего и частного, находящихся рядом, хотя и на разных смысловых уровнях. При этом архетипическая образность вовсе не обязательно и не всегда бывает доминирующей. В целом же в «Конях привередливых», как нам представляется, демонстрируется первоочередная ориентированность текста не на непосредственно архетипическую образность, а на литературно-фольклорную традицию.

По крайней мере, в «Конях привередливых» помимо бесспорно имеющейся архетипической образности присутствует и откровенно условно-стилизационный момент, связанный с «конскими» реалиями, воспринятыми автором из историко-художественного контекста обозримого прошлого, в том числе связанного и с пушкинским комплексом. Имеем в виду вполне определённую и значимую «конкретику» деталей в описании скачки на «конях привередливых» (нагайка-кнут-плеть, сани, выявляющие зиму в качестве временно́го ориентира, утро, конкретизирующее время изображаемых событий, «последний приют» (могила) как конечный пункт скачки, галоп как дополнительная характеристика её). И, конечно, эта ориентированность поэта второй половины XX века на относительно близкие, хотя и ушедшие реалии проявляет себя и в образе «колокольчика», который «весь зашёлся от рыданий»[2].

Н. Эйдельман отмечал знаковую сущность поддужного колокольчика в жизни и творчестве А.С. Пушкина: «Колокольчик – это дорога, заезжий друг; колокольчик – это страх, предписание. Колокольчик загремит у Михайловского и в ночь с 3 на 4 сентября 1826 года: фельдъегерь, без которого «у нас, грешных, ничего не делается», привозит свободу, с виду похожую на арест. Колокольчик увёз Пушкина в Москву, вернул в Михайловское, затем – в Петербург, Арзрум, Оренбург – и провожал в последнюю дорогу...»[3].

[1] *Кихней Л.Г., Сафарова Т.В.* Цит. соч. С. 361–362.

[2] Благодарю Евгению Михайловну Таборисскую за подсказку данной темы. Отметим, что «рыдающий» колокольчик В.С. Высоцкого тоже может рассматриваться в достаточно широком литературном контексте – от многообразно представленного у С.А. Есенина («Вот опять вдруг зарыдали разливные бубенцы», «На коровьей шее плачет колокольчик», «Плачет смехом бубенец», «Колокольчик хохочет до слёз»), «Бубенцов» К.Д. Бальмонта, которые «И навзрыд-навзвон рыдают... И навзвон-навзрыд хохочут», Л.А. Мея: «Сани развальные – / Дуги расписные... Колокольчик плачет – / За версту маячит» («Песня про боярина Евпатия Коловрата») до П.А. Вяземского («Колокольчик звонко плачет / И хохочет, и визжит»)... Последнее стихотворение («Ещё тройка») опять-таки восходит, как известно, к «Бесам» А.С. Пушкина.

[3] *Эйдельман Н.* Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 344.

В свою очередь, эта «последняя дорога», «путь к последнему приюту» – не только *зимняя*, но и именно *утренняя*, по которой быстро мчатся сани из «Коней привередливых», – как нам представляется, тоже несёт в себе отчётливые и вполне конкретные пушкинские *аллюзии*. Во-первых, вспоминаются строки из «Евгения Онегина», завершающие сцену утренней дуэли:

Дохнула буря, цвет прекрасный
Увял на утренней заре...
(VI, 130)

Зарецкий бережно кладёт
На сани труп оледенелый;
Домой везёт он страшный клад.
Почуя мертвого, храпят
И бьются кони, пеной белой
Стальные мочат удила,
И полетели как стрела.
(VI, 135)

Во вторых, в аллюзорно-ассоциативной связи не может не вспомниться и общеизвестная история похорон самого А.С. Пушкина, гроб с телом которого был спешно отправлен из Петербурга на перекладных с особой подорожной, предусматривающей максимально быструю доставку покойного под жандармским присмотром к его «*последнему приюту*» в *Святогорском монастыре*.

Назвать единый и определённый источник (или источники), из которого (которых) В.С. Высоцкий почерпнул эти сведения, не представляется возможным. Да это и не нужно, поскольку поэту были важны сами исторические факты, связанные с похоронами А.С. Пушкина, а не какое-то конкретное произведение, их приводящее или интерпретирующее. Все эти сведения, например, имеются в широко известной работе В.В. Вересаева «Пушкин в жизни» (глава «Дуэль, смерть и похороны»), где собраны многочисленные (и порой шокирующие) свидетельства современников (привожу выборочно без указания авторства): «...На пути его из столицы в *последний приют*, в Святогорский монастырь»; «В полночь *сани тронулись... Мёртвый мчался к своему последнему жилищу*...»; «За *нами прискакал и гроб* в седьмом часу вечера... Повстречали *тело* на дороге, которое *скакало в монастырь*»; «Три жандарма суетились на почтовом дворе, хлопотали о том, что бы скорее перепрячь курьерских лошадей и *скакать дальше с гробом*. – Что это такое? – спросила моя жена у одного из находившихся здесь крестьян. – А Бог его знает что! Вишь, какой-то Пушкин *убит – и его мчат на почтовых* в рогоже и соломе, прости Господи, как собаку!»[1].

[1] *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни. М., 1984. С. 627–629. Курсив мой. – **А.С.**

Кстати сказать, «тугая плеть», «кнут и плеть»[1], которые появляются в тексте «Коней привередливых» после изначально упомянутой нагайки, вовсе не являются её смысловыми синонимами или аналогами. Может быть, они – атрибуты власти, стремящейся ускорить бег коней к «последнему приюту» поэта?

И не отразилось ли в словах автора «Коней привередливых» – «Что-то воздуху мне мало...» – известное высказывание А.А. Блока о том, что Пушкина *«убило отсутствие воздуха»*[2], *а вовсе не пуля Дантеса*?

Существует ещё один тип реализации пушкинских аллюзий в лирических текстах В.С. Высоцкого. Суть его заключается в том, что аллюзии возникают на основе использования метрической системы стихотворений А.С. Пушкина в сочетании со схожей темой, В.С. Высоцким разрабатываемой. Так, например, песня из «кавказско-альпинистского» кинофильма «Вертикаль» («Здесь вам не равнина...», 1966), по наблюдению А.Е. Крылова, содержит в себе пушкинскую аллюзию: «Весь мир на ладони – ты счастлив и нем...» – «Кавказ подо мною. Один в вышине...» (III-1, 196). А строки из стихотворения «Обвал», обычно публикуемые в сочинениях А.С. Пушкина непосредственно за «Кавказом», могли бы отлично «вписаться» в другую «горную» песню В.С. Высоцкого:

Ну вот, исчезла дрожь в руках,
Теперь – наверх!
Ну вот, сорвался в пропасть страх
Навек, навек...
(1, 203)

И надо мной кричат орлы
И ропщет бор,
И блещут средь волнистой мглы
Вершины гор.
(III-1, 197)

Возвращаясь же к «Коням привередливым», отметим, что подобных отношений *с пушкинскими произведениями здесь нет*. Восьмистопный хорей, доминирующий в этом произведении, – вообще явление весьма редкое в русской поэзии. Редкое, наверное, и потому, что русский восьмистопный хорей, как известно, имеет тенденцию распадения на четырёхстопные пары, звучащие «пе-

[1] Кнут и плеть в качестве «карательных» образов позднее появятся и в другом произведении В.С. Высоцкого («Разбойничья», 1975).

[2] *Блок А.А.* Искусство и революция. М.: Современник. 1979. С. 355.

сенью» и даже «плясово», что в сочетании с содержанием стихотворения может порождать амбивалентный смысл произведения[1].

Именно такую тенденцию отмечал в зрелом пушкинском творчестве М.Л. Гаспаров, говоря о сочетании радостного и грустного в стихотворениях, написанных четырёхстопным хореем: «Линией соприкосновения этих двух струй становятся стихотворения о зиме и дороге (от «Зимнего вечера» и «Зимней дороги» через письмо к Соболевскому и «Дорожные жалобы» до – уже в следующем периоде – «Бесов» и «Похоронной песни Иакинфа Маглановича»). 4-стопным хореем у Пушкина написаны **все** стихотворения о дороге (кроме, разве что, VII главы «Евгения Онегина») и **половина** стихотворений о зиме»[2]. Может быть, и это следует отнести к пушкинской аллюзорности «Коней привередливых», где героя «в санях галопом повлекут по снегу утром»?

Да и «галоп» может пониматься не только как самый быстрый аллюр лошади, но и как название модного в пушкинскую эпоху бального танца (неоднократно А.С. Пушкиным упомянутого), – ведь «пляшущие» кони, как известно, – постоянный мотив в творчестве В.С. Высоцкого...

И, наконец, еще одна пушкинская аллюзия, как нам представляется, присутствует в той строке произведения В.С. Высоцкого, которая и начинает «смертельную» тему: «Сгину я – меня *пушинкой* ураган сметёт с ладони» – в виде анаграммы, в которой легко угадывается фамилия «поэта поэтов» (2, 61; курсив мой. – ***А.С.***), как В.С. Высоцкий назвал А.С. Пушкина.

Понятно, что все вышеперечисленные случаи возникновения «пушкинской» темы внутри произведения В.С. Высоцкого сами по себе не могут рассматриваться как некие художественные доминанты, определяющие форму и содержание всего произведения в целом, однако их сочетание создает подобие той «критической массы» ассоциаций, которая привносит в текст скрытый, но чрезвычайно важный смысловой пласт.

Ведь в конечном итоге лирический субъект «Коней привередливых» соотносит себя с А.С. Пушкиным, что, видимо, могло и должно было тактично и корректно реализоваться только в «латентном» виде, с помощью вышеприведенных аллюзий.

---

[1] Например, такое сочетание четырёхстопного хорея с восьмистопным продемонстрировал К.Д. Бальмонт в своем переводе стихотворения Э. По «Колокола и колокольчики»: «Гулкий колокол рыдает, / Стонет в воздухе немом / И протяжно возвещает о локое гробовом». Несколько иной в формальном плане (и откровенно комический) вариант «распада» восьмистопного хорея наблюдается в «Пародии на плохой детектив» В.С. Высоцкого.

[2] *Гаспаров М.Л.* Семантический ореол пушкинского четырехстопного хорея // Пушкинские чтения: Сб. ст. / Сост. С.Г. Исаков. Таллинн, 1990. С. 8.

Приложение

ОСНОВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ТЕМУ «ВЫСОЦКИЙ И ПУШКИН»

1. Бахмач В.И. Пушкинские мотивы в ранних перепевах Высоцкого // Русская филология: Укр. вестн. Харьков, 1997. С. 4–47.

2. Бахмач В.И. Единственный, или Образ Пушкина в лирике Высоцкого // А.С. Пушкин: Творчество и традиции. Филол. сб. / ЛГПУ. Луганск: Альма-Матер, 1999. С. 76–83.

3. Вечер в Музее Пушкина (22 ноября 1987 г.): [Из выступлений Вл. И. Новикова, А. Митты, М. Швейцера] // Мир Высоцкого. Вып. IV. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2000. С. 325–344.

4. Вицаи П. Пушкин и Высоцкий: Роль историко-литературных знаний при переводе текстов песен Владимира Высоцкого // Вагант. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого. 1996. № 3–4. С. 24–25.

5. Галчева Т. «Телега жизни» А.С. Пушкина и «Кони привередливые» В.С. Высоцкого как два типа поэтического мышления» / Пер. с болг. И. Поляк // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. Вып. I. М.: ГКЦМ В.С. Высоцкого, 1997. С. 292–306.

6. Дыханова Б.С. Шпилевая Г.А. «На фоне Пушкина» // В.С. Высоцкий: исследования и материалы / редкол.: Ю.А. Андреев, Е. Мущенко [и др.]; вступ. ст. Ю.А. Андреева. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. С. 65–74.

7. Зайцев В.А. «Памятник» Высоцкого и традиции русской поэзии. Мир Высоцкого: исслед. и материалы. Вып. III, т. 2 / Ком. по культуре Москвы, Гос. культур. центр-музей В.С. Высоцкого; [сост. А.Е. Крылов, В.Ф. Щербакова; ред. И.И. Роговой, И.А. Соколова; отв. ред. В.Ф. Щербакова; редкол.: Н.А. Богомолов и др.]. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2000. С. 264–272.

8. Кулагин А.В. «Онегинская» запись В.С. Высоцкого // Ars interpretandi: Сб. ст. к 75-летию проф. Ю.Н. Чумакова. Новосибирск: НГУ, 1997. С. 90–98.

9. Кулагин А.В. «Пиковая дама» в творческом восприятии В.С. Высоцкого // Болдинские чтения. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1999. С. 82–91.

10. Кулагин А.В. «Пушкинское» стихотворение Высоцкого: («Люблю тебя сейчас...») // Пушкин и современная культура. М.: Наука, 1996. С. 207–213.

11. Кулагин А.В. «Таков прямой поэт...»: [Пушкин и Высоцкий] // Вагант-Москва. М.: Кн. магазин «Москва», 1998. № 4–6. С. 1 –7.

12. Кулагин А.В. Бесы и Моцарт: Пушкинские мотивы в поздней лирике В. Высоцкого // Лит. обозрение. 1993. № 3/4. С. 22–25.

13. Кулагин А.В. Высоцкий и Пушкин: типологический аспект проблемы // Классическое наследие: методология исследования. Тез. докл. межреспублик. конф. 26–30 мая 1992 г. Минск: БГУ, 1992. С. 24–25.

14. Кулагин А.В. К традиции «Песен западных славян»: «Черногорские мотивы» В. Высоцкого // Болдинские чтения [2005]. Н. Новгород: Вектор ТиС, 2006. С. 154–169.

15. Кулагин А.В. Как перед вечною загадкою... : «Пушкинская» песня Высоцкого. {«Купола»] // Независимая газ. 1993. 24 июля.

16. Кулагин А.В. Об одном пушкинском подтексте [в наброске Высоцкого «Я юркнул с головой под покрывало...»] // Мир Высоцкого: Вып. IV. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 1999. С. 290-296.

17. Кулагин А.В. Пушкин и Высоцкий: К типологии твор. биогр. // Пушкин и русская культура: Докл. на междунар. конф. в Новгороде (26–29 мая 1996 года). СПб.: Ин-т рус. лит. РАН; Новгород: НГУ. 1996. С. 38–40.

18. Кулагин А.В. «Лукоморья больше нет...»: («Антисказка» Владимира Высоцкого) // Литература и фольклорная традиция: Сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 1997. С. 113–122.

19. Леготина Н.А. Высоцкий и Пушкин: от иронии и юмора – к вечным проблемам // Пушкин в меняющемся мире: Сб. материалов регион. науч.-практ. конф. Курган: Изд-во КГУ, 1999. С. 95–99.

20. Прокофьева А.В. Композиционные функции крылатых единиц А.С. Пушкина в поэтических произведениях В. Высоцкого: (К проблеме внутритекстовых связей) // Пушкин: Альм. Вып. 2. – Магнитогорск: МаГУ, 2000. С. 68–72.

21. Пяткин С.Н. «Кони снова понеслися...» О возможном мифомотиве в «Бесах» А.С. Пушкина // Пушкин на пороге XXI века: провинциальный контекст. Вып. 7. Арзамас: АГПИ, 2005. С. 163–178.

22. Сафарова Т.В. «Неужели такой я вам нужен после смерти?!»: (Тема посмертного истолкования поэта в «Памятниках» Пушкина, Цветаевой и Высоцкого) // А.С. Пушкин: эпоха, культура, творчество: Традиции и современность. Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 200-лет. годовщине со дня рожд. поэта. Ч. I. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. С. 171–177.

23. Свиридов С. Высоцкий и Пушкин: по пути травестии // Внимая звуку струн твоих: Сб. ст. Калининград: РФК, 1996. Вып. 3. С. 14–19.

24. Свиридов С. На фоне Пушкина... // Университет. Калининград: КГУ. 1994. 27 июня.

25. Фомина О.А. Стих Высоцкого в контексте пушкинской традиции // Тезисы Второго Международного конгресса студентов, молодых учёных и специалистов «Молодёжь и наука – третье тысячелетие» / YSTM'02. – Ч. 2. М.: Актуал. проблемы фундамент. наук. 2002. С. 85–86.

26. Шатин Ю.В. Exegi monumentum... // Шатин Ю.В. Поговорим о Высоцком. М. 1994. С. 26–31. (Вагант: Прилож.; Вып. № 47–48).

Нина Телетова

К СИБИРСКИМ ГОДАМ А.П. ГАННИБАЛА (1727–1730) (по новым материалам)

О прадеде Пушкина Абраме Ганнибале, в юности называвшемся Абрамом Петровым, с начала XIX века и далее, до наших дней, написано удивительное количество и серьёзных, и развлекательных работ. Так, в 1996 году выходит статья, суммирующая известные на тот момент факты о прадеде поэта[1]. Но дело этим не кончается, так как возникают новые, порой почти детективные эпизоды биографии этого и романтического, и экзотического уроженца далеких африканских земель. Сведения эти неведомо когда и как смогут найти своё разъяснение. Назовём лишь некоторые: брат Абрама Абдула, вероятно, стал в России Алексеем. Но известный по двум источникам Алексей Петров является ли братом Абрама? И куда он исчезает после 1716 года? Где воспитывалась дочь первой жены Абрама Евдокии? По одним данным, Абрам не желал её видеть, а по другим – она росла с другими детьми Ганнибалов, став, таким образом, приёмной дочерью Христины Матвеевны, стало быть, и Абрама. И так далее.

Четыре биографии Абрама Петровича, полные или частичные, написаны им самим или родственниками. Это прошение Ганнибала Елизавете Петровне 1742 года. Это воспоминания его сына Петра. Это полная его биография, написанная зятем Адамом Роткирхом, – так называемая «Немецкая биография». И, наконец, «Русская биография», созданная в 1860-е годы внуком Адама Роткирха Владимиром Ивановичем. Две последние из названных рассказывают о сибирских годах (1727–1730), когда Ганнибал, тогда ещё Петров, формально продолжал военную службу, но реально оказался просто удалённым из столицы.

Примечательно, что если Роткирхи – дед Адам и внук его Владимир – подробно, хотя иногда неверно, рассказывают о мытарствах Абрама в Сибири, то сам он, как и сын его Пётр, опускают эти унизительные моменты, вычёркивая всякие упоминания об этих годах. Так, в прошении к императрице Елизавете, обласканный ею и возведённый из подполковников сразу в генерал-майоры, Ганнибал не хочет сохранить в исторической, да и в личной памяти факт своих бедствий пятнадцатилетней давности: «По кончине Его И. В. и Великой госу-

[1] *Телетова Н.К.* А.П. Ганнибал (К 300-летию) // Russian studies. СПб., 1996. Vol. 2, № 3. Переиздание в США по-английски в сборнике Under the sky of My Africa. Illinois, 2006. P. 46–78.

дарыни императрицы Екатерины Алексеевны и государя императора Петра Второго с 730 года служил в Инженерном корпусе капитаном»[1] – и всё. Сын его в той же традиции умолчания пишет об отце, что после смерти Петра I «пребывание как и прежде, его при дворе не отменено. В 1730-м году по указу бывшего верховного совету тайного определён в Тобольский гарнизон майором и того же году сентября 25-го дня по именному Ея И. В. Указу переведён в инженерный корпус капитаном»[2].

Пушкин получает материалы о прадеде из «Немецкой биографии», а также из отрывочных сведений разного происхождения, вступая заранее в рассуждения о сибирских годах «африканца». Подлинная картина жизни Ганнибала в дальних пределах остается малоизвестной настолько, что другом назван враг, а врагом вполне нейтральное лицо.

Началу этого тревожного периода биографии Абрама связано с исторически важными для России решениями – следовало обратить внимание на уточнение границ с юго-востока, а выстроенные остроги, деревянные, уже ветхие малые крепостцы близ границ Цинской империи, то есть Китая, нуждались в перестройке.

Ещё Пётр I, приглядываясь к своим «птенцам», со всей определенностью остановился на личности ловкого и удачливого иллирийского графа Саввы Лукича Владиславича-Рагузинского[3], который, как никто другой, мог выполнить трудную миссию посланника в Китай. С ответственными, часто тайными поручениями он бывал уже и в Константинополе, откуда в Москву некогда был им отправлен Абрам Петров, и в Париже. Сам Рагузинский утверждал в конце жизни, что ему поручались шестнадцать посольств, а в Китай было семнадцатое, и он всегда добивался своего.

Через несколько месяцев после смерти Петра императрица Екатерина I, продолжая дело супруга, отправляет Рагузинского в Пекин. Пришло время самого дальнего и сложного посольства в столицу Китая, до которой от Петербурга было одиннадцать тысяч вёрст. 18 июня 1725 года Правительствующий Сенат объявил Рагузинскому, «что Ея Величество государыня императрица указала отправить ево к китайскому двору чрезвычайным посланником и полномочным министром и чтоб отправлением во оный путь поспешал, дабы ему поспеть водяным путем к Соли Камской»[4]. Сборы, назначение комиссаров и кондукторов, многие другие заботы заняли у Владиславича около полугода.

15 ноября 1725 года он сообщает императрице, что 23 октября прибыл в

[1] *Телетова Н.К.* Жизнь Ганнибала – прадеда Пушкина. СПб., 2004. С. 251.

[2] Там же. С. 259.

[3] Впредь будем пользоваться всеми частями его имени и фамилии.

[4] Русско-китайские отношения в XVIII веке. Т. 2. 1725–1727. М., 1990. С. 33. Далее здесь ссылка на это издание даётся в тексте с указанием тома и страницы арабскими цифрами.

Москву и «всё исполнил порядочно и иного не ожидаю, кроме первого зимнего пути, и как скоро установитца, буду путь восприять и трактовать с наивящим поспешением до Сибири и оттуду до границы, и до Китай» (2, 229). 25 декабря 1725 года Рагузинский объясняет, почему всё ещё находится в Москве – «замедлил до сего числа и то воистинну не по моей охоте, ибо я давно готов, токмо за неустановлением рек, которые и поныне не очень крепки, и хотел прежде себе выслать определенных для разграничения комиссаров». Он называет их. Это полковник Иван Дмитриевич Бухолц, Степан Андреевич Колычев, Лоренц Ланг, «которые на сей же неделе отъезжают... Как скоро прибуду в Тобольск, то по моей рабской должности донесть не оставлю, также и когда прибуду на границу» (2, 249).

Савва прибыл в столицу Сибири Тобольск 24 января 1726 года, а дальше, в Томск, отправился 12 февраля 1726 года. С этого времени появляется новый адресат – губернатор Тобольска князь Михаил Владимирович Долгоруков, находившийся там до середины 1728 года. Ничто пока не указывало, что к этому дальнему маршруту будет привлечён Абрам Петров, будущий Ганнибал. Чем далее ехал Рагузинский, тем менее было сведений об этих почти неведомых землях. Ехал он через Нижний Новгород, Вятку, Верхотурье, не заезжая в Казань.

5 апреля 1726 года Савва Лукич добрался до Иркутска. С дороги он пишет Витусу Берингу на Камчатку 30 марта 1726 года, спрашивая, нет ли у него карты Сибири. Запрашивает карту и М.В. Долгоруков (1 июня 1726 года), сообщая, что «агент Ланг послал, в которой (карте. – *Н.Т.*) кроме реки Аргуни, ничего иное к нужнейшему делу разграничения не означено» (2, 348).

Комиссар Ланг, посетив одну из крепостей в Забайкалье, сообщает, что комиссар Бейтон мало что знает о вверенном ему Селенгинске, за что Рагузинский укоряет Ивана Бейтона, отправляющего из вверенной ему крепости и слободы пустые отписки: «не зазорно и самому потрудиться и верное описание сочинить, не спрашивая бездельников и дураков, которые сказывают, что они по лесам ходили и промышляли, а чей лес не знают» (2, 327).

Собственно, с Селенгинска и его плохого состояния и пошла речь о необходимости обновить, а может быть, наново отстроить пограничные крепости. Указ Верховного Тайного совета «Об исправлении в сибирских пограничных городах ветхих крепостей» состоялся 14 ноября 1726 года (2, 603). Стало понятно, что стране понадобятся инженеры и пора обеспокоиться своей судьбой Абраму Петрову. 23 ноября 1726 года он преподносит государыне два тома своих трудов «Геометрия» и «Фортификация», названия которых выведены латинскими буквами, хотя и русские нетвёрдо были известны Екатерине I.

Над созданием солидных томов Абрам и какой-то писарь трудились, вероятно, с того момента, когда на восток отправился с многочисленной свитой Владиславич и появилась опасность оказаться в глухих дальних краях. В посвящении к томам Петров сообщает, что государь «при полках указал быть школам

для обучения некоторой части инженерства» и он руководит ныне этим обучением «инженерства»[1].

Подарок позволил ему до 6 мая 1727 года, дня смерти императрицы, находиться в столице, хотя её воля в значительной мере подчинена была Меншикову, ненавидевшему «учёного арапа». Уже 8 мая 1727-го, под благовидным предлогом озабоченности сибирскими делами, укреплением крепостей, Меншиков отправляет Абрама в Казань, а там уже будет распоряжение отослать его далее на восток. Надо полагать, что Меншикова мало интересовало, где были нужны инженеры.

Однако посмотрим, как развиваются события на востоке, откуда Рагузинский, двигаясь всё дальше, шлёт свои сообщения. Разослав комиссаров по крепостям, Рагузинский добирается до крайней на востоке, в Забайкалье, точки своего маршрута – Селенгинска. Отсюда путь в Китай лежит на юг. В Селенгинск он прибывает 2 августа 1726 года и находится там до 18 числа. 31 августа 1726-го с речки Буры (пограничное место в 80 километрах на юг) Савва пишет очень длинное послание в Коллегию иностранных дел, описывая встреченное по пути, и особенно останавливается на Селенгинске: «Во всей Сибири ни единого крепкого города, ни крепости не обретается, наипаче на границе по сю сторону моря Байкальского, который городом называется Селенгинск, воистинну ни город, ни село, деревнишка, понеже во оном токмо 250 дворишков всего жилья и две церкви деревянных. И строен на месте ни к чему годном и ко всяком набегом опасном, ничем не огорожен... Ежели, чего не дай Боже, неприятельские набеги будут, то в 2 часа все сожгут... Притом же и на низком месте при реке Селенге, которая повсегодно своим разливанием, как и в моей бытности, несколько дворов разнесла». Далее Владиславич описывает достоинства другого места, которое он осмотрел, и полагает, что «фортецу» и слободу следует перенести на другой берег реки, где есть гора, которая «высока, камениста и песочна» и тогда «может быть фортеца непобедимая». Он уверяет, что «ни в чём нет для строения нужды, кроме доброго одного инженера, который бы мог коммандовать не токмо укреплению места, но и чертёж учинить улицам, строению дворов, магазейнов, амбаров и протчего, что к такой крепости для красоты, покою и безопасности принадлежит» (2, 392–393).

Помимо двух писем в Коллегию, он пишет и князю М.В. Долгорукову в Тобольск, убеждая, что следует «для такого строения иметь доброго инженера» (2, 403). Далее Рагузинский со свитой в 120 человек и некоторыми комиссарами пересекает границу и направляется в Пекин. Долгорукий тем временем отправляет в Петербург копию с проекта Рагузинского о переносе крепости. Двойная атака действует: 14 декабря 1726 года Коллегия отвечает Тобольскому губернатору: «Крепость Селенгинскую строить вновь на приисканном от графа Рагузинского месте... И для строения оной отправить туда из Военной коллегии немедленно инженера и артиллерийского офицера» (2, 471).

[1] *Телетова Н.К.* Забытые родственные связи А.С. Пушкина. СПб., 2007. С. 178.

Через несколько дней, 19 декабря 1726 года, Сенат называет троих артиллерийских офицеров, которые через Тобольск должны быть отправлены «в пограничные городы». Но инженер пока не сыскан, и вакансия остаётся.

Владиславич выехал в Пекин с реки Буры 21 октября 1726-го и пребывал в китайской столице до 23 апреля 1727-го, а назад до русского посольского лагеря на реке Буре добрался со свитой 14 июня 1727 года (2, 605). 28 сентября 1727 года уже из Селенгинска Савва пишет длинную «реляцию» в Коллегию иностранных дел и, дойдя до темы крепости в Селенгинске, замечает, что в грамоте Ея Величества «упомянуто, что для оного строения отпущен сюды инженер и артиллерийский офицер... а определения никакого и поныне не получено». Далее снова он твердит: «А ежели б добрый один инженер был, то б с полком полковника Бухолца со вспоможением здешних служивых людей, прибавив нескольких каторжных, можно было бы оную крепость построить скоро»[1].

В это время Рагузинский не знает ещё, что к Селенгинску уже движется посланный из Петербурга Абрам Петров и что 6 мая 1727 года скончалась императрица. Рагузинский пишет ей 28 сентября 1727 года: «Ежели повелите оную фортецу строить, то было б полезно высокому интересу с сим куриером на возвращении послать доброго инженера на почте, дабы я мог прежде моего отсюды отбытия и в том учинить порядочное определение» (3, 121). 27 сентября и полковник И.Д. Бухолц пишет в столицу, что Селенгинск не готов для работ, хотя и повторяет в императивной форме об инженере: «на оном показанном месте сего года крепости начать за другими многими делами не успели и ко оному строению никаких вещей в приготовлении до прибытия нашего не было... токмо без инженера такую крепость делать невозможно» (3, 111).

И императрица, и Тайный совет, в котором членом состоит Меншиков, хорошо знают, что для возведения крепостей близ границы нужен инженер. Меншиков, отсылающий на восток Петрова, пользуется видимостью государственной нужды, но только злоба и желание навредить Арапу двигали его поступком, тем более что выученик Вобана и Белидора достоин работы более высокого класса, чем крепостцы в дальних восточных землях. 8 мая 1727 года, в день отпевания и погребения Екатерины I, Меншиков находит время, чтобы от имени Военной коллегии немедленно отправить поручика Абрама Петрова в Казань, чтобы «тамошнюю крепость осмотреть и составить план и проект».

Так в сибирскую жизнь включается, не на радость себе, Абрам Петров. Неизвестно число, когда он выехал из Петербурга по приказу Меншикова, но вычисляем это при помощи дат последующих. Очевидно, что поручик Преображенского полка, без всякого на то оформления, уезжает на следующий день или через день после похорон императрицы по получении приказа числа 10–12 мая 1727 года. Уже 5 июня он прибывает в Казань и до 30 июня ждёт дальнейших распоря-

[1] Русско-китайские отношения в XVIII в. Т. 3. 1727–1729. М., 2006. С. 120. Далее ссылка на это издание даётся в тексте с указанием тома и страницы арабскими цифрами.

жений. Приходит второй приказ Меншикова из Петергофа от 28 мая и будто бы Петра II, двенадцатилетнего императора: «Его И. В. указал ехать тебе в Тобольск, и по инструкции губернатора кн. Долгорукова построить крепость».

Петров уезжает из Казани в Тобольск 30 июня и ровно через месяц, 30 июля, прибывает туда. Уже 3 августа он отправляется дальше.

Боясь власти Меншикова, князь М.В. Долгоруков 3 августа 1727 года сообщает Рагузинскому о приехавшем в Тобольск накануне А. Петрове и в тон Меншикову презрительно оценивает его, сообщая, что позаботился «о присмотре за ним, поручиком Петровым, накрепко, чтоб за границу не ушёл... А вышеписанного чертежа о строении крепости не прислано» (3, 82). Далее он пишет Владиславичу, что, исходя из требований Меншикова в письме его от 28 мая 1727 года, полученном в Тобольске 28 июня, он отправляет Петрова в Селенгинск, то есть в место пребывания Саввы, и дает Петрову «ис Тобольской губернской канцелярии инструкцию и при нём для охранения посланы ис Тобольского гарнизона солдат четыре человека» (3, 81–82). Уже 3 августа 1727 года Абрам отправляется из Тобольска дальше; он прибывает в Томск 25 октября 1727-го, а в Иркутск – в декабре. До Селенгинска он добирается, по-видимому, в январе или феврале 1728 года.

Вернувшийся из Китая Рагузинский с 14 июня 1727 года живёт на реке Буре, у границы, где 20 августа заключает важный Буринский договор. Он пишет Берингу на Камчатку 2 августа: «пограничное дело зело трудно и продолжительно, для чего я принуждён буду зимовать в Селенгинску» (3, 79). Оставаясь в Забайкалье, Рагузинский 21 октября 1727 года заключает и Кяхтинский трактат, отстаивая для России земли по реке Уди, чуть было не причисленные цинскими переговорщиками к их владениям. Только 14 июня 1728 года были ратифицированы все русско-китайские договоры так, как требовал Рагузинский.

Из-за трудности дорог и дальности с конца 1727-го и до весны 1728-го связь с Петербургом почти прерывается. Прибывший Петров встречается с Рагузинским – его знакомым с детских лет – в начале 1728 года в Селенгинске. Вполне возможно, что встреча и общение могли быть тёплыми до тех пор, пока дело не касалось службы и инженерных, профессиональных знаний и умений Абрама, а с другой стороны – тиранического самодовольства искусного политика, но доморощенного фортификатора. Через голову Абрама Савва хочет добиться реализации своего замысла: перенести городок и крепость Селенгинскую, основанную в 1666 году, на другую сторону реки, а старый город уничтожить.

Рагузинский много раз защищал в письмах свой план, и к весне 1728-го Сенат стал проявлять некоторую активность. 27 марта 1728 года в «Приговоре Сената» говорится: «велено Селенгинскую крепость строить вновь на приисканном от помянутого графа Владиславича месте... инженер с кондукторами уже отправлен» (3, 226). Речь здесь идёт об инженере Семёне Боборыкине и нескольких офицерах (3, 482). Само существование Петрова, который не получает жалованья, не учитывается, чем далее воспользуется Савва.

22 апреля 1728 года Рагузинский направляет в Коллегию иностранных дел из Селенгинска реляцию, в которой впервые речь пойдёт о приехавшем месяц или два назад Абраме Петрове. Адресуя своё послание собственно Петру II, сообщая, что «утверждено и огорожено близ четырёх тысяч вёрст с великим авантажем» (то есть прибылью. – *Н.Т.*; 3, 231), Рагузинский замечает, что привезёт государю собственный «чертёж строению моего мнения» – будущей крепости Селенгинск (3, 239). Далее он заводит речь об А. Петрове, который подал ему 5 апреля 1728 года челобитную: «Лейб-гвардии от бомбандер поручик Аврам Петров послан в Тобольск по партикулярному письму князя Меншикова, а оттуда от сибирского губернатора в Селенгинск будто за строением фортеции, а более, чаю, в ссылку, ибо никакою порядочною экспедициею не определён, а писано, что определится впредь. А он, Аврам, жил здесь в десперации и подал челобитную, что он послан по ненависти князя Меншикова, которого партикулярных писем слушать не велено, притом же письменно декларировал, что он в строении фортеции практики не имеет, и прочие околичности изъяснил по оном своём челобитье... Я, видя, что фортецы иные строить время не допускает, и не зная, что с ним, Аврамом, делать, принял смелость ево и паки к сибирскому губернатору в Тобольск отпустить, дабы он с ним поступил, как Вашего Императорского Величества указ повелевает... по которому б или в Тобольском ево задержал, или б паки сюда отпустил с награждением (жалованьем. – *Н.Т.*), в чём ему нужда... об оном Абраме... в присланных ко мне грамотах нигде не упомянуто и точного указу о строении фортецы ниоткуды не имеется» (3, 241–241). Из этой реляции понятно, что Абрам был отправлен обратно в Тобольск и произошло это между 5 и 22 апреля 1728 года. Ехал он, вероятно, с надеждой на освобождение и спешил, сколько мог. Рагузинский между февралём и апрелем 1728 года, без сомнения, возил молодого инженера Петрова на облюбованное им место, где, по воле главного начальника Сибири, следовало строить новый город. Петров ещё был в дороге, когда Савва всё решил за него и 28 сентября 1727 года писал: «О строении крепости близ старого Селенгинска, на месте от меня приисканном, и ныне доношу, что такой асинуации во всей Эуропе трудно сыскать» (3, 120).

Судя по дальнейшему, Петров обнаружил, что перевод городка на другую сторону реки невозможен, ибо крепость и слобода должны расположиться на почве, состоящей из каменных скал. Абрам сказал об этом Рагузинскому, который и слышать не хотел о доводах инженера. Он понял, что Петров ни на какие уступки не пойдёт и строить на камне не станет. Позже Абрам в письме к Петру II от 31 августа 1729 года объясняет свой отказ заниматься этим строительством: «Оное великое дело требует весьма человека искусного» и сообщает, что его отправляли «к строению оной Селенгинской крепости, к... уже приисканному месту. От него, графа Владиславича, сочинён план и послан в Верховный тайный совет, [но] на оном месте строению никакому быть невозможно»[1].

В апреле 1728-го, ещё до сильного охлаждения отношений с Абрамом,

[1] *Вегнер М.* Предки Пушкина. М., 1937. С. 65.

Савва, по-видимому, подсылал одного из комиссаров Лоренца Ланга с сукном и деньгами в подарок упрямому Петрову (о чём последний расскажет позже в Петербурге), чтобы тот ему, Рагузинскому, подчинился. Не тут-то было! На 32-м году жизни, усталый, но не сломленный Петров уперся и даров не принял. На письмо Рагузинского, сообщавшего об отсылке Петрова обратно в Тобольск, ответа из центра не было, или ныне он неизвестен. Абрам уезжает, видимо, ещё по зимней дороге, в середине апреля 1728 года. В Тобольск он прибывает в июле – очень скоро, ибо, повторим, спешит, надеясь на освобождение. Однако 17 июля 1728-го велено его «из Тобольска возвратить обратно по-прежнему к строению пограничной Селенгинской крепости» (3, 374).

Понимая весь абсурд происходящего, Абрам не желает торопиться, покидая сибирскую столицу 25 августа 1728 года. Он едет в отчаянии, «десперация» его усиливается. Он знает, что Савва, закончив все дела, будет возвращаться в Петербург, но ему, Петрову, он ехать с своей свитой на запад не предложил, а отослал, нимало не заботясь о его душевном состоянии, снова в Тобольск. Абрам понимал, что Рагузинский отослал его за неподчинение да и то, что свидетельства честного человека о самодурстве власть имущего не желательны. Повторялась ситуация с Меншиковым. Ехал Абрам на этот раз более полугода. Не в первый раз в прошениях он просит заплатить ему жалованье.

* * *

Рагузинский отправился на запад – вниз по реке Селенге, затем через Байкал. Первое письмо его в столицу из Иркутска датировано 14 июля 1728 года. Он сообщает, что в Иркутск прибыл 9 числа и назавтра уезжает в Енисейск, откуда государю пишет 6 августа 1728-го: «летним водяным путем до Тобольска дойти могу, а зимним до весны к Москве или в Санкт-Петербурх» (3, 264).

В сентябре 1728-го Савва достигает Тобольска и 26 сентября пишет, что «здесь ожидаю токмо зимнего пути», чтобы ехать в Москву, и сообщает, что в августе 1728-го (это было 9-го числа) встретился ему на реке Кети «инженер-прапорщик Бабарыкин с указом и чертежом о строении в Селенгинске фортецы», но «чертёж сочинён без осмотрения... чего ради дерзнул я дать ему, Бабарыкину, за своею рукою инструкцию» (3, 270). Как и в общении с Ганнибалом-Петровым, Савва не удержался от вмешательства в чужие дела.

Рагузинский не только наставляет при встрече Бабарыкина (правильно – Боборыкина), но и отсылает ему инструкцию – 16 августа 1728 года. Река Кеть, где они встретились, впадает в реку Обь несколько севернее Томска. Крепость у её истока названа тогда же дряхлой. Встреча Владиславича, плывущего на запад, и Боборыкина, добирающегося в Забайкалье, знаменательна. Станции – ямы – были единственными местами обитания, миновать их было нельзя, кругом простирались дикие леса, болота и горы.

20 ноября 1728 года в ответ на письмо Саввы от 26 сентября от имени Петра II его просят: «привезёте ещё с собою опись ситуации и чертежи строе-

ния *своему мнению* (курсив мой. – *Н.Т.*)» (3, 275). Из Вятки 6 декабря этого же года Рагузинский пишет, что Боборыкин, вероятно, ещё не доехал до границы, то есть Селенгинска, но у него, Рагузинского, уже имеются «чертежи мнения инженера, который при мне обретается и отчасти инженерное дело знает» (3, 278). Фамилию его он пока не называет. Между тем имя этого первого составителя чертежа нового Селенгинска известно: это Христофор-Якоб Шварц, трубач Семёновского полка, отправленный с ещё тремя музыкантами в 1725–26 годах в Сибирь, очевидно, увеселять русское посольство и цинских гостей. Кроме труб в наборе инструментов были и валторны, и «скрипицы» (2, 113).

Шварц в 1728 году составил две карты, одна из которых «Plan du district de Selenginsk» – «План Селенгинского уезда» (3, 456). Однако план местности не может подменить чертежа крепости. Еще в 1726-м этот трубач по приказу Рагузинского обследовал реки и места, пригодные для строения «фортеции» в Забайкалье, и плыл «по рекам... до Амура и Амуром вверх до Аргуни» (2, 560). Вспомним слова Пушкина: «Меньщиков под благовидным предлогом сослал Африканца на берега Амура» (XII, 436). Что знал поэт об этих первых исследованиях Приамурья? Сказать невозможно.

Отправляя своё мнение о необходимости переноса Селенгинска, Рагузинский опирался на работу Шварца, человека подневольного, и продолжал стоять на своём. В 1729 году, покинув Сибирь, он писал: «Понеже я инженерному делу не учился, велел план и чертёж сочинить бывшему при моей свите музыканту лейб-гвардии Христофору Шварцу, который при швецких и дацких войсках в инженерном деле служил и сказывает, что такому делу из младенчества обучался» (2, 560). Встреча Саввы с Боборыкиным на реке Кети и Инструкция, данная инженеру графом, говорит о том, что имя Абрама Петрова поминалось в их разговорах и посол выразил своё неудовольствие в связи с упрямством и независимым нравом во второй раз отосланного в Селенгинск Абрама.

Однако особую ярость Владиславича вызвало своеобразное событие, дату которого можно установить – 2 сентября 1728 года. У Самаровского Яму, там, где Иртыш впадает в Обь, уже в ареале Тобольска, в пятистах верстах от него, плыли навстречу одна другой «лотки» – одна из Иртыша в Обь, и в ней был Абрам, а другая из Оби в Иртыш – и в ней был Савва. Абрам не нашёл нужным приметить графа, разведавшего, кто ему повстречался. Неудовольствие, и до того бывшее, сменилось злобой, которую граф и выразил сначала в письме к Боборыкину из Тобольска (вероятно, в Селенгинск) 9 ноября 1728 года, а затем между 8 и 15 октября 1729-го, почти год спустя, в своем «Мнении», адресованном уже в Коллегию иностранных дел, вероятно из Москвы. Гнев привыкшего к угодливости подчинённых, почти что владыки Сибири, понятен. Понятно и то, что по воле Саввы Абрам, добравшийся из Селенгинска в Тобольск, отослан назад – и более шести тысяч вёрст предстоит ему покрыть снова, – причём ни жалованья, ни чертежей, ни каких-либо поручений у него нет. Бесцельное и очень тяжёлое путешествие он уже не торопится завершить – этот путь длится с

25 августа 1728-го до 12 марта 1729 года, вперёд – от Селенгинска до Тобольска – он ехал с середины апреля до июля 1728-го, три месяца...

Видимо, Рагузинский задумывает мстить непочтительному арапу не спеша. В помянутом уже письме к Боборыкину от 9 ноября сделаны первые попытки унизить поручика, которого, отлично зная его чин, Рагузинский именует подпоручиком. Повторяя называние Абрама «господином», граф пытается поиздеваться над безродным, от него зависимым Петровым. Будто вовсе не осведомлённый о нём, Рагузинский пишет Боборыкину: «Словесно слышу, что он указом послан в Селенгинск при том же зело удивляюся, что он, господин Петров, в моём путешествии ко мне не явился и проехал без ведома в лотке, которая со мною встретилася близ Самарова Яму... И ежели он при границах, прошу ему моё поздравление отдать и сие письмо и намерение ему прочесть, по которому каждому по своей верности исполнять надлежит для лучшего интересу Его Императорского Величества» (3, 343).

Надо полагать, что, отмеряя тысячи вёрст без всякого смысла, ссыльный Петров не имел основания радоваться встрече. По-видимому, с необходимостью возврата в опостылевший Селенгинск Владиславич «поздравляет» его через Боборыкина, туда едущего.

Из Селенгинска 18 апреля 1729 года Абрам в кратком и выразительном Доношении снова пишет: «будучи у дел Его И. В., без жалования не умереть бы голодною смертью» (3, 375). Почти эти же слова написаны были ещё в феврале, но ответа не было. Жестокость М.В. Долгорукова, отсылавшего Абрама снова в Забайкалье, как полагали исследователи, объяснялась происками Долгоруких.

Однако изучение исторических документов говорит о другом враге – Владиславиче. В октябре 1729-го этот граф направляет в Коллегию иностранных дел так называемое «Мнение». Зная, как точно в Москве исполняют его требования и советы, в пункте третьем он пишет: «Поручика Абрама Петрова перевесть с границы на другое место, понеже человек злаго состояния и на границе от него никакого добра произойти не может, а именно послать его к капитану Берингу для осмотрения камчатских берегов и снесения чертежа, где удобно было б фортецу построить. Жалование определить ему из губернии или по рангу, или 10 рублёв на месяц, чем может пропитаться» (3, 386).

По рангу поручику Петрову полагалось 25 рублей в месяц, плюс деньги на двух денщиков, кроме того, фураж для лошадей. Но законность мало интересовала сибирского владыку.

* * *

В Москву Владиславич прибыл 18 декабря 1728 года, а под Новый год – в Петербург.

В это время Боборыкин находится уже в Селенгинске, а Петров прибудет туда в марте. О судьбе инженерного прапорщика далее ничего не известно. Что касается Абрама, то, несомненно, своё мнение о плане возведения нового

Селенгинска он излагает малоопытному Боборыкину, везущему из Петербурга чертежи инженера-француза Деколона. С мнением Абрама Боборыкин, видимо, соглашается, и более фантазии Рагузинского уже не действуют. 31 августа 1729 года Абрам отсылает Петру II объяснительную Челобитную, весьма обстоятельную. Судя по ней, он соглашается служить в Селенгинске: «ежели оное строение по указу В. И. В. повелено будет мне делать, чтоб повелено было кондукторам быть с оным, а ежели же оное строение указом В. И. В. отрешено будет, дабы повелено мне ехать в полк или до Тобольска, вплоть до указа В. И. В.»[1]. Однако ни обратно в полк (Преображенский), откуда он был без всякого объяснения отправлен в Сибирь, ни к селенгинским делам его не собирались отсылать. Весьма расположенный к Савве Рагузинскому Пётр II выполняет совет, и даже с залишком: вместо Камчатки Абрама решают арестовать и отправить в Томскую тюрьму. Государь, которому было 13 лет, весьма довольный занятными подарками из Цинской империи, не задумываясь подписывает указ 22 декабря 1729 года, сочинённый Владиславичем или членами Тайного совета. Губернатор Тобольска должен «искусного человека отправить тайным образом... где ныне обретается поручик Абрам Петров», у которого следует отобрать все письма и бумаги, которые «посланному туда офицеру привесть в Тобольск и оттуду оные, не осматривая, прислать, запечатав, в Москву, в Верховный Тайный Совет»[2]. Рагузинский, как видим, не ограничился злорадством, а свёл дело к политической измене – «чтобы не ушёл за границу», – и все кончилось бы, вероятно, гибелью безвестного арестанта, если бы не то обстоятельство, что простудившийся государь скончался 19 января 1730 года. Пришедшая к власти Анна Иоанновна помнила «арапа Петра Великого» с его детства и по совету Миниха, знавшего, что России очень нужны инженеры, уже 25 февраля 1730 года подписала указ, которым приостановлено было действие указа предыдущего. И снова следует констатировать, что Долгорукие не только не участвовали в травле бедного Абрама, а сами, замешанные в дело о кондициях, попали в жестокую опалу.

Февральский указ был нейтральным: тюрьма отменялась, но служба определена была в Тобольске, поближе к центральной России. Ранг повышался соответственно переводу из гвардии в армию в чин майора. Но надежда на возврат в Преображенский полк и Петербург не была реализована.

Неизвестно, успел ли офицер из Тобольска доехать до Селенгинска и арестовать Петрова – от указа 22 февраля 1729 года до смерти Петра II прошло менее месяца, и, скорее всего, не только до Селенгинска, но и до Тобольска указ этот ещё не дошёл, как стали меняться обстоятельства. Однако имущество и книги Абрама в Петербурге уже были осмотрены и арестованы. Книги эти, уже с фамилией Ганнибал, он сумел позже вернуть себе. Новый указ, от 25 февраля 1730 года, краток и несёт следы поспешности: «От бомбардир поручику

[1] *Вегнер М.* Предки Пушкина. С. 66.

[2] Письма Ганнибала. СПб., 1904. С. 10–11.

Аврааму Петрову быть в Тобольском гарнизоне майором, и для того, буде он по посланному декабря 23 дня прошлого 1729 года указу послан в Томск за караулом, оттуда его возвратить и из-за караула освободить... И буде которые письма у него отобраны, те ему возвратить»[1]. Из Тобольска 18 марта за подписью вице-губернатора Ивана Болтина сообщается, что февральский указ там получен 13 марта и навстречу едущим из Селенгинска в Томск послан 14 марта «нарочно-посланный солдат». Где радостная весть застала Абрама, неизвестно, но надо полагать, что неподалеку от Селенгинска. За оставшимся имуществом Абрам не возвращался, а, доехав до Тобольска, вскоре выяснил, что Василий Лукич Долгорукий, которого он просил о помощи, сделал всё возможное и, связавшись с родственным ему Михаилом Владимировичем (уезжавшим в середине 1728-го, но ещё властительным в Тобольске), помог в освобождении Петрова.

Весь 1730 год Абрам провёл, видимо, по назначению – в Тобольске. Подробнее ничего сказать нельзя. Только 25 сентября 1730 года был подписан указ о том, что «лейб-гвардии от бомбардир-поручика Абрама Петрова, которому велено быть в Тобольском гарнизоне майором, послать в команду графа фон Минихена, а ему определить его в Пернове к инженерным и фортификационным делам по его рангу»[2].

Последняя страница темы «Ганнибал и Рагузинский» выходит за пределы Сибири. События разворачиваются в Санкт-Петербурге, вскоре по приезде Абрама из Тобольска. Прибыл он в столицу, по-видимому, в декабре 1730 года.

Очень скоро, 17 января 1731 года, он вступает в брак с Евдокией Диопер, дочерью грека-шкипера, нанятого в Венеции и переселившегося в Россию. Как Петров-Ганнибал свёл это знакомство, было неизвестно, пока новые материалы не приоткрыли эту историю. 11 января 1731 года Абрам был в гостях у графа Дмитрия Федосеевича Боциса – грека из Турции на русской службе. Боцис имел двух братьев – Ивана и Анастасия, православных и выкупленных их вторым отечеством у константинопольских турок в начале века. Иван был начальником русского галерного флота, но погиб в 1714 году – возможно, в битве при Гангуте. Кроме Абрама Дмитрий Боцис принимал в гостях известного истории человека – советника Коммерц-коллегии Ивана Афанасьевича Мелиссино – тоже грека, в петровское время приглашённого в Россию из Венеции в качестве лекаря. Можно думать, что у Боциса Петров знакомится с греком и моряком из Венеции Андреем Диопером, отцом Евдокии. Естественно желание Диопера, чтобы его дочь не выходила из круга близких ему людей. И договоренность о том, что отец выдаёт дочь замуж за приятеля этих православных греков, а не за безвестного Кайсарова, уже полюбившегося бедной Евдокии, произошла, видимо, в доме Дмитрия Боциса.

Два вечера 11 и 12 января 1731 года провёл Абрам у Боциса и, рассказывая о сибирских своих злоключениях, обратил внимание слушателей на Рагузинского

[1] *Вегнер М.* Предки Пушкина. С. 68.

[2] Цит. по: *Левец Г.А.* А.П. Ганнибал. Таллин, 1980. С. 73.

и его жизнь вдали от столиц – речь идёт о незаконных поборах Саввы, о землях, отданных за взятки, о грубости и оскорблениях китайских переговорщиков. 13 января Мелиссино отправляется к Миниху и пересказывает услышанное. Миних на другой день приглашает и Петрова, и Мелиссино к себе. Абрам сообщает, что музыканты, бывшие при Рагузинском в Сибири, написали по-немецки обо всём неблаговидном, а швед-переводчик перевёл и предоставил документ по-русски в коллегию. Текст этот подтверждает истину слов Петрова.

Миних в присутствии Мелиссино снимает показания Абрама – 14 января 1731 года. Он записывает «пункты» – свои вопросы и ответы Петрова, который, в частности, заявляет, что «многое от стороны Ея Величества к китайскому государству отдано», и сообщает, что Савва пытался через секретаря передать ему «мешок денег и десять аршин красного сукна... И я оного секретаря выслал вон и з деньгами и с сукном». Эта взятка сопровождалась просьбой, чтобы «о своих обидах не жаловался на нево». Сообщает Абрам и о своём отказе строить крепость на негодном месте (3, 396–397).

Разгорающийся скандал усилен был и живописным текстом письма музыкантов. Самым цензурным из всего сообщенного ими был рассказ о брани, хотя и непонятой китайцами, но сопровождавшейся неприличными жестами. От посла Рагузинского требовали к тому же отказаться от «женского пола» до пересечения границы. Они «с великою вежливостью просили, чтоб его превосходительство портомойницу оставил и с собою в их государство не взял... и объявили, что они в Пекинге ему толикое число женский пол дадут, сколько ему потребно» (3, 398).

И этот документ, и особенно рассказ о русских землях, при разграничении оставленных, привёл в движение всех комиссаров и кондукторов, чьи мнения были различны. Но дело кончилось ничем. Расследованием пытался заниматься генерал-прокурор Сената и глава Сибирского приказа П.И. Ягужинский, однако сведения разнились, а многие тысячи вёрст охлаждали пыл правдолюбия. В 1741 году заброшенное дело сдали в архив, так как в 1738-м скончался граф Владиславич-Рагузинский. Сохранилось его письмо от 7 августа 1731 года секретарю И. Глазунову со словами «то бесовестных людей порицание, все сущая ложь и неправедное сплетение» (3, 412).

В самое напряжённое время скандала, 17 января, Абрам женится и вскоре уезжает с женой в Пернов. Как представляется ныне, оба – и Владиславич-Рагузинский и Петров-Ганнибал – были людьми крупными и к делам своим относились горячо и ответственно. Отсюда происходило их противоборство, в котором каждый по-своему был прав. Три года Сибири были не только испытанием Абрама, но и источником той силы, которая понадобилась ему позже – и при разграничении земель со Швецией, и в борьбе со шведской партией в Эстляндии, и во всех перипетиях его долгой и славной жизни.

III. Из научных изысканий сотрудников Пушкинского Заповедника

Татьяна Гейченко, Елена Шпинёва

КРУЖКА МАКСИМА ВЫНДОМСКОГО

В числе мемориальных вещей, которые хранятся в Государственном музее-заповеднике А.С. Пушкина «Михайловское», есть кружка, принадлежавшая Максиму Дмитриевичу Вындомскому, предку друзей поэта (М.Д. Вындомский – дед Прасковьи Александровны Осиповой, хозяйки Тригорского). Кружка поступила в музей в 1949 году от Наталии Павловны Вревской[1]. На постоянное хранение была передана Борисом Михайловичем Вревским в 1964 году.

Кружка Максима Вындомского

Музейное описание кружки сделано В.Я. Шпинёвым при участии Л.Д. Сулеймановой. В нём дана характеристика внешнего вида предмета, указан материал (серебро), описана медаль работы В. Климентова, вставленная в крышку. Также в описании даны ссылки на труд М.И. Семевского «Прогулка в Тригорское» и на издание Н.Н. Кашкина «Родословные разведки» (посмертное издание под редакцией Б.Л. Модзалевского, СПб., 1912), где сказано о роде Вындомских, в частности о Максиме Дмитриевиче.

Считаем возможным расширить атрибуцию кружки, а также подробнее рассказать о Максиме Вындомском.

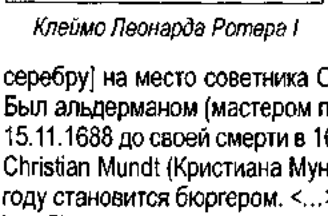
Итак, это кружка (именно кружка, а не кубок и не жбан, как пишется в некоторых изданиях) в форме цилиндра, на трёх круглых «лапах», с откидной крышкой, в центр которой вставлена медаль

[1] Наталия Павловна Вревская – жена внука Евпраксии Николаевны Вревской (урождённой Вульф), Михаила Степановича Вревского, автор воспоминаний «Тригорские друзья Пушкина». В разные годы она передала в Пушкинские музеи многие фамильные вещи.

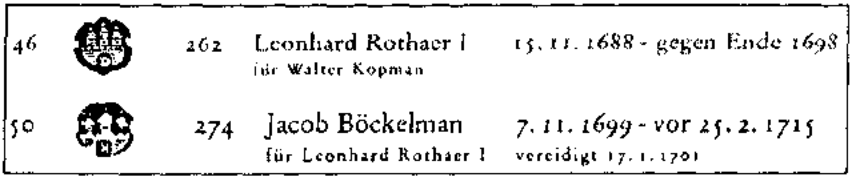
с рельефным изображением императрицы Елизаветы Петровны. На тулове в трёх овальных медальонах – рельефные профильные изображения мужских особ в парадном платье, в окружении пышных цветочных гирлянд и фруктов на бантах. На дне кружки два клейма. Одно являет собой лилию в фигурном щитке, вверху которой по сторонам латинские буквы L и R. Второе клеймо: в фигурном щитке условное изображение города (крепости с башнями). В центре (в выемке ворот) латинская буква D.

Клейма на дне кружки Максима Вындомского: города Гамбурга и Леонарда Ротера I

Обратимся к справочным изданиям, которые дадут возможность атрибутировать клейма[1]. В издании: *Schliemann, Erich.* Die Goldschmiede Hamburgs. Hamburg: 1985. 3 Bde (*Шлиманн, Эрих.* Золотых дел Гамбургские мастера. Гамбург, 1985. В 3 т.) – во втором томе на стр. 221 под № [262] видим клеймо, подобное клейму на дне кружки Вындомского. Буквы L R расшифрованы как Leonhard Rothaer I (Леонард Ротер I). В аннотации сказано[2]: «Леонард Ротер вступил в должность [мастера по серебру] на место советника Christoff Funcke (Кристоф Функе) в 1671 году. <...> Был альдерманом (мастером по качеству, старшиной цеха. – ***Авт.***) по серебру с 15.11.1688 до своей смерти в 1698 году. Учился с 1655 по 1660 год прежде всего у Christian Mundt (Кристиана Мундта) и Hans Lambrecht (Ханса Ламбрехта). В 1671 году становится бюргером. <...> Крестит 14 детей. <...> Двух своих сыновей – Johan Simon (Иохана Симона) и Leonhard Rothaer II (Леонарда II) – он берёт к себе в ученье, третий – Caspar (Каспар) – становится ювелиром.



Клеймо Леонарда Ротера I



Леонард Ротер I альдерман. Якоб Бёкельман альдерман

В томе 2, сигнатура 10, в таблице под № 46 изображен знак города в щитке и

[1] За консультацию благодарим сотрудника Эрмитажа М.Н. Лопато.

[2] Перевод с немецкого Л.В. Левковой.

Кружка. Леонард Ротер I

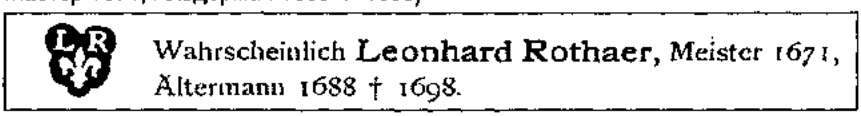
латинская D. Это знак Гамбурга. Рядом под № 262 указан Леонард Ротер I для Вальтера Копмана (für Walter Kopman), 15.11.1688 – конец 1698 – годы, когда Ротер был альдерманом.

Клеймо городовое с буквой D, принадлежащее Вальтеру Копману – мастеру или владельцу мастерской, близко клейму нашей кружки, так что можно предположить идентичность. Но всё ж для уточнения был бы нужен ещё один пример.

Обратимся к другому фундаментальному *изданию*: *Rosenberg M.* Der Goldschmiede Merhzeichen. 4 Bde. Berlin. 1922–1928. 3. Auflage (*Розенберг М.* Золотых дел мастеров клейма. В 4 т. Берлин, 1922–1928. 3 издание). В 4-м томе на странице 131 приведён один любопытный документ: «8 августа 1635 года четверо золотых дел мастеров... заключили между собой договор, условия которого должны были соблюдать. В целях отличия изделия одного мастера от изделия другого мастера необходимо каждому выбивать особую букву. Эберхарту Кеттвиху была присвоена буква «А», Хейнриху Беккеру буква «В», Карстену Мундту буква «С», Николаусу Сульсену буква «D» (Гамбургский мемориальный архив).

Таким образом, можно расшифровать буквы на городовых клеймах. Но предположение о том, что автором нашей кружки является Николаус Сульсен, едва ли верно: этому противоречит стилевое качество и датировка предмета – более позднего.

В завершение: на странице 145 указанного издания, в таблице под номером 2427 находим клеймо в виде лилии с буквами L R и расшифровку: Wahrscheinlich Leonhart Rothaer Meister 1671, Ältermann 1688 ♣ 1698 (Вероятно Леонард Ротер, Мастер 1671, Альдерман 1688 ♣ 1698).



Клеймо Леонарда Ротера I, мастера и альдермана

Так на основании прочтения клейм и стилистики (ярко выраженное барокко)

Лицевая сторона медали на крышке кружки Вындомского

Оборотная сторона медали на крышке кружки Вындомского

кружку можно датировать 1670–80-ми годами. Гамбургская геральдика, мастер или мастерская Вальтера Копмана (?), Альдерман Леонард Ротер.

На крышке кружки в середине – медаль, на лицевой стороне которой погрудное изображение императрицы Елизаветы вправо, в короне и мантии. Надпись по окружности:

Б • М • ЕЛИСАВЕТЪ • I • ІМПЕРАТ • ІСАМОДЕР • ВСЕРОСС •

Под изображением: **В • Климентов •**

Это медаль «В память кончины императрицы Елизаветы Петровны». На оборотной стороне аллегорическое изображение, описание которого возьмём с медали того же сюжета работы Самойло Юдина: «Олицетворённый женщиною с лучезарным звёздным венцом над головою Дух Императрицы, возносясь на облаке ввысь, выпавшим из рук скипетром указывает на щит с вензелем (монограмма из букв *P* и *F*) воцарившегося Императора, находящийся слева на пьедестале; справа, внизу двое плачущих детей, стоящих близ щита с Российским гербом. Надп. по верху: **ВЪ НЕМЪ НАЙДЕШЬ И МЕНЯ И ДЪДА**. Под обрезом: **родилась дек • 18 • час • 1709 • прест • д • 25 • ч • 1761 г.** Diam. 2 3/8» [1].

PF – вензель Петра Федоровича, императора Петра III. Надпись: «В нём найдёшь и меня, и деда» – напоминает о том, что Пётр III, наследник престола по воле Елизаветы, приходился внуком Петру I. Описание и лицевой, и оборотной сторон совпадает с медалью на кружке.

[1] *Смирнов В.* Описание русских медалей. СПб., 1908. С. 123, № 242а.

Об авторстве. В медальерном деле фигурируют имена Василия Климова и Василия Климентова. Один исследователь пишет: «Климентов, Василий или Климов, как его короче называли»[1]. Другой считает, что это два разных лица: «Утверждение Иверсена о том, что Климов и Климентов одно и то же лицо, трудно признать правильным. Подписная работа Климентова говорит о руке несравненно более твёрдой и профессионально зрелой»[2].

Вновь обратимся к Иверсену: «Он (Климентов-Климов. – ***Авт.***) вырезал штемпель для медали большой величины на кончину Императрицы Елисаветы и обозначил на нём полную фамилию: В. Климентов. В 1762 г. он был вызван из Москвы в Петербург, вместе со своим учеником Михаилом Никитиным, для пособия медальерам при изготовлении медалей на коронование Императрицы Екатерины II. Несмотря на то, имени его на этих медалях не видно... К его работам принадлежат медали Петровские...»[3].

О Климове известно: «Из числа учеников монетного двора вышел и Василий Климов (? – 1782), не обучавшийся у иностранных мастеров. Начав работу в 1736 г. ... он становится «резного дела учеником». Работая на Московском монетном дворе, он резал колии медалей и монетные штемпеля. В 1762 г. его назначают медальерным мастером»[4]. Так или иначе, кружка украшается медалью почти 100 лет спустя после изготовления.

На этом мы заканчиваем атрибуционную часть работы и переходим к рассказу о Максиме Дмитриевиче Вындомском. Приведём вначале основные сведения, для чего обратимся к труду Н.Н. Кашкина, кратко изложив данные из поколенной росписи: М. Вындомский делает военную карьеру, пройдя путь от сержанта (1723) до генерал-майора (1762); служил в лейб-гвардии Семёновском полку, затем в Новгородском драгунском, снова в Семёновском; с 1744 по 1762 год состоял приставом при Брауншвейгской фамилии; наряду с чином генерал-майора ему пожалованы в Псковском уезде деревни «...под названием Егорьевская губа. 1085 душ»; умер в 1778 году[5].

Брауншвейгское семейство. Максим Вындомский

Скажем несколько слов об истории Брауншвейгской фамилии (или Брауншвейгского семейства). Это полная драматизма повесть следования на север-

[1] *Иверсен Юрий.* Словарь медальеров и других лиц, имена которых встречаются на русских медалях. СПб., 1874. С. 21.

[2] *Щукина Е.С.* Медальерное искусство в России XVIII века. Л., 1962. С. 63.

[3] *Иверсен Юрий.* Указ. изд. С. 21.

[4] *Щукина Е.С.* Два века русской медали. Медальерное искусство в России. 1700–1917 гг. Государственный Эрмитаж. М., 2000. С. 57.

[5] *Кашкин Н.Н.* Родословные разведки. В 2 т. / Под ред. Б.Л. Моздалевского. СПб., 1912–1913. Т. 1. С. 141, № 27.

Иоанн Антонович, император всероссийский

ные окраины России – в Холмогоры – малолетнего императора, правнучатого племянника Петра I Иоанна Антоновича (1740–1764), его сестры и его родителей: принцессы-правительницы Анны Леопольдовны и её мужа Антона Ульриха Брауншвейгского. Напомним, что отлучение от престола Иоанна Антоновича произошло в результате переворота, когда гвардейцы ворвались во дворец 25 ноября 1741 года. В результате этого переворота, «как бы символизировавшего крушение немецкой партии»[1], к власти пришла Елизавета Петровна, провозглашённая императрицей.

Поездка начинается как отъезд «в их отечество», в Германию, вместо этого затягивается на годы и приводит в Холмогоры. Иоанн Антонович разлучён с родителями, переведён в 1756 году в Шлиссельбургскую крепость, где гибнет при попытке освобождения его офицером Мировичем в 1764 году. Анна Леопольдовна умирает в 1746 году в Холмогорах после рождения последнего ребёнка (кроме Иоанна у Антона Ульриха и Анны Леопольдовны было четверо детей: Екатерина (родилась в 1741), Елизавета (1742), Пётр (1745), Алексей (1746)). Ссыльное семейство живёт в Холмогорах до 1780 года.

Служба Вындомского при Брауншвейгском семействе, собственно, была его главным карьерным деянием.

Своего рода «путь наверх» пришлось совершить роду Вындомских. Вновь обратимся к «Родословным разведкам»: «...странный рок тяготел над Вындомскими. Безвестные дети боярские, о происхождении коих трудно представить даже сколько-нибудь обоснованную догадку, к концу 17 века всякими неправдами и преступлениями тогдашнего главы рода выбиваются они в ряды богатых Новгородских вотчинников, но за попытку поудить рыбы в мутной воде стрелецких беспорядков внезапно постигает их тяжёлая беда – ссылка целою семьёю в Сибирь. Жестоко проученные, с трудом добиваются они возвращения оттуда, – и потомки их оказываются усерднейшими слугами всех правителей, сменяв-

[1] *Эйдельман Н.Я.* Из потаённой истории России XVIII–XIX веков. М., 1993. С. 131.

шихся на престоле русском в 18 столетии: один из них делается приставом при Брауншвейгском семействе»[1]

М.И. Семевский в «Прогулке в Тригорское» дал небольшую характеристику Максиму Вындомскому: «В 1739 году подпоручик Семёновского полка Максим Вындомский в царствование Елизаветы Петровны принимает участие в одной весьма секретной командировке, имевшей тогда для нового правительства России громаднейшее значение. ...Был в том конвое, под прикрытием которого перевезена в 1742 году бывшая правительница Анна Леопольдовна и её семейство из крепости Динаминд (Динамюнде. – ***Авт.***) в Раненбург (Ораниенбург. – ***Авт.***)...»[2]. Далее идут сведения о том, что Вындомский получает приказ приласти коляски, заготовить лошадей для путешествия «злополучного семейства», о том, что он «...изготовил помещение для правительницы и её семьи в Холмогорах»[3]. Речь идёт о том, что «...во всём этом печальном эпизоде (ссылке Брауншвейгского семейства. – ***Авт.***) Вындомский был одним из деятельнейших исполнителей воли императрицы Елизаветы и лиц, поставленных ею у кормила власти»[4]. А Екатерина II за «службы» награждает Вындомского генерал-майорским чином и землями, о чём сказано в приведённом М.И. Семевским рескрипте от 1762 года, июля в 29 день[5].

В этих замечаниях, весьма уважительных, Вындомский предстаёт благородным служителем престолу и отечеству, заботливым хозяйственником при семействе. Только так ли это? Чтоб больше узнать, какова была судьба Брауншвейгского семейства, какова была служба Вындомского и каков человек он был, обратимся к документам, хранящимся в отделе рукописей Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге. Это прежде всего рукопись Владимира Васильевича Стасова, историка, художественного критика[6], почётного члена Академии Наук, служившего долгое время в Публичной (ныне Национальной) библиотеке – «Брауншвейгское семейство» (1863–65), значащаяся как беловой текст с авторской правкой и пометами М.А. Корфа – директора Публичной библиотеки, лицейского товарища А.С. Пушкина[7]. Кроме того, существует ряд материалов, имеющих отношение к работе над «Брауншвейгским семеством»: докладные записки В.В. Стасова М.А. Корфу; выписки из документов, сделанные В.В. Стасовым; письмо В.В. Стасова М.А. Корфу от 15 декабря 1863 года; переписка В.В. Стасова; служебные бумаги по Публичной библиотеке.

Нам прежде всего нужна рукопись.

В 1917 году в журнале «Старина и новизна» была опубликована часть рукописи как работа М.А. Корфа. Отрывки рукописи, уже с указанием авторства

---

[1] *Кашкин Н.Н.* Указ. изд. Т. 1. С. 26.

[2] *Семевский М.И.* Прогулка в Тригорское. СПб., 2008. С. 67, 295.

[3] Там же. С. 69.

[4] Там же.

[5] См. указ. изд., с 70.

[6] Напомним, что В.В. Стасов был идеологом передвижников и «Могучей кучки».

[7] Фонд 738, д. 1.

В.В. Стасова, были напечатаны в журнале «Наука и жизнь»[1]. С рукописью знакомился Н. Эйдельман при работе над книгой «Из потаённой истории России XVIII–XIX вв.». В главе «Брауншвейгское семейство» читаем весьма выразительную фразу: «Принцы с 1746 г. по словам Стасова попадают в руки пьяного, вороватого, беспутного и жестокого капитана Вындомского»[2].

Наша публикация – это конспект части рукописи В.В. Стасова (главы 1–4), иногда очень краткий, иногда подробный. Мы старались конспектировать по возможности близко к тексту В.В. Стасова. Сохранена последовательность в изложении фактов Стасовым – не всегда в хронологическом порядке.

Брауншвейгское семейство. Рукопись В.В. Стасова

Глава 1. Путешествие от Петербурга до Риги[3].

Манифест пришедшей к власти Елизаветы Петровны от 28 ноября 1741 года.

Сопровождать семейство, первоначально якобы от Петербурга до Митавы, назначен генерал-поручик и генерал-адъютант Василий Фёдорович Салтыков, «много послуживший при этом (перевороте. – *Авт.*) Елизавете Петровне», как говорит в своих записках князь Я. Шаховской. Салтыкову назначено 100 человек конвойной команды. Предписывались «респект и учтивость» к семейству. Предписывалось как можно скорей выпроводить семейство за русскую границу.

Но была другая инструкция – «секретная», запрещавшая всяческое общение, переписку («Если же будут какие-то письма – отбирать, присылать в Кабинет, однако так осторожно, чтоб они признать не могли»).

Была и третья – «секретнейшая» – инструкция, согласно которой семейство не только не выехало в Германию, но и не доехало до Митавы. Распоряжение ехать как можно тише. В Нарве задержаться на 8–10 дней. Салтыков с командою не воротились более трёх лет.

Тайность связана с приездом в Россию герцога Голштинского, будущего Петра III, которого Елизавета хотела сделать наследником престола.

Повеление об увеличении провожатых тремястами человеками.

Елизавета была и мнительна, и скрытна. Фридрих Великий сказал о ней: «Она никому не доверяла». При мнительности и осторожности Елизаветы, желание отпустить за границу семейство, могущее быть источником смуты, – сомнительно.

Уже 29 ноября 1741 года, когда последовали оба секретных указа, было ре-

[1] См.: *Эйдельман Н.Я.* Из потаённой истории России XVIII–XIX вв. М., 1993. С. 135.

[2] *Эйдельман Н.Я.* Указ. изд. С. 138; *Стасов В.В.* Брауншвейгское семейство. Гл. 4. С. 112.

[3] Рукопись начинается с черновой тетради.

Портрет императрицы Елизаветы Петровны. 1750 год. Государственный Русский музей

шено навсегда задержать Брауншвейгское семейство в России.

В этот день в 2 часа пополуночи Брауншвейгское семейство выехало из Петербурга, чтобы никогда более туда не возвращаться и провести остаток жизни своей то в одной, то в другой тюрьме.

Елизавета посылает в Нарву нарочного с «секретнейшим» указом, чтоб Анна, её сын и дочь принесли присягу в присутствии Салтыкова и Измайловского полку майора Гурьева. Курьер везет Елизавете присяжный лист.

Из расписания денежных наград, данных в 1743 году, оказывается, что конвойную команду составили люди, взятые из полков лейб-гвардии: Преображенского, Семёновского, Измайловского и Конного. Всего 304 человека.

Реестр лиц, сопровождавших Брауншвейгское семейство, относится также к 1743 году.

Английский посланник Финч пишет о состоянии общественной нравственности во времена Елизаветы (растленной, по словам Стасова): «Я не знаю здесь ни одного человека, которого во всякой другой стране признали бы хоть сколько-нибудь честным человеком...» Стасов пишет: «Голос правды и чести давно уже у всех заглох; кроме соображений жадности, властолюбия и честолюбия никакие другие не возникали уже в голове тогдашних государственных мужей и распорядителей... Тогдашнее время было временем людей, готовых продать и себя и Россию, и чью бы-то ни было жизнь и честь и участь за место, за чин, за ленту; и, между тем, как одни предавались за несколько пригоршней червонцев кто французскому, кто английскому, кто австрийскому двору, другие всею силою старались низвергнуть в пропасть соперников [Остерманов и Минихов]. Ещё бы не так, когда их бесстыдная ревность пришпоривалась надеждою богатого раздела: выходя из покоев Императрицы и потирая руки... они протягивали их к деревенским домам, казне несчастных ссыльных, ко всему их имению, отданному на делёж...»[1].

Капитан, а впоследствии майор Иван Васильевич Гурьев сопровождал сосланных принцев в Дюнамюнд[2], Ораниенбург и Холмогоры... «службою столько

[1] Стасов не любит Елизавету, не любит он и правящую власть, как истинный демократ.

[2] Стасов пишет Дюнамюнд, Дюнамюнде. Имеется ввиду Динамюнде.

тяготился, что в ноябре 1745 г. просил себе как Величайшей милости освобождение от занимаемой должности».

Во время «комиссии» (следственной) – мелочные вопросы о драгоценностях. Ни одному из членов Брауншвейгского семейства ничего не было возвращено из его драгоценностей (часто доставшихся от немецких его родственников). Елизавету интересовали бриллианты.

От сих пор началась для Брауншвейгского семейства беспробудная тюремная ночь, нарушавшаяся лишь переездом из тюрьмы в тюрьму, безотрадным рождением нового сына или новой дочери да присылкою «всемилостивого» императорского привета или анкера заграничной водки...

Портрет Анны Леопольдовны. Между 1740 и 1746 годами. Государственный Русский музей

Глава 2. Рига и Дюнамюнд[1].

Доносы.

В день коронации Елизаветы некто обер-криге-комиссар Апушкин в Риге увидел Анну Леопольдовну в окне с маленьким принцем на руках и сказал: «Будь над ним благословение Божие». Салтыков посылает Елизавете донос на Апушкина и «до приказа Вашего Императорского Величества всемилостивейшего указа его, Апушкина, не арестовывать». Апушкин оговаривается тем, что был пьян. Впрочем, дело не кончилось ни пыткой, ни ссылкой – что обычно, а ничем: Елизавета пишет в указе «поступок Апушкина в себе важного ничего не имеет».

Солдат показывает на капрала. Донос на «конного полку рейтара» Кирилла Карташова, арест доктора Азаретти и «камершрейбера Шопмейера»; девка Наталья Абакумова показывает в истерике: «порицал высокой чести» императрицы; затребован к Елизавете, судьба неизвестна... Крестьяне, солдаты «показывают» на ближнего.

Принцип был такой – доносчик бывал признан клеветником, бит кнутом и сослан. Но не любовь к справедливости, а карание преступлений против «Императорского Величества» были в основе этого.

«На языке кровавого русского суда каждый донос назывался – «словом», – пишет Гельбих в биографии Петра III.

[1] С. 57 и далее.

Стасов цитирует Фридриха II («Historie de mon temps»): «предприятия, невозможные в других странах, могут иногда осуществляться в России: дух народный наклонен к возмущениям; русские подобно некоторым другим народам... вечно недовольны настоящим, и всего ждут от будущего». Стасов пишет: «Нет, ничего этого не было, русский народ по натуре своей тихий, кроткий, чуждый наклонности к размышлению».

25 июля 1742 года в Ригу приезжает Бутурлин, имевший полномочия от Елизаветы. Салтыков недоволен и пишет Елизавете жалобу на «алермы» Бутурлина (*по пьяному делу кричал, стрелял, метал шпаги...*). Бутурлин отозван.

Именно в то время, когда в Ригу приезжает Бутурлин, открыт заговор Турчанинова. Генерал Бутурлин прислан, видимо, усилить наблюдение за Анной Леопольдовной с семейством. Наказание Турчанинову следует 13 декабря 1742 года. Именно в тот день следует указ Салтыкову «принцессу... перевезти из Риги в Дюнамюнд-шанц». Ворота в замке строго охраняются.

Глава 3. Переезд из Дюнамюнда в Ораниенбург. Ораниенбург. Переезд в Холмогоры[1].

Так называемый «Заговор маркиза Бота». Фридрих II из дипломатических соображений будто верит в заговор. Якобы в аудиенции Чернышёву просит довести до сведения Елизаветы, что маркиз Бота составил план низвергнуть настоящее русское правительство, и советует принца Иоанна с родителями и сёстрами *отправить из Дюнамюнда во внутренние губернии империи, в такое* отдалённое место, чтоб никто не мог больше ни видеть их, ни что-либо о них слышать.

Сейчас же были сделаны распоряжения о приведении в надлежащий порядок жилых строений в крепости Ораниенбург.

9 января 1744 года послан Салтыкову из Царского Села Именной указ: «Для поставки подвод нашей лейб-гвардии Семёновского полку капитан-поручик Максим Вындомской, и велено ему поставить подвод в разстоянии ста вёрст, и не в городах, но в селах и в деревнях, дабы не так знатно было»[2].

Предписывается, чтоб принц Иоанн был «в особливом возку», а не был с матерью или отцом»[3]. 1 февраля Вындомскому послан дополнительный указ, чтоб он не перепутал Ораниенбург и «Оренбург, той, что на Яике».

Салтыкову: «Отъезд ваш из Динаминт-шанца учините ночною порою...» По приезде в Ораниенбург предписано принца Иоанна носить в отдалении от родителей: «И принца Иоанна к отцу и матери носить, також и им к нему ходить не допускать».

[1] С. 89 и далее.

[2] Так впервые в рукописи Стасова появляется Вындомский.

[3] Напомним: Иоанну Антоновичу 4 года...

Император Иоанн Антонович с фрейлиной Юлией фон Менгден. Вторая четверть XIII века

Салтыков жалуется на здоровье: повод оставить службу при Брауншвейгском семействе и воротиться в Москву или Петербург. Пишет, что в команде его у капитана Костюрина чахотка развилась в такой степени, что больного принуждены были отправить в Москву, и его место поручат капитан-поручику Вындомскому, который был послан из Петербурга для организации подвод.

Саксонский посланник Гердорф 17 августа 1744 года пишет, что Брауншвейгское семейство перевозят из Ораниенбурга в окрестности Архангельска и принц с принцессою будут разлучены с их сыном принцем Иоанном. Таким образом, несмотря на все усилия императрицы и мелочные предосторожности, тайна о Брауншвейгском семействе известна. Иностранные дипломатические агенты находят средство перехитрить русских чиновников и узнать то, что тщательно скрывалось. Стасов отмечает: «Такое печальное положение дел происходило единственно от тогдашнего растления русских нравов: все русские чиновники (снизу и до верху) торговали своею совестью и не было такого самого важного государственного лица, которое бы не получало единовременных подарков в несколько тысяч червонцев, а иногда и постоянных пенсий от того или другого иностранного двора».

Повелено младенца Иоанна называть Григорий. В Архангельск приехать на судне, затем на приготовленное Вындомским морское судно посадить младенца, чтоб никто не видел, и отправить в Соловецкий монастырь[1]. Там оставаться жить ему при майоре Миллере, его служителе, и солдате. Чтоб кроме них Григория никто не видел.

По указу кабинета всё очень тайно.

Зиму 1744-го провели в Холмогорах (на Двинском острове в 72 верстах от Архангельска).

Конвойная команда уменьшена против прежней более чем втрое. 74 человека; из них 5 человек принадлежат к гвардейским полкам: майор Гурьев, капи-

[1] Отправка не состоялась. Вначале предполагалось везти семейство в Соловецкий монастырь, но суждено было им поселиться в Холмогорах и прожить там долгие годы.

тан Вындомский, подпоручик Писарев, один капрал и один рядовой. Прочие же все – из армейских полков.

Указ: «Если кто (из Брауншвейгского семейства. – *Авт.*) пожелает в предстоящий Великий пост исповедоваться или причащаться, то сего в Холмогорах не допускать, отложив до прибытия их в Соловецкий монастырь, где и духовник особый определён будет; если же кто заболеет к смерти и в таком нужном случае сказанный «чёрный» священник кого исповедует или причастит, то уже сего священника в Холмогорах не оставлять, а взять с собою в Соловецкий монастырь, да и до отъезда туда велеть ему жить в архиерейском доме безвыходно и ни с коим из тамошних жителей видеться и говорить его не допускать».

К страданиям одиночества у родителей прибавлялась разлука с сыном. Елизавета к концу года шлёт Брауншвейгскому семейству вина и водок. Те благодарят. Елизавета опять вспоминает алмазы. Грозится пытать Жулию (фрейлину Менгден). Это начало 1745 года.

19-го числа марта[1] посланы были от Двора Её Императорского Величества лакеи с повесткою всем придворным, что принцесса Анна Люнебургская горячкою скончалась.

Глава 4. Холмогоры[2].

В первые три года заключения Брауншвейгского семейства для надзора назначаемы были лица, занимавшие высокие посты в государственной службе и при дворе: «...в начале приставлен был генерал-аншеф Салтыков, потом действительный камергер барон Корф»[3]. Но со времени переезда в Холмогоры не сочтено нужным далее соблюдать прежние формы приличия. Надзор за семейством, ещё недавно занимавшим русский трон, поручен Гурьеву, простому майору гвардии, с тем чтоб скоро перейти в руки ещё более простые[4] – капитана Вындомского и после 19 лет его беспорядочного, бестолкового и сумасбродного управления перейти в руки достойного его наследника и, можно сказать, ученика – капитана Зыбина.

И Салтыков, и Корф, и Гурьев, и Вындомский, и Зыбин постоянно один за другим просили об избавлении их от этой комиссии, и первым трём удалось достигнуть исполнения этого своего желания... С Вындомским и Зыбиным случилось иначе: пригодность их для дела, от которого другие отказывались изо всех сил, была верно оценена, и они были удержаны на долгие годы при

[1] 1746 года; 1745 год у Стасова указан ошибочно.

[2] С. 112 и далее.

[3] Стасов справедливо называет камергера Корфа – то есть Николая Андреевича, хотя ранее пишет (Глава 1), что на службе был Григорий Андреевич Корф. В 1744 году Николаю Андреевичу Корфу поручено перевезти Брауншвейгское семейство из Раненбурга в Соловецкий монастырь. По его представлению семейство оставлено в Холмогорах. Пожалован за то сенатором.

[4] Далее следует текст, цитируемый Н. Эйдельманом. (Указ. изд. С. 138.)

Брауншвейгском семействе и, без сомнения, своим обращением и своими действиями вдвое, втрое увеличили тягостное положение несчастных заключённых.

Правительница Анна Леопольдовна с младенцем Иоанном Антоновичем. Народная картина. Начало XX века

В указе от 29 марта 1744 года на имя Гурьева сказано, что по отзыву Корфа из Холмогор команда при известных персонах поручается ему, Гурьеву, а при этом прибавлено: «а для всякого случая посылается к вам в помощь нашей гвардии капитан Максим Вындомский». Это был тот самый Вындомский, который ещё при Салтыкове присоединён был к комиссии для заготовки подвод при переезде из Риги в Ораниенбург, затем из Ораниенбурга в Холмогоры. Отзывы о Вындомском из Петербурга были самые благоприятные, как о человеке, превосходно выполняющем возложенные на него поручения, и отличном достойном офицере (письмо барона Корфа вице-канцлеру Воронцову, 9-го ноября 1744 из Холмогор).

Для стола, кроме оловянной посуды, употреблялась часть серебряной посуды, присланной от двора ещё в распоряжение Салтыкова и перевезённой вместе с Брауншвейгским семейством из Риги в Ораниенбург[1].

Майор Гурьев оставался за распутицею в Холмогорах до июня, но ещё 1 мая 1746 года сдал «комиссию» капитану Вындомскому. С этих пор многое изменилось в судьбе сосланных принцев. Вместе с заменою главных начальников, принадлежащих высшему обществу и двору, на офицера низшего происхождения, лишённого всякого образования и наполнённого всеми пороками той грубой солдатской среды, где он провёл всю свою жизнь, совершенно переменилось то обращение, которым опальное семейство пользовалось с самого удаления из Петербурга... Скоро оно было подвержено всем тягостям ежедневного соприкосновения с солдатчиной – грубой, пьяной и, можно

[1] Следует описание посуды, одежды, вещей Брауншвейгского семейства, взятых бароном Корфом при переезде из Ораниенбурга в Холмогоры. Реестр был послан Корфом в Петербург.

сказать, с каждым днём более и более бесчестной, распущенной и развращённой.

1749 год. Смещён подпоручик Писарев. Удалён из Холмогор и переведён в Тобольск по причине связи его с бывшею кормилицею Анною Ивановою.

В бумагах 1751–54 годов, когда в кабинет поступило много жалоб на Вындомского со стороны разных лиц, состоявших при его комиссии, есть указание на истинные причины высылки Писарева. Писарев едва ли не первый стал уличать Вындомского в разных нечестивых поступках, первый стал указывать на беззаконные действия, а также на то закрывательство взяточников, воров и негодяев его команды, которым он постоянно отличался.

Майор Миллер писал барону Черкасову[1] в октябре 1751 года: «Однажды ему, Вындомскому, бывшей Писарев говорит: «ты-де уже сундук одних лоскутков здесь накопил», а в другоряд при мне же у лекаря: «выпори де из-под камзола этот красный атлас, ведь он не твой, казённый». «Его, Вындомского, люди, сколько будя пакости чинили, сколько за город сахару, ренского, водки, бывало таскали, сколько с деньгами и сапогами пойманы были...»

23 сентября 1753 года: «...капитан Вындомский... наливкою всякий год в Петров пост весь июнь месяц, для прокуратской ложной своей болезни гипохондрии, также и в осень весь сентябрь месяц (в которые времена он лечивался цыплятами) употреблял за обедом и за ужином рюмки по две вместо лекарства».

Писарев был, по выражению Миллера «чести и ума наполнен». Вындомский возненавидел Писарева до такой степени, что, по словам Миллера, «с жадностью проглотить его искал». Случилось событие, послужившее Вындомскому предлогом для удаления Писарева: однажды в сентябре 1749 года, будучи уже в сильной досаде на Вындомского, Писарев сказал сержанту, принесшему ему какой-то приказ от капитана: «Нет, не пойду я к нему, боюсь, пожалуй, он опять как прежде станет меня гнать от себя, а я теперь не стерплю, да сделаю ему рот на затылке». Вындомский обрадовался этим неосторожным словам, притворился испуганным, уверял всех, что Писарев хочет покуситься на его жизнь, поставил часового у своей квартиры, видимо, доложил императрице. Когда же пришёл приказ об отправке Писарева, проводил его горькими слезами, а проводя, с превеликою радостью говорил: «ну, братец, слава Богу, теперь я покоен». На место же Писарева прибыл прапорщик Преображенского полка Зыбин, который превосходил во многом своего начальника. Воровство, насилие, беззаконные действия в холмогорской колонии дошли до размеров невероятных, и генерал-майор Головцын, архангельский губернатор, писал императрице Екатерине II в 1765 году, что всему злу причина – Зыбин и искоренить его никогда нельзя, пока этот офицер находится при команде.

[1] Черкасов Иван Антонович, барон. Был в звании кабинет-секретаря при Елизавете Петровне.

Вындомский любил разгульную, бражническую жизнь – Зыбин был ему на то отличнейший товарищ и исполнял все его затеи. Не отставал ни от одной попойки, сам разносил у капитана в доме поднос с рюмками перед обедом, в Троицын день ходил публично за городом в хороводе (в угоду весёлому капитану), с разукрашенною лентами берёзкою, предоставлял простым солдатам содержать караул у принцев, брал солдат и ходил с ними косить сено для капитана и капитанши, целое лето ездил по озерам ловить рыбу; понятно, что в награду за всё своё угодничество мог производить самые непростительные бесчинства.

Но и после отъезда Писарева были два человека, которые мешали Вындомскому – лекарь Кожевщиков и полковник Миллер, приставленные к маленькому Ивану Антоновичу. Они ни в чём не зависели от Вындомского, только они могли быть ему опасны, и он решил их погубить. «А с оставшимся дружком Писаревым (то есть Кожевщиковым) я уж поскорее слажу...» Он действительно с ним «сладил», но не так скоро, не раньше 1754 года.

Миллер защищал Кожевщикова. Но Вындомский не унывал и настойчиво вёл свой подкоп.

Доносы и жалобы на Кожевщикова. Фрейлина Бина Менгден вдруг родила. Началось следствие. Отцом младенца оказался лекарь, в чём признались и Бина, и Кожевщиков. Это порадовало Вындомского. Он возложил большие надежды на гнев императрицы. «Я бы де не так был рад, ежели б кто меня теперь подарил тысячью рублей, как этому случаю», «Спорим де, мой друг, ежели тебе головы не отрубят» (письмо Кожевщикова Черкасову от декабря 1751).

Но императрица не принимает карательных мер. Вындомский продолжает интриговать и доносит 7 июля 1753 года, что Кожевщиков хотел насильно осквернить содомским грехом молодого мальчика итальянца Ренополи. Но снова ошибается в ожиданиях.

И, наконец, в августе 1754 года солдат Морозов объявил на Кожевщикова «слово и дело», чего только и нужно было Вындомскому. Кожевщиков, а заодно Морозов и Ренополи арестованы и посланы в Тайную канцелярию. Там двое последних показывают, что оклеветали Кожевщикова, и тот отпущен на волю, определён вновь на службу, но уже не в Холмогоры.

Другой враг Вындомского – полковник Миллер. Он гораздо опаснее. Видимо, известен с хорошей стороны Кабинету. Человек, судя по рапортам его самого, да и Вындомского, честный, добрый и хороший. Но эти-то качества и нетерпимы для Вындомского. Он мог сносить около себя только негодяев, подобных Зыбину, раболепствовавшему перед всеми его прихотями, потворствовавшему его беззакониям и бесчинствам.

Миллер выше чином, и Вындомский хвастает, что «подполковника (именно так. – ***Авт.***) у себя в команде имеет», что задевает Миллера. Поначалу они приятельствуют. Мало-помалу отношения переменились. Миллер не мог сносить беззаконий и безобразий, нескончаемых беспорядков, совершавшихся «ежечасно в стенах управляемого им городка». Они ищут способа погубить друг

друга в глазах Черкасова и Кабинета. Пишут письма и рапорты, жалуются один на другого. Миллер признаётся Черкасову, что во всю жизнь столько не писал, сколько теперь, и в январе 1753 года просит даже прислать ему особого писаря, потому, что от великого беспрерывного писания и печали у него испортились глаза.

У Вындомского же под рукой и писаря, и офицеры, сверх того он вообще не столько офицер, сколько приказной.

Вындомский до самого 1762 года, то есть до восшествия Екатерины II на престол, продолжал быть во главе холмогорской комиссии и, значит, делать всё то, что делал и до сих пор, и чего Кабинет и не думал ему запрещать.

Рукопись продолжается...

Личность рисуется перед нами, конечно, своеобразная, этакий предок Ноздрёва. Но потомок Максима Вындомского, его сын Александр Максимович, уже совсем другой человек: просвещённый, не чуждый литературе, он дружен с Новиковым, знаком с Радищевым. А «пленительные свойства ума», как пишет Н.Н. Кашкин о следующей представительнице рода Вындомских Прасковье Александровне, «приобретают ей уважение и дружбу самого Пушкина».

Виктор Никифоров

ПОЛКОВНИК ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФОК (1810—187?)

Виктор Александрович Фок – муж Екатерины Ивановны Осиповой, дочери (от второго брака) Прасковьи Александровны Осиповой-Вульф, владелицы села Тригорского, доброго друга А.С. Пушкина.

Так случилось, что более известно нам имя старшего сына Виктора Александровича и Екатерины Ивановны – защитника Порт-Артура генерал-лейтенанта Александра Викторовича Фока (1843–1926). Его превратный образ создал в своём романе «Порт-Артур» писатель Степанов[1], который и не знал, что этот генерал был воспитан в окружении друзей великого поэта. Об этом хорошо сказал в своей неопубликованной работе «Злой гений» заслуженный учитель РФ, историк и краевед А.А. Попов[2]. О Фоке писал заведующий историко-краеведческим отделом Государственного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» М.Е. Васильев (1925–2003)[3], один из его учеников В.Г. Никифоров и другие.

И вот нами получены материалы из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Среди них – Полный послужной список подполковника 152-го пехотного Владикавказского полка Виктора Александровича Фока 3-го, составленный в 1866 году. Почему 3-го? Известно, что он был младшим, двенадцатым сыном Александра Карловича Фока[4], старшим был Александр Александрович Фок, *поручик Измайловского полка, декабрист*[5]. Виктор Александрович в то время – командир 1-й батальона в этом полку 38-й пехотной дивизии. В специальной графе перечислены его ордена и знаки отличия: «Кавалер Ордена Св. Владимира 4 степени, Св. Анны 2 степени с мечами над Орденом, того же Ордена 3 ст. с бантом, Св. Станислава 2 ст. с Короною и мечами над Орденом, имеет медали: бронзовую в память войны 1853–856 годов на Георгиевской ленте, серебряную за покорение Чечни и Дагестана в 1857–1859 г.г. на ленте Георгиевско-Александровской, Крест за службу на Кавказе без ленты и знак отличия беспорочной службы XX лет...»[6].

---

[1] *Степанов А.Н.* Порт-Артур. М., 1947.

[2] *Попов А.А.* Злой гений. 1991. Рукопись.

[3] *Васильев М.Е.* Последняя из современных Пушкину обитательниц Тригорского // Михайловская пушкиниана. Вып. 5: Тригорский сборник. (Без м. изд.), 1998.

[4] *Никифоров. В.Г.* Сельцо Лысая Гора и его владельцы // Псков. 2006. № 25. С. 127.

[5] Декабристы. Биографический справочник. М., 1988. С. 184.

[6] РГВИА. Ф. 400, оп. 9, ед. хр. 383, л. 30.

В 1866 году Виктор Александрович подал в отставку «за болезнею». Он вышел с пенсионом полного оклада с повышением чина. В его прошении на имя царя указано, что он желает получать пенсион из «Пятигорскаго Казначейства». Значит, после службы он и его семья жили в Пятигорске. Сколько времени они прожили там, пока не известно.

Как сообщается в послужном списке Александра Карловича Фока, Виктору в 1827 году было 17 лет, значит, родился он в 1810-м. Из метрической книги «Губернского города Вятки Владимирской Богородицкой церкви», из первой части, в которой содержатся сведения о том, когда кто родился и кем крещён, узнаём, что «...межевой конторы у втораго члена Надворнаго Советника Александра Карлова сына Фока (родился) сын Виктор; Ноября 15; крещения 16; Восприемником был гражданской палаты советник Матвей Ермолаев сын Долгосабуров...»[1]. Сын Виктор «... воспитывался во 2-м Кадетском Корпусе... В службу вступил Прапорщиком в 4 Карабинерный полк Тысяча восемьсот тридцать перваго года Октября двадцать седьмаго дня...». Через два года этот полк был расформирован и Фок переведен в Гренадерский Гросс Герцога Фридриха Макленбургского полк. В апреле 1835-го Фок стал подпоручиком, в 1837-м – поручиком.

С начала 1838 года Виктор Александрович в составе отдельного Кавказского корпуса сражался на Кавказе, в конце апреля следующего года вернулся в свой полк и был награждён орденом Св. Анны 3-й степени с бантом. В 1839 или 1840 году он познакомился, – видимо, в Петербурге – с дочерью владелицы села Тригорского Екатериной Ивановной Осиповой. «...В 1841 году Екатерина Ивановна выходит замуж за офицера Виктора Александровича Фока. Хотя Прасковья Александровна очень противилась этому браку...» – пишет в своей статье М.Е. Васильев[2]. Он не приводит запись из метрической книги о венчании Фоков, поэтому сказать точно, когда Екатерина Ивановна вышла замуж, нельзя. Автор приводит выдержку из письма сводной сестры Екатерины Ивановны, баронессы Евпраксии Николаевны Вревской (в девичестве Вульф) от 18 июня 1841 года: «Маменька объявила Катеньке в сватовстве отказать, и та так плачет, что на неё тяжело глядеть...»[3]. Зная, что первый сын Екатерины Ивановны Александр родился 25 августа 1843 года (и если, как писал А.С. Пушкин, «...царица молодая, дела вдаль не отлагая, с первой ночи понесла...»), можно предположить, что венчание состоялось в декабре 1842 года. Однако записи о венчании Екатерины Ивановны и Виктора Александровича в метрической книге Георгиевской церкви пригорода Воронич, что находилась рядом с селом Тригорское, за 1841–1843 годы не обнаружено. По некоторым сведениям, полк

[1] Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф 237, оп. 75, ед. хр.181, л. 4.

[2] *Васильев М.Е.* Последняя из современных Пушкину обитательниц Тригорского... С. 43.

[3] Там же.

Гросс Герцога Фридриха 2-го Макленбургского в 1843 году был расквартирован в Москве, поэтому можно предположить, что защитник Порт-Артура генерал-лейтенант Александр Викторович Фок родился в Москве.

В документе из РГВИА в графе «Холост или женат...» значится: «Женат на дочери Помещика Осипова девице Екатерине Ивановой, у них дети сыновья: Александр 25 Августа 1843 года, Николай 25 Июля 1845 года, Александр 11 октября 1846 года, находятся Старший в Псковской губернии Островскаго уезда в доме Капитана Гвардии Барона Вревскаго, а младшие в Александровском Кадетском Корпусе Своекоштными, Православные...»[1].

В записи, однако, сделана ошибка: сына Фоков, родившегося 11 октября 1846 года, звали не Александром, а Алексеем. Его послужной список из РГВИА также имеется у нас, кроме того, в Псковском архиве хранится метрическая книга Георгиевской церкви пригорода Воронич за 1846 год, где за октябрь месяц записано: «У Гренадерскаго Корпуса Карабинернаго Гросс Герцога Фридриха Макленбурскаго полка Штабс Капитана и Кавалера Виктора Александрова сына Фока и законной жены его Катерины Ивановны Фок урожденной Осиповой оба Православнаго Вероисповедания [родился] сын нареченный Алексей рождение октября 11 крещение 17. Воспреемниками были: Уволенный от службы Штабс Ротмистр Алексей Николаев сын Вульф села Тригорскаго помещица умершаго Статскаго Советника Ивана Софонова жена вдова Прасковия Александрова Осипова...[2].

В метрической книге Георгиевской церкви пригорода Воронич за 1845 год о рождении Николая также есть запись: «...Николай рождение – 29 июля крещение – 5 августа. Родители: Штабс Капитан 6 Роты 2 Батареи Гренадерскаго Гросс Принца Фридриха Макленбургскаго полка и его законная жена Екатерина Иванова Фок урожденная Осипова. Восприемникам были: Помещик сельца Батова-Елизаветина отставной Полковник и Кавалер Александр Адамов Глаубич. Помещица села Тригорскаго Статская Советница Прасковья Александрова Осипова...»[3]. Закончил ли он Александровский кадетский корпус, как сложилась его дальнейшая судьба, нам неизвестно.

Почему старший сын Александр жил в доме барона Бориса Александровича Вревского, сына князя Куракина, за которым была замужем Евпраксия (Зизи) Вульф, сводная сестра Екатерины Фок? Их усадьба, как известно, находилась в сельце Голубово Островского уезда, рядом с усадьбой Александрово, которую князь построил на земле бывшей псковской крепости Врев, подаренной ему Императором Павлом I в 1796 году. Из послужного списка Александра Викторовича мы узнаём, что он гостил у родственников. Окончив Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус, в 1863-м поступил во 2-е Военное Константиновское училище,

[1] РГВИА. Ф. 400, оп. 9, ед. хр. 383, л. 34 об.

[2] Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. 39, оп. 1, ед. хр. 4359, л. 794 об.

[3] Там же, ед. хр. 4358.

окончил его, был определён в пехотный Ивангородский полк. В 1866 году, с июля, был поручиком, а с августа – командиром стрелковой роты этого же полка, но с 15 мая получил четырёхмесячный отпуск «с сохранением содержания» и в полк явился 20 августа. Поэтому в послужном списке местом его пребывания и указано место отпуска[1]. Почему это не сельцо Лысая Гора, небольшое именьице родителей, мы не знаем, может, оно ещё строилось. Младшие дети Фоков в это время «тянули лямку» в Александровском кадетском корпусе своекоштными, то есть на платном обучении. В книге историка С.В. Волкова об этом учебном заведении сказано: «В 1830 г. открыт Александровский корпус для малолетних сирот в Царском Селе для подготовки к поступлению в кадетские корпуса. С 1832 г. Штат Александровского корпуса составлял 400 учеников в возрасте 7–10 лет, разделенных на 4 роты (в т. ч. Морская), а срок обучения был рассчитан на 5 лет...»[2].

В 1840-е годы Виктор Александрович был командирован в Нижний Новгород для занятий с нижними чинами, бывшими в резерве. В марте 1845 года он стал штабс-капитаном, за службу под Красным Селом пожалован двухмесячным окладом. В феврале 1849-го он получил очередное воинское звание капитана, а за беспорочную службу был отмечен специальным знаком отличия за 15 лет службы. В следующем году В.А. Фок был назначен командиром роты.

Середина века для него оказалась особенно бурной. В 1851 году с чином майора он был переведён в Екатеринославский Его Величества полк, в следующем году – в Тенгинский пехотный полк, с которым участвовал в сражениях на Кавказе. За отличия был произведён в подполковники. «...Из онаго переведён в Тифлисский Гренадерский Его Императорскаго Высочества Великаго князя Константина Константиновича полк – 856 октябрь 8...»[3]. В этом же году был назначен командующим батальоном, в следующем, 1857-м, – награждён «Знаком Отличия безпорочной службы за XX лет», а в сентябре «...За безпорочную службу в офицерском звании 25 лет Всемилостивейше награждён Орденом Св. Владимира 4 степени с бантом».

Вернувшись с Кавказа в сентябре 1858 года, подполковник отдыхал недолго. В апреле 1859 года он был переведён в Кавказский линейный 29-й батальон, во второй половине июня снова был на службе. И опять строительство дорог, перестрелки с горцами... Вот действия полка за один только 1853 год: «...В 1853 году 15 июля выступление отряда на Чамлык для предупреждения намерений Магомет Ашина, движение сего отряда к Ст. Вознесенской. 16 сосредоточение войск у Ст. Вознесенской и движение на урочище Аргун против Магомета Ашина; 21 форсированный марш отряда к р. Марух; 23 движение конницы на р. Уруп и отряда к Ст. Вознесенской. Отражение Магомет Ашина от подосекскаго поста, отражение скопища горцев от Бешриченскаго Укр.; 31 движение двух рот из

[1] ГАПО. Ф.39, оп. 1, ед. хр. 4358.

[2] РГВИА. Ф. 400, оп. 21, ед. хр. 3671, л. 92.

[3] Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 103.

Ст. Тенгинской к Новопадинской движение отряда под Начальством Полковника Котлярова к станции Некрасовской, дело с горцами у Зисовскаго поста и переправе через р. Лабу, поражении их и преследовании; 24 Сентября перестрелка с горцами у р. Егорликой; 28 сбор и движение отряда из Ст. Зисовской за Лабу для истребления хлебных запасов горцев, движение отряда на каладонинские высоты; 29 возвращение войск на свои места; 9 декабря сбор отряда в Бумут под Начальством Генерал Майора Барона Вревскаго и начное движение к Аулу Аз-Эрзау; 10 перестрелка и занятие однаго неприятельскаго хутора; 11 взятие ротою неприятельской позиции на высотах и движение к Аулу Саль-Эрзау, перестрелка при движении главной колонны и деле Арьергарда с горцами; 12 при бытии отряда в Бушуту, роспуск некоторых частей войск сего отряда по квартирам и отдых остальных до 15 числа; 15 движение пехоты к Ачхою и к редуту Нетхойскому; 17 движение в Нетхойское ущелье и присоединение к отряду 6-ти сот казаков; с 16 по 23 отряд занимается расчисткою местности и рубкою леса; 23 Декабря роспуск отряда по квартирам. – С 853 года июля 15 по Декабрь 23 день»[1]...

В 1861-м В.А. Фок находился в Кубанской области в составе отряда, собранного в Ахметовском ущелье «для действий и разработке дорог». Приходилось не только строить дороги, но и охранять посты, сражаться с горцами. В феврале 1862-го награждён орденом Св. Станислава 2-й степени с Короною и мечами над орденом; «...За отличия в делах в зимней экспедиции 1862–863 годов награждён единовременно 564 руб. серебром».

В начале декабря 1863 года Виктора Александровича утвердили командиром вновь формируемого 152-го Владикавказского полка. В апреле следующего года в этом полку он принял командование батальоном. Последняя запись в графе «Прохождение службы – Бытность в походах и делах против неприятеля» за 1864 год свидетельствует: «...В том же году в Мало-Гобинском отряде с 3-го Мая по 1 Ноября по проложению дороги из ущелий р.р. Большой и Малой Лабы, чрез Главный Кавказский Хребет в бассейн р. Мзыхты и наступательныя действия на Южном склоне... При этом происходили перестрелки; 9 Мая при движении чрез перевал Псекашко... на соединение с Войсками других Отрядов...

Ранен не был. В плену не находился.

За отличия, оказанные при покорении Западнаго Кавказа, награжден Орденом Св. Анны 2-й степени с мечами над Орденом – 865 ноябрь 26»[2].

Будем надеяться, что это не последние данные о храбром русском воине, сыне друзей Пушкина, отце защитника Порт-Артура, генерал-лейтенанта Александра Фока и его брата, помощника начальника города Ташкент полковника Алексея Фока, сражавшихся за освобождение болгарского народа от турецкого ига.

---

[1] ГАПО. Ф. 39, оп. 1, ед. хр. 4358.

[2] РГВИА. Ф. 400, оп. 9, ед. хр. 383, л. 35.

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана»

Булдакова Валентина Владимировна – директор МУК «Бежаницкий ИКЦ Философовых» (Псковская область).

Вьялицина Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент СКГУ имени М. Козыбаева (Республика Казахстан).

Гейченко Татьяна Семёновна – старший научный сотрудник музейных фондов Государственного Пушкинского Заповедника с 1993 до 2005 года.

Геронимус Василий Александрович – старший научный сотрудник Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина (Большие Вяземы).

Гудима Тамара Михайловна – доктор философских наук, советник министра культуры Российской Федерации (Москва).

Жиркевич-Подлесских Наталья Григорьевна – педагог по классу фортепиано, исследователь архива своего деда, военного юриста и литератора А.В. Жиркевича (Москва).

Жучков Константин Борисович – аспирант кафедры отечественной истории Псковского государственного педагогического университета имени С.М. Кирова.

Ильичёв Алексей Викторович – доктор филологических наук, доцент, учёный секретарь Всероссийского музея А.С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Лелина Елена Ивановна – старший преподаватель кафедры исторического регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета, член творческого союза музейных работников Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Никифоров Виктор Григорьевич – начальник отдела изучения и пропаганды историко-культурного наследия Пушкинского Заповедника.

Новиков Николай Степанович – журналист, писатель (Великие Луки).

Скобелев Андрей Владиславович – кандидат филологических наук, доцент, директор Издательско-полиграфического центра «Планета» (Воронеж).

Скобелев Дмитрий Андреевич – соискатель кафедры русской литературы Воронежского государственного педагогического университета.

Соколов Роман Александрович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры исторического регионоведения, заместитель декана исторического факультета по аспирантуре и докторантуре Санкт-Петербургского государственного университета.

Старк Вадим Петрович – доктор филологических наук, учёный секретарь Пушкинской комиссии РАН (Санкт-Петербург).

Степанова Татьяна Валентиновна – главный хранитель музейных фондов Государственного Пушкинского Заповедника.

Таборисская Евгения Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры книгоиздания Северо-западного института печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

Телетова Наталья Константиновна – кандидат филологических наук (Санкт-Петербург).

Цветкова Нина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы факультета русского языка и литературы Псковского государственного педагогического университета имени С.М. Кирова.

Шарафадина Клара Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры книгоиздания Северо-западного института печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

Шпилевая Галина Александровна – доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы Воронежского государственного педагогического университета.

Шпинёва Елена Васильевна – смотритель, экскурсовод, научный сотрудник, заведующая музейными фондами, заместитель директора Государственного Пушкинского Заповедника по фондовой работе с 1968 до 2006 года.

Содержание

I. Материалы XI Февральских научно-музейных чтений
памяти С.С. Гейченко (к 105-й годовщине со дня рождения)
«Наука в музее: традиции, инновации, перспективы»

Тамара Гудима. ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И МУЗЕЙНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ:
ВОПРОСЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ 5

Елена Лелина, Роман Соколов. МУЗЕЙНЫЙ ПРЕДМЕТ
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК В УЧЕБНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ
КАФЕДРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНОВЕДЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА 9

Татьяна Степанова. ПЛАН НАУЧНОЙ РАБОТЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА АН НА 1941 ГОД 16

Константин Жучков. НАУЧНОЕ ЗНАЧЕНИЕ МУЗЕЙНОЙ КОЛЛЕКЦИИ НА ПРИМЕРЕ
КОЛЛЕКЦИИ ВИМ В СОСТАВЕ ФОНДОВ ПУШКИНСКОГО ЗАПОВЕДНИКА 24

Валентина Булдакова. НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ В МУНИЦИПАЛЬНОМ МУЗЕЕ 27

СТЕНОГРАММА ЗАСЕДАНИЯ «КРУГЛОГО СТОЛА» «МУЗЕЙ И НАУКА»
В РАМКАХ XI ФЕВРАЛЬСКИХ НАУЧНО-МУЗЕЙНЫХ ЧТЕНИЙ
ПАМЯТИ С.С. ГЕЙЧЕНКО «НАУКА В МУЗЕЕ: ТРАДИЦИИ, ИННОВАЦИИ,
ПЕРСПЕКТИВЫ» 31

II. Материалы Михайловских Пушкинских чтений к 184-й годовщине приезда
А.С. Пушкина в северную ссылку и 250-летию со дня рождения Арины
Родионовны Яковлевой «Наперсница волшебной старины»

Вадим Старк. АРИНА РОДИОНОВНА И ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЗЕМЛЯ 69

Николай Новиков. ИРИНА РОДИОНОВНА – КОРМИЛИЦА И НЯНЯ 77

Виктор Никифоров. К БИОГРАФИИ БАБУШКИ ПОЭТА МАРИИ АЛЕКСЕЕВНЫ
ПУШКИНОЙ-ГАННИБАЛ (к 190-летию со дня смерти) 82

Наталья Жиркевич-Подлесских. МОЯ БАБУШКА – ЕКАТЕРИНА КОНСТАНТИНОВНА
ЖИРКЕВИЧ. Из семейной хроники 86

Наталья Вьялицина. О РОЛИ МИХАЙЛОВСКОГО В СТАНОВЛЕНИИ
ПОЭТИЧЕСКОГО САМОСОЗНАНИЯ А.С. ПУШКИНА (историко-литературное эссе) ... 116

Нина Цветкова. ШЕВЫРЁВ И ПУШКИН: ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
И ВОСПИТАНИЯ (1820-е – начало 1830-х годов) 128

Клара Шарафадина. МОТИВ «МАТЬ И МЛАДЕНЕЦ»
В ТРАГЕДИИ «БОРИС ГОДУНОВ» (источники и контексты) 138

Евгения Таборисская. НАСТАВНИКИ В ЛИРИКЕ ПУШКИНА 147

Василий Геронимус. АМЛУА МУЗЫ И ВОЗЛЮБЛЕННОЙ В ЛИРИКЕ ПУШКИНА..... 159

Алексей Ильичёв. ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР:
К СЕМАНТИКЕ ОБРАЗА ДУБА В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА..... 176

Галина Шпилевая. ПУШКИНСКАЯ И НЕКРАСОВСКАЯ КОНЦЕПЦИИ
АВАНТЮРНОГО РОМАНА..... 188

Дмитрий Скобелев. ПУШКИНСКИЙ ТЕКСТ В РОМАНЕ Ю.П. АННЕНКОВА
«ПОВЕСТЬ О ПУСТЯКАХ» 193

Андрей Скобелев. ПУШКИНСКИЕ АЛЛЮЗИИ В ЛИРИКЕ В.С. ВЫСОЦКОГО
(на материале «Коней привередливых») 197

Нина Телетова. К СИБИРСКИМ ГОДАМ А.П. ГАННИБАЛА (1727–1730)
(по новым материалам) 209

III. Из научных изысканий сотрудников Пушкинского Заповедника

Татьяна Гейченко, Елена Шпинёва. КРУЖКА МАКСИМА ВЫНДОМСКОГО 222

Виктор Никифоров. ПОЛКОВНИК ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ФОК (1810 –187?)..... 239

Краткие сведения об авторах сборника «Михайловская пушкиниана» 244

Научно-популярное издание

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 47

Материалы

XI Февральских научно-музейных чтений памяти С.С. Гейченко (к 105-й годовщине со дня рождения) «Наука в музее: традиции, инновации, перспективы»

и Михайловских Пушкинских чтений к 184-й годовщине приезда А.С. Пушкина в северную ссылку и 250-летию со дня рождения Арины Родионовны Яковлевой «Наперсница волшебной старины»

На первой странице обложки –
репродукция картины А.Ф. Пирашкова «Пушкин и Арина Родионовна» (конец XIX века)

Редактор Л.А. Токарева
Корректор Т.П. Николаева
Обложка и компьютерная вёрстка: И.Г. Александрова

Издательство
ГППО «Псковская областная типография»
180004, Псков, ул. Ротная, 34

Подписано в печать 15.12.2008. Формат 60x88 1/16. Гарнитура Arial Narrow.
Печать офсетная. Объем 15,5 печ. л. Заказ № 1247. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ГППО «Псковская областная типография»
180004, Псков, ул. Ротная, 34

ISBN 978-5-94542-236-0